

ЭДВАРД

ПЕРВЫЙ РОМАН О СТАЛИНЕ

# РАДЗИВИНСКИЙ

## ИОСИФ СТАЛИН ГИБЕЛЬ БОГОВ

ВТОРНИК  
26  
ДЕКАБРЯ 1939 Г.  
№ 206 (2414)  
САМЫЙ БОЛЬШОЙ  
ЦЕНА 8 КОП.

**ВДА**

(6), Горьковтв и Райспецхозтв

24 декабря — в день выборов в местные Советы депутатов трудящихся подавляющее большинство избирателей, с огромным воодушевлением, отдали свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных.

За партию большевиков, за родину, за родного Сталина голосовал советский народ, еще раз продемонстрировав перед всем миром силу и могущество социалистического государства!

### ЛОВЬ И ГОРДОСТЬ баллотируется великий Сталин

грудь гармонична ордемом Трудового Красного Знамени. При ослепительном свете прожекторов, радостно взволнованный Федор Михайлович спускает в избирательную урну три бюллетеня: один из них — с именем кандидата в депутаты Московского городского Совета Иосифа Виссарионовича Сталина.

Счастливым и гордым светится глаз Федора Михайловича. Переживая радостное волнение, он говорит:

— На своего родного кандидата, за любимого отца и друга товарища Сталина не один я, все мы, советские граждане, готовы отдать не только свой голос, но и свою жизнь.

На товарищем Чахаровым в избирательной урне подходит старый производственный товарищ «Давид» имени Карола старший мастер обмоточного участка электромоторов Илья Стружанович Лопачев.

— И голосовал сегодня за Сталина всем сердцем, со мной — говорят все — сегодня мы вместе всемерно хотим поддержать любимого отца. И 1914 году на выборах в совет. Ах, как же люблю я Сталина!

Несколько десятков избирателей один за другим идут избирателя рабочие и служащие автозавода имени Сталина, завода «Иванов» имени Карола, учащиеся, домашние хозяйки, старики, молодые.

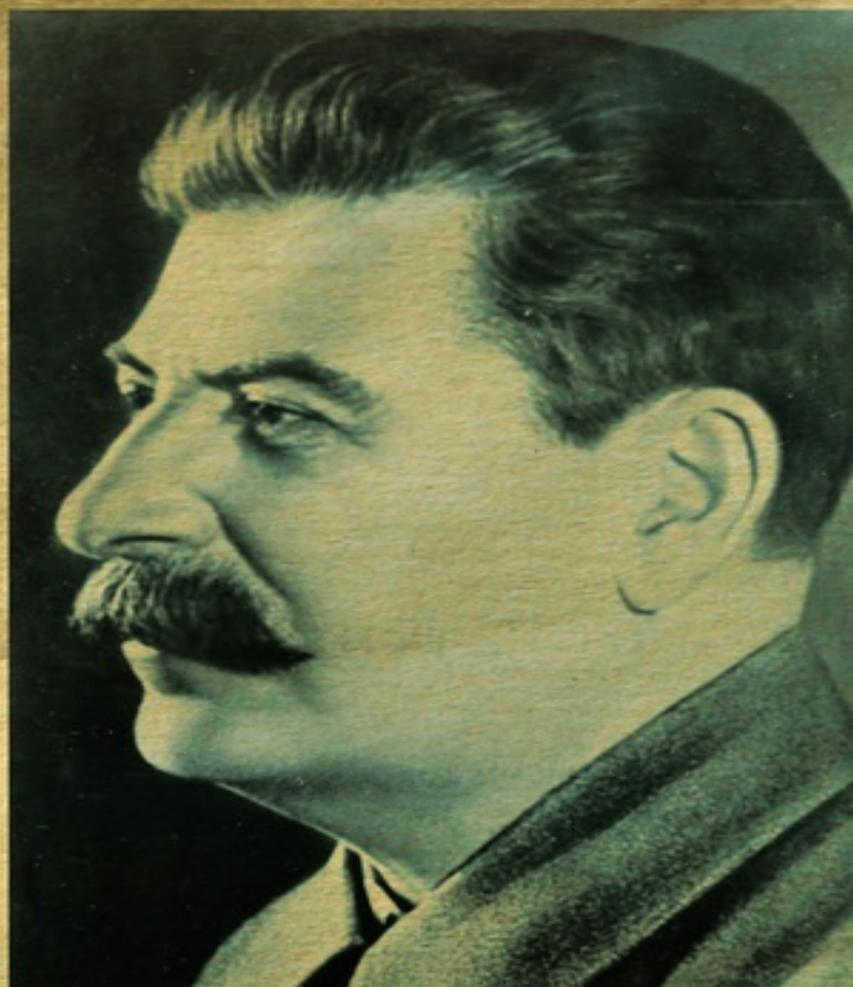
Вот и избирательному участку подходит два молодых человека. Один в красноармейской форме.

— Почему вы голосуете здесь, а не в своей части?

Товарищ Иванович Фомен (так зовут красноармейца) с некоторым смущением отвечает:

— Я здесь в пятидневном отпуску. Срок истекл вчера. Надо было пойти отдохнуть в Ленинград. Когда я узнал, что брат голосует за Сталина, мне очень хотелось разделить радость брата. И ушел из Ленинграда в попросил командование о продолжении отпуска на один день, затвяти с собой удостоверение на право голосования. Как я мог отказать себе? Это же огромное счастье голосовать за Сталина!

Потом, веселых парадно одетых за собой удаляются. К избирательному участку подходит авто-



**АПОКАЛИПСИС  
ОТ КОБЫ**

Итак, дневник верного соратника Иосифа Сталина. Калейдоскоп событий, в которых он был участником. ...Гибель отцов Октябрьской революции, камера, где полубезумный Бухарин сочиняет свои письма Кобе, народные увеселения в дни террора – футбольный матч на Красной площади и, наконец, Мюнхенский сговор, крах Польши, встреча Сталина с Гитлером...

И лагерный ад, куда добрый Коба все-таки отправил своего старого друга...

- [Эдвард Радзинский](#)

- [Апокалипсис от Кобы](#)
- [Полезные уроки «товарищей мерзавцев»](#)
- [Мой первый безумный поступок](#)
- [Великая армия искусств](#)
- [Гималаи и... Воробьевы горы](#)
- [«Горе тому, кто станет жертвой его медленных челюстей»](#)
- [Готовность номер один](#)
- [Открытие Кобы](#)
- [Друг и брат его Киров](#)
- [Лицо учителя](#)
- [Московские балы](#)
- [Бог Сатурн](#)
- [Гибель отцов Октября](#)
- [Бал у сатаны](#)
- [Прощание](#)
- [Настала очередь Бухарчика](#)
- [Великий театр великого режиссера](#)
- [Продолжение триллера](#)
- [Накануне конца «Наполеончика»](#)
- [«Заслужи, дорогой, право жить»](#)
- [Агония «любимца партии»](#)
- [Золото Колумба](#)
- [Благодарный зритель](#)
- [Каин, где брат твой Авель?](#)
- [Великое открытие Кобы](#)
- [Гибель отцов Октября \(продолжение\)](#)
- [Террор](#)
- [Кровь знаменитого родителя](#)
- [Конец Вавилона](#)
- [Битва вождей](#)
- [Фарс и кровь](#)
- [Конец героев Гражданской войны](#)

- [Любовь](#)
- [«Веселый» конец руководства РККА](#)
- [Курский соловей](#)
- [Веселые истории в дни террора](#)
- [Земля моего детства](#)
- [Лаврентий Берия](#)
- [«Лучше бы он стал священником»](#)
- [Счастливая страна побед](#)
- [Ночная жизнь](#)
- [Девушка-победа](#)
- [Собрание обреченных](#)
- [Боги жаждут](#)
- [Конец улицы Чонкадзе](#)
- [Для истории: ГУЛАГ](#)
- [Конец парижских генералов](#)
- [Случилось!](#)
- [Разгадка](#)
- [Последняя любовь Бухарина](#)
- [Расстрел](#)
- [Дома](#)
- [Великолепный финал триллера](#)
- [«Земля обетованная» Кобы](#)
- [Гитлер разрушает Европу](#)
- [«Гоминтерн»](#)
- [Загадочное предсказание Кобы](#)
- [Государственный погром в XX веке!](#)
- [Самое интересное!](#)
- [Началось!](#)
- [Падение карлика](#)
- [Феникс из пепла](#)
- [Последняя встреча с карликом](#)
- [Невероятное послание](#)
- [Мировая сенсация](#)
- [Невозможная телеграмма](#)
- [Для истории](#)
- [Загадка булгаковской пьесы](#)
- [Искушение дьявола](#)
- [Вторая мировая](#)
- [Необъявленная война](#)
- [Катынь](#)
- [Воскресшая империя](#)
- [Резиденция фюрера](#)
- [Встреча вождей](#)
- [Будем чистить деятелей искусства](#)
- [Потусторонние силы](#)

- [Великий интриган](#)
  - [Чудесный Вольф Мессинг](#)
  - [Ликвидация перебежчиков](#)
  - [Фото с вкладки](#)
-

# Эдвард Радзинский

## Иосиф Сталин. Гибель богов

*Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году.*

*Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем были машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.*

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все записанное мною на протяжении десятилетий – небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее *тогда и теперь*. Тогда, в стране по имени СССР, записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное – живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камиля Демулена. И отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах отсюда Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» – как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется...» Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше – к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче *в ту ночь*. В ту судьбоносную ночь, когда *все случилось!* Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих *знаю только я*, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И поверьте Хозяин, как справедливо звала

страна «нашего Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах – старческий запах пота от поношенного кителя генералиссимуса».

*Подписи не было.*

*Далее шла рукопись.*

**Апокалипсис от Кобы**  
**Книга вторая. Гибель богов**

# Полезные уроки «товарищей мерзавцев»

В очередное воскресенье Коба позвал меня на Ближнюю дачу.

Там я застал Бухарчика. Нас теперь постоянно сводили вместе.

Коба попросил продолжить рассказ о Германии.

Я постарался выбрать тему побезобидней, хотя это было нелегко. Уж очень мы были похожи...

Знаменитая выставка «дегенеративного искусства» еще не состоялась, но кампания против великих модернистов – Шагала, Отто Дикса, Ван Гога, Мунка, Кандинского, Кокошки, Макса Эрнста и других – шла в немецких газетах полным ходом. Гитлер назвал их живопись «наглой выдумкой еврейских проходимцев и сумасшедших неврастеников». И пообещал проходимцев отправлять в тюрьмы, а неврастеников – в больницы...

Бухарин слушал мой рассказ вполуха, он, как и я, читал немецкие газеты (если я их читал по службе, то ему эту привилегию подарил Коба) и хорошо знал все, что я рассказывал. Он пил чай и поедал конфеты (он был сладкоежка).

– Мижду нами говоря, искусство указанных товарищей дегенератов и вправду не понятно народу, – усмехнулся Коба. – Давай дальше, Фудзи.

Бухарин вздрогнул и начал слушать внимательнее.

Я продолжал:

– «Дух нашей партии, – писал Геббельс, – должен пронизывать все наше искусство. Новое нацистское искусство должно быть героическим, проникнутым стальной романтикой, национальным и патетическим...»

– И это недурно сказано... Чему еще учат товарищи мерзавцы?

Бухарин в ужасе слушал меня – он уже догадывался.

– «Немецкое искусство призвано воспитывать оптимизм. Никакой бедности, никаких известий о поражениях – даже в спорте. Немцы должны только побеждать».

Коба засмеялся:

– На днях привезли мне наш новый фильм «На Дальнем Востоке», где в конце погибал наш разведчик. Неумным товарищам авторам товарищ Сталин объяснил: «Мы страна победителей. Мы победили царя, голод, интервенцию, буржуазию и даже смерть. И наше кино обязано воплощать лозунг: «Пусть погибают наши враги»...» Рассказывай дальше Фудзи.

– «Противник, побежденный в сфере политики, может хитро перебросить свои силы в область культуры. Поэтому там их должен встретить не опасный вакуум, но целая армия... такая же армия, как на поле боя...»

– Мижду нами говоря, и здесь мерзавцы не ошиблись. Нам тоже нужны армии деятелей искусства. Доступного массам, оптимистического искусства... Мы, Николай, поручим это дело тебе... – (Надо было видеть несчастное лицо Бухарина!) – Нам требуются новые объединения работников культуры. Им надлежит беспощадно изгонять непонятные народу выкрутасы, слишком долго бывшие у нас в моде.

Бухарчик понял: ему поручают уничтожить авангард – искусство Революции. Он уже готовился возразить. Но Коба не дал ему раскрыть рта, продолжив:

– Товарищи империалисты мечтают уничтожить нас. И мы создаем неприступную крепость. Бастион! Ты, Николай, самый блестящий наш политик, поможешь создать бастион

нового искусства победившего пролетариата. Это будет армия работников культуры, защищающая от врага наши партийные идеи. Думаю, настало время собрать съезд писателей и провозгласить эту всемирно-историческую задачу!

Как хорошо Коба знал его! «Всемирно-историческая задача»! Это Бухарин понимал. Глаза «самого блестящего политика» загорелись, грудь распрямилась.

– Я сделаю это, Коба! Мы создадим новые союзы – писателей, композиторов, художников... – Он вскочил со стула. Жидкий хохолок петушком встал на голове, он импровизировал: – Альфа и омега будущих союзов – «партийность». Только произведения, служащие партии, имеют право жить. И потому структура новых союзов писателей, композиторов, художников должна быть... копией структуры партии! Те же секретари, пленумы, съезды. Никаких неофициальных группок в искусстве! Они будут изгоняться, как оппозиционеры в партии...

Коба аплодировал!

– Да, Коба, – вдохновенно токовал Бухарин. – Пусть свистят, улюлюкают наши модернисты. Мы им скажем: «Напрасно беснуетесь! Нам нужно реалистическое искусство – искусство для народа. Нам нужны Толстые, Пушкины, Рембрандты, но новые, беззаветно преданные партии и рабочему классу...» Это будет новый невиданный реализм – реализм социалистический!

– Социалистический реализм! – восхищенно повторил Коба и обнял его. – Ты «любимец партии»! Ильич прав! Кстати, товарищ Горький тоже не жалуется местечковых новаторов. Я вот что подумал, Николай. Ты будешь готовить съезд писателей в связке с Алексеем Максимовичем. Два титана! Если, конечно, ты не против...

(Максима Горького по указанию Кобы несколько лет назад уговорили вернуться из эмиграции. Коба окружил нашего пролетарского классика невиданным почетом.)

– Но Алексей Максимович может не согласиться? – с несчастным видом спросил Бухарин, спустившийся снова на проклятую землю.

– Я обещаю!

Когда Бухарин ушел, Коба сказал мне:

– Догадываешься, как голосовал этот двурушник? Но сейчас предатель нужен в хозяйстве. Он и Горький. Думаю, их авторитет защитит наши Союзы от криков европейских леваков.

– Ты действительно уверен, Коба, что Горький согласится?

– Наш великий путаник товарищ Горький?.. – И Коба, прыская в усы, принялся перечислять многочисленные грехи Горького, начиная с его яростных выступлений против Октябрьского переворота. – Мы всё помним, и он это знает. Грехи надо замаливать. Это раз... К тому же у него скоро юбилей. Думаю, мы щедро отметим юбилей великого пролетарского писателя? – Коба засмеялся. – Товарищи предлагают: присвоить имя Горького городу, где он родился, – раз, главной улице в Москве – Тверской, которая идет к Кремлю и Художественному театру, – два... И самому театру тоже дадим его имя...

– Подожди, Коба! – осторожно сказал я. – Художественный театр всегда называли «театром Чехова».

– Товарищ Чехов умер, а товарищ Горький жив. И мы накрепко привяжем товарища Горького к партии... Самыми крепкими и желанными для господ интеллигентов канатами – канатами тщеславия... Товарищ Горький должен возглавить новое, нужное партии искусство.

Тем более что Бухарчик, – он помолчал, вздохнул, – *не вечен*. – И внимательно посмотрел на меня: услышал ли я эти слова.

Я услышал.

# Мой первый безумный поступок

На юбилее Горького Коба еще раз доказал силу «канатов тщеславия»...

Среди приглашенных числился знаменитый французский радикал – писатель Анри Барбюс. Я очень обрадовался. В это время я много работал в Париже. С точки зрения расширения нашей агентуры во Франции Барбюс, автор знаменитого антивоенного романа «Огонь», был перспективен. Но Ягода сообщил мне, что никакого Барбюса в Москве не будет. Оказывается, француз написал протроцкистскую статью, и теперь с ним всюду воевали правоверные французские коммунисты и Коминтерн.

Я пожаловался Кобе.

– Идиот твой товарищ Ягода. Кругозор фармацевта, – сказал он. – Барбюс – политический капитал, и мы никому не позволим его транжирить. Ты его получишь. Он к нам придет. Но присмотрись к нему сам.

Я незримо сопровождал Барбюса. Начиная с того момента, когда на границе, под кумачовым транспарантом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» он пересел в наш поезд. Состав, который подали Барбюсу, был отнюдь не пролетарский. Это был спальный состав царского времени – куда более роскошный, чем новые европейские люкс-поезда, и намного более удобный: вагоны шире, а скорость меньше. На этом царском поезде его повезли в нашу невиданную империю, где правил пролетариат, – в Советскую республику, в новый мир. В вагон Барбюса посадили нескольких наших сотрудников, и как только отъехали от границы, его обработка началась. Француз не понимал язык, и хорошенькая переводчица (естественно, наша сотрудница) переводила и все объясняла ему. Рядом с ним в купе оказались двое трогательно простоватых мужичков. Переводчица рассказала, что это колхозники, возвращающиеся домой после отдыха, и что отдых и роскошный вагон оплатили они сами из заработанных в колхозе трудодней. Барбюс был в восторге...

После приезда в Москву я заполнил все дни писателя. Его беспрерывно куда-то возили – в театры, на выставки, на экскурсии по городу. Он смотрел, слушал и воодушевлялся... И записывал в Дневник все, как надо (каждый вечер я просматривал записи, пока он отсутствовал).

«Москва великолепна, – писал Барбюс в Дневнике, – Красная площадь – нечто поразительно татарское, восточное, византийское, а рядом, словно выходцы из другого мира, – сверхсовременные дома Корбюзье. В церквях – древние закоптелые иконы, сверкающие драгоценными окладами, а в какой-то сотне метров от них лежит в своем стеклянном гробу Ленин...»

Ему показали во всей красе столь желанную страну. Когда он бывал в музеях, несколько десятков наших сотрудников становились толпой рабочих, солдат, крестьян, неистово жаждущих насладиться искусством.

Так что он смог написать в Дневнике про «бескорыстное и искреннее стремление новой власти одним махом поднять народ из тьмы невежества до понимания Ренуара и Рембрандта». Он восхищенно говорил переводчице: «До чего же замечательный, одаренный и добрый, этакий большой ребенок ваша Россия! Вас, русских, неверно называют терпеливыми. Вы терпеливы телом и даже душой. Но мышление у вас куда нетерпеливее, чем у любого другого народа, вам подавай сию минуту все искусство, все тайны жизни».

Но особенно пленяли его читательские восторги. Оказывается, наши простые люди читали его... не переведенные в СССР книги. Видимо, по-французски! Но он был готов уже поверить и этому... когда случилось неприятное.

Это произошло после очередной встречи с читателями. Молодая женщина, пробравшись через толпу «благодарных читателей», так и не поняв, кто эти «читатели», ловко сунула ему в карман записку. Я увидел. Тотчас пробился к нему и так же ловко выкрал ее.

«Верьте не всему, – писала она, – что вам говорят. Точнее, *всему не верьте*. За всеми нами следят, и за вами – не меньше. Ваша переводчица передает каждое ваше слово. Телефон ваш прослушивается, каждый шаг контролируется. Письмо это не просто порвите, потому что кусочки из вашей мусорной корзины достанут и составят их вместе».

Потом случилось... безумное! Уже в гостинице, когда он обедал, я... положил письмо обратно – в его пиджак! Почему? Не знаю. Думаю, пытался доказать себе, что я не раб. Но тогда я объяснил себе так: это проверка! Если наплюёт на письмо – он наш.

На следующий день планировался юбилейный вечер Горького. Утром Барбюс выглядел очень озабоченным. Но мой великий друг Коба сумел победить неприятное письмо.

Большой театр был переполнен. Барбюс скромненько сидел в восьмом ряду. Я наблюдал за ним из ложи в бинокль и ждал сообщения от Кобы. В середине доклада о славном пути великого пролетарского писателя Горького мне принесли записку: «Веди «своего» на сцену».

Я тотчас послал за французом сотрудника. В бинокль видел, как наш человек подошел и как Барбюс изменился в лице. Он, видно, тотчас вспомнил про письмо. Но послушно поднялся с кресла, и сотрудник повел его, ничего не понимающего, дрожащего от страха, прочь из зала...

Теперь я глядел на сцену. Вскоре из боковой кулисы появился черненький, усатый, испуганный человечек. В свете софитов он подслеповато, затравленно оглядывался. И тут Коба, сидевший в президиуме, как-то торжественно встал. Докладчик (видно, предупрежденный, как и я) сразу прервал доклад. Коба, глядя на Барбюса, начал аплодировать. Не разобравшись, в чем дело, президиум поднялся вслед за ним и послушно подхватил аплодисменты Вождя. Следом вскочил такой же покорный зал.

Под гром аплодисментов Коба подошел к Барбюсу, обнял его и, потрясенного, усадил... на свое место! Сам же скромно отсел в задний ряд Президиума...

В перерыве Барбюса доверительно отвели в комнатку за царской ложей, где веселился Коба с соратниками. Здесь был накрыт стол. Барбюс стал свидетелем, как он написал, «веселых, жизнерадостных шуток», «гомерического хохота» и «адского шума», который устроили Коба и его сподвижники – Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович и Пятницкий. «Это была «разрядка» «бурлаков индустриализации», – понимающе напишет француз.

Позже Барбюс создаст вдохновенную книгу «Сталин».

«Кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках этого человека с головой ученого, лицом рабочего, в одежде простого солдата». Цитату эту станут учить в школах, она появится на бесчисленных плакатах.

(К сожалению, с переизданием книжки возникнут трудности. Большинство трудолюбивых «бурлаков», так искренне «гомерически хохотавших», вскоре окажутся у

расстрельной стенки.)

...Но вербовать Барбюса Коба, к моему сожалению, запретил. Он сказал:  
– Барбюсы нам нужны чистыми. – И добавил: – Сейчас.

# Великая армия искусств

Бухарин и Горький создавали Союз писателей в мое отсутствие (я в это время ездил между Парижем и Лондоном).

Обо всем, что происходило в Москве, читал в западной прессе.

Горький – всемирно известный русский писатель, сделал основной доклад на съезде. Он как бы освятил рождение небывалого Союза писателей. Как и обещал Бухарин, Союз этот в точности повторял структуру и устав большевистской партии. Во главе его стояли секретари, устраивались Пленумы, съезды... Всех писателей, объединенных в союз, обязали исповедовать единый художественный метод, названный «социалистическим реализмом». Главная задача писателей – отражать в своих произведениях решения партии.

По такому же партийному образцу вскоре были образованы союзы композиторов и художников. Их объявили «приводными ремнями», с помощью которых партия руководит культурой – армиями писателей, художников, композиторов...

Великую армию искусств создал Коба. Эта армия под руководством партии должна была защищать всё идеологическое пространство Страны Советов.

Детище Революции – русский авангард – мой друг отправил «на свалку истории».

Лондонские газеты, описывая наш съезд писателей, поминали немецкое министерство пропаганды и насмешливо отмечали, насколько похожи оба режима, так ненавидящие и отрицающие друг друга.

# Гималаи и... Воробьевы горы

Я вернулся в страну после Съезда писателей. И присутствовал на застолье в жилище Горького, где писатели «обмывали» окончание съезда. (Хотя вполне возможно, я путаю и это было накануне съезда – советую проверить... Недавно перечитывал свои Записки, пишу, будто Коминтерн основан в 1918 году! Что делает с памятью старость! И Коллонтай никогда не звали Софьей... Александра... Алюся, как нежно звал ее Шляпников. Проверьте, проверьте все мои даты!)

Щедротами Кобы Горький жил в особняке (точнее во дворце), где при царе обитал мультимиллионер Рябушинский. Особняк представлял собой смесь стилей – выдумку обезумевшего от денег богача.

В готическом зале вдоль стен, отделанных панелями из дорогого дерева, расселись полтора десятка ведущих писателей. Ждали высоких гостей. Приехали Коба, Бухарин, Ворошилов и Молотов. Взял Коба с собой и меня.

Он с Горьким и соратниками сидел за столом, писатели разместились вокруг на стульях. Я устроился рядом с писателями (я плохо знал их имена и их книги, так как читал в это время нужные мне по работе сочинения немецких, английских и французских авторов).

Коба начал говорить, и в комнате наступила благоговейная тишина. Писатели внимали. Так сейчас было положено слушать моего друга.

Коба говорил о важности писателей для партии. Он назвал их «инженерами человеческих душ». Мой друг, ученик духовной семинарии, никогда не забывал о душах. Писатели должны были формировать народные души «в нужном для партии направлении». Писатели аплодировали.

Они не понимали, не понимал и я тогда: чтобы по-партийному формировать чужие души, необходимо отдать партии свои.

Мой друг, с ошибками говоривший по-русски, теперь управлял русской культурой, становился духовным отцом страны. Отец культуры будет отныне читать или хотя бы просматривать все сколько-нибудь заметные книги *своих* писателей, оценивать картины *своих* художников и разбирать симфонии и оперы *своих* композиторов и, если надо, учить сочинять Шостаковича и Прокофьева...

После выступления Кобы последовали вопросы... Думаю, один из них запомнился всем присутствующим. Вопрос был об Ильиче и об их великой дружбе.

Коба встал и неторопливо прошелся по залу.

– Ильич – это гений, – наконец начал он. – Такие люди рождаются раз в тысячу... нет, раз в десятки тысяч лет. Он человек-гора, – и замолчал.

И тогда кто-то из писателей льстиво сказал:

– Но и вы, и ваши соратники – тоже люди-горы...

– Мы? Мы – Воробьевы горы... – произнес с усмешкой Коба и неожиданно ухватил Бухарина за жиденькую бородку, зажал ее в кулаке. – Так, Николай?

И тот ответил растерянно:

– Так, Коба.

Но Коба, все не выпуская бухаринской бородки, продолжил:

– Даже в своей болезни и смерти Ильич велик.

Писатели испуганно замерли...

Многие знали, что в конце жизни Ильич стал врагом Кобы. И ходил опасный слушок, будто мой друг поспешил отравить Ильича. Он, конечно же, знал о слухах и, видно, решил с ними покончить.

– Ильич тяжело переживал свою болезнь. Орел Революции уже не мог летать... Так, Николай?

– Да, Коба, – почти испуганно сказал Бухарин, тщетно стараясь освободить бородку из цепких пальцев.

Но Коба крепко держал ее, стоя над сидящим Бухариным, и неторопливо рассказывал:

– Ильич взял с меня честное партийное слово: если болезнь станет угрожать его мозгу, немедленно дать ему яду. Так, Николай? – Он чуть дернул Бухарина за бородку.

– Да, Коба. – Бухарин умоляюще глядел на него.

– И когда случилось неминуемое, – все так же неспешно повествовал мой друг, – Ильич позвал меня и потребовал: «Вы дали мне слово дать яду, когда мозг начнет отказывать. Сегодня этот день наступил...» На глазах Ильича были слезы... Так, Николай?

– Да, да. – Бедный Бухарин пытался улыбаться, показать, что игра с его бороденкой – веселая шутка. Сколько раз я был в подобном положении, как я его понимал!

– Но я слишком любил Ильича! Я не мог! Правда, Николай? – Коба опять дернул.

– Так, Коба, – уже чуть не плача отозвался Бухарин.

– И пришлось мне поставить этот вопрос на Политбюро. Спасибо товарищам, они освободили меня от данного слова. Ильич умер своею смертью. – Он в последний раз рванул бородку. – Так, Николай?

И тот снова несчастно кивнул.

Коба отпустил его.

Встреча закончилась.

Коба и Бухарин о чем-то говорили с Горьким. Присутствующие не смели их беспокоить. Они окружили молчавших весь вечер Молотова и Ворошилова.

Я услышал, как один из писателей с добрым крестьянским лицом, с забавной фамилией Чумандрин, окая, спросил Ворошилова:

– А если вдруг я решу писать не в этом... как его... в социалистическом реализме?..

– То есть как это – ты решишь?! – прервал его Ворошилов. – Кто тебе позволит самому решать?! Ишь размахнулся – он решит!

Все дружно рассмеялись. Когда обиженный Чумандрин отошел, кто-то из писателей сказал:

– Олеша говорил, будто однажды он пошел в «Комнату смеха»... И так как там никого не было, он приспустил штаны и показал голую задницу в кривом зеркале... И что он там увидел? Лицо Чумандрина!

Все вместе с Ворошиловым грохнули здоровым хохотом.

Коба, закончив разговор с Горьким, прощался с писателями.

И тогда кто-то решился заговорить с ним о самом волнующем:

– Дорогой Иосиф Виссарионович! Хотелось бы, чтобы союз решал и наши насущные бытовые проблемы. Летом в городе бывает очень душно, а дач у писателей нет... Как тут писать?!

Коба с мрачной усмешкой ответил:

– Писать надо хорошо... А дачи... дачи скоро освободятся... Много дач... Дадим и вам, – и опять спросил Бухарина: – Так, Николай?

Тот поспешно кивнул.

(Надо отдать должное моему другу – он одарит творцов с восточной щедростью. Столь редкие в СССР отдельные квартиры получают все «выдающиеся деятели новых союзов» и, конечно, руководители этой новой армии искусств. В огромных бесплатных мастерских будут писать нужные партии картины нужные художники, в великолепных полубесплатных домах творчества – творить и отдыхать писатели и композиторы. Впрочем, мне все это было знакомо. Я уже видел подобное в гитлеровском Берлине.)

После застолья Коба повез меня на Ближнюю. В машине заговорил:

– Ты, конечно, не понял мои слова про Воробьевы горы. – Он хмыкнул в усы. – Дело было так. Когда Бухарчик начал сражаться с товарищем Сталиным на Политбюро по поводу коллективизации, я ему сказал в перерыве заседания: «Уймись, Николай! После смерти Ильича мы с тобой Гималаи, а вокруг нас осталась мелюзга. Зачем ссориться? Мы должны быть вместе. Ты же знаешь, Ильич ненавидел русское крестьянство... Это реакционное болото! Николай I, не чета последнему Николашке, умирая, завещал сыну: «Держи всех! Держи вот так!» – и Коба показал кулак. – Вот *такой кулак мы покажем кулаку!* Вот что такое диктатура пролетариата. Если мы забудем про кулак и кулаков, на второй день они нас сметут. Так учил нас Ильич»... Бухарчик со мной согласился... Продолжается заседание Политбюро – и что же? Он берет слово, как всегда, приходит в восторг от собственной речи... И ради красного словца нападает на товарища Сталина! Все выложил членам Политбюро – и про мелюзгу, и про Гималаи, и про кулак... Но мелюзга его не поддержала, они умные, слава богу! Вот так! Не согласился тогда быть Гималаями, а теперь Воробьевыми горами быть соглашается... холмом жалким. Но я ему не верю! Проститутка! Думаю, слух, что товарищ Сталин отравил Ильича, идет из той же бухаринской подворотни!

Я невнимательно слушал этот рассказ Кобы. Его слова о том, что «скоро дачи освободятся... много дач», не шли у меня из головы.

# «Горе тому, кто станет жертвой его медленных челюстей»

В это время в стране началось «потепление», сопровождавшееся бесчисленными триумфами, гигантскими проектами и победами.

В газетах обсуждали проект Дворца Советов. Величайший храм большевизма готовился вознестись на месте уничтоженного храма Христа Спасителя. Небывалое сооружение высотой в четыреста метров, увенчанное стометровой скульптурой Ленина, с залом на двадцать одну тысячу мест!

Мой друг семинарист на месте православного храма решил возвести храм новой религии. Коба задумал поднять в небеса лик Боголенина...

Каждый раз, возвращаясь ненадолго в Москву, я заставал очередную победу.

Ледоколы осваивали Северный морской путь... Во льдах застрял старенький обветшавший корабль «Челюскин». Коба немедленно превратил несчастную историю в великое достижение. Вся страна следила за спасением команды «Челюскина». Героями были объявлены спасатели и спасаемые. В Москве им устроили грандиозную встречу. Разрывались от оглушительных победных маршей репродукторы, ревностные голоса дикторов беспрерывно славил Вождя (слава Богу, мое ухо привыкло к подобному еще в Берлине).

Но я уверял себя, что славословие и грохот победных маршей дают ему возможность забыть свое горе. Да и сам Коба казался мне как-то человечнее, мягче – он часто жаловался на одиночество и вспоминал о Наде. В это время репрессии против врагов прекратились. Арестовали, правда, поэта Мандельштама, но вскоре выпустили, ограничившись ссылкой (хотя поэт написал ужасные стихи о самом Кобе). Мы вступили в Лигу Наций. И Коба сделал даже первую идеологическую уступку. Джаз, объявленный прежде «музыкой толстых, буржуазным искусством», разрешили играть в парках. Именно тогда, летом тридцать четвертого года, я велел своим агентам широко пропагандировать между эмигрантами лозунг: «Красная Россия становится розовой».

В эти годы завершилось строительство Беломорско-Балтийского канала, сооруженного заключенными и воспетого членами нового Союза писателей.

Кости заключенных щедро устилали его берега. На них отечески смотрел памятник – тридцатиметровая звезда, внутри которой находился гигантский бронзовый бюст Ягоды. Глава нашей Лубянки справедливо считался отцом Беломорканала.

Страна ликовала, славя новую победу. Коба вместе с Кировым (он часто называл его «братом Кировым») на корабле прошел по каналу. Правда, в плавание он, к всеобщему изумлению, не взял Ягоду. Вместе с ними отправился новый заместитель Ягоды – Николай Ежов...

Ежова нашли где-то в провинции. Я не знал его лично, но мне предстояло его увидеть.

И Ягода, как и все мы, тогда не понял, что *Коба начал набирать новую команду – участников будущего невиданного действия.*

Замечательно сказал о Кобе наш друг Авель Енукидзе: «Горе тому, кто станет жертвой его медленных челюстей». Медленных – ибо мой друг никогда не спешил. Он до конца разрабатывал план, давая жертвам время успокоиться, потерять бдительность...

Пока мы, усыпленные происходящим, верили в «потепление», он обстоятельно заканчивал подготовку к невиданной крови.

# Готовность номер один

Летом тридцать четвертого года состоялась реорганизация нашего ведомства. ОГПУ вошло в наркомат внутренних дел (НКВД). Реорганизация показалась мне тогда формальной. Между тем она была судьбоносной. Тайная полиция и наша разведка окончательно отдалялись от партии, от Политбюро. И прятались в недрах могущественного наркомата внутренних дел. Народным комиссаром этого всемогущего наркомата он назначил все того же Ягоду. Его первым заместителем стал Ежов.

Был принят закон «Об измене Родине», по которому множество деяний – шпионаж, переход на сторону врага, разглашение военной и государственной тайны, бегство из страны – карались *смертной казнью (расстрелом)*.

Так Коба подготовил наказание для жертв будущего «невиданного действия».

И этого тоже тогда никто не понял.

# Открытие Кобы

Пожалуй, только одна встреча с Кобой меня насторожила.

Буквально накануне всех страшных событий я был у него на Ближней даче.

Я знал, что Коба никогда не вел дневников, как не вел их Ленин. Это запрещалось и его ближайшим соратникам. Наша подпольная в прошлом партия осталась помешанной на секретности. Недаром Коба называл ее Орденом Меченосцев (мы всегда чувствовали себя религиозным тайным орденом). Был лишь один источник, которому Коба доверял свои истинные мысли, – книги. Он щедро черкал их пометками, как бы разговаривая в них и с автором, и с самим собой. Я знал эту его привычку. Коба даже поссорился из-за нее с нашим пролетарским поэтом Демьяном Бедным. Демьян был страстный собиратель книг, в его библиотеке имелись редчайшие издания. Многие он скупил за бесценок в голодные годы. Коба часто брал книги у него. И к ужасу Демьяна, на них потом оставались следы от жирных пальцев. Но не это было самое страшное. Коба порой покрывал книги пометками. И тогда уже не возвращал. Демьян в ярости как-то сказал про эту привычку и про жирные пальцы. Кобе тотчас донесли, и это стало концом их дружбы и началом газетных разносов Демьяна. Коба был очень обидчив...

Итак, я приехал на дачу и сидел в Малой столовой, где в ту ночь спал мой друг.

Он был в Большой столовой – говорил по телефону.

На диване, на ночном столике, на круглом столе, где Коба до этого завтракал, – всюду были разбросаны книги, которые он тогда читал. Он обычно читал по несколько книг сразу.

На ночном столике лежал томик Троцкого. Зная привычку Кобы писать на полях свои мысли, я тотчас его открыл... Весь том был испещрен пометками: «Верно», «Так!»... Красным карандашом подчеркнута знаменитая цитата: «Поповско-квакерская болтовня о священной ценности человеческой жизни».

Рядом с Троцким – Платон... И его я торопливо пролистал и нашел жирное подчеркивание. Это были платоновские слова: «Тиран возникает из корня... называемого народным представительством. В первое время он улыбается, обнимает всех, с кем встречается... обещает много... Но став тираном и поняв, что граждане, способствовавшие его возвышению, осуждают его, тиран вынужден будет исподволь уничтожать своих осудителей, пока не останется у него ни друзей, ни врагов». И далее (тоже на полях) уже почерком Кобы выписано: «Тиран держит общество в состоянии войны или ее угрозы. Общество должно жить в страхе военного времени и надеяться на Вождя»...

Самой интересной оказалась «История государства Российского» Карамзина... Там были заложены страницы об Иване Грозном. Большими буквами в главе об опричнине написано несколько раз: «Учитель... Учитель». И подчеркнуты дважды слова: «Как конь под царем без узды, так и царство без грозы».

На диване я увидел раскрытый томик Маркса. Там в послесловии была обведенная Кобой овалом удивительная цитата из какого-то немецкого поэта: «Мы достаточно долго любили, мы хотим, наконец, ненавидеть».

Вот так Коба, возможно, впервые искренне побеседовал со мной. Побеседовал он и с покойным Ильичом. В томике Ленина, лежавшем тут же на диване, на первой же странице он записал: «1) слабость, 2) лень, 3) глупость – единственное, что может быть названо

пороками. Все остальное, при отсутствии вышесказанного, – добродетель». Такую мораль он как бы предложил покойному Вождю перед тем, как истребить его сподвижников.

(Я узнал, что после смерти Кобы его библиотека, тысячи книг, была расформирована и почти вся исчезла... Жаль. Это был единственный путь понять, о чем в действительности думал скрытнейший из людей.)

Я торопливо закрыл книгу, заслышав шаги. И отошел от опасного дивана.

Коба вошел, посмотрел на меня пристально, усмехнулся. Взял Платона, подмигнув мне, сказал по-русски:

– Учимся понемногу, учимся... – Помолчав, добавил: – Я на днях читал о Робеспьере. Как же ему мешали все его вчерашние друзья. Он уничтожил их, и немало. Но так и не посмел уничтожить всех. И чем кончил? Оставшиеся уничтожили его...

Вошедший в этот момент начальник охраны Паукер объявил:

– Ягода.

Коба кивнул, появился Ягода.

– Я все думаю, товарищ Ягода, – сказал Коба, не поздоровавшись и как бы продолжая мысль, – вот мы достигли больших успехов. Но с нашими успехами вряд ли согласятся наши классовые враги... Мы испытали злобу их наймитов во время последнего съезда партии. Возникает вопрос: случайно ли это? – Он походил по комнате. – Полагаю, не случайно. Классовая борьба по мере нашего продвижения к светлому будущему непременно будет... что?

Ягода молча уставился на него.

– Обостряться, товарищ Ягода, – закончил Коба.

Нет, я не понял тогда масштабов того, о чем он говорил. Думаю, не понял и Ягода. Все мы никогда не могли осознать его масштабов. Но одно я уяснил: готовится ужасное. И обрадовался, что должен уехать за границу.

А мой друг продолжал:

– Так что, товарищ Ягода, следует тебе сейчас быть особенно бдительным. К примеру, товарищ Киров, доказавший на прошедшем съезде преданность партии и лично товарищу Сталину, наверняка вызывает ненависть наших врагов и нуждается сейчас в особой охране.

Какое лицо было у Ягоды! Растерянность, потом мучительное раздумье и, наконец, радостное торжество... Он что-то понял!

– Это очень не просто, товарищ Сталин, – медленно сказал Ягода. – Товарищ Киров не слишком разборчив в личных связях. В последнее время он сожительствует с балериной...

– Что несешь?! – оборвал Коба. – Оберегать тебе его надо, а не перебирать грязное белье! Товарищ Киров переезжает в Москву – вторым секретарем нашей партии.

И тут вошел Киров.

# Друг и брат его Киров

Коба взял со стола только что напечатанную брошюру. Это была его речь на XVII съезде партии. Зажал перо короткими толстыми пальцами, надписал, торжественно протянул Кирову.

Киров прочел вслух:

– «Другу моему и Брату».

Они обнялись и поцеловались (Коба ужасно целовался – мокрыми губами). И, добро погрозив Кирову пальцем, сказал:

– Послушай, на тебя жалуется Ягода. Говорит, переёб всех балерин в Ленинграде. И как ты с ними можешь... ни грудей, ни жопы. Пойдем сегодня в Большой театр, на певич посмотреть. Они хоть на женщин похожи.

Киров засмеялся. Сильный, коренастый, русоволосый, он кроваво поработал во время коллективизации. И воистину был предан Кобе. Он обладал всеми нужными соратнику Кобы качествами – недалекий, но работоспособный и исполнительный.

В это время пришла нянечка Светланы. Улыбаясь, передала Кобе какой-то листок. Он прочел, рассмеялся и показал нам записку, написанную корявым детским почерком: «Приказываю разрешить мне пойти с тобой смотреть кино, а то скучота». И подпись: «Хозяйка Светлана».

У них тотчас после Надиной смерти началась эта игра. Светлана – Хозяйка, и у нее секретари. Первый – Коба, далее – Молотов, Киров и прочие члены Политбюро. Светлана писала приказы и вывешивала на стене его комнаты или посылала ему.

– Боюсь, от певич придется отказаться. Будем смотреть детское кино. Ничего не поделаешь, приказ начальства. – Как ему нравилось, что им распоряжается любимое маленькое существо! Хоть в этом было что-то человеческое. – Не в службу, а в дружбу – отведи ее в кинозал, Фудзи, а мы тут закончим дела.

Я все больше становился у него вроде эконома, я – вчерашний удалый боевик. Он знал, как мне это больно. И это его знание было для меня опасно.

# Лицо учителя

Накануне отъезда (на этот раз в Женеву; после побега из Германии я сделал там свою штаб-квартиру) пришел попрощаться с Кобой.

Впечатления от того декабрьского посещения были удивительные...

Дело в том, что приблизительно полгода назад Ягода при мне рассказал Кобе: мол, в Ленинграде в Эрмитаже совсем молодой антрополог разработал новый метод – восстановление лиц по черепу. Им тотчас заинтересовалась Лубянка. Провели проверочные испытания – брали черепа «неизвестных людей» (точнее, расстрелянных) и предлагали ему воссоздать внешность. Потом сравнивали с фотографиями в деле. Оказалось, он восстанавливал лица «один к одному»...

Ягода предложил Кобе:

– Зная вашу высокую оценку Ивана Грозного, можно поручить ему восстановить лицо царя Ивана. Он клянется, что сможет сделать это в точности. Сына Ивана – тоже. Может, разрешим ему вскрыть их захоронение, Иосиф Виссарионович?

– Еще чего! Тревожить Ивана Грозного? Пошли его, Ягодка! – но потом добавил: – Вечером позвони, подумаю...

И вот в тот декабрьский день мы вышли с Кобой на прогулку по Кремлю.

Личную охрану его в те годы, как я уже писал, возглавлял некто Карл Паукер. Был он до Революции парикмахером в будапештском Театре оперетты. Попал в русский плен во время мировой войны. Далее – Октябрьская революция, ЧК, потом блистательная карьера...

Я думаю, он быстро понял Кобу – его страхи бывшего террориста. И теперь все время придумывал что-то новенькое для безопасности любимого Вождя.

Я находился в Германии, когда в ноябре тридцать первого года на Кобу было совершено покушение, кажется, английским шпионом русского происхождения.

Никто на Лубянке не мог мне толком рассказать, что случилось. Все, касаемое этого события, тотчас засекретили.

Когда я начал расспрашивать Кобу, он грубо прервал меня:

– Мерзавца повесили за яйца... и хватит об этом!

Я уверен, что никакого покушения не было. Лжепокушение организовал Паукер.

Он направил донесение о покушении в Политбюро. Политбюро тотчас приняло желанное постановление: «Пешие хождения по Москве товарищу Сталину прекратить».

Постепенно заботливый Паукер ввел беспрецедентные меры безопасности. Отныне Кобу охраняли сотни сотрудников.

Когда он выезжал из Кремля, весь маршрут объявлялся на военном положении. Движение автомобиля контролировали патрульные машины, на всём пути следования стояли переодетые агенты. Рядом с Кобой в машине, готовясь защитить его грудью, всегда сидел Паукер.

Паукер добился большего: постановлением Политбюро Кобе запретили ходить без охраны даже по Кремлю. Коба бунтовал, обзывал Паукера «идиотом». Это была такая игра: Паукер играл роль старого заботливого дядьки при смельчаке Кобе, по-мальчишески пренебрегающем опасностями. И Коба соглашался на «весь этот идиотизм» как бы по принуждению, из-за постановления Политбюро. Что делать, Генеральный секретарь партии Коба обязан подчиняться партийной дисциплине!

Мы шли по совершенно пустому Кремлю (теперь Кремль становился пустым, когда Коба выходил на прогулку). Ясное утро, морозец. В длинной кавалерийской шинели – Коба. Рядом я – в модном осеннем французском пальто. Я сбрил усы по требованию Кобы, отрастил эспаньолку.

Спереди, сзади и вокруг нас – охрана. Прогулку возглавлял сам Карл Паукер. Несмотря на мороз, он был в наброшенной на плечи шинели, в мундире, затянут в корсет. На груди – орден Ленина. Шагал, удачно покачивая толстым задом.

– Педик, – прыснул в усы Коба, – но забавный.

Паукер одновременно с руководством охраной исполнял роль шута. Он, довольно чисто говоривший по-русски, всегда разговаривал при Кобе со смешным акцентом. И еще уморительно передразнивал людей...

Обычно во время прогулки по Кремлю Коба проходил мимо закрытого Архангельского собора, где похоронены московские цари, и дальше – вдоль зубчатой стены над Москвой-рекой.

На этот раз, к моему удивлению, Архангельский собор был открыт. Как всегда, ничего мне не объясняя, Коба вошел туда. Внутри – холод, неприятный электрический свет, иконы с погасшими лампадами и белокаменные надгробия.

У надгробий стоял навтыжку комендант Кремля.

– Все вернули обратно? – спросил Коба.

– Так точно, товарищ Сталин, не извольте беспокоиться. Останки уложили аккуратно в саркофаг. Сам мужчина, который брал череп, все проверил. Он ждет вас внизу.

Мы прошли в церковный придел. Здесь комендант открыл тяжелую кованую дверь. И двинулся впереди с фонарем. За ним – Паукер и окруженный охранниками Коба. За охранниками – я.

За дверью начиналась лестница, ведущая в подклеть собора. На каждой ступеньке, вжимаясь в стену, стояли офицеры НКВД с фонарями.

Коба начал спуск. Бросил мне, не оборачиваясь:

– Спускайся, чего встал?

Измученный странным маршрутом, я последовал за процессией.

Сошли по каменным ступеням в подклеть. Она показалась мне огромной. Горел тусклый электрический свет, вдоль стен также стояли наши сотрудники с зажженными фонарями. Вся подклеть была заставлена разбитыми гробами из белого камня...

– Это что за безобразие? – Коба ткнул в обломки рукой.

– Точно так – безобразие, товарищ Сталин, – весело отозвался комендант. – Это гробы московских цариц. После Революции, когда в Кремле ликвидировали женский монастырь и начали строить школу красных командиров, Ильич велел это добро уничтожить. Они в монастырской церкви тогда лежали. Но кто-то из контры... много их тогда было... настоял сохранить, дескать, эти московские царицы записаны в истории. Их на телегах перевезли в Архангельский к мужьям и сбросили в подклеть через отверстие в полу. Они и побились... – Коба мрачно слушал. – Теперь мужья наверху спят в соборе, а жены в подклети лежат – под мужьями, как положено... Вон, говорят, мать самого Ивана Грозного, – комендант как-то по-свойски посветил фонарем на разбитый гроб – в тусклом свете выступал череп. – Там у нее даже рыжая прядка осталась... Красавица, говорят, была. А вот здесь жена Ивана Грозного Анастасия. Эксперт осматривал. Ученый из МГУ... У нас заключение осталось – обе

отравлены. Хотите посмотреть Анастасию, товарищ Сталин?..

– Помолчать можешь? – оборвал Коба.

(Он, как это ни смешно... боялся покойников. Ненавидел ходить на похороны. Когда с Надей надо было прощаться, он очень мучился.)

– Так точно, товарищ Сталин. Но, может, ликвидировать безобразие?

– Не трогать. Пусть лежат, – и приказал: – Несите.

Трое энкавэдэшников и комендант направились к человеку в белом халате, стоявшему посреди этого странного кладбища перед деревянным постаментом. На постаменте виднелась гипсовая голова.

В свете фонарей они осторожно подняли деревянный постамент и понесли к нам.

Человек в белом халате – совсем молодой, со смуглым, обожженным солнцем лицом – нес за ними гипсовую голову, затем торжественно водрузил ее на постамент.

Это была голова старика – в натуральную величину. Никогда я не видел такого лица. С хищным орлиным носом, с презрительным чувственным ртом – сладострастник, этакий старый Карамазов из Достоевского. Я понимал: это лицо, восстановленное по черепу. Но как череп мог сохранить эту брезгливость пресыщенного повелителя, это яростное сладострастие?!

И я смотрел, смотрел на гипсовую голову – оторваться от нее было невозможно.

– Рассказывайте, товарищ Герасимов, – распорядился Коба.

– Когда мы вскрыли гробницу, Иосиф Виссарионович, царь Иван Грозный лежал в монашеском одеянии. Дело в том, что московские цари – отец Ивана Василий и сам Иван – перед смертью постриглись в монахи...

– Между нами говоря, молодой человек, мне и товарищу Фудзи рассказывали это в семинарии.

– Простите, Иосиф Виссарионович... Царь лежал в гробу с согнутой в локте и поднятой рукой. Объяснения этому у нас пока нет. Думаю, это какой-то древний утерянный обряд. Череп мы аккуратно уложили обратно в гроб. В гробу теперь все как было...

Коба жестом попросил его замолчать. Он смотрел на любимого государя.

– Значит, вы уверены, что он был таков?

– Абсолютно уверен. Судите сами, лобные кости... – начал объяснение Герасимов.

– Не надо, – прервал Коба. – А где же его сын?

– К сожалению, лицо Ивана Ивановича восстановить невозможно. Как свидетельствует летопись, царь убил сына посохом в припадке гнева. Однако это был не единичный удар. Иван Грозный ударил его посохом несколько раз. Царевич, видно, уже находился без сознания, но царь продолжал жестоко бить. Череп совершенно размозжен ударами, раздроблен по осевой линии...

– Достаточно, – сказал Коба.

– Иосиф Виссарионович, я хочу обратиться с просьбой. Я мечтаю сделать скульптурный портрет Тимура. Захоронение находится в Самарканде...

– Пока не надо... Одного вы уже нам показали. Вы свободны, товарищ Герасимов. Благодарю за отличный труд.

Когда тот ушел, Коба бросил Паукеру:

– Возьмешь с него подписку о неразглашении...

Он долго стоял у царской головы. Потом приказал кратко:

– С таким лицом великий государь Иван Грозный нам не нужен. Разбейте.

(Уже после смерти Кобы Герасимов еще раз вскрыл могилу и сделал новый портрет Грозного царя. Я видел его репродукцию в американском этнографическом журнале.)

Когда вышли из собора, Коба сказал:

– Говорит: «жестоко бил» сына. Обывательский разговор. Обыватель не понимает. Правитель – это Авраам, подчас отдающий в жертву сына Исаака. – Он уставился мне в глаза. – Думаю, враги Ивана попытались использовать сына, а сын слаб оказался, на поводу пошел. Надо попросить, чтоб историки порылись и доказали. Да, царь был грозен. Без грозы государства не создашь... – И повторил с горящими глазами: – «Как конь под царем без узды, так и царство без грозы...» Значит, завтра уезжаешь? Попадешься – обменивать не буду. На хрен ты мне нужен! Надоел! Ну, в добрый путь! – И влажно поцеловал в губы.

Я ехал домой и повторял: «Затеваается... «Как конь без узды...» Значит, и узда, и гроза будут непременно».

# Московские балы

В тот же день вечером у меня была назначена встреча с агентом – сотрудником американского посольства. Он попал в трудную ситуацию – проигрался в карты на очень большую сумму. Этот безумный в игре картежник был весьма ценным кадром. Когда-то мы его завербовали при помощи карточного долга. И вот сейчас ему срочно потребовались наличные. Он умудрился сообщить мне об этом в пять вечера накануне моего отъезда в Женеву. При этом он обязан был присутствовать в американском посольстве, где в ту ночь планировался очередной бал.

Послом тогда был некто Буллит – человек фантастический, то ли любовник, то ли муж подруги знаменитого журналиста-радикала Джона Рида. (Книга Рида «10 дней, которые потрясли мир» об Октябрьском перевороте со времен Ильича считалась у нас классикой. Но бедняге Риду уже после смерти, на том свете пришлось серьезно дорабатывать свое сочинение, и в новых изданиях из него начал исчезать... отец Октября Троцкий!) Этот Буллит, которого Фитцджеральд описал в романе «Великий Гэтсби», был человеком, любящим и умеющим роскошествовать. Как докладывал наш агент, богач посол обещал на свои деньги превратить посольство «в одинокий островок американской жизни в океане советской злой воли».

(Кстати, впоследствии он устроит уже совсем невероятный бал, о котором я расскажу позже. Пока же сей балетоман тренировался, организовывая в посольстве один за другим балы очередные.)

Во время этого бала, где играл приехавший из Америки знаменитый джаз-банд, я должен был передать деньги моему агенту. Но сначала предстояло их получить.

Пришлось звонить Ягоде. Он выругался, но деньги обещал дать... на балу! Оказалось, и в нашем ведомстве НКВД затевался бал! Получалось забавно: на балу НКВД я должен был получить злополучные деньги и перенести их на бал американский.

Вот так в пролетарской Москве, где в ту ночь в коммунальных квартирах укладывались спать усталые, плохо умытые люди, чтобы завтра чуть свет бежать на работу, состоялись два роскошных светских мероприятия.

Я подъехал к клубу НКВД в семь часов. У входа стояло множество охраны. Я не был здесь год и, войдя, не узнал помещения. Ягода постарался: в особняк вернулись зеркала, дворцовая мебель, лепнины на потолках – клуб был превращен в типичное царское офицерское собрание. Вообще в тот приезд я с изумлением отметил, что страна начала отчетливо перерождаться в исчезнувшую империю Романовых. Потонувшая Атлантида потихоньку всплывала под еле слышное, недовольное роптание старых членов партии...

Я вошел в зал, тонувший в полутьме. Светился только огромный зеркальный шар, подвешенный к потолку. Он разбрасывал вокруг белые блики, будто падал снег. Метель бушевала на невиданных прежде парадных мундирах НКВД. Ослепительно белый китель с золотым шитьем, нежно-голубые штаны, на боку – позолоченный кортик (такой носили морские офицеры при царе). Кто был не в мундире, щеголял в черном смокинге. Дамы – в масках и в длинных вечерних платьях. Юные девицы – в маскарадных костюмах а-ля Кармен, а-ля Клеопатра. И это «аля» – не случайно, ведь костюмы были взяты из Большого театра...

Об этом рассказал мне сам Ягода в обставленном старинной мебелью кабинете

директора клуба. Там же присутствовал незнакомый мне маленький человек. Ростом и быстрыми юркими движениями он удивительно напомнил мне... Геббельса. Но Геббельса с добрыми, ясными детскими глазами.

– Это мой заместитель товарищ Ежов, – представил Ягода.

«Геббельс» застенчиво протянул мне руку... Этот Ежов, как я узнал потом, был воистину совсем простой человек из рабочих, с тремя классами образования, малограмотный и писавший со смешными ошибками.

– Мундиры видел? – спросил меня Ягода. – Сегодня первый раз надели. Образцы Хозяину понравились, – и добавил тихонько, но значительно: – Любит царское. – Он засмеялся лающим смехом. В этот момент в кабинет вошел знакомый мне глава ленинградского НКВД, невысокий мужчина с бородкой клинышком и весьма не подходящей ему забавной фамилией – Медведь. Он остановился в дверях, не поздоровавшись.

Ягода засуетился, торопливо передал мне портфель с деньгами, и я ушел...

Помню, когда проходил через зал, оглушительно играл фокстрот, бешено крутился шар и безумный снег призрачно летел на костюмы и лица. Веселящиеся здесь, как и я, не знали тогда, что это очередной пир во время наступающей чумы. Всем им предстояло погибнуть. Правда, прежде они должны были погубить других.

Сначала я отправился на вокзал и оставил пакет с деньгами в камере хранения.

Затем подъехал к особняку американского посла – в Спасопесковском переулке.

Естественно, теперь (на случай встречи с иностранными знакомыми князя Д.) я был так загримирован, что меня не узнала бы родная мать.

Была половина первого. В вестибюле у входа в зал посол встречал гостей. К нему выстроилась бесконечная очередь – представляться.

Я вошел в главную залу. Оглушительно трудился джаз – негры из Нового Орлеана. Пары кружились в танце. Вокруг – все растущая толпа. Агента я увидел сразу, он беседовал со своей любовницей, хорошенькой итальянкой, служившей в посольстве. Проходя, сунул ему в карман ключи с номером ящика в камере хранения.

Уже в Женеве в вечерних выпусках я прочел об убийстве Кирова.

А по возвращении в Москву узнал подробности от ленинградского друга, бывшего кронштадтского матроса, ставшего следователем в ленинградском НКВД.

Подробности меня поразили.

Кирова убил молодой партиец Леонид Николаев. Он служил в свое время у нас в ГПУ, потом ушел, перебрался, кажется, куда-то в провинцию. Вскоре вернулся в Ленинград, нигде не работал. Жена, высокая прибалтийская красотка блондинка, бросила его и находилась в связи с неугодным Кировым. Николаев сильно пил, и, конечно же, на него завели дело. Дело сначала вел следователь, который утонул, купаясь в Неве, и его передали моему другу, хорошо знакомому мне по Петроградской ЧК.

Материалы совершенно изумили его. В деле были зафиксированы разговоры Николаева о великом пролетарском прошлом партии, о ее буржуазном настоящем, о ленинской гвардии, отстраненной от руководства, – короче, обо всем, о чем думали многие, но не говорили... Николаев же говорил «кому-то», и этот «кто-то» сообщал «куда надо», но тем не менее Николаева не потревожили! Этот безымянный «кто-то», видно, рассказал ему о проделках жены. Ибо в деле появились разговоры о том, что Киров – продукт разложения партии и кто-то должен убрать мерзавца. Пожертвовав собой, взорвать атмосферу всеобщего гниения. Более того, он начал писать Кирову – требовал устроить его на ответственную работу. Первое письмо вручил сам у подъезда Смольного, когда Киров выходил из машины. И охрана... позволила! Он писал Кирову, что *на все готов*, если ему не помогут организовать достойную жизнь! Киров не ответил, но передал письмо «куда следует», и оно попало в дело. Но... опять Николаева не арестовали! И он в первый раз отправился в Смольный поговорить с Кировым. Его задержали, нашли при нем пистолет и некий чертеж... и отпустили с миром! Чертеж оказался схемой утреннего маршрута Кирова! Но и на этот раз Николаева не тронули! Будто ждали от него чего-то... Он продолжал свои разговоры с «кем-то», сообщил, что ему уготована жертвенная роль Желябова и Радищева и он уже написал свое завещание партии...

Ознакомившись с делом, мой друг приказал немедленно арестовать Николаева. Но вернувшийся из отпуска Медведь (тот самый глава ленинградского НКВД, которого я видел в кабинете Ягоды накануне убийства Кирова) приказ отменил, сказал, что еще рано, что они следят за Николаевым. Дескать, Николаев наверняка не один, и нужно не спугнуть его, выявить сообщников и тогда уже взять всю сеть.

Мой друг возражал, но Медведь добавил:

– Это приказ Ягоды.

После чего у моего друга забрали дело.

В день убийства Николаев преспокойно вошел в Смольный через охраняемый «секретарский подъезд», ведущий прямо к кабинету Кирова. Вошел с оружием! Ожидая Кирова, вольготно сидел на подоконнике в сверхохраняемом коридоре! Причем Киров шел по коридору навстречу своему убийце один. Вопреки правилам, введенным Кобой, впереди него не было охранника. Охранник... отстал! И Николаев легко застрелил любимца Кобы!..

Рассказав все это, мой ленинградский друг молча посмотрел на меня. Молчал и я. Слушая его рассказ о Николаеве, я, конечно же, вспомнил сумасшедшего голландца, которого гитлеровская спецслужба умело подтолкнула поджечь Рейхстаг.

К сожалению, мой ленинградский друг делился этими сведениями не только со мной. Он исчезнет в числе первых, как и Медведь, и все те, кто прикоснулся к этому делу.

Впрочем, кто убил Кирова – было ясно многим, не знавшим всех обстоятельств дела Николаева. Во всяком случае, вскоре в партии запели озорную «десятилетнюю» («певцы» за нее получали десять лет) частушку:

Ах огурчики-помидорчики,  
Сталин Кирова пришел в коридорчике.

Но ни я, ни «певцы» не могли представить тогда всю шахматную партию, которую задумал Коба... Мы не поняли, что убийство Кирова – это наш поджог Рейхстага («Учимся, понемногу учимся»). Кровь, пролитая в коридоре Смольного, должна была положить начало небывалой крови.

Рожденная в том же Смольном Октябрьская Революция приготовилась доказать миру, что она – вечный бог Сатурн, пожирающий своих детей.

Я много думал впоследствии: считал ли Коба себя убийцей Кирова? Никогда! Для него убийцами были враги. Именно они попытались сделать Кирова своим знаменем! Из-за происков этих «двурушников» (любимое определение Кобы), во имя окончательной победы над врагами, *пришлось* отдать верного друга. Любимого друга. «Как Авраам отдал в жертву сына Исаака». Исходя из любимой им логики, он мог сказать себе: объективно – это они убили «брата Кирова», как прежде – объективно – они убили Надю. Убийцам двух самых дорогих людей – месть и ненависть!

Убитый «брат Киров» уже вскоре начал служить своею смертью.

Через день в женевской газете я прочел постановление правительства СССР «О порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской власти». Сроки следствия по подобным делам – не более десяти дней, дело рассматривается без прокурора и адвоката, кассационная жалоба, ходатайство о помиловании не допускаются. Приговор к высшей мере исполняется немедленно.

И заголовок женевской газеты: «Большевистский террор! Призрак Революции возвращается!»

Точнее, шахматная партия началась!

В вечернем выпуске я прочел описание прибытия Кобы в Ленинград. Оказывается, тотчас после убийства той же ночью он выехал на место преступления вместе с верными Молотовым, Ежовым и Ягодой – руководителями готовящейся расправы. Приехав в Ленинград, Коба на перроне, как написал корреспондент, дал пощечину встречавшему его главе ленинградского НКВД Медведю. И проследовал в Смольный.

Я получил шифrogramму от убитого горем (пишу без иронии) Кобы: «Немедленно приезжай на похороны брата». И вылетел в Москву.

Встретил Коба меня в кабинете. Он только что вернулся из Ленинграда. Сидел, молча подперев голову, сказал – я уверен – искренне:

– После смерти Нади это самая большая потеря. Осиротел совсем. Ни жены, ни друга.

– Но Коба, я ведь тоже друг?

– Тебя, Фудзи, никогда нет рядом, а он... он один заботился обо мне.

Вошел «чекист», так Коба продолжал называть сотрудников НКВД.

– Товарищ Сталин! Товарищ Збарский сообщил, что они готовы начать.

– Да, да. Пусть начинает, – и пояснил мне: – У нас тут новая беда. Какая-то сволочь напала на Ильича. В Мавзолее негодяй швырнул кирпич, разбил стекло. Ты знаешь – я не люблю мертвых. Посмотри, что там случилось, и доложи. Не удивлюсь, если все эти события связаны. Наши враги повсюду! Нужны быстрые действия, иначе погибнет советская власть...

По дороге в Мавзолей чекист сообщил мне, что покушался на мумию рабочий. Его тотчас расстреляли согласно новому закону.

В Мавзолее в торжественной полутьме суетился возле саркофага один из отцов мумии – Збарский, молодой еврей с копной жгуче-черных волос. Второй «отец» был болен. Того, заболевшего, я знал хорошо. Был он постарше, этаким русский барин, большой, располневший, часто находящийся под мухой...

Включили яркий режущий глаза свет, и впервые я смог всё рассмотреть.

Великолепный саркофаг в бронзовой оправе был украшен инкрустациями в виде красных знамен. Внутри него в гробу лежал Ленин. Он воистину будто спал... Лицо и руки были освещены розоватыми лучами. На зеленом френче – кирпич.

По знаку Збарского медленно поднялась стеклянная крышка. Он осторожно убрал камень с ленинской груди. Оказалось, это уже не первое нападение. Другой рабочий, незадолго до этого, выстрелил в несчастную мумию, после чего покончил с собой...

Я почувствовал: кто-то встал сзади меня.

Старуха с кудельками редких седых волос несчастно смотрела на мумию болезненно выпученными глазами. Это была Крупская. Спросила тихо:

– Вы думаете, нельзя уговорить товарища Сталина? Вы ведь его друг? Это ужасно – лежать на виду у зевак.

Я промолчал.

Збарский, мрачно поглядывая на Крупскую, собирал в саркофаге осколки разбитого стекла. Мумия была смыслом его жизни, и, думаю, он скорее сам лег бы в могилу, чем отдал земле свое творение. Как любил повторять чей-то афоризм Бухарчик: «Человек – ничто, произведение – все».

– Товарищ Сталин интересуется состоянием Ильича, – сказал я Збарскому.

– Все в норме. Но мы проведем профилактический осмотр... И доложим.

Чекист в белом халате привез каталку. Заработали механизмы, и гигантский саркофаг начал подниматься. Ильича выложили на каталку и повернули боком. Френч оказался разрезанным сзади и зашнурованным. Збарский принялся ловко его расшнуровывать.

Крупская плакала. Я поспешил уйти.

Вернулся в кабинет Кобы.

– Старуха плачет.

– Да, все хочет похоронить, – кивнул он. – Не может понять: Ильич по-прежнему на боевом посту. В то время как его соратники оказались предателями и убийцами.

Я с изумлением уставился на Кобу.

В кабинет вошли Бухарин и Молотов.

Коба походил, потом заговорил:

– Первые результаты допросов окончательно показали: Ягода – мудака. Его давно пора гнать! Начал искать убийц среди аристократов, бросился арестовывать священников, дворян, хотел свалить убийство Кирова на классовых врагов. Хотя искать надо было совсем в другом месте.

Молотов привычно молчал. Не выдержал Бухарин:

– Где, Коба?

– Искать надо было среди зиновьевцев. Я ему так сразу и сказал: «Ищи, не то морду набьем». Но уже на первом допросе Николаева... Ежов сообщил мне сегодня... Установлено: мерзавец Николаев являлся ярым зиновьевцем и действовал по их заданию.

Наступила тишина.

– ...Ты хочешь сказать, что Григорий... – в ужасе начал Бухарин и остановился. – Но этого не может быть!

Коба печально посмотрел на него.

Верный Молотов тотчас включился и, заикаясь, произнес монолог:

– Как это не может?! Может! Мы долго терпели их измены. Больше нельзя. Иначе нас ждет катастрофа Французской Революции. С этими мерзавцами и иллюзиями по их поводу давно пора расстаться. И второе. Ягода явно не справляется, значит, ему требуется помощь. – И после паузы добавил: – Разве только... он хочет НЕ справляться. Обывательский трепет перед «священными коровами». На этом посту нужен беспощадный и молодой коммунист.

Коба, убитый горем, долго молчал.

– Коба, – продолжил Молотов, – ты должен взять на себя все это трудное дело, мы тебе поможем.

– Да, – сказал он, – Ягода опоздал с разоблачением этих выродков как минимум на два года... Если бы взялся за них вовремя, у нас был бы живой Киров и многое было бы по-другому...

Так начинался этот, как нынче говорят американцы, триллер. Великолепный и очень сложный, задуманный Кобой.

Хоронили Кирова в Москве, в бывшем Дворянском собрании, именуемом нынче Домом союзов. Все центральные улицы столицы были перекрыты для прохожих грузовиками, отрядами красноармейцев и нашими сотрудниками в штатском. Всем было приказано находиться в ожидании нового нападения врагов Революции. Все пребывали в напряжении, в боевой готовности...

Прожектора Колонного зала Дома союзов освещали тонуций в цветах и знаменах большевистский, красный, кумачовый гроб...

Коба попросил меня постоять среди его охраны, пока он будет прощаться с «братом Кировым». Он, как всегда, заигрался в свою придумку – в опасность нападения коварных зиновьевцев. Так что я с густой бородой простоял всю церемонию рядом с гробом, стараясь не смотреть на желтое заострившееся лицо покойника. У изголовья гроба застыли три женщины – жена и две сестры.

О сестрах рассказывали трогательную историю. Обе – сельские учительницы из глуши. Совсем недавно они увидели в газетах портрет со знакомым лицом. С изумлением поняли, что это их брат Сережа Костриков, исчезнувший из дома много лет назад. Их беспутный, не

желавший учиться Сережа... теперь – вождь Ленинграда Сергей Миронович Киров (Киров – его революционная кличка, ставшая фамилией). Они тотчас списались с ним и собрались приехать к нему, но тут... Они увидели своего Сережу впервые после Революции – уже в гробу! Все это поведал мне Коба, не оставивший их своими щедротами. Им была выделена большая пенсия, квартиры, дачи и прочие блага. Как положено восточным владыкам, Коба умел и любил награждать.

Наконец началась моя миссия – появился Коба. Вместе с ним вышли Молотов, Бухарин и, кажется, Калинин. Тотчас погасли прожектора (для безопасности).

Коба поднялся на ступеньки к гробу. Лицо его было воистину скорбно. Он наклонился и поцеловал в лоб «брата Кирова». Слезы – на лицах трех женщин, стоящих подле.

На следующее утро я узнал, что убийца Кирова Николаев уже подписал признание: «убил Кирова по заданию троцкистско-зиновьевской группы».

Николаев тотчас был расстрелян. Следом расстреляли его прежнюю жену – любовницу убиенного Кирова.

Ночью я присутствовал на совещании в Кремле. Коба (темные круги вокруг глаз от бессонницы) зачитал официальное сообщение НКВД о раскрытии гигантского заговора, во главе которого стояли Троцкий, Каменев, Зиновьев и многие их сторонники. Последовал град имен вчерашних вождей Революции, старых партийцев, друзей Ильича!

– Мне стыдно и страшно читать это вслух, – сказал Коба. – Хорошо, что Ильич не дожил до этого позора. Оказывается, ими созданы террористические группы во всех наших крупных городах. Руководство НКВД образовало секретное управление для проведения следствия над этими людьми. Я буду лично наблюдать за следствием. Я хочу, чтоб вы поняли: разговор идет о чести этих людей. Но отнюдь не о чести партии. Партия остается незапятнанной. Более того, «очищаясь, партия укрепляет себя», – так учил нас великий Ильич...

Руководить следствием были назначены Ягода и Ежов. Когда все разошлись, Коба велел Ежову задержаться. Ягода вместе со всеми нами уехал домой.

# Гибель отцов Октября

Перед моим возвращением в Женеву Коба принял меня ночью в Кремле.

– Они оказались повсюду... Весь государственный аппарат, вся партия тронуты этой страшной ржавчиной!

В это время вошел начальник охраны Паукер с бумагой в руках. Просительно посмотрел на Кобу.

Тот усмехнулся милостиво:

– Ну ладно, давай.

И лицедей необычайно похожим на Зиновьева голосом начал смешно читать письмо Зиновьева:

– «Дорогой товарищ Сталин! Сейчас (16 декабря в 7.30 вечера) тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и проводят обыск. Я говорю Вам, тов. Сталин, честно: с того времени, как я прекратил участие в оппозиции, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которую должен был бы скрывать от партии, от ЦК и от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу... Клянусь Вам всем, что может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина. Умоляю поверить моему честному слову. Потрясен до глубины души...»

Судя по мастерству, Паукер передразнивал Зиновьева не в первый раз.

Смешливый Коба задохнулся от смеха.

Я хорошо представлял, что было с Зиновьевым, когда его арестовывали. Он был невероятный трус и паникер. Но трус очень жестокий.

Помню, как-то в двадцать четвертом году в кабинете Кобы Зиновьев обсуждал с ним, как следует топить Троцкого и как использовать молодого Кагановича.

И я рассказал тогда удивительную шутку Истории:

– Вот Каганович, вчерашний сапожник, теперь работает у нас как бы министром. А знаете, кто сейчас работает у нас сапожником? Один ленинградский чекист недавно показал мне новехонькие сапоги и спросил: «Знаешь, кто тачал? Князь Голицын – последний царский премьер-министр! Он, оказывается, остался в России. Голодает, освоил профессию сапожника...»

И я услышал голос Зиновьева:

– Как?! Этот романовский служка спокойно топчет улицы и парки революционной столицы?!

Уже потом я узнал: по приказу Зиновьева старика расстреляли.

Отсмеявшись, Коба вдруг сказал мне:

– Возьми, тебе пригодится. – Он забрал у Паукера листок зиновьевского письма и протянул мне.

– Я не понял, Коба?

– Ну почему ж, ты все понял. Ты ведь продолжаешь все записывать? Впрочем, тебе не нужно это письмо, ты и так все запомнил. – И пояснил Паукеру: – У нашего Фудзи феноменальная память, я ему в семинарии очень завидовал! – Добавил, обращаясь уже ко

мне: – Я в очередной раз предупреждаю, Фудзи: прекрати это делать! А то товарищу Ежову, – (Ягоду он почти перестал упоминать), – придется забрать эти записи... после того, как ты очутишься в совсем не хорошем месте, – и засмеялся. – Шучу... Смотри, Паукер, Фудзи побледнел.

Я побледнел, потому что хорошо знал своего друга...

Когда я уходил, Коба заметил:

– Как там пишет Григорий – «Потрясен до глубины души»? Не надо бы ему спешить. Вся глубина потрясения у него еще впереди...

Что же касается письма Зиновьева – Коба был прав. Я запомнил его дословно. Придя домой, как обычно, все записал в тетради.

Откуда Коба знал, что я продолжаю вести записи? Вычислил я это быстро... Конечно, это была она – смазливая уборщица, с которой я, глупец... Все произошло в прошлом месяце.

Когда я вошел, она мыла пол в кабинете, приподняв юбку. Великолепные длинные молодые ноги. Услышав мои шаги, обернулась и радостно засмеялась. Распрямилась, бросила тряпку. Весело взглянула мне в глаза, сказала:

– Не побрезгуете?

И случилось.

В тот день она затеяла большую уборку. Я помазал обложку Дневника особой краской. Сказал ей, что уйду надолго и она может прибираться не торопясь. Однако вернулся очень быстро. Все, как предполагал... Она в ванной стирала полотенце – смывала с него след краски, оставшийся после мытья рук. Все-таки непрофессионалка. Конечно, я сделал вид, что не заметил. Разоблачать ее было глупо – назначат новую. Лучше знать. К тому же... хорошо мне было с ней.

Прежний Дневник я оставлял для нее в столе... Начал новый, который спрятал надежно.

Вернувшись из Женевы, я застал финал следствия по делу Зиновьева и Каменева.

И был потрясен, когда узнал от знакомого следователя, чего добивался от них Коба. Они должны были показать, что по заданию Троцкого готовились убить Кобу и всех его верных соратников. И совершить «дворцовый переворот». Киров стал их первой жертвой!

Коба предложил отцам Октября *самим объявить себя убийцами* и предателями Революции. Они с негодованием ответили, что Коба, видимо, сошел с ума...

Последовал окрик Кобы. Ягоде было велено не превращать камеры в дома отдыха. Ягода пытался избежать пыток – ведь это были вчерашние вожди партии, близкие друзья Ленина и его хорошие знакомые. Он сам уговаривал их, умолял подписать признание. Конечно, тщетно!

В городе стояла нестерпимая жара. Единственное, на что отважился Ягода, – приказал сильно топить в их камерах. Но они по-прежнему с негодованием отказывались подписывать и требовали встречи с Кобой.

Коба вызвал Ягоду.

– Скажи нам, товарищ Ягода, сколько весит наша страна?

Тот изумленно глядел на Кобу. Коба повторил.

– Что молчишь, товарищ Ягода? Сколько весят все заводы, фабрики, самолеты, поезда, флот, население?

– Я не знаю, товарищ Сталин.

– Ты должен защищать безопасность страны. И оказывается, не знаешь веса страны, которую защищаешь? Странно!

– Это из области космических цифр, – пробормотал Ягода.

– Правильно. Поэтому никогда не говори мне нелепость, будто какой-то жалкий человек может противостоять давлению космического веса целой страны. Это значит: или ленишься, или не умеешь, или... не хочешь!

Ягода побледнел.

Прошла неделя, и в кабинете Кобы я стал свидетелем исторической сцены.

Вначале мой друг расхаживал по кабинету и беседовал со мной в своей манере: спрашивал меня и сам себе отвечал, совершенно не интересуясь моими ответами. Точнее, попросту размышлял вслух, проверяя на мне свою логику.

– Ты все удивляешься: за что я их? Жалеешь сукиных детей... А как ты думаешь – они меня не убили бы, если б могли? Убили бы! И ты знаешь, что убили бы... а теперь я их убью. Ужасаешься, Фудзи? Рано! Рано ужасаетесь! – заверил он с ненавистью. – Ужасаться тебе и твоим дружкам придется позже. Ты про съезд не забыл?.. «Съезд – кто кого съест». Так вот, и я не забыл, как вы хотели убить Кобу... – Он опомнился и сказал, странно усмехаясь: – Прости, Фудзи... конечно, ты не хотел, – и продолжал свое: – Порука... у вас у всех – круговая порука. Между нами говоря, я все думал, почему так долго не выходит с Зиновьевым? Ведь он трус... Я полагал, будет куда быстрее... – (Так вот почему он с них начал!) – Нет, смельчаком этот господин был, только когда требовалось убивать беззащитных! Трус и сукин сын. Я помню: когда белые шли на Петроград, Ленин, зная этого господина, послал меня к нему на подкрепление. Я застал его в панике, он в бездействии и страхе валялся на диване. Военные так и звали его – «товарищ Паника»... Да и Каменев, типичный интеллигент – слабый в несчастье. Но почему до сих пор сопротивляются? – Он походил по кабинету и проговорил отдельно: – Потому что Ягода и вы, старые чекисты, никак не можете избавиться от уважения к этим мерзавцам. Бывшие вожди для вас – по-прежнему вожди. Ягода явно с ними «деликатничает». Нет, это не Зиновьев меня подводит... это подводит Ягода. – Он посмотрел на меня. – Ответь что-нибудь!

– Но что скажет страна? Знаменитые партийцы-убийцы?

– Запомни фразу товарища Козьмы Пруткова: «Люди – как колбаса, начиняй их чем хочешь»... Сделаю! Сам! Все сам! Что ж, между нами говоря, товарищ Сталин привык честно и до конца исполнять сам свою работу!..

В это время в кабинет вошел наш с Кобой друг Авель Енукидзе, за ним – Ежов.

– Привезли, – сказал Ежов.

– Ну веди наших боевых товарищей, – усмехнулся Коба.

Авель сел поодаль, у дверей, рядом со мной. Коба остался за столом...

«Чекист» принес чай и кофе. А потом в кабинете появились... Каменев и Зиновьев! Как-то буднично, без охраны, будто пришли на заседание Политбюро!

– Садитесь, товарищи, – очень радушно пригласил Коба.

Они сели за стол, перпендикулярно приставленный к его столу. Рядком – как сидели прежде на заседаниях...

Я отметил: Ягоды снова не было, но присутствовал Ежов.

Кабинет освещался настольной лампой, в полутьме виднелась только борода

Каменева...

Помолчали. Коба щелкнул выключателем под столом, и зажглась люстра на потолке. Но лица Каменева я по-прежнему не видел. Он сидел, низко опустив голову, скрестив руки на груди. Помню необычайно изможденное, серое лицо Зиновьева с мешками под глазами. Он страдал астмой и время от времени, задыхаясь, хватал воздух широко открытым ртом.

– Товарищи из ЦК просили меня изложить позицию ЦК... Тебе не душно, Григорий? – спросил заботливый Коба.

– Уже нет, товарищ Сталин, – с готовностью ответил Зиновьев (еще вчера называвший его Кобой и Иосифом). Он был счастлив: Коба назвал его по-старому – «Григорием».

– Надеюсь, следователи вам объяснили, что ЦК просит вас помочь партии нанести сокрушительный удар по Троцкому и его банде? Мне смешно объяснять двум выдающимся теоретикам партии азбучную истину – как это важно. Я хочу лишь доверить вам информацию, почему это *сейчас* особенно важно. Как сообщает наша разведка, Гитлер сумел всего за год закончить перевооружение Германии. В своей книге «Майн Кампф» он объявил главной целью захват жизненного пространства на Востоке. Здесь сегодня присутствует наш разведчик товарищ Фудзи. Его агенты сообщают, что уже весной следующего года Гитлер подготовит военное нападение на Советский Союз. Об этом же сообщает наша контрразведка, перехватившая разработки германского командования. В этой обстановке мы должны пресечь антисоветскую пропаганду, которой занимается за границей Троцкий. Любой ценой в *преддверии* этого удара нам необходимо оторвать международный пролетариат от Троцкого и его контрреволюционной организации. Нужно восстановить единство пролетарского движения. Только мощный антивоенный фронт трудящихся всего мира защитит Республику Советов. Вот почему товарищи чекисты просили вас помочь нам... вот почему я вас позвал сегодня.

– Мы помогали вам, товарищ Сталин, – все так же не поднимая головы, сказал Каменев. – Вы предложили нам взять на себя моральную ответственность за убийство Кирова. Мы согласились. Благодаря чему вы тотчас арестовали множество наших сторонников. Теперь вы хотите, чтобы мы предстали бандитами, и ты... – (вдруг на «ты»!) – смог бы спокойно расстрелять и нас, и всех остальных?

– Когда-то наши товарищи Каменев и Зиновьев отличались ясностью мышления, способностью подходить к вопросам диалектически. Сейчас наши товарищи рассуждают как обыватели... самые отсталые обыватели!

Как же загорелись их глаза, когда «азиат» назвал их «*нашими товарищами*»!

Коба продолжил:

– Вы внушили себе, будто мы организуем судебный процесс, чтобы иметь право вас расстрелять? Это неумно! Разве мы не можем расстрелять вас без всякого суда, если сочтем нужным? Бояться нам некого... Вы уже слышали, что происходит по всей стране на собраниях рабочих, крестьян и интеллигенции? Они не просят – требуют расстрелять вас, говоря их словами, «как бешеных собак». Так что я хочу, чтоб вы учли. Если вас не расстреляли, когда вы активно боролись против ЦК и устраивали демонстрации, почему ЦК должен расстрелять вас после того, как вы, жертвуя честным именем, поможете в борьбе против Троцкого? Этим вы заплатите за старые грехи перед партией. Грехи передо мною я вам давно простил... во имя наших прошлых отношений. Кстати, о прошлом, Лев Борисович... – обратился он к Каменеву (обращение по имени считалось у нас в партии признаком близких отношений). – Возвращаю с благодарностью, – и он протянул ему... те

самые теплые носки!

Как заулыбался... нет, не Каменев, а Зиновьев! Сентиментальный Зиновьев просветлел, на глазах у него появились слезы восторга! Он понял: спасен! Зиновьев был, как говорится, «художественной натурой». Он очень хотел поверить Кобе... и поверил! Каменев же молча взял носки. Он хорошо знал Кобу.

– Итак, – продолжал Коба, – подытожим. Судебный процесс будет направлен не против вас, а против Троцкого, заклятого врага нашей партии. Что же касается ваших воистину тяжелых признаний, скажу так: обыватель дорожит своей честью, партиец – только пользой партии. «Мы – ничто, партия – все!» – (Похожий лозунг висел в немецких концлагерях: «Вы – ничто, народ – всё».) – Так учил нас с вами Ильич. Помогите же, товарищи, помогите накануне интервенции!

Он замолчал. Они начали шепотом совещаться. Коба, как бы помогая им, тактично громко заговорил с Ежовым о каких-то текущих делах... А потом увел его в комнатку рядом с кабинетом, где обычно отдыхал. Там стояли диван, шкафы с книгами, огромный глобус. Но дверь он оставил открытой.

Наконец Каменев встал, объявил, что они приняли решение.

И Коба как-то торопливо, опережая Ежова, выскочил из комнатки.

Каменев, все так же стоя, от имени обоих сказал, что они согласны предстать перед судом и подтвердить... Здесь он помялся, потом добавил: *требуемое*.

– Если нам обещают, что никого из старых большевиков, наших соратников, не ждет расстрел. И что их и наши семьи не будут подвергаться преследованиям.

Коба улыбнулся:

– По-моему, у вас не было сомнений, что мы – члены ЦК – являемся учениками и последователями Ленина. Во всяком случае, так вы оба говорили на съезде... и я верил в вашу искренность.

Они промолчали.

– Ну разве могут последователи Ильича пролить кровь старых партийцев, ленинских друзей, какие бы тяжкие грехи за ними ни числились? Какие гарантии еще вам нужны? Если вопросов нет, будем считать наше соглашение состоявшимся. – И он деловито попрощался.

Каменев направился к двери, за ним – Зиновьев. Уходя, Зиновьев обернулся, поискал глазами Кобу... Но тщетно: Коба, не поднимая головы, сидел за столом, углубившись в бумаги. В молчании они оба покинули кабинет.

Когда они ушли, Коба приказал Ежову:

– Чтоб сегодня же у них был душ, чистое белье. Книжки, какие попросят. К Зиновьеву – хорошего врача, у него явно разгулялась астма... На процессе они не должны выглядеть изнуренными. Своих держиморд научи обращаться соответственно со старыми членами партии. Если они будут недовольны, расстреляем твоих. Короче, создай санаторий заслуженным товарищам. Ну все, свободны. Да, забыл... Как будешь формулировать приговоры?

– Я думаю объявить им сначала все-таки высшую меру. Уже потом – «учитывая их заслуги в революционном движении, заменить расстрел...»

– Какой мудака! – мрачно оборвал Коба. – И этот не может забыть! Ягода номер два! Когда ж избавимся от идолопоклонства?!

– Но вы же сказали, товарищ Сталин... – промямлил Ежов.

– Это не я сказал. Это жалостливый старый партиец во мне сказал! А ты – закон!

Молодая поросль партии!

Ежов ушел, мы с Авелем сидели молча. Мы оба хорошо знали Кобу. Коба их ненавидел. А если он ненавидит, то пока не убьет... не только их самих, но и всех родственников до пятого колена... последнюю слепую прабабушку, он не успокоится. Я молчал именно потому, что хорошо знал Кобу... и Авеля.

Я был уверен: Авель не выдержит, заговорит. И он заговорил по-грузински:

– Коба, то, что ты задумал, нам не нравится...

– «Нам»? Он, по-моему, молчит. Так, Фудзи? – Коба яростно глядел прямо мне в глаза.

Я... кивнул.

– Говори за себя, Авель.

– Мне не нравится. Мне кажется – довольно! Прости их, Коба, ведь мы все старые большевики.

– Я как-то уже говорил вам, товарищ Енукидзе, что меня смущает этот термин – «старый большевик». Большевик всегда должен быть молодым и... новым. Новейшим! И если он перестал быть таковым, пусть уходит на покой. Иначе – зашибем! – Вдруг он заорал: – Запомни, мудака! Фудзи молчит не потому, что боится. А потому, что помнит: кто не с Кобой – тот против Кобы! Ты же забыл, что такое друг! И вообще – чего расселись? Пошли вон, старые большевики! На хуй – оба!

Прошла неделя. Каково же было мое изумление, когда Коба мне сказал:

– Представляешь, Зиновьев упомянул Бухарчика... – (назвал Бухарчиком, как нежно звал того Ильич), – будто Николай с ними сотрудничал. – И уставился на меня.

Я молчал. Он продолжил:

– А Каменев про Енукидзе поведал... Оказывается, он тоже был с ними. Потом, правда, попросил вычеркнуть. Неужто все они в одном клубке? – И опять пристальный взгляд – на меня. – Неужели и Авель? Неужели возможно? Но если возможно, значит, не исключено? Екатерина говорила: «Лучше помиловать девять виновных, чем казнить одного невинного...» Но мы – революционеры, окруженные врагами. Мы единственная в мире крепость социализма, которую я стерегу, и я за нее отвечаю... И с уверенностью говорю тебе, Фудзи. – Он зашептал: – У нас, к сожалению, должно быть *наоборот*. Для начала Авеля погоним из Москвы поганой метлой. Секретарь ВЦИК – это не для него. Отправим его на родину. Пусть поработает Председателем Закавказского ЦИК, пока НКВД разберется... – Желтые глаза вновь буравили меня. В них я прочел его любимое: кто не со мной, тот против меня.

Я все молчал. Он улыбнулся.

– Товарищ американский посол устраивает бал... Решил показать нам шик... Погляди, *что* там будет и, главное, *кто* там будет... из наших мудаков. Твой друг Бухарчик... – (я был с ним едва знаком!) – наверняка припрется. Уж послушай, что он там наговорит. Точнее, что они все наговорят.

Он брезгливо протянул мне приглашение в посольство на имя какого-то Муравьева.

...Все последнее время он предлагал мне быть заурядным стукачом. Но я старался не понимать этого.

# Бал у сатаны

Это и был тот бал, который они так долго готовили. По Москве шел слух, что затевалось нечто невероятное...

...В холле уже танцевали. Как тогда в особняке НКВД, здесь была волнующая полутьма, и лучи прожектора, все время меняя цвета, выхватывали из темноты кружащиеся пары.

Надо признать, особняк был декорирован фантастически. Холл украшен живыми тюльпанами. Слышался шорох крыльев – по нему порхали... настоящие птицы! Взлетали над танцующими, садились на люстры. Двери в залу были распахнуты. У входа – русские народные костюмы: музыканты, одетые в алые косоворотки и лакированные сапоги, удачно выворачивали гармони. По углам огромной залы – настоящие высокие березы в кадках. Около них – клетки, в которых испуганно блеяли козы, заливались, кукарекали куры. В сарафанах и кокошниках суетились рядом «птичницы». Вся эта декорация называлась «Россия колхозная» (поклон в сторону Кобы). Под потолком над колхозной, льстиво изобильной Россией летали, бились о стены ошалевшие птицы.

В центре столовой – накрытые столы. Между ними неторопливо разгуливали вперевалку огромная медведица и её детеныш, маленький Мишка. Пара была величественно спокойна. Здесь же, стараясь держаться от них на расстоянии, прохаживались не желавшие танцевать гости.

Вдруг за спиной я услышал русскую речь. Обернулся и увидел... Паукера и Ворошилова. Они не обратили на меня внимания – не узнали.

– А вот и наши приглашенные пожаловали! Конечно, цвет оппозиции – не могли не посетить капиталистов, – сказал Паукер.

В зал вошел Бухарин в старомодном сюртуке. За ним – Радек в туристском костюме, желая тем самым, видимо, эпатировать капиталистов.

– ...И наш Наполеончик... Смотри, оказывается, они все дружат, – весело объявил Паукер.

В зале появились два маршала, оба в мундирах и в орденах, – красавец Тухачевский и кряжистый Егоров, следом – застенчиво крутивший ус Буденный. Потом один за другим вошла театральная элита. Стремительно пронесся седой петушиный хохолок – Мейерхольд. Тяжело ступал мужиковатый Немирович-Данченко и за ним, почти танцуя, – элегантный, фрачный Таиров.

Все были без жен и почему-то столпились – группа военных и группа интеллигенции.

– Ильич любил называть интеллигенцию «блядьми», – веселился Паукер.

– Они и есть, – мрачно ответил Ворошилов.

В этой группе фраков бросался в глаза своим траурно-черным костюмом высокий мужчина с копной серых, зачесанных назад волос. Он часто беспокойно, нервно озирался. Рядом стояла черноволосая красавица в белом платье с бледно-розовыми цветами. Будто успокаивая, она поглаживала его руку.

– Кто это? – спросил Ворошилов.

– Булгаков, писатель. Контра. А жена у него – такую стоит... – (Паукер был гомик, но для маскировки изображал из себя сексуального маньяка.) – Модный был раньше, контра, теперь не у дел. «Дни Турбиных» во МХАТе не видел? С душком пьеса. Но товарищу Сталину понравилась игра актеров... Однако поиграли – и хватит! Сняли пьесу! «И прослезился», –

непонятно в связи с чем добавил Паукер и захотел. (Только потом я узнал, что это была знаменитая реплика из «Дней Турбиных».)

В это время часы пробили полночь – и началось. Проектор послал на потолок изображение Луны. Луна стала гаснуть – как бы наступал рассвет. Сняли покрывало с петухов, и те дружно запели. Ударили по кнопкам гармонисты. Взорвался звуками джаз в холле. Один из петухов от страха взлетел и приземлился на тарелку с утиным паштетом...

Веселье быстро набирало уже какие-то опасные обороты. Сильно принявший на грудь маршал Егоров обнимал медвежонка, поил его шампанским через соску. Непривычного к такой забаве Мишку вырвало прямо на его мундир.

– Капиталистическая сволочь! – вопил обиженный Егоров. – На советский маршальский мундир!..

Я шел к выходу через толпу, в которой пили, танцевали и веселились будущие наши мертвецы. Проходя мимо Паукера, задержался ненадолго. Тот увлеченно проводил разъяснительную работу среди театральной элиты:

– Сколько денег вбухано... Считайте сами: животные напрокат из Московского зоопарка, тюльпаны из Амстердама, паштет из Страсбурга – утром самолетом, и джаз-бэнд – опять же по воздуху из Штатов, плюс наш цыганский оркестр с танцовщиками. Все в какую копейку? Хотят, чтоб мы сказали: «американский размах». А мы ответим: «Капиталистическая агитация, тогда как трудящиеся живут там впроголодь!»

...Хорошо «набравшийся» Буденный с удалым свистом, гремя орденами, пустился вприсядку.

На следующий день Коба спросил меня:

– Ну, что вынюхал?

Меня резанула фраза, но я ответил:

– Ничего особенного, Коба. Веселились, пили. Буденный сплясал трепака.

– Да, Ворошилов быстро ушел, как и мой друг товарищ Фудзи, который не захотел выполнить порученную ему работу... Зря... Между тем товарищи Радек, Бухарин и Тухачевский вместе с Егоровым образовали теплую компанию и полезно поговорили. Очень интересный был разговор, но сообщили о нем мне другие. Кстати, твой друг Енукидзе вчера придумал паясничать в Политбюро. Заявил, что он не достоин быть Председателем Закавказского ЦИК: «Если меня Коба снял за то, что я не справился в Москве, почему вы думаете, что я справлюсь в Тифлисе? Как говорится, «возьми Боже, что нам в Москве негоже». Зачем оскорбляете наш родной с Кобой край?» Короче, издевался как умел и попросил ЦК назначить его на другую, более скромную должность. Он думает, мы будем с ним нянькаться, настаивать. Нет, мы удовлетворим...

Так что бедный Авель не успел доехать до Тифлиса. Коба переназначил вчерашнего кремлевского боярина руководить в Харькове какой-то конторой. Но переживал. Ходил мрачный...

Помню, вскоре я приехал в Тифлис к тетке. Разыскал Енукидзе. Оказалось, он не спешил ехать в Харьков, отсиживался на даче Орджоникидзе.

– Проси прощения! Коба очень переживает разлуку.

– Я рад, что сказал ему, но я не рад, что ты промолчал.

«Я жить хочу, а ты, по-моему, не хочешь», – я не произнес этого. Только спросил:

– Ты почему не едешь в Харьков, Авель?

– Не вижу смысла. Он все равно не успокоится, пока не уничтожит... Лучше здесь поживу. Мне уже... недолго.

В ожидании сенсационной расправы с вождями Октября страна сошла с ума в своей любви к Кобе. Я уже повидал начало такой же исступленной любви в Германии. Страх плюс пропаганда равняется «искренняя народная любовь» – это изобретение нашего века.

По всей стране уже шли массовые аресты. Люди хотели любить Кобу, так было безопаснее. Они хотели искренне лгать себе, чтобы продолжать уважать себя. Да, Коба прав: люди, как камешки в океане, – легко обкатываются.

Весной 1935 года открыли первые станции метро – еще одна великая победа!

После комнатух-сот в коммуналках люди спускались в настоящие мраморные подземные дворцы. Люстры, позолота, бронза, гигантские мозаичные панно...

Умненькая дочь Светлана написала приказ своему секретаришке: «Хочу покататься на метро». Он велел собираться. Тотчас был вызван возглавлявший строительство метро нарком Лазарь Каганович, именем которого щедрый Коба назвал эти подземные дворцы.

Началась игра. Каганович побледнел и заявил:

– Теперь, когда раскрыты замыслы кровавых троцкистов-зиновьевцев, можно ли так рисковать товарищу Сталину? Сколько их еще на свободе? Как член Политбюро я обязан созвать совещание...

Коба, как всегда, подчинился дисциплине. И Каганович вызвал Молотова, Ягodu, Паукера и меня (все знали о моем участии в похоронах Кирова).

Я приехал в разгар совещания. Все не уставали твердить Кобе об опасности, ведь изменники оказались повсюду. Каганович предложил спуститься в метро после полуночи, когда оно закроется для публики.

– Ночью моя дочь спит, – усмехнулся бесстрашный Коба. – Мы пойдем смотреть сейчас. Я подчиняюсь приказам Хозяйки. Да и политически это важно.

Каганович сказал:

– А если наклеить Фудзи усы и сбрить бороду и он поедет вместе со Светланой?

Коба мрачно взглянул на Кагановича, тот испуганно замолчал. Тогда Паукер с Ягодой предложили временно закрыть метро и очистить метрополитен от публики.

– Нет, дочь моя должна воспитываться, как все дети. Все дети ходят в метро со своими родителями, и я хочу. И вообще, мы ведь все её секретаришки. Приказ есть приказ, должна быть дисциплина, – шутил бесшабашный смельчак Коба.

Начали собираться. Коба заговорил со мной тихо по-грузински:

– А не назначить ли тебя, Фудзи, официально моим двойником? Худоват ты, конечно, на морду, но это поправимо. И волосы у тебя на голове по-еврейски вьются, но ничего, разгладим. Жаль, глаза трусливо бегают, их не поправишь... – и прыснул в усы. Он был в хорошем настроении.

Эскорт Светланы составляли няня и родственники обеих жен Кобы: жена брата его первой жены, бывшая оперная певица Мария Сванидзе, и жена брата второй жены, Нади, – Женя. Та самая рослая красавица блондинка, с которой у Кобы... Мне даже показалось, что всё представление он устроил для нее, хорошо зная, что должно произойти в метро...

То, что должно было произойти, организовали Паукер, Ягода и я.

Собирались они два часа, и за это время сотни агентов наполнили станцию «Охотный ряд», изображая публику. Второпях мы немного подкачали с одеждой – вся «публика» была в одинаковых темных костюмах!

Паукер с Ягодой, прикрывая собой Вождя, вошли в метро первыми. За ними последовал сам неустрашимый Коба. За Кобой, визжа от восторга, – Светлана с няней, Марией Сванидзе и Женей Аллилуевой. Потом мы – я, Каганович и привычно молчащий Молотов. Когда спустились по эскалатору, толпа агентов кинулась приветствовать Вождя. Исступленно кричали «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!». С восторгами немного переборщили – снесли бронзовый светильник...

После, уже наверху, он победоносно посмотрел на меня.

Я только развел руками, потрясенный любовью народа.

Он до конца играл в игру. Вернувшись, сказал почти виновато, обращаясь к Жене:

– Что делать, России нужен Бог и царь. Без царя наш народ не может, – и печально вздохнул.

Но я уверен: будь там настоящая толпа – восторга было бы еще больше. Такого же, какой читался в восхищенных глазах Жени.

...Бедная Женя и в страшном сне не могла увидеть свое будущее, о котором речь впереди.

# Прощание

Накануне нового, тридцать шестого, года я застал его за чтением писем от заключенных вождей.

– Вот Зиновьев пишет часто, а Каменев вообще не пишет. Не хочет разоружиться... Зиновьев благодарит, – и он прочел: – «В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат...» Видишь, выполняются договоренности. – Коба усмехнулся и продолжил читать письмо: – «Но я стар и потрясен. За все эти месяцы я состарился лет на двадцать. Помогите. Поверьте. Состояние мое очень плохое. Горячая просьба издать мою книгу, написанную в ссылке... Писал ее кровью сердца. И еще, если смею просить о семье своей, то особенно о сыне. Вы знали его мальчиком. Он талантливый марксист с жилкой ученого. Помогите им. Всею душой теперь ваш...» Видишь, «всею душой» теперь мой, а прежде – чужой... Как выступать – мой, как тайно голосовать – опять чужой. Выпусти его – и все начнется сначала, но зато сейчас всею душой мой, – и, усмехаясь, еще раз *медленно* прочел письмо.

Зачем? Думаю, он понимал, что я продолжаю записывать. И, зная мою память, хотел, чтобы жалкое угодливое письмо врага сохранилось. Чтобы никто не мог сказать, что он их пытал. Мой друг очень заботился об истории.

Помню тридцать первое декабря тридцать пятого года – тот последний Новый год, когда мы собрались все вместе на квартире Кобы. Моя жена умудрилась заболеть гриппом (она всегда заболела накануне подобных посиделок), и я снова пришел один.

Кремль очень изменился. Охрана – повсюду, за каждым поворотом. Было ощущение, что они стоят непрерывной цепью вплоть до его квартиры.

Пришли Сванидзе. Милый Алеша, все такой же красавец с голубыми глазами, орлиным носом, правда, уже с седыми волосами... Недавно Коба определил его одним из руководителей в Государственный банк. Его жена Мария – постаревшая знойная еврейская красавица, в прошлом – оперная дива. Самое смешное – на пятом десятке она влюбилась в Кобу и преследовала его влюбленными глазами. Всё это невероятно злило Алешу. Она была в вечернем платье, диковатом среди весьма скромных нарядов остальных дам. С ними – сын, названный революционно – Джонрид.

Присутствовало всё наше грузинское «кремлевское» землячество – Серго Орджоникидзе, Нестор Лакоба, приехавший из Абхазии, все с женами. Был и... Авель Енукидзе! Коба вызвал его из Харькова. Короче, он собрал всех. Мы, глупцы, решили, что произошло невероятное: Коба простил! Мы еще не знали его любимого обычая – *поцеловать перед, обнять перед... Обнять «на дорожку»*... Почти всем приглашенным очень скоро предстояла эта последняя дорожка...

Русскую часть гостей составляли супруги Аллилуевы – Павлуша и Женя. Она была великолепна в простом черном платье, облегавшем сильное тело. Высокая, длинноногая, загорелая и гордая... Все говорили ей незамысловатые комплименты по поводу загара. Коба смотрел на нее хмельным взглядом...

После боя часов на Спасской башне и праздничных тостов с пожеланиями счастья в новом году Коба встал из-за стола, подошел к граммофону, поставил пластинку (у него была гора пластинок). И объявил:

– Все танцуют!

Помню, Серго пригласил Женю, Нестор Лакоба – свою жену. Алеша Сванидзе – жену Марию, я – жену Серго.

Муж Жени Павлуша как-то потерялся, не танцевал, сидел в сторонке. Рядом с ним уселся Авель Енукидзе, молчавший весь вечер.

Коба тоже не танцевал. Он громко обратился к Авелю:

– Ты посмотри, какая красавица жена Нестора... И жена у Серго тоже хороша. А Мария какова! В каком великолепном платье! Должно быть, иностранное, товарищ банкир, видно, не пожалел денег. – Коба хитровато прищурился и посмотрел на Женю. – А вот Женя... Недаром ее называют «розой новгородских полей». В отечественном платье – но как оно на ней сидит!.. Жене, – сказал он, глядя все теми же хмельными глазами, – надо рекламировать платья нашего родного Москвошвея...

Авель ничего не ответил, только усмехнулся.

Я первый раз видел Кобу в роли женского комплиментщика. Он был неуклюж в этом качестве, как и все мы, но... Женя залилась краской!

Пластинка закончилась. И тогда он запел любимую всеми нами «Сулико». Как бывало в юности, следом вступил я, за мной – остальные. Мы пели эту печальную песню на языке своей маленькой родины. На наших глазах и на глазах Кобы были слезы...

Когда закончили, он налил бокал и произнес торжественно:

– Разрешите мне выпить за Надю.

Все молча подходили к нему с бокалами и обнимали его. Авель впервые тоже подошел к нему и обнял.

Потом Коба в очередной раз заставил мужчин пригласить дам. Танцевал даже Павлуша со своей Женей.

В сторонке оставались Коба, я, Авель и Мария.

Мария сказала мне:

– Как же он изменился после смерти Нади! Раньше был мраморный герой, железный человек. Насколько стал мягче, добрее. Он так одинок, особенно с момента гибели Кирова. Вы уж его не бросайте. Ему ведь не с кем поговорить в семье. Анна... – (сестра покойной Нади, я плохо ее знал), – она добрая, но такая убогая. И Павлуша тоже не блещет... Я все думаю: как трудно Иосифу его видеть, ведь это он подарил Надюше тот пистолет! Иосифу, пожалуй, интересно только с Женей. Она всегда горит энергией, так живо интересуется всем...

И тут до меня дошло! Ну конечно же! Надежда застрелилась из пистолета Павла. *Павел отнял у него жену, теперь Коба отнимал жену у Павла.* Имел право! Наша логика – логика азиатов.

– Я не могу смотреть на него без слез – такой у него печальный взгляд!.. – продолжала Мария.

И вправду, Коба глядел на нас с какой-то тоской.

Я тогда не понимал, почему он печалился. А он уже знал, что расстанется с нами. Мы должны были исчезнуть вместе с ненужной, опасной, старой партией...

Расходились под утро. Он проводил каждого до двери. И поцеловал всех с тем же печальным видом. Больше в таком составе он уже никогда не соберет нас.

Когда мы разъехались, в квартире остались Коба и Авель. Сначала они молча пили.

Потом у них состоялся разговор.

– Много охраны стало в Кремле, – заметил Авель.

– Постановление ЦК, – вздохнул Коба. – Ничего не поделаешь. Хотя идешь порой мимо них и думаешь: кто из них выстрелит тебе в спину?

Еще помолчали. Наконец Коба спросил его:

– Почему молчишь?

– А что я должен говорить?

– Как – что? Понял ли свою ошибку? За этим вызвал тебя...

– Не все ли равно? Понял, не понял – все равно убьешь. Всех нас убьешь. Я ведь тебя знаю. Я да еще, пожалуй, Фудзи... мы тебя знаем.

– Чепуху несешь! На вопрос почему не отвечаешь?

– Ты хочешь спросить, нужно ли расстреливать старых партийцев за придуманные тобой преступления? По-моему, нет! Тысячу раз – нет!

И тогда они начали орать друг на друга. Но мягкий Авель (которого, кстати, обожала дочь Кобы) оказался крепок как камень. Уходя, он попрощался с Кобой, обнял его. И сказал:

– Обязательно буду приходить к тебе *после*. И всегда спрашивать: «Каин, где твой брат Авель?»

Коба выругался...

Все это рассказал мне сам Авель накануне своего ареста, презрительно глядя мне в глаза.

Легко ему было презирать мое молчание! Он, в отличие от меня, не имел семьи. И ещё... Он умел оставаться собой в присутствии Кобы, а я – нет.

Коба действовал на меня, как и на многих, словно удав на кролика. Точнее – кроликов.

Мой друг Коба... Мой любимый друг Коба. Который вскоре расстреляет другого нашего любимого друга – Авеля Енукидзе.

# Настала очередь Бухарчика

В это время я был впрямую назначен, как бы помягче сказать, соглядатаем к Бухарину. Расскажу, как это случилось...

Положение Бухарина резко ухудшилось в самом начале тридцать шестого года.

Поползли настойчивые слухи о том, что в своих показаниях об убийстве Кирова Зиновьев и Каменев упоминали его имя.

Наша главная газета «Правда» неожиданно выступила с жесткой критикой Бухарина. Я как раз приехал из Женевы и готовился вскоре туда вернуться, когда меня вызвал Коба.

Входя в его кабинет, я столкнулся с Бухариным. Он был невероятно весел, даже напевал. Подмигнул мне, хотя, повторяюсь, мы с ним были мало знакомы. В нем всегда было что-то очаровательно-мальчишеское...

В кабинете Коба сидел один. Помолчав, сказал:

– Видишь, как он обрадовался. В Париж его отправляю. Интересный человек этот Бухарчик. Сейчас он клеймит Зиновьева, Каменева. С готовностью объявляет их предателями. А пару месяцев назад к нему пришел твой давний дружок, зиновьевский выкормыш Шляпников...

– Он не был моим другом, – поспешил сказать я (Шляпникова на днях арестовали).

– Бухарчик с ним наобнимался, – будто не слыша, продолжил Коба, – повздыхал о ленинских временах, потом спохватился – понял, что узнаю! И тотчас после ухода Шляпникова написал мне: «Приходил Шляпников, от него политически воняет». Да и Зиновьев перед арестом навещал его, оба потосковали об Ильиче, понасмешничали над товарищем Сталиным. И также Бухарчик тогда испугался и написал товарищу Сталину, как заставил «подлеца Зиновьева» – так он назвал своего вчерашнего союзника – «выпить за Сталина». Ну как ему верить? Как им всем верить?! Все они проститутки, Фудзи. Но Бухарчика я люблю. Хоть он меня в глубине души ненавидит. И я решил сделать ему подарок. Политбюро постановило купить в Париже архивы Маркса и Энгельса... – (Этот архив принадлежал социал-демократической партии Германии. После ее разгрома Гитлером они сумели вывезти архив в Европу.) – Хранится теперь Марксов архив у меньшевистской сволочи. Распоряжаются им Николаевский... – (меньшевик, историк), – и Дан. – (Как быстро его забыли в России... А ведь два десятка лет назад этот лидер меньшевиков гремел, в Февральскую Революцию был одним из вождей Петроградского Совета!) – Я посылаю в Париж за архивами Бухарчика. – Коба помолчал и прибавил: – С молодой женой... Пусть погуляет, развеется, а то статья в «Правде» его сильно напугала. Ему костюм новый пошили, чтоб щеголем поехал. Ведь с женой отправляется, – и прыснул в усы, глядя в упор на меня. – Николай едет вместе с делегацией... В делегации: директор ИМЭЛ... – (Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), – руководитель ВОКС... – (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Всех потом расстреляет Коба.) – Директор, – продолжал он, – типичный наш партийный мудака, ему можно подсунуть любое говно вместо Маркса. Проверять подлинность, вести контакты будет наш умный Бухарчик, а глава ВОКС – торговаться... Зачем я тебе все рассказываю? Мижду нами говоря, боюсь за Бухарчика. Вдруг он из страха... – Он так и не сказал: «останется». Еще походил по кабинету. – К тому же у него павлиний характер. Бог знает чего наплетет. Он будет встречаться с этими меньшевиками. Не в службу, а в дружбу – последи за ним. Сообщи, что там наговорит наш

Камиль Демулен, как назвал его товарищ Ромен Роллан. Опасно, между прочим, назвал... если помнить, чем кончил этот Демулен! – и опять прыснул в усы.

Один я понял до конца, какой великий ход сделал Коба. Он надеялся, что Бухарчик после грозной статьи и еще более грозных слухов попросту останется в Париже. Потому послал его вместе с женой. Не хотелось Кобе его судить. Уж очень любили Бухарчика его дети, особенно Светлана. Да и среди молодых партийцев, и в Коминтерне у него было множество почитателей. Лучше бы сам сбежал! И это бегство стало бы не только сигналом к арестам вчерашних «правых». Оно послужило бы доказательством, что все эти ленинцы – на самом деле скрытые враги и явилось бы хорошей поддержкой будущих процессов. Ведь тогда, в марте тридцать шестого года, первый открытый процесс против Зиновьева – Каменева лишь готовился... Но если даже Бухарчик не останется во Франции, он наверняка не сумеет держать язык за зубами!..

Коба молчал, и на лице его появилось то самое *опасное раздумье*.

Он наконец закончил мысль:

– Если же он останется... Он ведь кладезь важных секретов. Не обойди его своей заботой, *распорядись* тогда. Короче, ты едешь в Париж...

Так он сделал меня стукачом и возможным убийцей. И я поехал.

Пока Бухарин добирался в Париж через Вену, Амстердам и Копенгаген (где хранились Марксовы бумаги), я все организовал.

Бухарина с делегацией поселили в роскошном отеле «Лютетция» (отеле с мрачноватой судьбой – во время будущей войны там расположится гестапо).

Далее все пошло, как задумал великий шахматист Коба. Воздух свободы воистину опьяняет. Всякий, кто жил в СССР, знает это опасное ощущение. Попадая за границу, советский человек зачастую не понимает, что и там продолжается любимая Родина. Только незримая. К тому же не зря заботливый Коба разрешил ему взять в Париж жену...

Они упивались Парижем и сходили с ума от любви и свободы.

С обладателем архива меньшевиком Николаевским наша делегация встречалась в кафе в «Лютетии».

Не стовариваясь, Николаевский и Бухарин обычно приходили чуть раньше условленного срока. Пока к ним не присоединялись остальные члены делегации, они беседовали вдвоем. Уже в первой такой беседе Бухарин изложил Николаевскому любимые мысли о пагубности коллективизации. Все это время наши люди буквально окружали их. Пара французских коммунистов, выполняя партийное задание, сидели за соседними столиками. За другим завтракали двое моих агентов. Они поселились в той же гостинице, чтобы их постоянное присутствие в кафе не вызывало подозрений.

С самого начала переговоров о покупке архива выяснилось, что Коба выделил ничтожные деньги. Сумма, требуемая Николаевским, оказалась неподъемной для делегации. Бухарин тотчас написал Кобе. Пока ждал ответа, договорился встретиться со злоязычным Даном. Это уже была непредусмотренная встреча, и на нее он взял жену, перед которой, конечно же, вдоволь покрасовался.

Дан долго говорил комплименты уму Бухарина, красоте супруги. После такого Бухарин стал совсем искренним и на вопрос о Сталине всласть высказался:

– Это маленький злобный человек. Точнее, не человек, а дьявол.

– Как же вы ему доверили свою судьбу, судьбу партии, судьбу страны? – счастливо спросил Дан, уже представляя, как будет все это рассказывать.

– Не ему, а человеку, которому доверяет партия. Он, к сожалению, теперь для народа – олицетворение партии. Вот почему мы все лезем к нему в хайло, зная наверняка, что он пожрет нас всех.

– Зачем же вы тогда возвращаетесь?

– Жить, как вы, эмигрантом, я не смогу. Нет, будь что будет... – и, взглянув на жену, добавил: – А может, ничего не будет.

Все это Дан тотчас поведал своей подруге социал-демократке Фанни Езерской в любимом эмигрантами ресторане «Ротонда». И все это записали наши агенты, постоянно там работавшие.

Бедный Бухарчик не мог не говорить. Недаром Ленин запрещал рассказывать ему партийные секреты, недаром он называл его «Коля-балаболка»...

Бесконечно болтал Бухарчик и с Николаевским, и тот тоже все записывал – для истории. Хотя, боясь навредить Бухарину, Николаевский свои записи не публиковал, но давал читать друзьям. Этого было достаточно, чтобы всё отправилось к Кобе.

Но что было совсем нехорошо: Бухарин тайно встретился в Париже с послом США в СССР Буллитом и сообщил ему о новых, странных прогитлеровских настроениях, все сильнее овладевавших Сталиным, а также о восторгах Кобы по поводу геббельсовских пропагандистских трюков.

Встретилась с ним и меньшевичка Фанни Езерская. Она сказала ему:

– На днях у нас появились точные сведения о том, что Зиновьев и Каменев уже показали против вас. И вас ждут, чтобы сделать участником нового процесса... – Она предложила ему остаться и начать вдвоем издавать оппозиционную Сталину газету: – Вы единственный в мире, кто смог бы стать ее успешным редактором.

Бухарин задумался, а потом спросил Фанни:

– Чем вы занимаетесь во Франции?

– Работаю на фабрике.

– А я не смогу. Я привык к политической деятельности.

– Боюсь, что ни политической, ни какой-то другой деятельности у вас отныне не будет!

– Нет, он не посмеет... Впрочем... у меня нет выбора...

Поездка оказалась бессмысленной. Денег, которые просили меньшевики за архив, Коба не дал – зачем бережливому Кобе тратить деньги на какие-то Марксовы черновики? Главная цель достигнута: Бухарчик не остался, но достаточно наговорил.

# Великий театр великого режиссера

Бухарин вернулся. Прилетел в Москву и я. Надо сказать, что я постарался не перегружать свой отчет его фразами. Но это уже не могло ему помочь: параллельно работавшие агенты Ягоды каждый день сообщали о его разговорах в Москву.

Коба вызвал меня в Кремль, и я застал в кабинете Бухарина. Я испугался, что Коба сообщит ему о моей слежке за ним. И начнется отвратительная очная ставка. Но ничего подобного. Он сказал ему:

– Не печалься, Николай. Архив мы все равно купим. Кроме нас, у них других покупателей нет и не будет. Так что подумают и уступят в цене...

Бухарин ушел.

– На Памир поехал отдохнуть. Пусть сил наберется, они ему понадобятся. А ты записал все, что наговорил «балаболка»?

– Все, что передали мои агенты.

– Ну, хорошо, если так.

На открытии процесса Зиновьева – Каменева я был в Лондоне. Но, вернувшись, побывал на нескольких заседаниях.

Начало процесса совпало с началом театрального сезона в Москве.

И не зря. Великий актер Коба любил театр. На всех процессах над отцами нашей Революции мой великий друг был сразу и великим драматургом, и великим режиссером. Все, начиная со сценографии, тщательно продумал режиссер Коба. Для постановки суда над вождями *Октября* он выбрал *Октябрьский* зал Дома союзов. Тот, кто не знал Кобу, усмотрел бы в этом злорадную насмешку. На самом деле в этом был пафос. Коба всегда любил патетические образы, как положено восточному человеку. На этот раз он внедрял в сознание: те, кого называли отцами Октября, в действительности – злейшие враги Октября. И потому их следует разоблачать в зале, названном в честь Великого Октября.

Кровавые краски Революции: огромный стол покрыт красной скатертью. Возвышаются монументальные кресла с гербами Советского Союза. У правой стены за деревянной перегородкой – подсудимые. За ними – красноармейцы с винтовками. Свет направлен на винтовки, грозно поблескивают примкнутые штыки.

Прокурор Вышинский выступает с яростной длинной речью. Перед страной разворачивается увлекательная картина тайных преступлений Зиновьева и Каменева. Потрясающий детектив. Исполняя губительные директивы зловещего Троцкого, Зиновьев, Каменев и сообщники вступают в тайный заговор против Страны Советов. Организуется подпольный центр для покушений на руководителей партии и государства. По их заданию многочисленные сподвижники осуществляют убийство любимого народом Кирова, создают в стране террористические группы для убийства Сталина и его верных соратников. Но гибель Кирова не проходит им даром. Возмездие не заставляет себя ждать. Всевидящее око НКВД разоблачает тщательно законспирированный заговор...

– Бешеные псы должны быть расстреляны! – призывает Вышинский.

Зал (массовка, состоящая из наших агентов) одобрительным грозным гулом

поддерживает прокурора.

Вне зала Коба сделал массовой всю страну. Общий клич – «Распни!»

Заводы и фабрики (некоторые недавно носили имена Зиновьева и Троцкого) на многотысячных митингах проклинают и требуют смерти.

И каждое утро страна поглощает захватывающие известия. Газеты раскупаются мгновенно. Приятно читать о падении всемогущих богов. Имена, еще вчера соединявшиеся с именем Боголенина, Коба делает ругательствами.

После усердных репетиций со следователями обвиняемые отлично играли пьесу Кобы. Вчерашние вожди Революции в подробностях рассказывали, как губили Революцию. И как вместе с Троцким задумали убийство Кирова.

В заключение Зиновьев и Каменев сами попросили для себя смертной казни...

Это происходило на сцене. Но в перерывах подсудимые удалялись в маленькую дверь, которая располагалась у них за спиной.

За ней начинались кулисы театра Кобы. Я был там однажды – передавал Вышинскому очередное указание. Как и положено, за кулисами находились буфет и комната, где подсудимые отдыхали от удивительного представления. Здесь сидели Ягода, Ежов и Вышинский. Вышинский, только что яростно клеймивший их в зале, мирно и уважительно обсуждал с ними дальнейшее течение придуманной Кобой пьесы. Ягода тоже помогал советами, давал последние указания. Короче, оба вели себя так, как и надлежит дежурным режиссерам во время спектакля.

Главный режиссер Коба позаботился обо всем – и даже о непредвиденных обстоятельствах. На случай, если обвиняемым пришлось бы в голову нарушить ход придуманного действия, наши агенты, изображавшие публику, были наготове. Криками негодования они могли в любую минуту заглушить их речь.

Но ничего такого не произошло – подсудимые успешно доиграли свои роли до конца. Мой великий друг даже предложил им пофилософствовать, ведь прежде оба считались крупными теоретиками.

– Вы спросите, как я мог сочетать террор с большевизмом? – обращался Зиновьев к публике. И заботливо, неторопливо, будто учитель ученикам, объяснял: – При моем извращенном большевизме я считал, что все средства хороши для достижения цели. И этот извращенный большевизм должен был неминуемо докатиться и докатился до троцкизма и терроризма...

Послабее, но тоже порой неплохо выглядел Каменев:

– В третий раз я предстаю перед пролетарским судом. Дважды мне сохранили жизнь. Но есть предел и великодушию пролетариата... Каков бы ни был мой приговор, я считаю его справедливым!

Думаю, Каменев, в отличие от Зиновьева, не верил Кобе. Чутье ему подсказывало: это – смерть. Но он решил спасти хотя бы своих детей. Потому в последней речи он обратился к ним:

– Не оглядывайтесь назад, идите вперед и только вперед! Вместе с народом следуйте за великим Сталиным!

# Продолжение триллера

На процессе страна узнала воистину сенсацию: Зиновьев и Каменев раскрыли сподвижников. Оказывается, они действовали не одни. Посыпались фамилии, и какие! Те, кого страна почитала все эти двадцать лет, – Бухарин, Рыков, Томский, Радек, Сокольников и прочие вчерашние партийные вожди, друзья Ильича! Они были названы участниками террора. Почти все ленинские соратники – преступники, причастные к заговорам и террористическим актам... Выяснилось, что наряду с Объединенным троцкистско-зиновьевским центром (то есть объединением Троцкого, Зиновьева и Каменева) они создали некий преступный параллельный террористический центр, готовивший *дворцовый переворот*. Вот такой неожиданный сюжетный ход!

Услышав эти показания, застрелился один из отцов Октября, вчерашний член Политбюро и глава профсоюзов Михаил Томский. Этот потомственный рабочий выступал против разгрома деревни вместе с Бухариным и Рыковым... Я как сейчас вижу маленького, тщедушного морщинистого человечка. У него хватило воли пройти царскую каторгу, но каторгу в созданном им государстве он пройти не захотел... «Запутавшись в своих контрреволюционных связях...» – так сообщили газеты.

Только теперь я стал понимать, что мой великий друг написал очень длинную пьесу, и ее действие лишь начиналось. Вся страна вместе со мной готовилась услышать продолжение захватывающей интриги...

Уже вскоре было объявлено: все лица, упомянутые на процессе, допрашиваются, идет новое следствие!

Словосочетание «дворцовый переворот» стало тогда очень популярным в стране Октября.

Все это время я размышлял: зачем? Зачем Кобе *это*? Ведь ни о каком параллельном центре тогда, в Кремле, на встрече Кобы с Зиновьевым и Каменевым, не говорилось. Шла речь только о Троцком, о единстве международного рабочего движения. И я с ужасом думал: неужто Троцкий был просто запевом? И Коба решил избавиться от всех? *Всех прежних*? Повторяю: *с ужасом*, ибо я – тоже *прежний*!

Я старался гнать эту мысль. Я был его другом. Но и Бухарин был его другом. И «наш Григорий» (как он еще недавно называл Зиновьева) был его другом...

И другой вопрос мучил меня: почему Зиновьев и Каменев согласились оболгать вчерашних знакомцев, коллег по партии – отправить их на смерть? Признаюсь, сначала я полагал – пытки! Но теперь достоверно знаю: никаких пыток не было. Наоборот, следователи держались с ними весьма предупредительно, как и велел Коба.

Лишь потом, уже в тюрьме, мне все рассказал один из заместителей Ягоды, некто Прокофьев (его тоже впоследствии расстрелял Коба).

Оказывается, через некоторое время после разговора, которому я был свидетель, Коба опять позвал Зиновьева и Каменева в Кремль. Их проводили в его кабинет. Самого Кобы там не было, но их ждали великолепный обед и Молотов – в обличии молчаливого гостеприимного хозяина. *И ещё – газеты*. Множество газет с проклятиями в их адрес – проклятиями вчерашних друзей и просто хороших знакомых, всех, кто делил с ними эмиграцию, а затем власть.

Пока они читали газеты, Молотов не проронил ни слова, наблюдая за ними. Оба пришли в бешенство. По окончании чтения он сказал, что у Политбюро есть к ним важнейший вопрос, который завтра озвучит им Ягода.

И в заключение спросил от имени Кобы: соблюдаются ли договоренности насчет режима, не нуждаются ли они в чем-нибудь? Сообщил, что ЦК поручил Ягоде выполнять все их просьбы. И даже допустить к ним членов семей...

После этого Коба вызвал Ягоду. И велел ему задать Зиновьеву и Каменеву вопрос от имени ЦК: всех ли сообщников они назвали? Не состояли ли в заговоре с ними и другие участники прошлых оппозиций? И продиктовал Ягоде длинный список «громких» имен.

Ягода, бледный, вернулся на Лубянку во внутреннюю тюрьму. Коба был прав – он никак не мог преодолеть пиетет перед прежними вождями и весьма нерешительно передал его вопрос. После прочел список. Зиновьев и Каменев выслушали его с усмешкой. Попросили время посоветоваться. Совещались недолго. Каменев от имени обоих согласился со списком! Ягода был в ужасе, он не ожидал ничего подобного.

Мой великий друг рассчитал точно. Прочтя газеты, они не только пришли в ярость. Они захотели отомстить вчерашним сподвижникам, которые с таким энтузиазмом поспешили предать их. Начиная шахматную партию, Коба уже предвидел такой поворот. Он великолепно играл длинные шахматные партии. «Горе тому, кто станет жертвой его медленных челюстей!» Но думаю, была еще одна причина показаний Зиновьева и Каменева, и ее не понял искусный игрок. Они не просто тянули за собой в могилу всех вчерашних большевистских лидеров. Обвиняя почти всех основателей большевистского государства в том, что те хотели уничтожить основанное ими же государство, Зиновьев и Каменев решили показать миру весь абсурд обвинений.

Коба попался в капкан, поставленный собственноручно.

В это время с Памира примчался Бухарин. Он уже прочел показания Зиновьева и Каменева. И теперь истерически пытался дозвониться до Кобы. Ему объявили, что Кобы в Москве нет, он в Сочи и к телефону не подходит – работает.

Это была официальная версия. Коба, как обычно, захотел остаться ни при чем. Но я знал: он в столице. Упивается успехом придуманного зрелища.

Придя в первый раз на процесс, я оказался в задних рядах. И изумился, почувствовав запах... табака. В зале курить, естественно, воспрещалось. Я обернулся посмотреть на смельчака-нарушителя. И увидел... В самой глубине небольшого Октябрьского зала на голубой стене было маленькое окошечко для киномеханика, завешенное белой занавесочкой. Оттуда, из-за занавесочки, и вился дымок. Я различил знакомый сладковатый запах «Герцеговины Флор» – любимого табака Кобы, которым он так неторопливо, заботливо набивал свою трубку.

Что ж, это было вполне естественно. Главный режиссер должен наблюдать за спектаклем, который так блистательно поставил.

Зиновьева и Каменева приговорили к смерти. Они выслушали приговор спокойно. Ведь оба знали: они отлично сыграли его пьесу. Им оставалось написать только просьбу о помиловании, которую Коба должен был удовлетворить.

Вернувшись в камеру, оба написали положенное прошение. Зиновьев –

прочувствованное. Переписывал несколько раз. Говорят, он волновался, не спал всю последнюю свою ночь, бегал по камере.

Каменев черкнул лишь несколько сухих обязательных строчек. И лег спать. Рано утром за ними пришли...

В это время я читал историю Великой французской революции, удивляясь, как до смешного (точнее – ужасного) все было похоже.

Жалкий несчастный Зиновьев, столь беспощадный во время Красного террора, совсем ослабел, когда его повели расстреливать. Он стал звать Кобу!

Так же звали Робеспьера Эбер и Шомет, вожди «бешеных», когда их везли на гильотину по приказу Робеспьера...

Зиновьев до последней минуты заставлял себя думать, что его палачи не знают о договоренности с Кобой, что это ошибка... Бедный «товарищ Паника»!

Каменев до конца оставался совершенно спокоен. Он был логик и не пытался изменить неотвратимое. Он знал моего друга.

На следующий день после расстрела Зиновьева и Каменева я пришел в кабинет Кобы. Там уже находился Паукер – начальник его охраны. Коба послал его присутствовать при расстреле. Был там и Ягода. Еще бы! Впервые Революция убивала своих вчерашних вождей! Ягода рассказывал, как они вели себя во время расстрела, Паукер показывал. Это была целая пантомима. Паукер изображал, как Зиновьев беспомощно повис на плечах охранника, как волочил ноги, жалобно скулил, потом упал на колени и завопил: «Пожалуйста, ради бога, товарищ, вызовите Иосифа Виссарионовича!» Паукер точно схватил зиновьевский фальцет, который теперь, после смерти Зиновьева, опять зазвучал в кабинете Кобы...

Смешливый Коба хохотал до колик. Паукер продолжал, показал, как Зиновьева поставили к стенке. Он прокричал отчаянным зиновьевским голосом уже от себя: «Услышь меня, мой Израиль! Наш Бог есть Бог единый! Позовите Иосифа Виссарионовича!»

Коба не мог больше выдержать и, захлебываясь, знаками умолял Паукера прекратить представление. Он умирал от смеха!

Много раз в тот день показывал Паукер этот номер. Много раз хохотал смешливый Коба.

И только потом я понял причину его неудержимого смеха. Затянутый в корсет Паукер с орденом Ленина на груди смешил Кобу, ибо судьба самого Паукера уже была предreshена. Удачливый шут, к сожалению, принадлежал к старой гвардии чекистов, которой предстояло уйти. Этот хитрец Паукер придумал служить всем членам Политбюро. Он доставал им автомобили, собак, платья для жен, игрушки для детей. И стал их близким другом – к несчастью для себя, ибо почти все они должны были исчезнуть... И Коба отлично представлял, как у расстрельной стенки сам Паукер будет вопить: «Позовите Иосифа Виссарионовича!» И сползать на пол, обнимая ноги своих палачей.

Мой друг чувствовал себя Судьбою, хохочущей над жалкими людишками.

Когда Ягода ушел, Паукер пожаловался Кобе:

– Я хотел взять себе для сувениров пули, которыми были убиты эти мерзавцы, – (так их положено было теперь называть), – но Ягода забрал их себе.

– Товарищ Ягода, известный любитель истории партии, должно быть, считает мерзавцев историческими личностями. Оттого разоблачение шло у нас так медленно, – усмехнулся Коба. – Что ж, пусть владеет, – и он прибавил с непередаваемой интонацией: – Пока.

Паукер понимающе засмеялся.

Ягода пал в конце сентября. Передавали официальные слова Кобы: «Превратил следствие в санаторий. Вместо того чтобы сразу покончить с изменниками, растянул расследование на два года».

Главой НКВД стал карлик с добрыми глазами – Ежов. Ягоду Коба сначала назначил наркомом связи.

У нас рассказывали, что Ежов уже в первые дни во главе Лубянки приказал арестовать сына Каменева. Я знал мальчика с детства, с той матроски Цесаревича, которую на него смело надевала презиравшая предрассудки мать.

(Революция уничтожила чувства. Помню, Бухарин во время Пленума ЦК решил пригласить Ильича на охоту. Он отправил ему в Президиум приглашение – подстреленную на охоте перепелку! Получив птичий трупик, Ильич весело расхохотался над проказливостью «любимца партии».)

В отличие от отца, великолепно образованного и помешанного на марксизме, сын Каменева был веселый, легкомысленный прожигатель жизни. Но вина его состояла в том, что он был сыном Каменева.

Я не забыл презрительный взгляд Авеля Енукидзе... Что греха таить, он меня мучил. И решил попросить Кобу за каменевского сына.

Стоял великолепный день, пригревало осеннее солнышко.

Я гостил у Кобы на Ближней. На дачу приехал и Молотов. После чая я сказал:

– Ежов совсем рехнулся. Арестовал сына Каменева – Лютика.

Не успел закончить фразу – бешеный взгляд Кобы. И ярость!

– Никогда, слышишь... никогда не вмешивайся! Не вмешивайся! Я хочу, чтоб ты жил...

Поэтому не вмешивайся, – повторял и повторял он в бешенстве. Потом заговорил: – Ты что, не понимаешь, почему мерзавцы согласились всех выдать? Они ловушку мне устроили. Блядь дети. Они, сходя в гроб, решили пошутить с товарищем Сталиным. Дескать, выдадим как можно больше, и тогда уже никто не поверит в процессы. И товарищ Сталин станет убийцей в глазах международного движения. Товарищ Сталин понял! Объясни ему, Молотов. Объясни внятно этому глупцу принятый партией новый закон о семьях репрессированных.

Молотов, заикаясь (очень волновался), сказал:

– Членов семей врагов народа мы не можем оставлять на свободе. Они наверняка будут сеять не нужные нам настроения. Поэтому жены осужденных врагов народа автоматически должны заключаться в лагеря сроком до восьми лет. Малолетних будем отправлять в детские дома, чтобы они выросли там достойными гражданами родины. Юноши старше пятнадцати лет отправятся в лагеря на разные сроки...

– Но есть те, – перебил Коба, – кто представляет особую опасность... Например, сын мерзавца, двурушника, бандита, убийцы Каменева. Он военный летчик. Разве не может военный летчик в отместку, допустим... сбросить бомбу на Кремль? А потом другой маленький каменевский волчонок подрастет! Неужто ты не понимаешь, Фудзи? У нас идет продолжение Революции. Второй раз после семнадцатого года уничтожаем аристократию, теперь подразложившуюся, советскую!

... Судьбу всей каменевской семьи я узнал только через много лет. После процесса были расстреляны его жена (та самая начальственная дама, сестра Троцкого) и старший сын

Лютик. Младший прожил до семнадцати лет. Коба терпеливо дожидался, пока он подрастет, но убрал и его. Все помнил Коба. И если требовалось, не спешил. Были расстреляны и старшие сыновья Томского.

Когда я уходил, Коба вдруг сказал ласково:

– И еще. После хитростей Каменева и Зиновьева надо осветить *будущие* процессы должным образом. – Он прошелся по кабинету. – Необходимо преодолеть пакость, сделанную расстрелянными негодьями, и вернуть доверие мировой общественности к происходящему. Поэтому подумай, дорогой, кого из европейских знаменитостей следует для этого пригласить. Полагаю, приглашенный товарищ не должен быть ни социал-демократом, ни коммунистом. Пусть будет беспартийный интеллигент, широко известный в Европе.

Итак, Кобе понадобился благосклонный критик его пьесы.

Скажу откровенно – нужен он был и мне. Я сразу почувствовал, как изменилось отношение к нам в Европе. Еще в прошлом году Ромен Роллан славил СССР: «Да покорит человечество идея, которой вы служите, и вера, которая воплощена в вас!» Эти слова с гордостью повторяли мои добровольные агенты в Европе. Теперь у них были одни вопросы и ужас в глазах.

Я сказал Кобе, что, скорее всего, следует пригласить какого-нибудь знаменитого интеллектуала – еврея, бежавшего из Германии от Гитлера. Борьбу против Гитлера возглавляем сегодня мы, к тому же подобные люди испытывают материальные трудности. Короче, они особенно нас любят.

– Это все без тебя ясно. Скажи, дорогой, кого конкретно? Я спрашиваю тебя как большого специалиста по Германии. Мы ведь впоследствии будем сажать тебя как немецкого шпиона. Правда, Молотошвили? – (Коба так его называл, когда был в очень хорошем настроении.) – и прыснул в усы.

После долгого раздумья я предложил позвать знаменитого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера.

## Накануне конца «Наполеончика»

Бедный Бухарин наконец дозвонился Кобе. Тотчас в «Правде» я прочел: следствие против Бухарина и Рыкова остановлено. Но только они успокоились, как следствие возобновилось. Под следствием оказался и Тухачевский, главный маршал Революции, «наш Наполеончик», как насмешливо называл его Коба.

Выходец из обедневших дворян, Тухачевский умудрился в Первую мировую войну за шесть месяцев боев получить шесть боевых орденов – в месяц по ордену. Был взят в плен, пять раз бежал, прошел пешком полторы тысячи километров. В октябре семнадцатого года он вновь объявился в России. Сделал поистине наполеоновскую карьеру – от вчерашнего подпоручика до красного маршала. В отличие от прочих полуграмотных военачальников Тухачевский был великолепно образован, знал языки. Однако своих коллег, белых офицеров, перешедших на сторону красных, не любил. Называл их «забитыми и лишенными всякой инициативы». Блестяще проявил себя при разгроме белых армий Деникина и Колчака. Законный сын нашей горькой Революции, он беспощадно подавлял крестьянские восстания на Тамбовщине, травил газом несчастных крестьян, захватил и расстрелял восставший против нас матросский Кронштадт.

Тухачевский сам рассказывал: «Я был пять лет на войне, но я не могу припомнить, чтобы когда-либо наблюдал такую кровавую резню. Это не было больше сражением. Это был ад. Матросы бились как дикие звери. Откуда у них бралась сила для такой боевой ярости, не могу сказать. Каждый дом, который они занимали, приходилось брать штурмом. Целая рота боролась полный час, чтобы взять один-единственный дом, но когда его наконец брали, то оказывалось, что в доме было всего два-три солдата с одним пулеметом. Они казались полумертвыми, но, пытаясь, вытаскивали пистолеты, начинали отстреливаться со словами: «Мало уложили вас, жуликов!»

Маршал не уточнял, что было после того, как он взял Кронштадт. Он превратил его в руины, расстреливал сдавшихся, тысячи трупов валялись на улице. Он участвовал в походе на Польшу. Вместе с полуголодной, босой армией сумел дойти до стен Варшавы. Но дальше нести Революцию на наших штыках поляки ему не дали...

Его высоко ценил прежний Верховный главнокомандующий – Троцкий, и это стало главной причиной его поражения у самых стен польской столицы. Готовя штурм Варшавы, Тухачевский потребовал дать ему знаменитую конницу Буденного. Первая конная армия Буденного находилась в распоряжении южной группировки наших войск, возглавляемой будущим маршалом Егоровым. Однако главнокомандующий Троцкий приказал немедленно передать конницу Тухачевскому.

Комиссаром южной группировки являлся Коба. Всюду, где он появлялся, Коба распоряжался ситуацией. И как всегда, он бойкотировал приказы Троцкого. У моего друга были свои грандиозные планы. Он решил захватить Львов, оттуда ударить по Варшаве, самостоятельно взять столицу и славу. Далее через Австрию стремительным марш-броском ворваться в Германию – поддерживать немецкую Революцию.

В результате армию Тухачевского разбили. Вместе с ней армия Егорова и Кобы была отброшена в Россию.

Коба об этом никогда не забывал. Потому оба свидетеля его позора – Тухачевский и

Егоров – были обречены...

Но тогда следствие против Тухачевского остановилось, чтобы... вскоре возобновиться. Я не сомневался в этом, зная любимые кошачьи игры барса Революции. Кроме того, Коба всегда старался использовать способности будущей жертвы до конца.

В эти последние месяцы перед концом Тухачевского Коба несколько раз принимал его, внимательно выслушивал предложения о реорганизации армии. Тухачевский определил будущую войну как «войну моторов» – танков и самолетов (создание мощной боевой авиации, замена устаревшей кавалерии танками). Коба всё это хорошо запомнил.

Именно в те дни Тухачевский разработал штабную игру, где наглядно продемонстрировал план будущей войны с немцам. Во время игры мы наносили внезапный удар Германии, после того как она развязала войну с Францией и Англией.

Коба отправил меня в наркомат обороны послушать обсуждение игры. В конце обсуждения нарком Ворошилов сделал какие-то незначительные замечания. На что Тухачевский преспокойно заявил:

- К сожалению, мы не можем принять ни одной из ваших поправок, товарищ нарком.
- Почему? – растерялся Ворошилов.
- Потому что они некомпетентны, товарищ нарком.

И «наш луганский слесарь Клим», как называл его Тухачевский, побледнел и... смолчал. Испугался дискуссии.

– Кто из нынешних способен так издевательски говорить с наркомом? – усмехнулся Коба. – Только наш Наполеончик! Товарищ Сталин не забыл разговорчики Врангеля!

(Пропать лет назад, в двадцать втором году, я получил от своих агентов сводку о разговорах Врангеля в эмиграции. Привожу дословный текст: «Единственная сила в России, которая смогла бы сейчас взять на себя роль в свержении советской власти, – это командный состав Советской армии. То есть бывшие русские офицеры. Каста, спаянная дисциплиной, общностью интересов. Лица, близкие к Тухачевскому, указывают, что именно этот человек выдающихся способностей мнит себя русским Наполеоном. В дружеской беседе, когда его укоряли в коммунизме, он не раз отвечал: «Разве Наполеон не был вначале якобинцем?»

Прошло четырнадцать лет, но мой друг помнил это донесение.)

Коба отправил меня отнести Тухачевскому письмо – с благодарностью за успешную военную игру. (Впоследствии во время следствия Тухачевского заставят признать, что игра была частью заговора по организации «дворцового переворота».) И конечно же, я должен был доложить Кобе, что происходит в квартире Наполеончика.

Тухачевский жил, как я уже писал, в одном со мной доме. В тот день он принимал в гостях худенького человечка в очках, похожего на мальчика. Это был молодой композитор Шостакович, которому маршал покровительствовал.

...Шостакович играл, а Тухачевский в турецком халате, утонув в огромном кресле, слушал, блаженно закрыв глаза, – наслаждался музыкой.

Я нарушил этот восторг и передал письмо Кобы.

Тухачевский как-то небрежно положил его на стол и попросил меня подождать, «пока гений закончит играть».

Шостакович закончил играть, но для письма Кобы опять не нашлось времени!

Ординарец внес в комнату пугающе огромную картину в великолепной золоченой раме. Оказалось, полотно было куплено маршалом накануне. Называлось оно «Стол, заваленный убитой дичью» и принадлежало кисти кого-то из голландцев, современников Рембрандта. «Наполеончик» собственноручно водрузил необъятную картину на стену, после чего прочел нам лекцию о голландской живописи. Теперь уже восторженно слушал Шостакович... Вскоре в гостиной появился новый гость – крохотный старичок в пенсне. Это был знаменитый скрипичный мастер. И опять письму Кобе пришлось ждать. Дело в том, что сам Тухачевский изготавливал прекрасные скрипки.

Состоялось новое представление. Маршал вытащил из шкафа какой-то кусок дерева и объяснил нам с Шостаковичем:

– Этот чурбачок – дороже золота, его прислали мне из Закавказья. – После чего торжественно обратился к старичку: – Я хранил его пятнадцать лет. Но такую скрипку, которую сделаете вы, мне не сделать. Я решился! – И торжественно протянул чурбачок мастеру.

Тот хищно схватил его, рассыпавшись в благодарностях.

Но, думаю, отдал маршал драгоценное дерево, потому что уже понял: *новую скрипку ему делать не придется.*

Скрипки и музыка помогали ему забыться в последние его дни. И еще – женщины. Говорят, он был необыкновенным любовником. Впоследствии одну даму в лагере расстреляли за рассказы *о впечатлениях.*

Наконец Наполеончик удалился с письмом Кобы в кабинет. Через десять минут, вернувшись в гостиную, передал мне конверт с ответом.

Когда я уходил, пришла очередная *она.* Я моментально узнал эту высокую роскошную брюнетку – видел красавицу в одном из кабинетов на нашей Лубянке, не запомнить её было невозможно. Теперь я не сомневался: время Тухачевского заканчивалось.

И действительно, как я предполагал, следствие против маршала вскоре возобновилось.

Именно тогда Коба попросил меня перевести один документ с немецкого.

Это была переписка Тухачевского с генералами вермахта. Речь шла... о государственном перевороте, который Тухачевский готовил вместе с соратниками!

– Чекисты из военной разведки неплохо работают, не чета твоим бездельникам. Большие деньги пришлось им заплатить, – и он уставился на меня.

Я промолчал.

## «Заслужи, дорогой, право жить»

Перед ноябрьскими праздниками Коба вновь позвал меня в Кремль. В кабинете сидел Молотов. Коба молча протянул мне листок. Это были подробно записанные разговоры Бухарина в Париже. Все его высказывания о Кобе.

Мрачно глядя на меня, Коба сказал Молотову:

– Я все думаю, почему товарищ Фудзи утаил в отчете многие преступные бухаринские слова? И почему он просил за каменевских выблядков? И почему он так скупно рассказал о посещении Тухачевского? Может, он тоже в троцкистской шайке? Как думаешь, Вячеслав?

Я облился потом.

– Если бы... – как-то брезгливо ответил Молотов. – Он не потянет. Обыватель. Пожалел детей и Бухарина.

– Нет, Вячеслав, дело серьезнее. Он разведчик. Мог ли он подумать, что я не узнаю? Мог, если только он херовый разведчик. Но он отличный разведчик. Значит, Молотошвили?

Молотов молчал.

– Значит, он не сомневался, что я все узнаю про разговоры Бухарчика. И конечно же понимал, что не следует просить за каменевских детей. Мы ведь с ним с Кавказа, нам все известно про кровную месть, которую должны исполнять подросшие дети. Просто товарищ Фудзи решил... решился показать, что имеет право на собственное мнение. Нет, дорогой Фудзи, мы идем к новым берегам, где не существует собственного мнения. Там есть лишь одно мнение. Объясни ему, Вячеслав.

– Есть только мнение партии, которое формулирует товарищ Сталин. Страна у нас стала единой. Кто против – зашибем!

– Нет, ты торопишь события, Вячеслав. Страна единой пока не стала – мешают! Но вскоре станет... Однако что же нам делать с товарищем Фудзи? – продолжал Коба. – Мы, Вячеслав, нынче с тобой волки – санитары леса. Мы должны вычистить страну. Беспощадно. Это нелегко. И в свете такой задачи как нам поступить с ним? Расстрелять его или не расстрелять? – Он заходил по комнате, задумчиво курил трубку. Повторил: – Расстрелять или не расстрелять?

Мое состояние описывать не стоит. Молотов явно не знал, куда Коба клонит. Он привычно загадочно молчал, поблескивая пенсне.

– Я так думаю, дадим ему возможность перевоспитаться, – засмеялся Коба. – Ты, Фудзи, продолжишь наблюдение за Бухарчиком. На этот раз, уверен, будешь повнимательнее писать отчеты. Заслужи, дорогой, право жить рядом с нами, с твоими товарищами...

Так он окончательно поставил меня на место, точнее, окончательно сделал меня стукачом.

## Агония «любимца партии»

7 ноября, в главный праздник страны, как обычно, должны были состояться демонстрация трудящихся с коллективными выкриками тысяч глоток «Слава великому Сталину!» и военный парад.

Коба прислал мне пропуск на трибуну на Красной площади.

Тогда, 7 ноября, на моих глазах он организовал увлекательную игру.

Мое место оказалось совсем рядом с Мавзолеем. *Его места*, конечно же, были рядом со мной – Бухарин пришел вместе с юной красоткой женой. Она смотрела на него влюбленными, хмельными от счастья глазами, как и положено чистой девушке, только что познавшей плотскую любовь. Я поздоровался. Но он не услышал. Он несчастно, неотрывно глядел на пустую трибуну Мавзолея, где так недавно красовался сам. Трибуна пока пустовала. Наконец все заплодировали – на ней появился Коба с соратниками. Точнее, с теми, кого он оставил. Пока. Недавние обитатели трибуны – Рудзутак и прочие – сидели в камерах либо уже лежали в могилах.

И в этот момент я увидел: к нам подходил офицер в форме НКВД. Неужели? Арестует? Кого? Меня? Его? Обоих? Здесь? На глазах у всех? Такого никогда не бывало! Всегда ночью! Но «этот повар умел готовить острые блюда». Может, придумал так опозорить? Как стучало сердце... Бухарин, конечно же, тоже увидел. Побледнел. Думаю, побледнел и я.

Офицер прошел мимо меня (счастье, счастье!). Подошел вплотную к Бухарину, остановился. Отдал честь и после паузы сказал:

– Товарищ Сталин приказал мне передать, что ваше место не здесь. – (Бухарин стал белее белого.) – Ваше место – на трибуне Мавзолея, – торжественно закончил офицер.

Боже, что стало с Бухарчиком! Забыв проститься с любимой женой, вообще забыв о жене, он заспешил, почти побежал за офицером. До сих пор помню счастливейшее лицо этой красавицы! Ее любимый вновь вознесен на Мавзолей! Стоит в ареопаге вождей! Оба решили, что это окончательное прощение. Как плохо они знали моего друга!

Это была все та же пытка, утонченная пытка надеждой... Барс продолжал играть с обреченной жертвой.

Через пару дней Коба вызвал меня в Кремль.

– Думаю, испугались оба? Интересно, кто больше наделал в штаны? – Он прыснул в усы. – Ладно. Я хочу, чтобы ты выполнил поручение, важное лично для меня. Поприсутствовал на очных ставках Бухарчика с дружками и объективно всё мне доложил. Все-таки он мой очень близкий товарищ, – закончил Коба ласково.

Я думал, действие состоится у нас на Лубянке. Но режиссер Коба придумал интересней. Все проходило в дружески-доверительной обстановке – в здании ЦК партии, в кабинете члена Политбюро Кагановича...

Войдя в кабинет, я с изумлением увидел, как сидевшие за столом Бухарин с Кагановичем мирно попивали чай. Я успел понять, что Бухарин рассказывал о Париже. При моем появлении разговор прервался. Каганович, эта усатая плечистая машина, – конечно, он был предупрежден Кобой, – небрежно кивнул мне. Бухарин посмотрел на меня с изумлением. Но ничего не сказал.

Я молча сел на стул подальше от стола, у самого входа.

Только успел сесть, вошел офицер-чекист и доложил Кагановичу:

– Привезли!

Ввели Пятакова – друга Ильича, любовно названного им «человеком выдающейся воли и выдающихся способностей». Само собой, он участвовал в оппозиции Кобе. Правда, не активно, просто по старой дружбе с вождями Октября. Однако понял ситуацию вовремя и заклеил прежних друзей Зиновьева и Каменева. В последнее время Пятаков руководил промышленностью вместе с Орджоникидзе, тот взял его в заместители. Но слишком крепко он был связан с погибшими и погибающими вождями, следовательно – обречен на арест...

Выглядел Пятаков ужасно – худой, лицо землистое. И рассеченная губа. Он странно говорил, у него, видно, не было зубов. Похоже, с ним крепко поработали, перестарались.

– Вы хотите нам что-то сказать? – спросил Каганович.

– Я хочу показать, – глядя в пол, произнес Пятаков. И монотонно, не поднимая глаз, начал шепелявить: – О связях Бухарина с нашим центром впервые я узнал от Сокольникова!..

– Да что ты мелешь! – закричал Бухарин.

Пятаков остановился, но Каганович бросил небрежно:

– Да ладно, пусть говорит, – и подмигнул Бухарину – дескать, это неважно, мы-то знаем: лжет.

Бухарин успокоился.

Пятаков, все так же равнодушно и не поднимая головы, повторил то, о чем свидетельствовали на следствии Зиновьев и Каменев: оказывается, рядом с зиновьевским террористическим центром существовал «параллельный троцкистский центр», в который входили он, Бухарин, Сокольников и Радек. Центр по указанию Троцкого давал установки на вредительство, диверсии, террор. Замыслили, конечно, убийство товарища Сталина и верных его соратников....

Здесь Бухарин опять не выдержал, закричал:

– Ты что, рассудка лишился? Ты отвечаешь за свои слова?!

Пятаков впервые поднял голову и с какой-то жалостью посмотрел на него.

– Отвечаю. Но придется ответить и тебе, – печально сказал он. После чего спросил Кагановича: – Я могу идти?

Тот позвонил. Вошел тот же офицер, но уже с конвойным. Пятакова увели.

– Они что, с ума все посходили? – Бухарин чуть не плакал.

– Врет блядская рожа! – все так же весело отозвался Каганович и позвонил в колокольчик.

Ввели Радека. Этот выглядел вполне сносно, даже вальяжно.

Без вопроса, почти дословно он стал повторять все сказанное Пятаковым.

– Карл! Карлуша, милый, да что ж ты такое несешь? – взвыл Бухарин. – Ты ведь сам совсем недавно просил меня поговорить с Кобой, убедить его, что ты не виновен!

Тут Радек побледнел, попросил воды и... начал оседать на пол. Ему стало плохо. Он сидел на полу и как-то странно икал. Его увели. Бедный Бухарин от бессилия заплакал.

– Врут! Всё врут, негодяи! Но зачем? Зачем?! Зачем?! – повторял и повторял он. – Они попросту решили оболгать меня перед Кобой!

– Да не принимай близко к сердцу. Собака лает, ветер носит, а караван наш идет неуклонно вперед, – продолжал веселиться Каганович.

Бухарин не понимал причину его веселья, ибо не понимал главного: дело было сделано,

показания получены.

Помню, как я принес Кобе записи допросов Пятакова и Радека.

Коба печально вздохнул:

– Видишь, против Бухарчика показывают все. Товарищ Коба готов верить Бухарчику. Но Генеральный секретарь партии товарищ Сталин обязан думать о партии. Ведь его обвиняют в диверсиях, в организации убийств. Обвиняют такие ответственные люди! И к тому же его друзья!

Коба зачем-то играл передо мной. Впрочем, мы все – я, он, Радек, Пятаков, Каганович – становились участниками задуманного им спектакля, который шел теперь под хохот всей Европы.

Хохот Европы... И наш ужас.

# Золото Колумба

Я уехал в Париж. По приказу Ежова я должен был отозвать обратно в СССР сразу нескольких своих агентов. Мне эта массовость показалась подозрительной, и я рекомендовал им послушаться меня и не ехать. Так я спас часть своей агентуры.

В это время Кобе очень повезло: началась гражданская война в Испании. Генерал Франко поднял мятеж против республиканского правительства Народного фронта. За его спиной стоял ненавистный всей европейской интеллигенции Гитлер.

Коба не сплеховал. Коминтерн тотчас принял решение о создании интернациональных бригад. Либералы со всего мира вступали в бригады и отправлялись помогать Республике. Но главными союзниками и помощниками республиканцев стали мы! Это как-то сгладило впечатление от процесса Каменева и Зиновьева. СССР возвращал себе симпатию!

Постпредом в охваченную огнем Испанию Коба назначил нашего самого титулованного по европейским меркам дипломата – Марселя Розенберга.

Марсель Розенберг – еще одна легендарная личность, для которой не хватило места ни в этой, нынешней, рукописи, ни в тогдашней жизни.

Я постараюсь быть запоздало справедливым...

Вместе с ним в двадцатых годах я создавал агентурную сеть в Германии, Франции и Швейцарии. Он был блестящий разведчик, избравший в качестве «крыши» профессию дипломата. Трудно перечислить языки, на которых Розенберг свободно говорил... У него было какое-то нечеловеческое обаяние. Маленький, лысенький, с безукоризненными европейскими манерами и непередаваемой доброжелательнейшей улыбкой, он так не соответствовал образу коммуниста-фанатика, которым пугали европейцев! Он являлся мастером закулисных переговоров. В тот период, когда мы выстраивали союз против Гитлера, Розенберг сумел сделать почти невозможное – Франция и Чехословакия заключили с нами, с большевиками, договор о взаимопомощи!

Он общался с Кобой напрямую, в обход наркома иностранных дел. Как и я, Розенберг тоже был его личным эмиссаром.

Когда мы вступили в Лигу Наций, его избрали заместителем ее Генерального секретаря. Коммунист вел заседания Лиги Наций – одна из главных дипломатических сенсаций тридцатых годов! На этом посту он сумел завербовать нескольких знаменитых журналистов, которые много помогали «князю Д.» во время моей работы во Франции.

Этого самого знаменитого большевистского дипломата Коба отправил постпредом в Испанию, как бы подчеркивая нашу любовь к республиканцам. Доброжелательный интеллектуал Розенберг, столь не похожий на фанатика, был... фанатиком коммунистической идеи. Он так же, как все мы тогда, мечтал о всемирном равенстве, братстве, о мире без наживы. И потому для него, восхищавшегося Троцким, была мучительна одна из главных задач, поставленных перед ним Кобой, – охота на троцкистов.

Марсель приехал с целой группой военных советников, среди которых выделялся блестящий наш разведчик Лев Фельдбин. (Он же – Александр Орлов. У нас на Лубянке он значился как Никольский, в Париже работал под фамилией Голдин... У него было два десятка фамилий.)

С Орловым, как и с Марселем Розенбергом, я много сотрудничал. Во второй половине двадцатых годов он руководил резидентурой в Париже, в 1933–1935 годах вместе со мной действовал в Европе (Германии, Франции, Италии и Швейцарии; в Англии мы вместе работали с «кембриджской пятеркой»).

Кстати, он написал умный учебник для высшей школы НКВД – как вербовать иностранцев. Ознакомьтесь, если сможете, там много и моих идей...

Когда началась гражданская война в Испании, Коба отправил его в Мадрид.

Этот жгучий брюнет с модными усами был опытным донжуаном и пользовался этим не только для вербовки за границей. У него завязался бурный роман с молодой красоткой, работавшей у нас. И когда он не захотел уйти от жены, та застрелилась прямо перед зданием Лубянки. Перед самым его отъездом в Испанию.

Думаю, эта история его сильно изменила...

В Испании Орлов занял официальную должность военного советника республиканской армии. Его истинной деятельностью являлась разведка, контрразведка и партизанская война в тылу армии генерала Франко.

Но ему, как и Марселю Розенбергу, Коба поставил особую задачу. В интернациональных бригадах сражалось множество добровольцев-троцкистов. Мой великий друг решил превратить Испанию в капкан для несчастных. Орлов организовывал многочисленные «дела» троцкистов. Фальшивые документы, изготовлявшиеся у нас на Лубянке, доказывали: троцкисты – предательская «пятая колонна», засланная в Испанию международной буржуазией, фашистские агенты. После быстрого суда их беспощадно расстреливали.

Это стало отличным дополнением к московским процессам. «Троцкистские шпионы» калялись в Москве, а их иностранных сподвижников – «пятую колонну» – «разоблачали» и убивали в Испании. (Со времен Испании образ «пятой колонны» стал любимым у Кобы. Родили это понятие франкисты. Один из их генералов заявил тогда: «Мы наступаем на республиканцев четырьмя колоннами, но *пятая* работает на нас в тылу врага».)

Коба принял меня ночью в кремлевском кабинете. Он сказал:

– Это, пожалуй, самая важная твоя миссия. В Испании ждет хорошо знакомый тебе Орлов. Это письмо для него, – он протянул мне конверт. – Здесь инструкции от «Ивана Васильевича». – (Коба часто подписывал секретные инструкции именем любимого царя Ивана Грозного.) – Есть договоренность с испанским правительством... Мы, как ты знаешь, помогаем им активно. На днях из Феодосии отправили очередные десять транспортов с танками, артиллерией. У них наши самолеты, броневики, мы снабжаем их снарядами, винтовками, нефтью – снабжаем всем! Но Толедо пал. И как становится ясно, испанские товарищи долго не продержатся. Поэтому Политбюро считает, что не худо бы, пока есть возможность, получить какую-то плату за нашу помощь. Испанские товарищи в Мадриде отнеслись к этой идее с пониманием. Они сами обратились к нам с просьбой – эвакуировать в СССР три четверти золотого запаса Испании, а это пятьсот десять тонн золота.

Видимо, я не сумел скрыть изумления, Коба усмехнулся.

– Товарищ Розенберг с ними отлично поработал. – Он походил по комнате. – Орлов организует все дело. Я написал ему, но и тебе надлежит это знать: ни при каких обстоятельствах не должно стать известным, что золото едет к нам. Поэтому – никаких расписок. Я говорю это тебе... потому что Орлов становится очень подозрителен. В последнее время ведет нехорошие разговоры – ему не нравятся процессы, но по-прежнему

нравятся мерзавцы... – (Зиновьев и Каменев).

Длинные, вездесущи уши Кобы слушали, конечно, и в Испании!

– Так что если почувствуешь, что он собрался нас покинуть... – Коба с усмешкой посмотрел на меня, помолчал и закончил: – Короче, при его ликвидации *дело* придется организовать тебе. – И вручил мне еще один конверт. – Здесь письмо для испанских товарищей на этот случай.

Мы встретились с Орловым в Мадриде на явочной квартире. Я кратко передал ему слова Кобы: «Вывезти золото и при этом не оставить наших следов», а также письмо «Ивана Васильевича» (где наверняка была изложена та же задача) и составленные на Лубянке документы. По документам золото отплывало в Америку! Мы становились представителями Национального банка США: Орлов – мистером Блэкстоуном, я – мистером Муром.

Орлов прочел письмо, просмотрел документы, потом сказал:

– Как я понимаю, Хозяин хочет забрать испанское золото навсегда.

Ответ и тон мне не понравились.

Я произнес сухо:

– Политбюро справедливо считает, что золотой запас Испании – компенсация за огромную помощь, которую мы оказываем и будем оказывать республиканцам.

Он помолчал. Затем спросил:

– Ты хоть представляешь, что нам предстоит? Золото испанцы перевезли из Мадрида в тыл – в Картахену. Там у них база военно-морских сил Республики. Оно спрятано в пороховой пещере военно-морского флота. Нам надо оттуда вывезти пятьсот десять тонн металла! Это около восьми тысяч ящиков. Остается вопрос: как сделать это *незаметно* двум американцам?..

К счастью, выяснилось, что в это время на рейде в Картахене стояли три наших судна (привезли Республике танки).

Ночью мы разработали подробный план.

Весь следующий день (это была пятница) Орлов обговаривал детали с республиканским правительством. Переговоры прошли успешно, ему удалось невозможное – убедить испанцев отправить золото без расписок.

В субботу на рассвете мы вместе с представителем испанского правительства товарищем Х. вылетели в Картахену. У меня и у Орлова в лацканах курток были ампулы с ядом. В плен мы не должны были попадаться.

Мы летели на самолете вдоль побережья. Были видны старинные соборы на площадях городков, сверкавшие в солнце песчаные пляжи, рыбацьи суденышки в бухтах... Потом увидел зеленое поле, на нем – недвижные подбитые танки и едва различимые черточки на земле – убитые люди. Поле недавнего сражения...

Мы спустились ниже. Под нами мчалась лошадь, волочившая по земле мертвого всадника.

И вот наконец показались скалистые берега, возле которых пенилось море. Мы сели на аэродроме в Картахене. Нас ждала машина. В городке отмечали церковный праздник, и путь в отель преградила двигавшаяся из монастыря длинная процессия верующих. Распевая псалмы, они несли крест.

Мы разместились в отеле «Сан-Диего». Очень старый отель, с толстыми стенами. В комнатах было счастливо прохладно.

Той же ночью мы с представителем правительства поехали в сторону монастыря. Не доезжая монастырских стен, свернули на проселочную дорогу. Километра через три остановились.

Здесь и находилась скрытая деревьями пороховая пещера. У земляного холма со стальной дверью дежурили с десятков гвардейцев-республиканцев (все офицеры).

Вылезли из машины. Представитель правительства предъявил документы.

Сразу же подъехала целая колонна грузовиков с испанскими матросами. Матросы были весьма молчаливы, за все время работы не произнесли ни слова. Впрочем, они и не могли произнести. Это были переодетые в испанскую форму наши танкисты, прибывшие на наших судах...

Ключи плохо открывали пудовые замки. Пришлось сбивать их топорами. Зажгли факелы и гуськом вошли в пещеру.

В свете огней – гора грубо сколоченных ящичков. Вся пещера была уставлена ими. Внутри – слитки золота. В этих слитках – переплавленное золото индейцев, которое привезли Колумб и испанские завоеватели, золотые украшения и золотые монеты испанских королей.

Много часов продолжалась погрузка ящичков в грузовики. Больше всего мы боялись и следили, чтобы ящики не разбились. Нашим танкистам и испанским гвардейцам сообщили, что в них – руда. Знали о золоте только мы с Орловым и представитель республиканского правительства.

С погашенными фарами колонна грузовиков двинулась в порт.

Там стояли три наших судна, привезших танки, – «Кубань», «Нева» (название третьего не помню). Погрузка шла до восхода солнца. На рассвете корабли подняли американские флаги и взяли курс на Одессу. Золото индейцев, награбленное когда-то испанцами, исчезнет в далеком СССР.

Мы с Орловым вернулись в Картахену в ту же гостиницу.

Представитель правительства остановился с нами и с нами же планировал возвратиться в Мадрид.

Он лег спать, а мы отправились в бар.

Здесь Орлов выпил бессчетное количество виски. Я знал: он мог выпить сколько угодно и при этом не опьянеть. Так что в тот вечер, уверен, он просто играл в пьяного.

Орлов заговорил:

– Он всех вас сожрет. Всю старую партию, до единого человечка... Да что я тебе говорю, будто сам не знаешь...

Первая моя мысль была: не провокатор ли он? Он тотчас понял, усмехнулся:

– Боишься? И правильно. Может, я? Может, этот бармен? Может, тот официант? Агенты Усатого! Всю страну превратил в агентов. Как там выступал Микоян: «У нас каждый трудящийся – агент НКВД». Но Усатому мало страны, он превращает в своих стукачей целый мир. Коммунисты, анархисты, садисты – все его агенты. Он сумел наплодить идейных стукачей, платных стукачей, трусов-стукачей... Мы с тобой вербовали их ему за границей. Теперь он решил истребить старых революционеров. Но ему мало убить всех на родине. Он

хочет пристукнуть остаток за рубежом. Мне уже поручили отыскать среди испанских фанатиков убийцу Троцкого. Не найду я – найдет другой. Пока Усатый не прикончит Льва, спать спокойно не сможет, будет убивать... – Дыша пьяным перегаром, наклонившись вплотную, шептал: – А почему бы ему нас не убивать! Он объявил предателями и убийцами всех великих ленинцев. И страна спокойно сожрала эту дикость...

– Но они сами сознались.

– Не лги! Лгать будешь на родине, когда вернешься! Будто ты не знаешь, почему они сознались? Эй, бармен, объясни ему!

Бармен весело засмеялся. Орлов продолжал шепотом:

– Как будто ты не получал в запечатанном конверте секретный циркуляр о разрешении пыток – этот бешеный, яростный крик усатого негодяя. «Известно, что господа империалисты допускают пытки представителей пролетариата. Спрашивается, почему пролетарские должны быть гуманнее и церемониться с врагами рабочего класса?..» Эти знаменитые его обороты: «спрашивается», «мижду нами говоря»... Так и вижу, как выродок диктует свое «спрашивается»... Но наших кремлевских бояр даже пытать не пришлось. Поугрожали пытками им и семьям, и главное, пообещали, что все вернется. Только оболгав себя, и опять через некоторое время Усатый простит, и будешь боярином – барином! Есть главный закон пытки: чем больше достаток и почитание были у человека, тем легче его сломать... – Он обратился по-русски к бармену: – Ну ты, стукач, чего слушаешь?

Тот недоуменно уставился на нас. Орлов захохотал и заказал по-испански два виски.

– Я не пью.

– А я себе... Так что все согласились быть говнюками. Вот «звезда» будущего процесса – Пятаков. Ему, старому подпольщику, члену партии с пятого года, для начала предложили стать обвинителем на процессе Зиновьева – Каменева. Объяснили, что оболгать вчерашних друзей необходимо, дабы разгромить агентов Троцкого, тем самым спасти страну накануне мифического нападения империалистов. Помочь отправить на тот свет своих друзей – это всего лишь «акт величайшего доверия партии». И Пятаков приготовился пойти на это дело «от души»... Но не разгадал замысла. Усатый лишь проверял его. Это был опыт – не более. И когда Палач понял, что Пятаков готов к сотрудничеству, тотчас ему задачу усложнил. Предложил роль обвиняемого... самому Пятакову! Роль тех, кого он оболгал. Пятаков, создававший эту власть, теперь должен каяться, что хотел ее истребить! Ильич не раз перевернулся, наверное, в Мавзолее! Умора! Какой Свифт, какой Салтыков-Щедрин, какой насмешник могли такое придумать?! Когда Пятаков начинал колебаться, с ним поступали согласно циркуляру о пытках. И он сдался быстро.

(Так оно и было на самом деле, но откуда все это узнал в Испании Орлов?)

Он продолжал:

– Но это исключение, как я уже говорил, пытки боярам редко требуются. Однако Усатый смотрит вперед. Впереди – армия. Уничтожение ленинской армейской верхушки. И подлец понимает, что военные – другая закваска. Тут пытки очень пригодятся.

(И ведь все будет именно так!)

Он «пьяно» говорил и говорил:

– Интересно, когда старые партийцы шли на расстрел, шли рядом тени убиенных? Всех, кого они... точнее, *мы*... отправляли на тот свет в дни Красного террора. Кстати, знаешь ли ты, что скоро будет арестован сам Ягода?

Я уставился на него.

– А чему ты удивляешься? Я тебе битый час талдычу: Усатый уничтожит всех. Всю верхушку! Старую верхушку. После чего запустит любимый слух: «я – не я», всех сажал и расстреливал шпион Троцкого Ягода, а добрый товарищ Сталин только недавно обо всем узнал. Кстати, процессы очень популярны у народа – были и будут. Народ с восторгом принимает свержение вчерашних богов. Как когда-то с восторгом принял свержение языческого бога Перуна, которому так поклонялся... Не столь давно с восторгом принял свержение царя, которому тоже поклонялся... – Он хохотал. Я начал очень осторожно нащупывать револьвер.

– Убери руку, – еще смеясь, сказал Орлов. – И забудь свое глупейшее поручение! Коли меня убьете, мои воспоминания будут опубликованы в тот же час! Это будет взрыв в мировой печати! Вся наша европейская агентурная сеть вмиг исчезнет. Короче, пока я остаюсь здесь, я буду верно служить... Не усатому негодяю, а несчастному правительству испанской Республики, последним порядочным людям на этой дерьмовой земле. Передай ему это. Их жалко...

Я хотел спросить: «А несчастных троцкистов тебе не жалко?» Но не спросил.

Он не умолкал:

– И еще мне жалко Марселя... – (Розенберга). – Его жена на днях купила черный веер. Дивной красоты. Она не знала, что он станет траурным... Мы с ним как раз вошли в комнату, она сидела, обмахиваясь этим траурным веером, и атеист Марсель побледнел. Потому что *знает: и он тоже! Вы все – тоже!*

(Марсель Розенберг будет отозван в Москву в тридцать седьмом году. Первого советского вице-секретаря Лиги Наций расстреляют как изменника Родины.)

Орлов поднялся, спокойный и совершенно трезвый. Уходя, сказал:

– Тебе предстоит позаботиться о представителе правительства.

И он протянул мне послание Кобы. В письме приказывалось «обойтись без лишних свидетелей».

Усмехаясь, Орлов протянул мне ключ от номера:

– Работай, Фудзи, ведь тебе возвращаться к своему хозяину. Я этими делами больше не занимаюсь.

Он спал, когда я вошел в гостиничный номер. Я сделал ему укол в руку, лежащую поверх одеяла. Лаборатория Х не сплеховала. Он тотчас умер от обширного инфаркта. Умер во сне, не страдая.

Я вернулся в Москву, и меня тотчас отвезли на дачу к Кобе.

Он принял меня в бильярдной. Стоял задумчиво с кием, примериваясь к шарам.

Здесь же находился Молотов.

– Вот и Фудзи приехал, – сказал Коба. – Я даже к ордену собирался его представить, но не удалось. Оказалось, он почему-то выполнил только половину задания и оставил мерзавца в живых. Говорят, сидел с ним, пил... и не убил. Так, Фудзи?

Я с удовольствием ответил:

– Точно так, Коба. Но есть одна деталь. Если бы выполнил задание полностью, на следующий день все газеты напечатали бы его, как он назвал, «воспоминания» – и прощай

наши агенты. Вся наша сеть пошла бы к чертям. Плюс история с испанским золотом. Этот сукин сын позаботился, чтобы так случилось. Он просил передать это тебе...

Я думал, что Коба придет в бешенство. Но он помолчал и спросил Молотова:

– Что скажешь?

– Обыватель этот Орлов и иуда, – отозвался Молотов.

– Да, не революционер. Мерзавец. Еще одно наглядное подтверждение: старые партийцы подразложились. Надежны – единицы. Партию надо чистить и чистить. Как с корабля снимают наросты, иначе пойдём на дно. Нужен огонь! Беспощадный огонь по обанкротившимся старым штабам! Особенно это важно теперь, из-за угроз Гитлера. У нас, Фудзи, сейчас продолжение Революции! – взглянул на меня. Повторил раздельно: – Война будет, чувствую её запах. Весь мир сойдётся в схватке, и нам нужна – что, Молотошвили?

– Единая страна. – Молотов знал, как отвечать.

Коба наклонился над бильярдным столом и прицелился.

– Итак, что мы имеем? – рассуждал он, разбивая шары. – Для партии – продолжение Революции. Для обывателей – окончание Революции... Дескать, избавляемся от тех самых партийцев, с которыми связан в головах народа террор. И еще – от евреев.

Только сейчас я понял, почему на процессе Зиновьев и Каменев проходили не под знаменитыми революционными псевдонимами, а под собственными еврейскими фамилиями.

– Все это цементирует страну, что важно накануне войны. Такой дуплет, Фудзи. – И он ловко загнал два шара в лузу.

Умный Коба наградил Орлова орденом Ленина и следующим званием.

Он надеялся, что Орлов вернется. Сделал вид, что ничего не произошло. И Орлов – тоже. Он много работал, организовал несколько диверсий в тылу Франко... В конце тридцать восьмого года, когда Республика должна была пасть, Коба не выдержал и попытался отозвать его в Москву.

Орлов тотчас исчез из Испании, и Коба получил от него «наглое письмо»: «Пишет Вам, уважаемый Иосиф Виссарионович, старый ВСЕЗНАЮЩИЙ партиец, который много и успешно потрудился во славу страны и партии. Этот партиец решил остаться живым. Для того вынужден жить вдали от Вас и по-прежнему любимой родины. Он смиренно хочет напомнить, что если хоть один волос упадет не только с его головы, но с головы его близких... все его поистине неоценимые знания станут немедля всеобщим достоянием. Но он надеется на Вашу всем известную мудрость и потому уверен, что с ним и его близкими будут вести себя предельно лояльно. И тогда никто не пострадает. С коммунистическим приветом...» (далее шел список из множества имен, под которыми работал Орлов).

Коба прочел письмо вслух и сказал:

– Эх ты, не сумел убить говнюка, – и прищурился: – А может, не захотел?!

Коба выполнил условие – никто из родственников Орлова не пострадал.

Но он не простил ему своей беспомощности. Все «испанцы», связанные по работе с Орловым, отправились в небытие.

Помню, как в тридцать восьмом году приехал из Испании кумир интербригад, друг Орлова и Розенберга, знаменитый журналист Михаил Кольцов.

Я был в кабинете Кобы, когда он вошел, скорее, удало вбежал – коренастый, с черной шевелюрой, улыбчивый, уверенный в себе.

– Разрешите доложить, Иосиф Виссарионович?

– Во-первых, здравствуйте, товарищ Кольцов. Во-вторых, мы, партийцы, предпочитаем называть друг друга партийными именами. Вы ведь тоже член партии? Надеюсь, не забыли об этом в солнечной Испании?

Тот опешил.

– Простите, товарищ Сталин.

– Вижу, вы сильно отвыкли от нашей жизни... там, на Западе. – Коба встал, прижал руку к сердцу, издевательски поклонился и спросил: – А как вас надобно величать по-испански – дон Мигуэль, что ли?

– Мигель, товарищ Сталин, – испуганно сказал Кольцов.

– Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за вашу работу... – и почти без паузы поинтересовался: – Кстати, дон Мигель, у вас есть револьвер?

– Есть, товарищ Сталин!

– А вы случайно не собираетесь из него застрелиться?

Кольцов совсем растерялся:

– Никак нет.

– Ну вот и отлично, живите. Еще раз спасибо за вашу работу в Испании, товарищ Кольцов. Испанцы в восторге. Особенно, наверное, испанские девки. – И проговорил, напирая на первое слово: – *Прощайте*, дон Мигель.

Когда он ушел, Коба сказал:

– Этот тоже зачумленный... Все они там... Орловы!

...Кольцова арестуют и расстреляют.

# Благодарный зритель

Новый, страшный 1937 год я встречал в Москве. Коба не только не позвал меня на встречу Нового года, но даже не поздравил.

В самом конце января, когда я уехал в Париж, в Москве начался процесс «параллельного центра». Семнадцать вчерашних знаменитых большевиков, цвет нашей партии, всё близкие ленинские друзья – Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек и прочие – предстали перед судом. Большинство приговорили к расстрелу. Радек и Сокольников получили по десять лет.

Но мой друг Коба любил повторять: «Врага можно простить, но предварительно нужно уничтожить». Так что обоих ленинских друзей зверски убьют в лагере.

На процессах сидел мой кандидат, приехавший к нам в самом конце тридцать шестого года, писатель Фейхтвангер.

Фейхтвангер переживал общую трагедию европейских евреев-интеллектуалов. До прихода к власти Гитлера они не чувствовали себя евреями. Они считали себя немцами, австрийцами, голландцами. Среди них были великие музыканты, ученые, писатели, ощущавшие себя гражданами мира и гордостью мира. Гитлер заставил их понять, что прежде всего они евреи. Их удобная, покойная, богатая жизнь, казавшаяся незыблемой, закончилась. Затравленными изгоями они должны были бежать из своих стран. Их родной дом, Европа, становилась коричневой и запретной для них. Бесправные, бесприютные, они теперь скитались по миру. Но это называлось счастьем. Ибо тех, кто остался на территории рейха, ждала мучительная смерть.

Книги Фейхтвангера были сожжены в Германии, на его имени родина поставила клеймо. Этот вчерашний преуспевающий писатель нынче сильно нуждался. СССР являлся для него главной надеждой, мы беспощадно боролись с самым ненавистным ему – с Гитлером. И я понимал: Фейхтвангер захочет закрыть глаза на многое.

Коба поручил мне контролировать его пребывание у нас.

Фейхтвангер уже бывал в России (кажется, в двадцать девятом году), и у меня имелись сведения о жарком темпераменте писателя. Я приставил к нему красотку переводчицу, конечно, нашу сотрудницу. Восторженный Фейхтвангер переспал с ней в первый же день.

После чего в роли обольстителя выступил сам Коба.

Беседа длилась свыше трех часов. В искусстве очаровывать интеллектуалов Кобе не было равных.

Во время разговора он – сама скромность – с готовностью отвечал на все вопросы писателя. В заключение поздравил его с большими тиражами книг. На следующий день это подтвердили внушительной суммой в валюте.

Я наблюдал за Фейхтвангером в надежде пополнить знаменитым писателем список агентов. Помню, меня поразило его удивительно подвижное лицо. На Западе этого не замечаешь. Зато на родине, на фоне наших неподвижных лиц (жизнь приучила нас всех таить эмоции), это бросалось в глаза.

Переводчица ежедневно составляла отчеты о нем и, главное, о его книге об СССР, которую он в это время писал. Отчеты передавали мне. Я их читал, потом они шли к Кобе. Уже вскоре я окончательно понял: он неврастеник и вербовать его опасно. Фейхтвангер каждый день менял мнения. К примеру, он подготовил для «Правды» статью о Сталине.

Статью переслали Кобе, он внес правку. После от имени редакции переводчица предложила Фейхтвангеру переделать указанные места. Он начал кипятиться, кричал, что ничего не будет менять, но переводчица пустила в ход столь любимое им оружие. Фейхтвангер остыл, смиренно сел за стол и исправил все, что требовалось. Однако уже к вечеру снова пришел в ярость, накричал на нее и, как она сообщала, «вел бесконечные клеветнические разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице, мечтал уехать и т. д.». Опять ей пришлось прибегнуть к проверенному средству...

Впрочем, дело было не только и не столько в ее прелестях. Повторюсь, Россия оставалась для него последней надеждой, и он очень старался быть слепым.

В конце концов он написал о Кобе все, что хотел Коба. «Не подлежит никакому сомнению, что это чрезмерное поклонение Сталину искренне. Люди чувствуют потребность выразить ему свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование, за создание армии, обеспечивающей это благополучие. К тому же Сталин действительно является плоть от плоти человеком из народа. На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами и извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не смогли в себе развить хороший вкус».

Но самое важное – Фейхтвангер оправдывает процессы.

С презрением и радостью Коба прочтет: «Людей, стоявших перед судом, ни в коем случае нельзя было считать замученными, отчаявшимися существами. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты. По общему виду это походило больше на дискуссию, которую ведут образованные люди. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал, спортивным, интересом выяснить с максимальной степенью точности все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет, немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности...»

Очень понравится Кобе книга Фейхтвангера «Москва. 1937». Правильнее сказать – «наша с Кобой книга».

# Каин, где брат твой Авель?

В начале февраля, сообщив об ордене, Коба показал мне рисунок.

– Что это?

Я вопросительно посмотрел на него.

– План Кремля. Здесь, – Коба ткнул пальцем в кружочек на плане, – иуда Енукидзе вместе с комендантом Кремля и командующим Московским военным округом собирались арестовать товарища Сталина. В кинозале, где товарищ Сталин будет смотреть кино. Но арестовали самого господинчика иуду в Харькове... Это не все... Не помню, рассказывал ли тебе. В тридцать третьем году отдыхал я у нас. И как-то плыли мы на катере с Ежовым и Берией из Пицунды в Старые Гагры. Вечером приходит ко мне Лаврентий, рассказывает: оказывается, во время плавания наш катер обстреляли! Четыре выстрела с берега сделали! Пограничники приняли нас за нарушителей границы. Но Лаврентий уже тогда сказал мне: это покушение! Товарищ Сталин ему не поверил, потому что забыл правило: *если это возможно, значит, не исключено*. Сейчас чекисты выяснили – всё устроил подлец Авель!

Коба яростно смотрел на меня. Он решил растоптать Авеля до конца.

И я... промолчал.

Помню, после ареста Авеля как-то вечером я зашел к Алеше Сванидзе. Мы жили с ним в одном Доме на набережной.

Алеша сидел мрачный, страшный. Мария – в роскошном пеньюаре – разливала чай.

Мы молча пили настоящий грузинский чай, привезенный с нашей маленькой родины. Вдруг Мария разразилась длинным монологом:

– Я ведь знала этих людей, я говорила с ними, доверяла им. Радек, Пятаков и, главное, Авель! Наконец-то гнусного развратника арестовали. Наконец-то он узнает, что такое правый суд! Он смердил! Я ненавидела его всеми фибрами души! Похотливый сластолюбец! Достаточно было поставить ему смазливую девку, и уже что хочешь можно было выделывать у самого его носа! Старый партиец, который загрязнял высший аппарат дочками князей, белогвардейцев и прочей нечисти только для того, чтобы с ними сожительствовать! Я сама видела, как он вел к себе в квартиру двенадцатилетнюю девочку! Какая грязь! И вы все молчали столько лет!

Я не стал ей объяснять, что пятидесятилетней и весьма объемистой даме семнадцатилетние балеринки Авеля – «Авелинки», как он их называл, – могли показаться и десятилетними. Да она и не послушала бы меня! Ее несло! Она уже кричала:

– Теперь все рассказывают страшные вещи про Бухарина. Но ведь он был самым близким другом Ленина. Это какой-то ужас, превосходящий все представления о людской подлости. Террор, подготовка интервенции, дворцового переворота, вредительство, разложение! И все это – из карьеризма, алчности и желания иметь любовниц, заграничные поездки. Объясните мне, Фудзи, где же у этих людей элементарное чувство патриотизма, любви к родине? Нет, эти моральные уроды заслуживают самого страшного наказания. Бедный Киров явился ключом, отперевшим двери в этот вертеп. Как мы могли все проворонить, так слепо довериться этой шайке подлецов? Непостижимо! Душа пылает! Гнев и ненависть! Даже их казнь не удовлетворит меня. Их надо пытаться, колесовать, сжигать за все их мерзости!

Слишком громко она кричала всё это. Видно, надеялась, что я передам ее речь Кобе.

Алеша молчал. Не проронил ни слова. Она закончила, и он стал расспрашивать о моей жене и дочке.

Когда я уходил, Мария позвала меня в свою комнату, передала мне духи «Красная Москва» – новогодний подарок моей жене.

В этот момент ее позвала прислуга, и она вышла.

На столе лежала раскрытая тетрадь – дневник. Я понял: она оставила его для меня. Там под вчерашним числом был записан весь ее монолог.

*Она уже ждала и сообщила это мне.*

...Люди в те дни соревновались в проклятиях вчерашним друзьям, а ныне – врагам народа. Врали не только отцу, матери, жене, мужу и детям. Врали самим себе – в дневниках, надеясь, что их прочтут на следствии, что они будут доказательством их любви к Вождю!

Все мы тогда ждали ареста.

День без ареста и был тогда нашей великой наградой.

Как я узнаю потом, бедного Авеля готовились судить на открытом процессе вместе с Радеком, Пятаковым и прочими. Он должен был каяться в организации убийства Кобы. Не вышло! Наш легкомысленный друг выдержал все нечеловеческие пытки. Пришлось Ежову обвинить его в банальном моральном разложении. Авель вправду обожал молоденьких балерин, которых Коба называл «тощими селедками». Обвинили его и в том, что он «намеренно наводнил аппарат ВЦИК врагами народа». Нашего с Кобой близкого друга расстреляют осенью тридцать седьмого года...

Авель отказался писать просьбу о помиловании. Коба все время спрашивал: «Написал?» И матерно ругался, услышав ответ... Вместо просьбы о помиловании он оставил Кобе записочку в пять знакомых слов: «Каин, где брат твой Авель?»

Уже после расстрела Авеля припишут «организацию убийства товарища Сталина»...

Впоследствии Коба показал мне ту записку.

– Выдержал характер, ну и чего хорошего? Признался бы – и его помиловали бы. Не веришь? А ведь он убить меня хотел... Тоже не веришь? Жалко его тебе. А мне что, не жалко? Но – выдержал характер. Давай его помянем.

Мы с Кобой выпили нашего грузинского вина в память о друге, которого Коба убил, а я предал.

...Ненавидевшую Авеля верноподданную, влюбленную в Кобу Марию и родственника Кобы, его давнего друга Алешу Сванидзе арестуют и расстреляют, когда я уже буду в лагере. Что делать, Сванидзе были частью прежней верхушки. А всей прежней верхушке партии полагалось исчезнуть. Мой справедливый друг Коба не признавал поблажек даже для родственников.

В феврале тридцать седьмого года застрелился другой наш друг – Серго Орджоникидзе!

Незадолго до этого арестовали Папулию, любимого старшего брата Серго. Его взяли ночью...

Ко мне пришла заплаканная жена Папулии. Она умоляла сообщить Серго. Она утром побежала к нему в наркомат (тяжелой промышленности), но ее не пропустили. Она звонила, но секретарша не соединила ее с Серго.

Я отправился в наркомат. Серго был в кабинете. Я все рассказал, и он пришел в бешенство. Оказалось, он ничего не знал! При мне выгнал секретаршу. Потом позвонил Кобе и орал на него со всем своим знаменитым бешеным темпераментом (его так и называли в партии – «Серго бешеный»):

– Немедленно освободи Папулию! Освободи, или, клянусь, застрелю твоего карлика!

Коба молчал. Серго швырнул трубку на стол, в ярости забежал по кабинету.

Опять схватил трубку, позвонил. Но его снова ждало молчание. Серго продолжал орать. Коба дожидался, пока он выкричится. Правительственная связь была очень громкой. И я услышал любимую отговорку Кобы:

– Зачем так кричать, дорогой? Разве я не освободил бы? Ты же знаешь, я любил твоего брата. Он меня не любил, а я его любил. Но что я могу сейчас поделать? Разве против чекистов попрешь? Эта организация такую власть забрала! Она и нас с тобой посадить может! Но мы ведь всегда мечтали, чтоб она была именно такой, беспристрастной и от нас не зависимой. Почему же мы теперь кричим? Приезжай ко мне, спокойно всё обсудим. – И повесил трубку.

Я понял, что обречен и Серго.

Но тот в своей ярости ничего не соображал. Воистину – «Серго бешеный»! Огромный, потный, с копной седых волос, падавших на лоб, он носился по кабинету, выкрикивая:

– Я его добыю! Я на Пленуме должен выступить! Там и сочтемся – за Папулию и за Пятакова. – (Пятаков, как я уже писал, был одним из заместителей Орджоникидзе.) – Обещал мне Пятакова не трогать! И здесь наврал!..

После этого разговора он вызвал машину и поехал к Кобе. О чем они говорили, я не знаю. Но, видно, не договорились.

Вокруг парадного, где жил Орджоникидзе, стояла цепь охраны.

Я поднялся в так хорошо знакомую квартиру. Едва вошел в темную прихожую – на меня с криком бросилась его жена:

– Будь ты проклят, иуда!

– Вы что? – только и успел сказать я.

И понял. Недавно я сбрил бороду и в темноте, в шапке, походил на Кобу. Она тоже поняла – разглядела.

– Похож на проклятого. Так всегда: верная собака похожа на Хозяина. Так что и ты... будь тоже проклят!

Я на нее не обиделся. Но я пришел не к ней, а к своему другу.

Я прошел в его кабинет. Он лежал, уже обряженный в военный френч. Знаменитая седая шевелюра причесана. Я поцеловал его в холодный лоб, в седые волосы.

Как я узнал потом, его нашли в спальне с пулей в сердце. Он лежал в нижнем белье. Я не сомневался: он не мог застрелиться. Ему надо было жить – спасти Папулию.

На улице было мокро, таяло, и на ковре я увидел явственно отпечатавшуюся грязь. След вел от двери, выходящей на черную лестницу, в спальню, к его кровати.

С черной лестницы *исполнитель* открыл ключом дверь в кухню, из кухни преспокойно проник в спальню и застрелил. (В момент убийства, кроме Серго, в квартире никого не было. Кажется, жену вызвал комендант – сообщить о ремонте в подъезде.)

Исполнитель спешил, даже не потрудился уничтожить следы.

Так мог подумать любой. Но не я. Я знал: Коба думает обо всем. Он хотел, чтобы следы остались, чтобы мы все поняли, что здесь случилось. И ужаснулись. Зло, чтобы оно страшило, должно быть явным.

Серго похоронили торжественно, в Кремлевской стене. Был траурный митинг. Я наблюдал за Кобой. Какая великая скорбь, какое тяжкое горе читались на его лице! Коба не врал – он горевал. Но он хорошо знал нашего Серго. Серго и вправду был бешеным. Потому – опасным. Коба не мог позволить ему выступить на Пленуме. Думаю, он сказал себе: «Есть только два выхода: арестовать и расстрелять либо убить и оставить в нашей великой истории... Серго заслуживает второго». Серго присоединился к Камо в нашем пантеоне партийной славы.

Уже потом Коба заботливо арестовал его родственников – слишком часто они говорили о том, что Серго убили. Любимого брата Серго – Папулию – расстреляли в том же году.

# Великое открытие Кобы

Пришла пора Бухарина. Пленум, отсроченный из-за смерти нашего друга Серго, состоялся в конце февраля – начале марта.

Перед Пленумом Крупская попросила Кобу о встрече, но он ее попросту не принял.

На следующий день при мне он сказал кому-то по телефону:

– «Селедка» решила просветить товарища Сталина по поводу «заветов Володи о неприкосновенности старых большевиков». Но я исполняю не Володины, а ленинские заветы. Если срала с Лениным на одном стульчаке, это еще не значит, что она его понимает. Если она продолжит мешать осуществлению истинных ленинских заветов, партия назначит Ленину другую вдову! Я уже предупреждал ее однажды. Нового предупреждения не будет...

Вскоре прошел слух, что истинной женой Ленина в последние годы была его секретарша Стасова, а с «Селедкой» он тайно развелся.

Крупская замолчала.

Накануне Пленума Коба сказал мне со вздохом:

– Боюсь потерять еще одного друга. – Он протянул мне приглашение на Пленум. – Сходи, послушай. Ты ведь прикреплен к нему персонально.

Март, как я уже писал, – судьбоносный месяц в истории России. Именно тогда, в марте тридцать седьмого года, в Кремле Коба тихим, спокойным голосом с грузинским акцентом прочел свой доклад Пленуму ЦК.

Не изменяя будничной интонации, объявил свое великое открытие: *«С продвижением к светлomu будущему классовая борьба в стране отнюдь не утихает, но, напротив, должна только усиливаться. Свергнутые классы и их наймиты все активнее должны сопротивляться, чувствуя свой конец...»*

Сказав, сделал паузу. Все тотчас привычно зааплодировали. Они не понимали, что аплодируют собственной смерти.

За этими скучными словами были ночные обыски в наших квартирах, черные машины НКВД у подъездов высокопоставленных домов. И бездонная могила на кладбище Донского монастыря, куда сбрасывали пепел расстрелянных.

Не поняли смысла слов Кобы и обыватели.

На самом деле они читали о себе, о миллионах, объявленных «вредителями» и «врагами народа». Вместе с НКВД их будут неустанно выявлять руководители учреждений (ведь если нет «вредителей» – значит, нет бдительности или, что еще хуже, покрывают «вредителей», ибо сами «вредители»). О ночных поездах с прожекторами на крышах, где в товарных вагонах, в запахе мочи и испражнений повезут в лагеря сотни тысяч – даровую силу для работ на задуманных моим другом величайших «стройках Коммунизма».

Но, повторяюсь, тогда все это мало кто понял. Никто не смог представить небывалый размах того, что задумал Коба.

## Гибель отцов Октября (продолжение)

На Пленуме выступил Ежов. Едва закончивший три класса (говорил с гордостью: «Мы университетов не кончали»), он обрушился на бухаринскую вредительскую философию. Гроз с трибуны жалкой маленькой ручкой, потребовал расстрелять Бухарина и Рыкова.

Я потом слышал легенды – называли имена «порядочных людей, рискнувших в тот день вступить на Пленуме за Бухарина»... Заявляю как очевидец: таковых не было! Был общий клич: «Распни!» Все дружно, яростно требовали покарать. Кто-то предложил Бухарину и Рыкову сразу признаться во вредительской деятельности, Бухарин в ответ закричал с места: «Я вам не Зиновьев и не Каменев и лгать против себя не буду!»

Выходило, правдивый Бухарин знал, что Зиновьев и Каменев невиновны, и, несмотря на это, страстно клеймил их! Теперь невинно убиенные из гроба тянули его в преисподнюю! «Угодно ль на себе примерить!»

На Пленуме разыгралась дикая сцена. Добивая Бухарина, Ежов заявил:

– Бухарин пишет в заявлении в ЦК, что Ильич у него на руках умер. – Он обратился к Бухарину: – Да что ж ты все время подло врешь?! Врешь и врешь! Ложь сплошная!

Бухарин даже потерялся от такой наглости. Но потом понял, что наконец-то наступил его час. Теперь он начнет разоблачать ложь. Ведь почти все присутствующие знали, что так оно и было – в момент агонии Ленина Бухарин стоял у его кровати.

– Да как вы смеете! Это вы... вы лжец! – закричал он Ежову. И почти радостно обратился к вдове Ленина: – Подтвердите, Надежда Константиновна!

Наступила грозная тишина. Крупская... молчала!

– Ведь мы же все были при смерти Ильича: Мария Ильинична, Надежда Константиновна, доктор и я. Ведь верно, Надежда Константиновна? – почти испуганно, жалко произнес Бухарин.

Но та по-прежнему молчала, опустив голову. Жидкие седые волосики смотрели на любимца Ильича. Никогда не забуду, как он глядел на эти волосики. Но он продолжил уже в ужасе, охрипнув:

– Я его поднял на руки, мертвого... и поцеловал ему ноги! Мария Ильинична... да что же вы?! Вы ведь тоже были... вы видели!

И опять тишина! Пришла пора промолчать и Марии Ильиничне. Она смотрела мимо Бухарина невидящими глазами.

Ежов истерически захохотал. Весь зал услужливо подхватил смех. Заливался Каганович, в Президиуме корчился от смеха Ворошилов, улыбался Молотов. Не смеялся только Коба, он внимательно всматривался в зал.

Зал, решивший, что зарабатывает таким образом право на жизнь, гоготал до упаду над «лжецом» Бухариным. Бухарин в отчаянии глядел на уставившуюся в пол «Селедку», выучившую уроки Кобы, на погибавшую от стыда сестру Ильича (говорили, что Мария была тайно влюблена в блестящего Бухарчика)...

Зря молил их бедный Бухарчик. Они научились быть послушными, как был послушен он сам, когда обвиняли Зиновьева и Каменева. Как были послушны мы все. Нашим истинным голосом стал услужливый гогот. Все мы хотели заработать право на жизнь... И давал это право один – мой друг Коба.

Бухарчик заплакал.

Излишне говорить, что самым терпимым, умерявшим ярость и пыл обвинителей, был конечно же мой друг. Печальным голосом он предложил создать комиссию для подготовки решения Пленума. И в члены ее, среди первых, рекомендовал вдову и сестру Ленина, старых друзей «любимца партии».

Все увидели, как беспристрастен наш Отелло, обманутый другом Яго. Туда же вошли и те, кого он решил оставить жить (Хрущев, Микоян, Молотов, Каганович, Ворошилов), плюс два десятка кремлевских бояр, кому он назначил вскоре умереть (Ежов, Постышев, Косиор, Гамарник, Петерс, Эйхе, Чубарь, Косарев и т. д.).

И все они, безусловно, продемонстрировали революционную беспощадность. Особенно старались вчерашние близкие знакомые Бухарина и Рыкова – горячо требовали расстрелять. Против этого решения, само собой, выступил Коба. Добрый Отелло все так же печально и рассудительно предложил наиболее умеренное:

– Я так думаю, нам не следует торопиться, товарищи. Нам не к лицу бросаться словами «расстрелять», «уничтожить». Это с одной стороны. Но с другой, мы имеем множество показаний, которые представил нам товарищ Ежов и которые мы не можем игнорировать. Поэтому я прошу товарищей обдумать такое предложение: «Исключить из членов ЦК и из членов партии товарищей Бухарина и Рыкова, но суду не предавать, а направить дело в НКВД на дальнейшее расследование...»

Что означало немедленный арест обоих несчастных вместо немедленного расстрела. Но в это, одолженное у смерти, время им надлежало много поработать для Кобы. Чтобы понять: смерть была бы для них самым легким испытанием.

Объявили перерыв перед голосованием по предложению Кобы. В перерыве Коба, как всегда, был окружен толпой жаждущих пресмыкаться членов ЦК. Точнее – жаждущих удостовериться, что он к ним милостив и разрешает жить.

И тогда Бухарин направился к Кобе. Он был в бешенстве. Увидев его, стремительно идущего, окружавшие Кобу торопливо рассеялись. Бухарин заговорил нарочито громко, чтобы слышали все:

– Ты лучше всех знаешь, Коба, я всегда служил Революции. Мы прошли трудное время. Теперь, когда трудности позади, ты веришь клеветническим показаниям? Хочешь выкинуть нас на грязную свалку истории только потому, что мы посмели когда-то бороться с тобой? Опомнись, Коба!

– Ты, по-моему, вспоминаешь о своих прошлых заслугах, Николай, – ответил так же громко Коба. – Но прошлые заслуги и у Троцкого были. Между нами говоря, мало кто в партии имел столько заслуг перед Революцией, сколько Троцкий. А разве у Зиновьева и Каменева не было заслуг перед Революцией? Но они перечеркнули их дальнейшей жизнью! Не к чести большевика, Николай, – Коба поднял палец и погрозил Бухарину, – вспоминать о прошлых заслугах.

В этот момент прозвенел звонок, перерыв перед голосованием окончился.

Проголосовали. Большинство комиссии конечно же приняло предложение Кобы.

И старушка Крупская, и сестра Маша высказались за арест любимца Ленина. После голосования, во исполнение решения комиссии, исключенных из ЦК и из партии Бухарина и Рыкова попросили покинуть зал. Пришлось уйти и нам, немногим гостям Пленума.

Начиналось закрытое заседание – обсуждали меры в связи «с нарастанием классовой борьбы» – точнее, грядущие репрессии.

Я вышел из зала вслед за Бухариным и Рыковым. Я видел, как они, жалко оглядываясь по сторонам (понимали, что арестуют сейчас, здесь!), пошли в гардероб получать свои пальто.

Они не ошиблись. У гардероба их уже поджидали крепкие молодые люди в одинаковых костюмах. Наши сотрудники окружили несчастную пару и повели прочь из здания.

Прямо с Пленума вчерашнего «любимца партии» Бухарчика и вчерашнего Председателя правительства Рыкова в одной машине повезли к нам на Лубянку.

# Террор

И началось. Закрутился маховик. У террора есть одна особенность – пущенное колесо крутится всё быстрее и быстрее, его уже не остановить.

Лубянка гудела – воистину потревоженный улей. Всю ночь машины привозили вчерашних неприкасаемых. Одновременно шли допросы и очные ставки в здании ЦК. Там арестованные кремлевские бояре встречались с теми, кто жил пока на свободе в ожидании ареста.

Аресты непрерывно проходили в нашем престижнейшем Доме на набережной, или Доме правительства, как чаще называл его народ. Теперь народный юмор окрестил его «ДОПР» – Дом правительства, или Дом предварительного заключения. Утром, отправляясь на работу, я спускался без лифта и каждый раз видел все новые и новые опломбированные квартиры.

Это были страшные ночи в нашем доме. В ночной тишине отчетливо слышался громкий стук дверей лифтов – увозили очередного кремлевского боярина. Обычно через пару дней семью отправляли в лагерь или в тюрьму. На дверь опустевшей квартиры ставили печать.

# Кровь знаменитого родителя

Крепко ударили и по моей агентуре.

Несколько моих французских агентов, эмигрантов-евразийцев, вернувшихся в СССР, были арестованы. С известием об этом мне позвонила колоритнейшая личность – дочь знаменитого Александра Ивановича Гучкова...

Знал бы ее папаша (одно время председатель царской Думы, потом министр Временного правительства, принимавший отречение Николая II), кем станет его дочь! Впрочем, и сам он был большой авантюрист – воевал в Англо-бурской войне на стороне буров, потом отправился на фронт Русско-японской войны, побывал в плену. В Думе прославился драками на заседаниях, и даже дуэлями. После Октябрьского переворота успел эмигрировать во Францию и там благополучно умереть. Но буйная гучковская кровь не давала спокойно жить его дочке.

Как и положено роковым женщинам, она не была красива. Она была больше чем красива – обольстительна. Как многие роковые соблазнительницы, она обладала неправильными чертами лица, но зато имела великолепное тело, высокий рост, прекрасные волосы, ослепительные зубы и чувственный рот. И – зов в глазах, сводящий с ума мужчин... Она не могла жить нормально. Слишком тихим для нее оказался парижский омут эмиграции. Она стала одним из вождей евразийцев и конечно же нашим агентом. Принимая на себя роль нашего агента, она была уверена, как и все евразийцы, что дурачит нас и постепенно приручает советскую власть.

Она даже читала лекции в нашей разведшколе. Моих лубяньских начальников она приручала по-своему – в постели, во время приездов в СССР.

В эти дни бесконечных арестов она в очередной раз приехала в Москву. Захотела увидеться со своими парижскими знакомыми. И пришла в ужас – они все были арестованы. Она позвонила своему куратору, он перезвонил мне, рассказал, как она кричала в трубку: «Арестовали двадцать человек! Это вызовет панику среди наших друзей в Париже. Это конец Евразийского движения! Это люди, которых я уговорила вернуться в СССР!..» Назвала фамилии.

Он повторил их мне. Среди них – вернувшиеся в СССР муж и дочь моей давней знакомой, поэтессы. Бедная Н.!

Гучкова попросила немедленно вмешаться. Я велел куратору посоветовать ей самой пойти к Ежову. И объяснить, что Ежов – единственный, кто способен сейчас помочь. Я знал: Ежов на нее клюнул, как только ее увидел (он пришел на ее лекцию в разведшколу). У этого карлика, как у многих обделенных физически людей (Геббельса, к примеру), была неукротимая жажда обладать красивыми женщинами. Так они побеждали комплекс неполноценности...

Я сам позвонил Ежову с просьбой принять ее. Он не знал, что красавица была в это время беременна, у дамы уже появился здоровый живот. Карлик загорелся, назначил ей прийти ночью. (Коба работал теперь исключительно по ночам. Постепенно все наши учреждения перешли на ночной образ жизни, и все руководители стали «совами»).

На следующий день после встречи она позвонила куратору. Я слушал разговор по

параллельной линии.

– Я пробыла у него до пяти утра, но, по-моему, тщетно.

– Всё тщетно? – спросил куратор.

Она прелестно засмеялась:

– Он едва достаёт мне до груди. Если прибавить мой тяжёлый живот, боюсь, я раздавила бы вашего Ежова. Он это понял и отстал. Я сказала ему: «Если в Париже узнают о ваших арестах, это и будет концом нашего движения». Он держал мою руку в потной ладошке и гладил ногу своей крохотной ручкой... и ещё кой-какие невинные безумства. Но пообещал освободить все двадцать человек, список я ему дала. Я ушла от него окрыленная. Только упала на кровать, как меня разбудил телефон. Мужской голос, не представившись, велел мне «завтра же уехать из России», если я хочу «снова увидеть свой Париж». Я спросила: «Как же быть с честным словом самого товарища Ежова?» Голос повторил приказание и повесил трубку. Посоветуйте, что мне делать?

Куратор обещал, что с Ежовым переговорят сегодня же. Надо было спасать сеть в Париже.

Генеральный комиссар госбезопасности, он же секретарь ЦК, он же глава Комиссии партконтроля, он же человек с незаконченным начальным образованием, Николай Иванович Ежов принял меня в одиннадцать вечера в бывшем кабинете Ягоды. Это был огромный кабинет с великолепным столом красного дерева (Ягода знал толк в антиквариате).

Из большого старинного кожаного кресла вместо возвышавшейся здесь прежде головы Ягоды торчал крохотный маленький отросток – голова карлика. Сам карлик вел себя странно...

В это время по Москве развесили бесчисленные плакаты. Гигант Ежов в огромных «стальных рукавицах» душил многоголовую гидру с лицами Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Наши восточные поэты славил его, называли «батыром». И, видно, поэтому он постепенно преобразился. Сидя за огромным столом, он все время поводил несуществующими могучими плечами, впалая жалкая грудка была напряженно расправлена. Притом он не был комичен. Тщедушный выродок выглядел страшно. Все дело было в глазах... Когда-то добрые, угодливые голубые глаза теперь горели фанатичной яростью. Коба точно выбрал человека. От постоянного кровавого решения тысяч человеческих судеб жалкий карлик поверил в свою миссию и обезумел.

Я сразу перешел к сути.

– Вчера у вас была...

Он хихикнул:

– Не вчера, уже сегодня... она ушла утром...

– Она позвонила своему куратору, сказала, что никакого результата встреча не дала.

– Ну, это она преуменьшила, кой-какой результат у нас с ней был, – опять хихикнул карлик.

Он стал безумен и в похоти тоже... Кровь и похоть – они, видно, вместе.

– Все по-прежнему арестованы, – сухо заметил я. – Если все так останется, это будет удар по нашей сети в Париже.

– Все так и останется.

– И вы ничего не предпримете?

– Могу только тебя арестовать, чтобы побольше узнать о твоих связях с этой

международной блядью. Жаль, что личных друзей товарища Сталина нельзя трогать без его указаний. Надеюсь, они скоро появятся. – Он глядел на меня сумасшедшими глазами. – Что же касается этой шпионки – пусть благодарит, что её выпустили обратно...

Вернувшись в свой кабинет, я попросил куратора немедленно позвонить Гучковой в «Метрополь» и порекомендовать уехать в Париж.

Но в «Метрополе» сообщили, что госпожа Гучкова еще утром покинула гостиницу. Она оказалась умной и последовала «настойчивому совету».

# Конец Вавилона

На следующий день я зашел в общежитие Коминтерна к своему агенту Леопольду Т. Общежитие по-прежнему являлось Вавилоном, где жили партийные активисты из множества стран. Среди них были несколько моих агентов. Я боялся потерять самых ценных и решил побыстрее отправить Леопольда Т. в Женеву, куда его не взяли.

Я застал его в совершенном безумии. Он сказал: «Третью неделю не сплю. И семья не спит. Ровно в три приезжают – брат. Появляется за окном свет автомобильных фар. Мы всем общежитием стоим у окон и ждем: кого на этот раз? У какого подъезда остановится машина? Только поняв, что пронесло, ложимся спать счастливые... да, счастливые! Спокойные и счастливые... до следующего вечера! Но, объясните, Фудзи, почему? Почему все это? Зачем все это?»

Этот великий агент, привыкший разгадывать сложнейшие европейские ребусы, не смог разгадать наш простейший, азиатский: Коминтерном одно время руководили Зиновьев и Бухарин, здесь героями были блестящие ораторы – Троцкий, Радек... Это было прибежище прежней ленинской партии. Что означало смертный приговор.

...Леопольда Т. арестовали. Но я сумел объяснить Кобе его ценность. Его освободят. Он станет одним из важнейших наших агентов во время войны с Гитлером.

Погиб тогда и знаменитый Бела Кун, вчерашний глава Венгерской республики, слишком близкий к Зиновьеву и Троцкому.

Если не ошибаюсь, весной 1937 года его вызвали на заседание Исполкома Коминтерна. Они сидели за столом – его друзья, главы западных компартий: вальяжный Тольятти (итальянская), толстый, похожий на добродушного Пиквика Вильгельм Пик (немецкая), нервный курильщик Торез (французская) и лысый меланхолик Куусинен (финская).

Коба, как всегда, предоставил товарищам возможность предать старого друга.

От имени Исполкома обвинительную речь держал Отто Куусинен. Монотонным бесстрастным голосом сообщил, что по представленным НКВД сведениям Бела Кун с 1923 года завербован румынской разведкой. (Коба не утруждал себя оригинальностью. Да и зачем? Он знал, как смертельно перепуганы присутствующие здесь. Они ведь держали экзамен на право жить. И выдержали. Они не посмели даже обсудить этот абсурд.)

Куусинен от имени Исполкома Коминтерна предложил нужное решение: поручить НКВД проверить правильность обвинений против товарища Бела Куна. Что подразумевало немедленный арест.

– Мы все надеемся на твою невиновность, товарищ Кун, но в случае доказанности – не взыщи! Революционная Фемида будет беспощадной! Термидор у нас не пройдет.

Кун слушал, не проронив ни слова. Проголосовали единогласно.

Сидевший на заседании представитель НКВД, богатырь с розовым лицом, попросил разъяснить, кто такая Фемида и при чем тут какой-то Термидор?

Несчастный Кун молча стоял у стола, пока владевший русским Тольятти подробно объяснял про Фемиду и Термидор. Кун мог увидеть в широкое окно стоявшую у подъезда черную машину и разгуливавших около нее молодых людей.

Его ждали.

Он недолго гостил у нас на Лубянке. За расстрелянным Куном последовали его

соратники, двенадцать бывших комиссаров – всё правительство Венгерской республики.

Я думал тогда, что Коба создавал новый, послушный ему Коминтерн.

Но его шахматная партия (как я пойму только потом) оказалась куда сложнее.

# Битва вождей

В Париже в это весеннее время открылась Всемирная выставка искусств и техники.

Коба решил потрясти западный мир масштабами. Вход в наш павильон представлял гигантский постамент, вознесенный на тридцать четыре метра. На нем была установлена скульптура «Рабочий и колхозница» – тоже чуть ли не в тридцать метров высотой. Мужчина и женщина с совершенными телами греческих богов гордо стремили в небо герб Страны Социализма – гигантские серп и молот.

Напротив нас располагался гитлеровский павильон. И по замыслу Кобы, наша скульптура с грозно поднятыми серпом и молотом должна была как бы шагать на немецкий павильон, грозить ему...

Внутри советского павильона посетителей ждал еще один гигантский проект – макет будущего Дворца Советов, такого храма Социализма. Предполагалось, что его символически воздвигнут на месте храма прошлой, христианской Религии – взорванного собора Христа Спасителя. Полукилометровая высота будущего дворца, увенчанная стометровой статуей Боголенина, – все это было призвано поразить воображение людей мира капитализма.

Но проклятый фюрер! Немецкий павильон оказался башней невиданных размеров. И эта мрачная башня вознеслась, к сожалению... над нашим павильоном! Ее венчал гигантский орел со свастикой в когтях. Нацистский орел победно взирал сверху на пару с серпом и молотом. В довершение торжества немецкий вождь разместил внутри своего павильона аналог нашего Дворца Советов – макет гитлеровского Зала конгрессов. И как жалко выглядел в сравнении с ним наш дворец! Гитлер представил макет воскресшего римского Колизея, гигантский амфитеатр которого, увенчанный неправдоподобным куполом, вмещал восемьдесят тысяч человек!

Когда Кобе доложили, он пришел в ярость:

– Они знали! Все знали про нас! Уверен, твои (!) коминтерновцы донесли наш план!.. Мерзавцы... Шпионы, всюду шпионы!

Верил ли в это сам Коба? В тот момент – абсолютно. Ибо его предположения тотчас становились для него истиной.

Он полюбил повторять тогда: «Это возможно? Значит, не исключено!»

И продолжил беспощадно чистить несчастный Коминтерн.

# Фарс и кровь

Все последние годы я уже боялся не за одного себя. У меня (как и у Кобы) было много женщин. Пока наконец я не нашел *ее*. Жену.

Конечно, она была грузинка. Ей исполнилось двадцать восемь лет, но она была невинна, как и положено хорошей грузинской девушке. Окончила МГУ, работала искусствоведом в Москве в Третьяковке. Была нехороша собой. Как большинство много грешивших мужчин, я боялся взять в жены красивую и молодую. Потому выбрал молодую и некрасивую. И не ошибся – она любила меня. Как и полагается грузинской жене, молча страдала, когда чувствовала, что я ей изменяю.

Она родила мне дочь, Майю. Прелестную крошечную девочку в черных кудрях и с огромными глазищами. Я звал ее Сулико – в память о нашей любимой с Кобой грузинской песне...

Я был счастлив... когда неожиданно влюбился. Влюбился по-настоящему. Вот уж действительно: седина – в голову, а бес – в ребро!

Все началось с того, что жене поручили готовить выставку к двадцатилетию образования нашей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Как и положено, такое ответственное мероприятие готовили загодя и портреты заказали за полтора года. Секретарь Кобы Поскребышев постоянно осведомлялся, как идет дело...

Поскребышев появился у Кобы, кажется, в середине двадцатых. Коба нашел его в экспедиции ЦК, где тот принимал письма. Сделал его своим главным секретарем и не ошибся. Знакомя нас тогда, он сказал о Поскребышеве:

– Единственный в мире человек, у которого память не хуже твоей. Тоже никогда ничего не записывает, даже телефоны.

Этот человек с совершенно лысой яйцевидной головой стал воистину «оком государевым». Через него теперь шли к Кобе все бесчисленные бумаги. Коба занимался всем, и Поскребышев создавал очередность внутри этого невиданного бюрократического потока. Иногда Коба поручал ему самому писать ответы. В этом случае резолюции Поскребышева становились резолюциями Кобы.

С окружающими Поскребышев держался покровительственно-насмешливо. Но в присутствии Кобы – лакейски-угодливо. Когда Коба был им недоволен, он его бил! Причем своеобразно – головой об стол, за которым тот сидел. Бил и приговаривал в такт: «Учимся, понемногу учимся, товарищ Поскребышев».

Первый зал будущей выставки решено было сделать Маршальским. Отдельные портреты маршалов писали мэтры – знаменитые художники Бродский, Герасимов, Ефанов.

Незадолго до открытия моей жене пришлось в голову повесить у входа коллективный портрет наших славных маршалов. Так как все мэтры были заняты, картину заказали молодой художнице, лучшей выпускнице знаменитого Московского института прикладного и декоративного искусства.

Ей же заказали портреты нескольких героев Гражданской войны.

Уже с января начались волнения перед грядущим майским открытием. Жена позвала

меня посмотреть коллективный портрет (все-таки молодая художница!). В пустом Маршальском зале был установлен большой холст: маршалы со звездами в петлицах сидели на общей скамейке. В центре – нарком обороны Ворошилов, вчерашний «луганский слесарь Клим», возле – другой маршал, «Наполеончик» Тухачевский. Рядом с ним – Егоров. По другую сторону от Ворошилова топорщили грозные усы маршалы Блюхер и Буденный (усатых в армии было много – ведь «сам» носил усы).

В первый раз я увидел художницу на лестнице. Она спускалась по ступенькам, прыгая через одну. Прелестное девичье личико... На следующий день я застал ее за работой.

Она молча стояла перед холстом. Увидев меня, засмеялась:

– Финита, последний штрих! – И картинно бросила кисть в маленькое ведро.

Далее начался кровавый фарс.

Накануне открытия жене позвонили домой. Когда она повесила трубку, на лице ее был ужас. Оказалось, звонил Поскребышев. Он велел срочно убрать с выставки все портреты Тухачевского. И попросил повременить с развеской картин, а также закрыть пока Маршальский зал.

Жена позвонила Бродскому, рисовавшему портрет Тухачевского, потом вызвала несчастную молодую художницу, и та, чуть не плача, замазала Тухачевского на коллективном портрете...

Непосредственно перед этим Тухачевского сняли с должности первого заместителя наркома обороны и отправили начальником военного округа в Куйбышев (бывшую Самару).

Перед отъездом его принял Коба. Я ждал в приемной, когда в дверях кабинета появился Тухачевский. Коба церемонно провожал его до двери.

Я услышал:

– Желаю удачи, товарищ Тухачевский. Вы освобождали Самару от белых, город для вас не чужой. Хотя уверен, вы там долго не задержитесь, очень скоро вызовем вас обратно в Москву.

Коба не ошибся в сроке. Не прошло и десяти дней, как Тухачевского арестовали в кабинете секретаря Самарского обкома партии (арестовать в здании военного округа побоялись). Переодели в штатское и вывели с черного хода. Мне рассказал об этом некто Ушаков, один из следователей, ведших его дело. Арестованного Тухачевского действительно «вызвали в Москву» – повезли в поезде на мою родную Лубянку.

Но история с Тухачевским была только началом. Теперь Поскребышев звонил на выставку каждый день. В зале героев Гражданской войны не успевали убирать портреты.

Сняли портрет командарма Якира. Якир – самый молодой из когорты героев Гражданской войны, сын еврейского аптекаря, прославившийся своей храбростью и матерной речью.

За ним последовал портрет начальника Военной академии Корка. Его лысую сверкающую голову я часто видел в разных президиумах. Но Корк имел несчастье защищать Петроград вместе с Троцким и вместе с ним же добивать Врангеля в Крыму... Я видел, как несчастная девушка уносила картину. Корк был изображен в полной форме, в орденах. Его так и арестовали – в кабинете, в парадном мундире...

Только успели убрать эти портреты, снова позвонил Поскребышев. Велел убирать командарма Уборевича. Легендарный смельчак, бородач Уборевич командовал Белорусским

военным округом. Его взяли в поезде по пути в Москву...

Зал опустел... Помню, я вошел туда – ее картины стояли холстами к стене. Она обернулась, сказала:

– Видите, стоят в углу, как провинившиеся дети. – Засмеялась, а в глазах – слезы.

Бедная жена совсем извелась. Происходящее было смешно, но больше – страшно. Вся выставка оказалась выставкой врагов народа. Снятые картины простояли в углу недолго – их сожгли. Таков был приказ.

Да и самому Поскребышеву вскоре стало не до смеха. Кажется, в эти дни (или чуть позже) арестовали его жену. Говорят, Поскребышев каждый день молил *самого* ее вернуть. Но мой друг Коба лишь вздыхал и произносил любимую фразу: «Не торопись. Надо, чтоб НКВД спокойно разобрался. Ты же знаешь, это такая организация, она и нас с тобой посадит, если мешать их работе будем».

Жена Поскребышева, латышка, была очень хороша собой. Я слышал, что Коба как-то переспал с нею. Но это не имело для него никакого значения. Она была сестрой жены сына Троцкого. Это для него куда важнее. Все, имевшие отношение ко Льву, были обречены. Поскребышев понял и замолчал.

Арестовали жену и другого соратника Кобы, официального главы государства, Председателя Президиума Верховного Совета Михаила Ивановича Калинина.

Теперь и Калинин ходил к Кобе, умолял выпустить ее. Я слышал разговор, который цитирую дословно:

– Я не понимаю причину твоего расстройствa, Михал Иванович? Разве ты ее любишь? Мне, например, доложили, что ебешь балерину... и не одну.

– Да это так, девки, Иосиф Виссарионович.

– Тогда вопрос к тебе: неужели товарищ Калинин, глава нашего государства, «верховный староста» страны, не понимает, что враг работает через подобных блядей? Я могу это простить молодому партийцу, но не вам, партийным деятелям самого высокого ранга.

Калинин, будто не слыша, продолжал канючить:

– Очень прошу, Иосиф Виссарионович, выпусти жену. У нее со здоровьем плохо... Помрет... А у нас дети.

– Понимаешь, есть на нее нехорошая «прослушка». Она считает политику партии ошибочной, а товарища Сталина – «тираном, уничтожившим ленинскую гвардию». Может, и ты меня считаешь тираном, дорогой? Если так, только слово скажи, и я велю ее освободить.

– Нет, конечно же нет, Иосиф Виссарионович!

– А кем ты меня считаешь, дорогой?

– Гениальным кормчим, продолжателем дела Ленина.

– Да, именно так ты меня часто называешь, дорогой товарищ. Видишь, ты с ней не согласен. Зачем тебе с ней жить?

– Но как мне жить без нее, я старый...

– Я вот тоже немолодой, а живу без жены... Тебе же придется жить, как раньше, – ебать балерин. Как вы это делаете, не пойму. У них жопы нет, одни кости. Знаешь, как у нас, азиатов, говорят: «Красива та женщина, которую могут нести только два верблюда». А кости мы бросаем собакам...

– Иосиф Виссарионович, жена – моя первая любовь.

– И это не страшно. На Кавказе говорят: «Первая любовь не всегда бывает последней. Вот последняя часто бывает первой...» Иди домой и не мешай работать!

Выставку к двадцатилетию РККА моя жена открыла в положенный срок.

К моменту открытия герои, изображенные на сожженных портретах, уже были арестованы.

В залах вместо уничтоженных картин висело множество портретов Сталина. И маршала Ворошилова: Ворошилов на лыжной прогулке, Ворошилов на прогулке с товарищем Сталиным...

Был и второй уцелевший маршал – Буденный на коне открывал парад и т. д. Повесили и творение бедной Кати – групповой портрет оставшихся трех маршалов: Ворошилов, Буденный и Егоров сиротливо сидели на опустевшей скамейке.

# Конец героев Гражданской войны

Тухачевского допрашивали у нас на Лубянке. Вот когда стала ясна предусмотрительность Кобы – постановление о пытках. Орлов оказался прав, обо всем наперед думал мой великий друг.

Тухачевский недолго сопротивлялся. Все тот же следователь Ушаков выбил у него признание, сломав ему руку. Однако на следующий день, как сказал Ушаков, Тухачевский взял назад свои показания. После чего его допрашивали вдвоем Ушаков и Ежов.

Меня как-то вызвали к Ежову, и я пришел, когда оттуда выводили под руки Тухачевского, – сам он идти не мог. Этот щеголь, красавец был в поношенной солдатской одежде, на ногах вместо хромовых сапог... лапти! Входя в кабинет, я чуть не споткнулся о таз с водою, охранник замывал кровь на полу и на зеленом сукне стола. Уже вскоре Ушаков смог отрапортовать: вчерашний «Наполеончик» признался в троцкистско-фашистском заговоре. Плоть оказалась слаба.

В благодарность Коба расстреляет и слишком много знавшего Ушакова.

В июне состоялся знаменитый Военный совет, на котором выступил Коба.

Я не был на совете. Знаю только, что литератор Коба опять не ударил в грязь лицом. Рассказал оставшимся на свободе (пока!) военным историю, очень напоминавшую бульварные романы начала века, которыми мы с ним когда-то зачитывались.

Оказалось, коварный Гитлер, знавший о разложении в наших рядах, заслал к нам «красивую бабу» (лексику Кобы сохраняю). Эта красавица по имени Жозефина Гензи вербовала наших военачальников «на базе бабской части». В результате главные донжуаны армии пали, стали немецкими шпионами...

После этого сообщения Коба перешел к Тухачевскому и длинному списку арестованных. Он именовал их «подлыми шпионами», отказываясь называть «контрреволюционерами». «Если бы недавно трусливо покончивший с собой Гамарник (начальник Политуправления Красной армии) был действительно последовательным контрреволюционером – что он должен был сделать? Я на его месте попросил бы свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, и только потом убил бы себя...»

И такое слышалось презрение в этих словах – презрение старого боевика. Что ж, в одном мой друг был прав. Смелость исчезла, остались покорные рабы... Мы все были связаны круговой порукой рабства. И найдись среди нас кто-нибудь, кто посмел бы ее нарушить, мы все ненавидели бы его!

Однако тогда впервые я сказал себе: «А вдруг все-таки найдется?!»

Видно, то же говорил себе Коба. Именно потому он и придумал революционное решение вопроса – *окончательное решение*. Истребить не только всех прежних оппозиционеров, но и всю старую партию. Всех прежних военных руководителей. Всех, кто знал подвиги Троцкого, всех, кто помнил Кобу жалким служкой Ленина.

Жить имели право новые, молодые, знавшие лишь его – великого Сталина. Память должна была умереть у расстрельной стенки.

Так что подлежал чистке и я...

Состоялся скорый суд над военными. Коба устроил любимое представление: друзья посылают на смерть друзей. Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка и прочих судили их же

товарищи, командармы Дыбенко, Белов, Алкснис и маршал Блюхер. И приговорили, единогласно конечно же, к смерти. Они понимали, что это плата за собственную жизнь. Но не понимали, что эта подлость – лишняя. Ибо они также являлись частью старой партии, которая должна была исчезнуть *вся*.

Историю с документами о заговоре Тухачевского я узнал уже после смерти Кобы. Ее сообщил мне наш агент К., которого я встретил в шестидесятых в Риме.

Как я и предполагал, всю операцию придумал мой великий друг. По заданию Центра К., наш двойной агент (которого немцы считали своим), сообщил гестапо о путче, будто бы зреющем в Красной армии. Получив информацию о заговоре военных в СССР, в гестапо лихорадочно раздумывали: передать ее Сталину или поддержать заговор?

Гитлер покончил с этими колебаниями. Он лично велел Гиммлеру донести сведения о заговоре до Сталина, включив в список заговорщиков как можно больше руководителей Красной армии. В гестапо составили «документы» – переписку Тухачевского и сподвижников с генералами вермахта. Сподвижниками сделали все руководство армии и флота. Через того же агента предложили передать эти «документы» нам – за очень большие деньги.

Коба велел заплатить.

Так, не понимая, немцы выполнили его заказ.

Впрочем, Гитлер, мастер провокаций, уничтоживший Рема и штурмовиков за несуществующий заговор, может быть, и понимал игру Кобы? Недаром он относился к Кобе с большим уважением...

Верно, осознал свое положение и наш агент К., который вскоре предпочел исчезнуть, инсценировав собственную смерть (его костюм с документами был найден на берегу Сены).

Кстати, впоследствии Коба как-то похвастался мне:

– Однажды немцы предложили оказать нам важную услугу, но попросили очень большую сумму. Я велел заплатить... пометив купюры...

По этим купюрам, как и предполагал товарищ Сталин, мы выявили нескольких важных немецких агентов в России, они расплачивались нашими помеченными деньгами.

– «Жадность фраера сгубила». Учись, Фудзи! – и прыснул в усы.

Коба собирался посетить открывшуюся выставку. Но в экспозиции явно не хватало картин, требовалось срочно закрыть пустые стены. Бедная молодая художница, не разгибаясь, рисовала пейзажи, на фоне которых маршировали безымянные красноармейцы. Занималась она и варварством. Из провинциальных музеев привозили картины старых мастеров. Она, чуть не плача, преображала их. Я сам видел, как конюха, купающего коней в реке, она переделала в удалого красноармейца...

Сначала мне просто нравилось ее детское вдохновенное лицо. Огромные глазищи, грива белокурых молодых волос... И то, как она носилась по залам, и как весело было на нее смотреть. Гибкое тело в холстинковом платье, длинные загорелые стройные ноги...

Несколько раз я сталкивался с ней на лестнице, поднимаясь к жене в выставочный зал. Мне даже показалось, что она попадалась мне нарочно. Но я сказал себе: «Это смешно – старый грузин и юная красотка».

Потом, когда она начала переделывать картины, я все чаще приходил на выставку. Впервые я с ней заговорил, когда она перерисовывала сюжет «Красногвардейцы, слушающие выступление начальника Политуправления Красной армии товарища Гамарника». Гамарника и трибуну она ловко замазала. Я ей посоветовал нарисовать на этом месте стол с радиоприемником. И дать название «Красноармейцы слушают речь товарища Сталина». Она расхохоталась, а я пугливо обернулся. Она торопливо, заговорщически зашептала:

– Простите, ради бога. Я все понимаю. Спасибо.

А потом случилась история с ее очередной картиной. Это был портрет легендарного конника командарма Ш. Она нарисовала его верхом, будто слившимся с лошастью.

– Я хотела, – поясняла она моей жене, – чтобы зритель почувствовал: это не человек, это – кентавр.

Как и Коба, Ш. был сыном сапожника. С пятнадцати лет участвовал в Гражданской войне, был беспощаден, невозможно храбр. В Крыму его конная бригада слезла с лошадей, сбросила рубахи и с голыми торсами, перепоясанными пулеметными лентами, пошла в знаменитую лобовую атаку на Перекоп. По трупам товарищей, заполнивших оборонительные рвы белогвардейцев, ворвалась на укрепления. Пленных они не брали...

Ш. отказывался понимать, что наступило новое время. Он боготворил Троцкого. Узнав об исключении Льва из партии, Ш. в перерыве партийного съезда подошел к Кобе, сказал: «Оставь Льва в покое, товарищ. Не то отрежу твои усы», – и выматерился.

Как ни странно, он по-прежнему был на свободе и оставался комбригом.

Ш. лично пожаловал посмотреть свой портрет – прискакал на коне. Даже придумал въехать на этом коне на второй этаж выставочного зала!

И въехал. Коня привязали к лестничным перилам – к безумному восторгу моей художницы. Она выбежала гладить его гриву. Сам герой, уже весьма навеселе, прошел в зал. Портрет ему понравился. Но художница понравилась еще больше. Он сообщил ей, что его посылают заместителем командующего в какой-то округ и он уезжает через три часа. Везет с собой всех уцелевших бойцов, с которыми воевал. И пригласил ее на вокзал – посмотреть его

«храбрых чертей».

Жена ее отговаривала:

– Вы видите, он пьян, это очень опасно.

Но ей очень хотелось увидеть поезд героев.

Я сказал:

– Если так хочется, пусть едет. Я сам отвезу ее на вокзал и прослежу, чтобы все было в порядке.

И повез на служебной машине. Всю дорогу мы молчали.

На перроне перепившиеся удальцы пели песни, плясали под гармошку. Проводники тщетно кричали: «Начинаем посадку, заходите в вагоны!»

Армейская выправка проводников показалась мне подозрительной...

В это время Ш. попытался утащить ее. Рванул к себе, как пушинку поднял на руки под радостный рев «чертей». Она вырывалась, кричала. Он, гогоча, понес ее к вагону. Но я уже был рядом. И сунул ему под ребра револьвер. Братва выхватила свои. Он рывкнул:

– Отставить! – Опустил ее на землю, бросил, не оборачиваясь: – Надо бы тебя... Да нельзя... Ты ведь один. – И захохотал. Он был очень пьян...

С веселыми пьяными песнями эшелон двинулся от вокзала. Ш. помахал мне с подножки рукой. Он не был злопамятен, да и я тоже. Я помахал ему в ответ. Что с него взять – с солдата нашей горькой Революции.

Я повез ее домой. В машине она сказала то, что должна была сказать:

– Вы меня спасли, спасибо, – и добавила: – Вы не помните моего отца?

И она назвала имя-отчество. Я всё тотчас вспомнил. Я хорошо знал этого человека, одного из первых руководителей нашей разведки. И сжал ее руку, слегка кивнув на крепкий затылок шофера.

Она поняла. Тогда быстро всё понимали.

Когда мы подъехали к ее дому, я отпустил шофера.

Мы молча поднялись по лестнице. Стены парадного – с грязно-синей облупившейся краской, сильный запах мочи. Рядом был продуктовый магазин, и в парадном выпивали, здесь же мочились...

Она открыла дверь ключом. Коммунальная квартира. Длинный коридор был темен, соседи спали. Но, видно, днем готовили обеды, и до сих пор коридор полнился разнообразными запахами – жареного мяса, горелой картошки, цветной капусты...

Все так же молча мы быстро прошли в ее комнату. Она не зажгла свет... Я взял в ладони ее лицо. И больно, сильно прижался к ее губам... Она судорожно, неумело целовалась. Потом торопливо, видно, боясь, что передумает, разделась...

Темнота. Нагое девичье тело. Счастье...

Она зажгла свечу, тени побежали по потолку. Кровь на простыне. Я был ее первым.

Её шепот:

– Вы ведь мой жених. Мне было десять лет, а вы приходили к отцу... – (Она называла меня на «вы».) – Вы мне очень нравились, потому что были так похожи на великого Сталина. И я тогда сказала отцу: «Если я не смогу выйти за товарища Сталина, можно, я выйду за того, кто на него похож?» Папа очень смеялся...

Ее отец исчез одним из первых, вместе с Каменевым и Зиновьевым. К ее счастью (так

понималось тогда счастье), он до этого бросил ее мать. И та успела выйти замуж. Катя носила фамилию отчима.

Перед моим уходом она сказала:

– Вы понимаете... у меня сняли девять картин... Теперь я автор девяти портретов врагов народа. Ваша жена сообщила, что вчера уже звонили *оттуда*, спрашивали... обо мне.

И замолчала. Я произнес то, чего она так ждала:

– Я попытаюсь. Я поговорю с *ним*. Хотя это опасно. Не для меня – для тебя.

Она помолчала, потом заметила хрипло:

– Не говорить еще опаснее. Не говорить – это точно конец.

Она верила, что я ее спасу. Она отдала мне за это свою девственность. Из обычного тайного страха, который назвала любовью. Это была типичная любовь тридцать седьмого года. Точнее, страх, пересиливавший тогда все человеческие чувства. Я ушел от нее, когда начало светать.

Как я узнал, тогда же все было кончено с эшелонком комбрига Ш. Поезд остановился посреди поля. Два вагона отцепили, состав двинулся дальше. Одиноко стоящие вагоны окружили люди в форме.

Уже утром Ш. прочли постановление тройки. Расстреляли его в полдень. Остальных в тех же вагонах повезли в колымский лагерь. Заключение на Колыме шутили: «Климат у нас тут чудесный. Двенадцать месяцев зима, все остальное – лето».

Я вернулся домой в половине пятого.

Жена не спала. Я мог объяснить ей, что был у Кобы (я возвращался от него всегда под утро), но не стал. И она не задала мне никаких вопросов. У нас, кавказцев, хорошие жены мужей не спрашивают, даже если муж приходит под утро. Оттого у нас крепкие семьи.

Жена сказала:

– Вечером звонил Поскребышев. Велел уничтожить портрет Ш. Бедная Катя, боюсь, что у нее будут неприятности...

И я решил поговорить с Кобой.

## «Веселый» конец руководства РККА

В это время я должен был подготовить и доложить Кобе план устранения белогвардейского генерала Миллера, возглавившего теперь в Париже (после убийства Кутепова) Русский общевоинский союз. Кобу очень беспокоил этот генерал. Речи Гитлера были полны угроз в адрес СССР. Нам стало известно, что немецкие агенты ведут разработку Миллера. Он был обрусевший немец. Коба, как всегда, думал наперед. В случае будущей войны ему совсем не хотелось видеть русские эмигрантские отряды в рядах немецкой армии.

В кабинете Кобы за столом сидели Ежов и Молотов.

Карлик привез список арестованных на подпись. (Коба старательно соблюдал партийные законы. Он не просто расстреливал высших партийцев. Все предложения о высшей мере сначала поступали в ЦК партии на утверждение. Списки принимались коллегиально. Только после этого Генеральный секретарь Сталин их подписывал. Причем не один – обязательно вместе с соратником, чаще всего с Молотовым.)

Просмотрев списки, Коба привычно прошелся по ковровой дорожке (я, как всегда при таких разговорах, уселся в конце стола).

– Серьезный список, – сказал он, – сто тридцать восемь человек. Все занимали видные места в наших вооруженных силах. Поэтому я хочу, чтобы ты, Николай, прочел вслух нам каждую фамилию.

Ежов начал читать. Чтение ожидалось долгим – сто тридцать восемь претендентов на расстрел! И каких! Здесь были все заместители наркома обороны СССР – маршал Егоров, генералы Алкснис, Федько, два брата Орловы, двадцать два руководителя Генерального штаба плюс начальники всех управлений наркомата обороны, среди них мой бывший начальник Берзин – глава нашей контрразведки. Командующие войсками всех военных округов: Урицкий (Московский), Дыбенко (Ленинградский), Белов (Белорусский), Гарькавый (Северо-Кавказский)...

Наконец Коба утомился:

– Менее важных, Николай, давай суммарно.

– Восемьдесят восемь старших командиров военных округов, – монотонно читал Ежов, – восемь начальников военных академий, двадцать шесть профессоров и преподавателей...

– Далее, – прервал Коба.

Пошел флот.

– Нарком Смирнов П. А. – Смирнов, кажется, тоже жил в нашем доме, но встречал я его редко, совсем не запомнил. Ежов назвал имена всех его заместителей, начальника штаба морских сил, командующих флотами и, видя нетерпеливое лицо Кобы, «закончил суммарно»: – И двадцать два военно-морских командира высокого ранга.

Коба молча взял листы. Нашел последний.

– Ну как, Вячеслав? Все они шпионы разных разведок. Будем обсуждать каждую кандидатуру или суммарно?

– Блядь дети, – кратко отозвался Молотов и подписал «суммарно».

Подписал «суммарно» и Коба. Положил последний лист с резолюцией на стол передо мной. «За расстрел всех 138 человек. И. Ст., В. Молотов».

На моих глазах закончило жить все военное руководство страны.

– «Если возможно, значит, не исключено!» – вот заповедь бдительности вашего НКВД, – сказал Коба.

Ежов слушал. В безумных глазах – восхищение, восторг.

– Учимся у вас, товарищ Сталин. Каждый день!

– Еще какие предложения у тебя?

– Надо что-то делать с Буденным, – сообщил Ежов, собирая листы. – У него жена – певица Большого театра, она ходит по посольствам, путается черт-те с кем. Короче, у нас все основания подозревать, что она стала шпионкой и склонила к тому же Буденного. У него есть оружие – пулемет. Он его не сдал. Обязан был сдать сразу после Гражданской войны. Но держит на даче под Москвой на чердаке. Может, неспроста? Покушение готовит? – Глаза у Ежова горели. – Буденный сейчас живет на даче. Можно его взять вместе с пулеметом.

Я понял, что теперь из всех маршалов, изображенных на *ее* картине, останется один Ворошилов. Но я ошибся.

– Ты, Ежов, принимать парад на коне сможешь? Вячеслав вроде такой же наездник, как и ты... – Коба прыснул в усы. – Нет, товарищ Буденный нам нужен. Буденного оставим.

– Я к нему машину хотел отправить, – растерялся Ежов.

Коба задумался. Потом разрешил:

– Отправляй. Но пусть твои люди не вылезают из нее. – И опять прыснул в усы.

Ежов вышел в секретарскую – распорядиться.

– Сейчас будет цирк, – сообщил весельчак Коба.

...Прошло более получаса, когда в кабинете появился Поскребышев.

– Товарищ Сталин, вам звонит товарищ Буденный. Просит срочно соединить.

Коба подмигнул, включил громкую связь. Послышался задыхающийся голос Буденного:

– Товарищ Сталин! Черная машина у самой дачи. Это – за мной. Хотят арестовать!

Положения наша плохая!

– Не кричи. Скажи спокойно – что они делают?

– Сидят пока в машине у дачи.

– А может, не за тобой? Просто проезжали, живот заболел, остановились.

– За мной! Точно за мной.

– Почему так уверен, Семен? Может, грехи какие за тобой?

– Грехов нет, никаких, клянусь! Оппозиций никаких!

– Оппозиций нет, говоришь? А пулемет есть. Зачем пулемет на даче держишь?

– С Гражданской войны, товарищ Сталин. Храню на память... Товарищ Сталин, один вылез из машины... Сейчас заберут...

– Где пулемет?

– На чердаке.

– Отличная боевая точка. Ты заляг там и жди. Я пришлю подмогу.

– А если они сейчас придут?

– Стреляй на поражение. Что, мне тебя учить? Бей гадов!

До позднего вечера пролежал у пулемета герой Гражданской войны. До позднего вечера стояла у дачи машина и около нее расхаживал чекист. Наконец весельчак Коба сжалился, позвонил маршалу:

– Всё уладил. Но с Ежовым побеседуй и пулемет сдай. Я тоже, как ты знаешь, участвовал в Гражданской, но пулеметов не храню.

Мне рассказали, что на следующий день Ежов позвонил Буденному и описал ситуацию с женой. Буденный знал правила: право на жизнь придется оплатить.

Бесстрашный конник, разгромивший генерала Мамонтова, полный царский георгиевский кавалер, участник всех войн с начала века, сам повез жену к нам на Лубянку. Правда, не на коне – на автомобиле. И многие у нас пошли посмотреть. Каюсь – и я.

Он вошел в здание, жалко горбясь, с поникшими усами, но в маршальской форме. За ним брела заплаканная красавица.

Уже покинув страну, после смерти Кобы, я слышал, будто вернулась она из лагерей седой сумасшедшей беззубой старухой. И все рассказывала, как ее там насиловали.

Но все это потом. А тогда... Наконец-то все разошлись, мы остались в кабинете вдвоем с Кобой.

– Мерзавец Тухачевский собрал их всех на квартире... накануне ареста. Но они не решились, сволочи.

Коба конечно же все это придумал. Никто никого нигде не собирал. Сила абсолютной Власти парализует. Как змея гипнотизирует кролика. Они могли ненавидеть, но не смели сопротивляться. Тухачевский, дворянский сын, бесстрашно глядевший на фронтах в глаза смерти, одним появлением своим останавливавший солдатские бунты, и все эти командармы, прошедшие огонь Гражданской войны, покорно дожидались неминуемого... Знали, что с ними произойдет, но пытались верить – пронесет!

– Да, ебари отменные, – продолжал Коба, – Тухачевский, например. И завербовали их по бабской части. Товарищ Сталин все не верил, все говорил себе: «Неужели такое возможно?» Забыл товарищ Сталин про большевистскую бдительность. Забыл: *если возможно, значит, не исключено!*

Коба был благодушен. Пили чай и обсуждали будущие действия в Париже.

Вчерашний боевик Коба еще в начале года предложил дерзкий план: похитить генерала Миллера и поставить вместо него во главе РОВС нашего человека. На этот случай я подготовил для Кобы «сладкую парочку» – знаменитую певицу Плевацкую и ее мужа, блестящего молодого белогвардейского генерала Скоблина... В СССР про Плевацкую уже забыли. Но мы-то с Кобой ее хорошо помнили. Царь Николай и царица обожали ее. «Курский соловей», «Божественная» – вот ее официальные прозвища. Эмиграция была от нее без ума, она стала для них частью исчезнувшего мира – «Москва златоглавая, звон колоколов...»

Она и генерал задыхались в сонной эмиграции. Оба авантюристы, они были полны сил.

Мы довольно легко разработали этих фанатичных монархистов. Вербуя, им объяснили то, что они так хотели услышать: монархия вернулась в Россию! Красная монархия. И так же, как при монархии Романовых, евреи изгнаны из власти. Что же касается крови, лагерей и процессов, то много крови надо пролить, чтобы родить подлинного российского самодержца. А для убедительности им преподнесли новенький автомобиль и ежемесячное вознаграждение.

Помню день, когда они окончательно «оформили наши отношения».

У Плевацкой был концерт. Я находился в зале. Она вышла на сцену в кокошнике, усыпанном жемчугом. Простое широкое скуластое лицо, курносая, с быстрыми раскосыми глазами. Но какова стать – высокая, гордая, мраморные плечи, великолепное тело. На платье, как орден, – огромная бриллиантовая брошь, подарок последней царицы. И началась любимая цыганщина – ресторанный разгул и народные песни...

Публика – эмигранты – рыдала.

После концерта встретились на нелегальной квартире.

Я был в соседней комнате, следил через отверстие в гобелене, висевшем на стене. Генерал Скоблин – щеголь в мундире с ледяными глазами, и она, разгримировавшись, – простоватая, немолодая, подобострастно заглядывающая в его беспощадные глаза. Покорная русская баба, обретшая долгожданного хозяина, то есть мужика, который может бить ее и спать с нею. Идеал Кобы.

Наш сотрудник диктовал довольно унылый текст, составленный разведкой РККА: «Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР...»

(Это была идея Кобы. С тридцатого года мы вербовали эмигрантов-офицеров от имени армии, но не зловещего НКВД.)

Скоблин подписался: генерал Николай Владимирович Скоблин. Наш сотрудник попросил его к слову «генерал» прибавить «бывший».

Подписалась и она.

После чего сотрудник торжественно сообщил, что оба амнистированы советской властью и Родина ждет их. Ей обещаны победные гастроли по стране, ему – работа в Генеральном штабе, карьера...

Но все это – *потом*. Пока же они под кличками Фермер и Фермерша должны были поработать в Париже...

Фермер получил свое главное задание – встать во главе РОВС. Это было возможно в случае исчезновения Миллера – тогда Скоблин оставался самой популярной кандидатурой! Возглавить РОВС было мечтой самого Скоблина. Наш сотрудник сказал ему, что ликвидация Миллера произойдет в ближайшее время. И мы ждем помощи от него.

На завершение операции с Миллером – в Париж, к моему изумлению, Коба меня не пустил!

– Мы туда пошлем других людей, а ты их проинструктируешь.

– А чем же мне сейчас заниматься?

– Тебе Ежов подскажет.

Я понял: возможно, наступал и мой конец. И решился начать разговор:

– У меня просьба. Я познакомился с одной девушкой...

– Какая же она девушка, если ты её выеб? – мрачно перебил Коба.

(Все уже знал! Конечно, проклятый шофер!)

– Коба, знаешь, почему она переспала со мной? Потому что я похож на тебя. Она любит меня из-за тебя. За что ее сажать?

– Я просил и теперь прошу: не лезь не в свои дела. Неужели я не понимаю, почему она тебе дала? Еблась из страха возмездия. Думаешь, дочь врага народа случайно развесила по выставке врагов народа? Фамилии военных, которые читал Ежов, помнишь? – (Так вот зачем он заставил меня слушать! Знал, что попрошу о ней. Как всегда, всё наперед знал!) Он походил по ковровой дорожке. – И вот я думаю, кто из них, двоих, виноват: молодая блядь, развесившая по стенам выставки врагов народа, или твоя жена, позволившая ей сделать это? Заказавшая ей картины! Ты, надеюсь, понимаешь, что кто-то из них должен ответить! – И, помолчав, добавил: – Выбирай сам, Фудзи! Мы тебе верим!

Продолжил ходить по кабинету, раскуривая трубку.

Что я мог сделать?! И я ответил:

– Ты же знаешь, Коба, жена ни при чем.

– Ну вот и славно. – Он вдруг благодушно улыбнулся. – А я о нас с тобой утром вспоминал. Письмо из Курейки получил, от Мерзлякова – не помнишь такого?

Я плохо понимал после случившегося...

– Ну, стражник, который ко мне хорошо относился. Я тебе тогда рассказывал. Девку мою мне ебать разрешал. – Он добро засмеялся. – Его репрессировать собрались... все-таки бывший жандарм. И он мне написал. Хочу заступиться. Не в службу, а в дружбу – садись за машинку.

И я сел за пишущую машинку... *после всего*. Он расхаживал по кабинету и диктовал:

– В сельсовет деревни Емельяново Красноярского района и округа. Настоящим сообщаю, что Михаила Мерзлякова знаю по месту моей ссылки в селе Курейка, где он был стражником. Относился он к своим обязанностям формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои отлучки и выгодно отличался от других полицейских. Все это считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами...

Он просмотрел отпечатанный текст и расписался под ним.

– Ну вот, спасли мы с тобой хорошего человека... Текст запомнил? Не забудь вставить

его в свои «записки». И не ври, что не пишешь.

Я вышел от Кобы в шесть вечера. Как рассказала дома жена, все случилось в половине шестого. Сначала, как всегда, позвонил Поскребышев:

– Говорят, у вас на картине опять присутствует враг народа. Шпион, бандит и немецкий наймит Егоров сидит рядом с двумя прославленными героями – товарищами Буденным и Ворошиловым. Немедленно замазать!

Жена вызвала из дому Катю замазывать Егорова. Та приехала, когда жене позвонили из приемной Ежова. Говорил сам нарком:

– Там у вас какая-то девка специализируется на портретах врагов?

Жена хотела ответить, но Ежов продолжал:

– Впрочем, для дочки... – и он назвал фамилию ее отца, – это закономерно. Вы знали, чья она дочь?

– Нет, – поторопилась солгать моя несчастная жена.

– Напишите нам отчет о действиях этой, с позволения сказать, художницы...

Она успела только повесить трубку, а на выставку уже входили двое в форме. Бедная Катя в Маршальском зале замазывала Егорова, когда жена вошла с ними. Катя заплакала. В туфельках, в легком платьице повели ее к машине...

Жена конечно же догадывалась о нашей ночи. И все-таки искренне жалела Катю.

Вот тогда в первый раз сказал себе: «Я ЕГО НЕНАВИЖУ!»

# Веселые истории в дни террора

На Лубянке мне сказали, будто арестован Ягода. Вечером того же дня я узнал, что памятник Ягоде, воздвигнутый на Беломорско-Балтийском канале, взорван вместе со скалой, на которой гордо стоял.

Сам Ягода в это время уже давал первые «нужные показания»...

Мне позвонил Ежов. Сказал с каким-то торжеством в голосе:

– Ну что, тебя не пустили в Париж? Действительно, нечего тебе мотаться по заграницам.

Ты заходи завтра ко мне, я тебя определяю на другое место. – И засмеялся.

Я решил позвонить моему другу. Ответил Поскребышев. Насмешливым тоном сообщил:

– Товарищ Сталин занят и просит его не беспокоить.

Я понимал, что это означает.

Честно говоря, я не очень боялся ареста. Меня уже арестовывали при царе. Я не боялся, потому что после Революции провел большую часть жизни на Западе, занимался разведкой и не мог представить, какую тюрьму создал мой заботливый и великий друг. Я не понимал (точнее, старался не понимать), что кровь Тухачевского в кабинете Ежова имеет прямое отношение и ко мне. Я думал только о том, как противно будет смотреть на торжествующую рожу карлика. Я простился с женой и дочуркой и поехал на Лубянку.

Помню, вошел в кабинет Ежова и изумился: огромный стол выдвинут в центр, за ним – Ежов и двое следователей, я их видел в наших коридорах. Они играли в карты.

– Садись с нами, товарищ Фудзи, – пригласил Ежов.

Я сел за стол.

– Выпить хочешь? Великолепный коньяк. Такой в Париже тебе не по карману! Вчера арестовали твоего начальника, бандита и иуду Ягоду. Вот протокол обыска читаем и удивляемся. Сколько же он наворовал! – и он стал читать протокол: – Вин разных – тысяча двести двадцать девять бутылок. Ничего себе! Коллекция порнографических снимков – три тысячи девятьсот четыре. Антикварных изделий – двести семьдесят штук... Контрреволюционная троцкистско-зиновьевская литература – пятьсот сорок две книги. Берег их книги, хранил все, что касалось мерзавцев, – и, усмехнувшись, постучал по тарелке, стоявшей между бутылок. На ней лежали две пули. Поймал мой удивленный взгляд. – Не помнишь? Я ведь при тебе докладывал товарищу Сталину. Это пули, которыми расстреляли мерзавцев Зиновьева и Каменева. Их тогда забрал подлец Ягода. А я их забрал сегодня у него. – Он посмотрел на меня в упор. – Можешь потрогать. Исторический сувенир.

Трогать я не стал.

(Никому не принес удачи этот «сувенир». И карлику в будущем придется понять, что то были не просто пули, а эстафетная палочка смерти, которую эти глупцы усердно передавали друг другу под смех моего великого друга.)

Пока я рассматривал пули, под столом вдруг кто-то начал осторожно... расстегивать мою ширинку.

Я дернулся, опустил руку. Рука уперлась в маленькое личико, в густые волосы.

Ежов покатился со смеха:

– Мы играем в две игры – в карты и в *это*.

Он просветил меня. Игра в «*это*» заключалась в том, что «барышня» во время игры в

карты делала минет кому-то из играющих. Задача была «продемонстрировать подлинную большевистскую стойкость» – не показать возбуждение. Задание для остальных – вычислить «счастливчика». Тот, кто неверно показывал, выбывал из игры. И это в нашей стране с официальной пуританской моралью!

– Спасибо, – сказал я, – в такие игры не играю. – И тихонько отодвинул личико под столом.

– Педик или импотент? – деловито спросил Ежов.

– Я неточно выразился. Играю, но с другими дамами и в другой обстановке. В этих делах не люблю коллектива.

– Как ты сам считаешь... – задумчиво проговорил Ежов. – Не пора ли тебя арестовать? Ты друг Папулии... друг Лакобы... друг Енукидзе... друг многих, оказавшихся вредителями и изменниками. Но товарищ Сталин к тебе по-прежнему добр... – Он встал и торжественно объявил: – Руководство решило поручить вам... – (перешел на «вы»), – ответственную работу. Вам оказано большое доверие, товарищ Фудзи. – Он насмешливо глядел на меня. – Решено отправить вас руководить поэтами, художниками, скульпторами... кто там еще... театрами. С завтрашнего дня вы назначаетесь начальником Управлением по делам искусств в вашем родном городе Тифлисе. Но ваша первая, главнейшая обязанность – выявить проникших в художественную среду, замаскировавшихся зиновьевско-троцкистско-бухаринских бандитов.

Я ничего не ответил. Я помнил: с назначения в Грузию начался конец нашего друга Енукидзе.

Накануне отъезда меня вызвал на дачу Коба. У него было обычное ночное застолье. В Большой столовой за столом, уставленным нашей грузинской едой, сидел Коба. У окна стояли Молотов и Каганович.

– Давайте позавидуем нашему другу Фудзи. Будет жить в нашем родном городе под нашим жарким солнцем. Если тебя арестуют, Фудзи, или потребуются еще какая помощь, пришло к тебе Буденного с пулеметом. А сейчас садись к столу. Ешь, пей, пока члены Политбюро спорят. Кстати, может, поможешь им? Не в службу, а в дружбу, подойди к окну...

Я подошел.

– Видишь самую яркую звезду?

Действительно, над деревьями на ночном небе мерцала голубым светом яркая звезда.

– Вот Молотошвили утверждает, что это звезда из созвездия Орион. А что утверждает наш другой астроном?

– Это Кассиопея, – сказал Каганович.

Они уже давно поняли: Коба очень любил, когда сподвижники спорили.

– На что спорите, товарищи астрономы?

Оба молчали.

– Я так думаю, проигравший товарищ должен будет завтра повеселить мою Хозяйку, залезть под стол и кукарекать. Итак, что думаешь про звезду ты, Фудзи? Помоги нам! Иначе как тебе культурой руководить без знания астрономии?

И тут меня прорвало:

– Я, Коба, пока плохо разбираюсь в звездах, да и в культуре тоже. Но куда больше знаю о том, кто руководит нашей безопасностью... благо сам там работаю. – И я подробно рассказал об «игре в карты» в кабинете Ежова.

Наступила тишина.

– Ай-ай, какая нехорошая история. Что будем делать с товарищем Ежовым? – спросил Коба Молотова и Кагановича. Те молчали.

Коба повторил:

– Так что же будем делать с товарищем Ежовым? – и, усмехнувшись, закончил: – Я думаю так: будем ему завидовать!

Лысый потный Каганович оглушительно захохотал, захолопал в ладоши. Он руководил чистками на периферии и только что вернулся, отправив на расстрел весь Ивановский комитет партии. В Москве его ждали хлопоты. Весной Ежов арестовал всех начальников железных дорог. Каганович, будучи наркомом путей сообщения, с готовностью отдал их на расстрел. Но Ежов расстрелял и вновь назначенных. После чего кадров не хватало, и Кагановичу на должности начальников дорог пришлось поставить проводников. В его отсутствие Ежов ликвидировал и тех. «Железный Лазарь», как его называл мой друг Коба, начал тревожиться за себя. Оттого сейчас хлопал с особым усердием.

В это время в столовую вошел сам Ежов.

– А мы тут о тебе говорили, Николай, – сообщил Коба, – и по-доброму завидовали тебе.

Непонимающий Ежов испуганно смотрел на него.

– Ну, давай, что у тебя там?

Ежов передал Кобе очередную папку со списками приговоренных.

– Здесь три тысячи сто шестьдесят девять человек, товарищ Сталин. Это разоблаченные и арестованные враги народа. Наше предложение: судить их всех по первой категории.

Коба молча протянул списки Молотову.

– Я уже читал, Коба.

– Ты прочел внимательно?

– Очень внимательно.

– Все-таки погляди, Вячеслав, там нашего Фудзи случайно нет?

– Нет, товарища Фудзи там нет, – ответил Ежов.

– Тебя не спрашивают. Зато есть старый знакомый Фудзи... и твой прежний дружок, Молотошвили, мерзавец Шляпников. Не забыли такого?

– Троцкистская сволочь, – отозвался Молотов.

Я промолчал.

– Ну что, рука не дрожит, Вячеслав? – веселился Коба. – Будем подписывать?

Молотов подписал.

– Хочешь тоже подписать, Лазарь?

Каганович, даже не посмотрев в листы, радостно, торопливо поставил свою закорючку.

После чего Коба начал внимательно проглядывать списки.

– А вот товарищ Пастернак здесь зачем? – спросил он.

– Отказался одобрить приговор врагам народа, военным. Все писатели подписали. А этот, контра, сказал: «Не я им жизнь давал, не мне отнимать», – пояснил Ежов.

– А ты, значит, уверен, что отнимать ее тебе? – усмехнулся Коба и вычеркнул Пастернака.

Ежов побледнел.

– Когда Ягода в первый раз арестовал антисоветчика Мандельштама, – начал Коба, – Бухарчик за него тотчас вступился. Говорит: «Арест произвел ужасное впечатление, ко мне приходили товарищи Пастернак и Ахматова. Волнуются!» «Ну что ж, – говорю, – проверим». И в его присутствии позвонил Пастернаку. «Оказывается, вашего друга посадили? Что же вы

не обратились ко мне?» Молчит. Продолжаю: «Если бы моего друга арестовали, я бы не молчал – в набат бы ударил!» Молчит... А я опять интересуюсь: «Скажите, он и вправду мастер? Мастер?» «Дело не в этом», – отвечает. Чувствую, сильно в штаны наложил товарищ Пастернак. «В чем же дело?» – спрашиваю. «Хотелось бы с вами встретиться, поговорить... о жизни и смерти...» – Коба усмехнулся: – Нет, Ежов. Мы еще искусством как следует не занялись. Искусство у нас впереди. И будет проверяться бдительно. Такой Пастернак может тогда очень пригодиться. Зачем же сейчас попусту тратить кадры... И товарищ Шолохов пока ни к чему... – сказал он, вновь взглянув в списки. – Итак, у нас остались во врагах три тысячи сто шестьдесят семь очень неискренних, очень плохих человек, заслуживающих В.М.Н. – (высшей меры наказания). – Видишь, Фудзи, Вячеслав и Лазарь были за расстрел *всех* трех тысяч ста шестидесяти девяти, вот такие кровожадные люди. Точнее, вот такие они настоящие революционеры. А товарищ Сталин дал слабину – двоих вычеркнул, – вздохнул Коба.

...Уже потом я узнал: подпись давшего слабину Кобы стояла на трехстах шестидесяти таких списках – это почти сорок четыре тысячи человек.

Ежов собрался уходить, но Коба остановил. И на моих глазах разыгралась сцена в духе того воистину безумного времени.

– Не торопись, Николай. У нас здесь возникла серьезная проблема... Товарищ руководитель грузинской культуры нам не сумел помочь. Может, твой НКВД нам поможет? – Коба рассказал о споре. – Мы поручаем тебе, Николай, позвонить в планетарий и всё выяснить.

Ежов тотчас принялся звонить.

(Как я уже писал, тогда Коба окончательно поменял день на ночь. Вместе с ним перестали спать по ночам начальники всех учреждений. Естественно, директор планетария сидел на работе и взял трубку.)

– Это Ежов с тобой говорит... – (представляю, что с ним там было!) – Подойди к окну... Звезду видишь? Самая яркая, она одна такая... Ну, что это за звезда? Орион или Кассиопея?.. Он не знает, товарищ Сталин, – печально сказал Ежов.

– Директор планетария не знает звезд?

– Он не совсем настоящий директор, товарищ Сталин. Прежний директор и его заместитель... оказались активными вредителями. Мы сейчас подыскиваем новое руководство, пока назначили в директора нашего офицера.

– Интересно, как же они вредили? Звезды, что ли, воровали? – спросил добрый, справедливый Коба.

– Никак нет, товарищ Сталин. Они были связаны знакомством с сыном иуды Троцкого... Одна шайка-лейка.

Коба помолчал, потом сказал Ежову:

– Ну, действуй, что ждешь?

Ежов вновь набрал номер и начал давать по телефону инструкции директору:

– Тебе поручают очень ответственный вопрос. Немедленно выясни звезду по своим каналам... Что, совсем мурак, учить тебя надо? Спроси у какого-нибудь вашего выдающегося астронома... По телефону не надо – дело секретное... О звезде поспорили руководители партии. Пошлешь машину с письмом, там все кратко изложишь. Пусть так же письменно ответят на вопрос. Понял? Действуй!..

Веселый ужин продолжался...

Прошел добрый час, когда директор планетария позвонил в охрану, охрана перевела звонок в столовую, Ежов снял трубку.

Выслушал, стал мрачный.

– Ну что? – спросил Коба.

– Получилась ерунда, товарищ Сталин. Этот знаток-астроном оказался другом недавно разоблаченного астронома – бандита Нумерова. И, видимо, ждал. Знала кошка, чье мясо съела... Мы ведь ночью берем. Поэтому, когда в его дверь позвонили, старый хрен... от разрыва сердца. Но уже послали к другой знаменитости...

Пили, рассказывали анекдоты. В приятной беседе прошел еще час. И опять зазвонил телефон, и опять Ежов взял трубку, и опять стал смущенный, мрачный.

– Снова разрыв? – насмешливо спросил Коба.

– Никак нет, товарищ Сталин. Этот – ближайший друг все того же бандита Нумерова. Гнездо у них там осиное, видать... В окно увидел нашу подъехавшую машину. Тоже, наверное, ждал, паскуда. Когда наш сотрудник позвонил в дверь, он в это самое открытое окно...

– Полетел к своим звездам, – прыснул Коба. – Жаль, что не вверх, а вниз. Но все равно – вариант. Ты запоминай варианты смерти, Фудзи, все они лучше встречи с товарищем Ежовым, – и добавил добродушно: – Я думаю, отложим выяснение до утра, а то у нас астрономов не останется. Это всё, конечно, печально, с одной стороны. Но с другой, есть атмосфера для работы! Так, Ежов? Враг трепещет!

Под утро разъезжались...

Коба обнял меня:

– До свидания, Фудзи. Передавай привет нашему городу... и нашей любимой маленькой родине. Я письмо матери написал. Час сидел, вспоминал грузинские слова. Никудашные мы с тобой грузины стали...

Это была его новая игра. Он все чаще в интервью говорил: «Мы, русские».

# Земля моего детства

Я приехал в Тбилиси. Город нашего детства, именовавшийся по-русски Тифлис, получил в это время старогрузинское название Тбилиси (от грузинского слова «тбили», означающего «теплый источник»).

Был разгар Террора... И тем не менее вспоминаю, каким счастливым я проснулся в тот первый день. Солнце упало на мою подушку – и это было наше, настоящее солнце. За окном кричали, как в детстве: «Самоварный песок!», «Мацони, мацони!..» Это крестьяне спустились с гор в наш город, счастливо нагретый солнцем.

Я привез в Тбилиси всю семью. И хотел только одного: чтобы Коба обо мне забыл. Хотя знал: желание было несбыточным, ибо мой любимый друг никогда ни о ком не забывал. Он был внимателен, как наша горькая Революция...

В первый же день по приезде меня вызвал к себе Лаврентий Берия. Он был тогда первым секретарем ЦК, точнее, вождем Грузии.

Как Гитлер сформировал систему маленьких фюреров, распорядившихся жизнью и смертью граждан на местах, так и Коба создал пирамиду всемогущих местных партийных вождей. Причем время от времени он их менял, правда, своеобразно – отправлял в небытие.

Было воскресенье. Прежде чем идти к Берии, я решил разведать обстановку и поговорить со старыми друзьями.

Я отправил жену и Сулико наслаждаться нашим прекрасным жарким утром. Посоветовал купить по дороге маленькие пончики с заварным кремом – пончики моего детства, которые умеют делать лишь здесь. Потом отвести Сулико в любимое кафе моего детства на нынешней улице имени Кирова. Там и сейчас можно было съесть разноцветные шарики мороженого. Сколько раз, убежав из семинарии, мы сидели в этом кафе с Кобой. Все радости детской жизни мы сохраняем в памяти до смерти. И вот теперь, клонясь к закату, я передавал свои радости дочери...

Я был вызван к Берии к трем, времени оставалась уйма. Наскоро выпив настоящего грузинского чая, который можно выпить только на моей родине, отправился к друзьям. По пути прошел мимо нашей семинарии. Знакомое белое здание все так же глядело на Пушкинский сквер, только колокола исчезли с балкона.

Друзья жили недалеко от церкви Святого Давида. Каково же было мое удивление, когда, подходя к ней, я увидел жену и дочку. Они стояли у городской достопримечательности – дворца из серого гранита с узорчатыми мавританскими окнами. Этот дворец принадлежал прежде богачу армянину, благополучно сбежавшему от Революции.

Моя маленькая дочка – совершеннейшая живая кукла: иссиня-черные волосы вьются, голубые глазки в пол-лица. Когда она останавливается, непременно собирает толпу поклонников. На этот раз около дочки и жены стояли двое – старуха в черном со строгим властным лицом и женщина, уже немолодая и очень некрасивая. Надо было видеть, с какой нежностью и тоской немолодая гладила мою девочку и что-то отчаянно мычала. Она была глухонемая. Увидев меня, старуха торопливо оттащила ее от Сулико и повела к подъезду знаменитого дома. Та шла, упиравшись, и все оглядывалась, мычала свое, нежное. Они вошли в дом...

Оказалось, моя слишком образованная жена вместо кафе повела Сулико смотреть могилу Грибоедова с выгравированными на памятнике знаменитыми словами вдовы: «...Но для чего пережила тебя любовь моя?» Эта патетичная надпись неизменно приводит в восторг наших грузинских жен. Моя всегда вспоминала о ней после того, как узнавала об очередной моей любовной истории. Вечная любовь грибоедовской вдовы должна была почему-то укорять меня.

Но удивительнее другое: этими женщинами, восхищавшимися моей девочкой, были мать и глухонемая сестра человека, которому мне надлежало представиться в три часа дня. Мать и сестра Лаврентия Бери!

# Лаврентий Берия

Я не люблю, когда женщина не исполняет решения мужчины. И строго попросил жену забыть о незабвенной могиле и отвести дочь есть мороженое моего детства. Только когда они туда отправились, я продолжил свой путь к друзьям.

Он и сейчас, наверное, стоит – этот дом на улице Чонкадзе. Здесь они жили, мои старые друзья. Двое из них участвовали со мной в экасах. Теперь они занимали большие посты в руководстве Республики. Но нравов не изменили. В их маленьких квартирках, по нашим прежним традициям, я увидел самое необходимое – простая железная кровать, шкаф для одежды, письменный стол для работы и большой обеденный стол для застолья с друзьями. И еще книжные полки во всех комнатах – с обязательными «Городом солнца» Кампанеллы, сочинениями Платона и Маркса. А на самом видном месте – работы Кобы и Ленина. На той же полке (что, признаюсь, меня огорчило) – *речи Берии*.

Таким образом, об атмосфере в городе я получил представление сразу. Но мне предстояло удивляться и удивляться.

Мы сели во дворе за щедро накрытым грузинским столом. Вокруг бегали дети – играли в модное тогда серсо. Взрослых интересовало, конечно, одно: что происходит в Москве *сегодня*. Но жизнь рядом с Кобой хорошо выучила меня. К сожалению для друзей, я хитро переключил разговор на *вчера*. Вспоминал наши подвиги и дорогих ушедших товарищей. И пил наше прекрасное вино. Потом, как бы между прочим, спросил об арестах в Тбилиси. Выяснилось, что аресты шли. Однако они не беспокоили моих друзей, ибо казались понятными. Арестовали и расстреляли двоих наших соучеников по Тифлисской семинарии. Но мы помнили их грех: в подпольном марксистском кружке они слишком много спорили с Кобой. Наш друг еще раз доказал памятьливость... Удивительная история случилась с вождем маленькой Абхазии, знаменитым Нестором Лакобой, с которым так дружили мы с Кобой. (Кстати, это Лакоба нашел красивейшее место в горах и построил любимую дачу Кобы на озере Рица.) В прошлом году Нестор умер. Его торжественно похоронили в Сухуми, в Ботаническом саду. И вот недавно по приказанию Берии могилу раскопали и перенесли гроб на обычное кладбище. Вскоре по городу пошли слухи, будто Лакоба мечтал отделить Абхазию от СССР. Тогда Серие (его вдова, красавица турчанка), опасаясь грядущих надругательств над прахом мужа, выкопала тело и перезахоронила в тайном месте.

Но эта история моих друзей не насторожила. Они не испытывали никакого страха – весело хвастались повышениями (один из них стал заместителем Председателя Совнаркома Грузии). Бедные, они забыли об играх барса с жертвой перед последним прыжком.

В три часа я подошел к дому Берии на улице Мачабели. Это был новый дом, выстроенный в стиле модного конструктивизма.

В нем жили еще двое партийных руководителей, но в квартиру Берии вела отдельная лестница. У лестницы стояла охрана. Предъявив документы, я поднялся на третий этаж. Там тоже стояла охрана. Проверили документы снова. После чего ко мне подошел предупредительный молодой человек с отличной выправкой сотрудника нашего учреждения. Он молча повел меня по бескрайней квартире. Берия занимал весь третий этаж. В то время как мои друзья жили в аскетическом «вчера», здесь жили в «сегодня». В московском стиле

новых хозяев жизни, желающих и умеющих пользоваться ею.

Мы шли мимо бильярдной (Коба любил бильярд, и теперь в него играло все поколение новых руководителей), мимо физкультурного зала с гимнастической стенкой, турником и гимнастическими снарядами...

Вели меня весьма неторопливо, чтоб я мог насладиться красотой и размахом дома и восхититься величиим хозяина.

Привели в огромный кабинет и попросили подождать.

Я утонул в великолепном кожаном кресле под большим портретом Кобы. Просидел полчаса, пока наконец в кабинет не вошла красавица грузинка с неправдоподобно правильными чертами лица. Платье, как перчатка, обтягивало загорелое крепкое тело, осиную талию.

Это была жена Берии – Нина. Происходила она из мингрельского княжеского рода Гегечкори, правда, из обедневшей ветви. Поздоровалась, холодно сказала:

– Лаврентий Павлович уехал на дачу и просит вас приехать к нему туда. Машина у подъезда.

И никакого извинения за перенесенную встречу. Я понял: Берия решил с первого дня показать мне, кто тут хозяин. Показать грубо, как положено вчерашнему плебею.

Берия родился в бедной семье, в глухой нищей мингрельской деревушке. Как и Коба, рано потерял отца. Как и Коба, рос на руках матери. Как и мать Кобы, мать Берии зарабатывала шитьем и стирками и была так же истово религиозна. Как и Коба, Берия блестяще окончил начальную школу, и односельчане отправили его учиться в Сухуми. Как и Кобе, ему, по слухам, пришлось быть двойным агентом. Берия служил в муссаватистской охранке, поставляя информацию большевикам.

На этом сходство заканчивалось, далее шли большие различия. Он обожал роскошь, был жаден до прелестей жизни, и его можно было купить благами. Только таким людям доверял теперь Коба. Но обладал он и довольно опасным качеством – был очень умным человеком с сильной харизмой.

Меня привезли в знаменитое дачное местечко Крцаниси. Здесь жила тогда (и, думаю, будет жить всегда) партийная элита.

У въезда в поселок стояла охрана. Наша машина проехала мимо большого дома и остановилась рядом с волейбольной площадкой.

На площадке проходил весьма поучительный волейбольный матч. Играли сам Лаврентий и... мои друзья, с которыми я виделся утром! Мне показалось, им стало несколько неловко, когда они заметили меня.

Берия – урод с толстым носом, отвислыми губами, жирный, с брюшком – играл очень ловко. Когда ему хорошо набрасывали мяч, жестоко «гасил». И тогда все (и мои друзья тоже) аплодировали.

Вот так угодничали вчерашние бесстрашные революционеры. Что делать – после Революции прошло уже двадцать лет...

Закончив игру (естественно, его команда выиграла), Лаврентий обратился ко мне:

– Я сейчас вымоюсь, немного погребу на лодочке, а ты меня жди. Пообедаем и отметим твое появление у нас. – И посмотрел в глаза как-то хмельно, беспощадно.

После чего бросился в море, поплыл, ныряя в волнах. Быстро вернулся – его уже ждал

охранник с полотенцем. Стянул мокрые трусы, надел сухие, напялил белые брюки, белую рубашку и сел в лодку.

Были приличные волны, и лодка взлетала. Но он обладал, видно, недюжинной силой и работал веслами без устали. Греб и орал какую-то песню. В нем кипели энергия и ярость. (Я часто употребляю слово «ярость». Но состояние ярости – наследство Революции – покидало нас, ее законных детей, лишь с последним вздохом.)

Очередной молодой человек с выправкой пригласил всех игравших и меня пройти в дом. Это была двухэтажная дача, точнее, великолепно обставленный маленький дворец. Неслышно появилась обслуга – две юные девушки принесли вина. Я отказался.

– Зря, – усмехнулся один из моих знакомцев, недавно столь восторженно аплодировавших Берии. И прошептал зло: – Ждать придется долго... он ведь ебаться поехал. Сейчас поплывет на лодчонке мимо санаторских пляжей и выберет себе очередную, может, и не одну. У него свои комнаты во всех санаториях. И как его хватает на всех баб?!

Завели патефон, чтоб нам было приятнее ждать. Зазвучали, вероятно, любимые его пластинки: «Можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда...», «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» и, конечно, «Сулико».

Берия появился через три часа. Три часа мы покорно ждали, пока он... И слушали пластинки, постепенно наливаясь вином...

Как ни в чем не бывало хозяин радушно пригласил всех в столовую. Огромный стол был накрыт. Еда – его родная, мингрельская: гоми (горячая каша из кукурузной муки с ломтями молодого сыра), лобио, сациви...

Во время обеда привезли народных любимцев – футболистов тбилисского «Динамо».

– Ты теперь культурой руководишь, – сказал мне Берия. – Вот перед тобой сидит главная народная культура, – и представил: – Цвет нашего грузинского футбола, товарищи Шавгулидзе, Джорбенадзе, Гашели. Им предстоит игра с испанцами – знаменитыми басками, чемпионами мира, – и обратился к футболистам: – Товарищ Сталин ждет от вас завтра только победы.

За обедом выяснилось, что Берия в юности хорошо играл в футбол.

Поев, он встал, попрощался и... пошел спать, так и не поговорив со мной. Он еще раз указал мне мое место. Я был холуем Кобы, теперь должен был стать его холуем.

Аресты в Тбилиси шли непрерывно. Арестовали многих старых партийцев, занимавших важные посты. И сейчас принялись за друзей арестованных. С арестованными партийными вождями дружили многие мои подопечные – знаменитые писатели и поэты. Взялись за них. Из тюрем поползли страшные слухи о пытках и избиениях. И люди искусства – люди нежные – спешили, дабы избежать Кобиной тюрьмы. Первым покончил с собой великий поэт Паоло Яшвили... Другой великий поэт, Тициан Табидзе, надеялся, что пронесет. Его арестовали.

Я должен был подписывать вместе с представителями НКВД постановления об аресте знаменитостей. Я подписывал.

Но были и наивные люди, не понимавшие, что их ждет в тюрьме. Среди таких – мой дальний родственник, поэт Дато Н. Он был жалким поэтом, но счастливым человеком. Он очень удачно влюбился – в себя. Помню, на каком-то застолье я, как положено руководителю,

из вежливости спросил его:

– Что пишешь, Дато?

Он, радостно улыбаясь, ответил:

– Написал цикл о любви. Закрыв тему.

У него в доме всегда лежала раскрытая книга Данте. Себя он называл «человеком Дантовского помолла». Но сейчас, пожалуй, впервые он усомнился в себе: скольких великих забрали, а он на свободе. Неужели он не великий?

Теперь Дато надеялся, что его попросту забыли, ждал ареста каждую ночь. Но его все не арестовывали.

Он не вынес позора. Надел черкеску с газырями, сел на коня и выехал на площадь, на которой стоял мой дом. Было утро, он гарцевал один по пустой площади. И кричал мне в окно:

– Подписывай обо мне! Почему, кацо, не подписываешь?

Я долго смотрел, как он лихо скакал, наконец мне надоело. Я открыл окно и сказал ему правду:

– Ступай домой, Дато! Ты не знаменитый поэт!

Легко было Дато, молодому, не знавшему Кобу. А я его знал...

Я, который ничего и никого не боялся, повторюсь, боялся одного – своего друга.

Не успел я по-настоящему освоиться в Тбилиси, как вдруг Коба вызвал меня обратно в Москву. Накануне отъезда я повидал его мать...

Все время, пока я жил в Тбилиси, я пытался навестить старую Кэкэ. Но Берия однообразно твердил: «Нецелесообразно».

И вдруг стало «целесообразно». Я понял: это приказ Кобы, он хочет услышать мой рассказ о матери.

## «Лучше бы он стал священником»

Бывшая наша прачка обитала теперь в бывшем дворце Великого князя Наместника Кавказа. Офицер НКВД вел меня через длинную анфиладу темных нежилых дворцовых зал. Всюду – прежняя мебель, всюду – опущенные занавеси, только поблескивали в полутьме зеркала и хрусталь на люстрах.

В комнатах было холодно, видно, здесь долго никто не жил.

Наконец мы пришли к Кэкэ.

Из всех бесчисленных комнат дворца наша бывшая служанка выбрала самую убогую и крохотную комнатку прислуги. И как мне потом рассказывали, никогда из нее не выходила. В черном платке, в черном платье вдовы Кэкэ сидела на аккуратно застеленной кровати. Она как-то ссохлась, стала совсем крошечной. Напротив нее на стульях сидели две точно такие же старухи – в черных платьях и в черных платках. И молчали. В углу, поблескивая пенсне и лысиной, стоял Берия. И тоже молчал.

Я поздоровался.

Она долго смотрела на меня. Потом сказала старухам:

– Он стал старей, а я видела его, когда он родился, – и засмеялась.

Еще помолчали. Девушка, тоже в черном, принесла чай с айвовым вареньем.

– Пей. Помню, ты очень любил его в детстве. – (Честно говоря, я этого не помнил.) – И Сосо любил. Как он, Сосо? Он теперь один. Кто за ним ходит, готовит обед? Кто ходит за внуками?

Я отвечал, что у Сосо много помощников и они хорошо его обслуживают.

– Да, конечно, его обслуживат, и внуков обслуживат. Он ведь нынче вроде царя...

Улыбнулась. Обе старухи – тоже.

Я допил чай. Старухи молча смотрели. Берия кивнул мне: пора уходить.

– Что передать Сосо?

– Скажи, что у меня все в порядке, я скоро умру. Скажи, письма его получаю, все они у меня лежат в сундуке... Он сможет найти их там после меня... Я вам обоим ваше любимое варенье приготовила, возьми свою банку. Ему я отправлю сама. Увидишь его – скажи... – Она помолчала, потом добавила: – Он у нас теперь царь. Но куда лучше было бы, если бы он стал священником...

Она не простила Кобе Сталину убийство маленького семинариста Сосо Джугашвили. Она так и не съездила к нему в Москву, хотя Коба тщетно звал ее.

Жарким летом, всего через месяц с небольшим, Кэкэ умерла. Все ждали на похороны Кобу. Но он не приехал хоронить мать.

Я в это время уже жил в Москве.

# Счастливая страна побед

Приехав в Москву, позвонил Кобе, но меня с ним не соединили.

Утром отправился на Лубянку в свой кабинет. В нем шел ремонт.

Я опять позвонил Кобе. Поскребышев ответил жестко:

– Товарищ Сталин занят. По всем вопросам обращайтесь к своему начальству.

Но в том-то и беда, что начальством моим был товарищ Сталин. Я позвонил официальному начальству – Ежову.

– С возвращением.

– Я не очень представляю, что мне теперь делать. Я должен был уехать в Париж, если помните...

– Сдался тебе говенный Париж. Живи здесь и блаженствуй. Можешь спать, есть, ходить в кино, драть девок. Если бы я мог так проводить время! Короче, жди. Пока насчет тебя никаких распоряжений. – и засмеялся.

Мы оба понимали: скорее всего это конец.

Я начал ждать – как ждали тогда очень многие! Перед тем как стать заключенным, я оказался совершенно свободен. Я ничего не сказал жене, она думала, что я хожу на работу. Обычно я возвращался с работы поздно, так что у меня была уйма свободного времени.

Я должен был сперва покончить с делами. Прежде всего – Записки. Решил отвезти их за город и закопать в ложбине, недалеко от нашей дачи...

Выйдя из дома, я понял: за мною уже следили.

Я сделал самое банальное. Быстро зашагал по улице, «наружка» спешил за мною, не отставая. На перекрестке подошел к милиционеру, предъявил удостоверение. Сказал, что гражданин, идущий за мной, вор-карманник. Когда милиционер заламывал ему руки, я послал воздушный поцелуй. Пока они разбирались, я успел добраться до вокзала...

Разделавшись с Записками, вернулся в Москву. Решил насладиться игрой до конца. У дома меня ждал очередной «товарищ». Не заходя домой, с ним на хвосте, я отбыл в Центральный парк культуры и отдыха.

Было два часа. Стоял нестерпимо жаркий летний день. В парке было полно народу... Я покатался на лодке по Москве-реке, пока мой филер (как мы называли их до Революции) изнывал на пляже под палящим солнцем. Потом отправился в ресторан пообедать, пока несчастный томился в жаре у входа.

Вечером в парке должен был состояться бал-маскарад. И счастливая толпа все прибывала...

Я пишу «счастливая» без сарказма. Таковую же, воистину счастливую, толпу я видел в Германии. Ведь у людей, у них и у нас, отняли самую страшную проблему – проблему выбора. У нас за всех решал Коба, у немцев – фюрер... У нас была, пусть жалко, но обеспеченная старость, никто не боялся оказаться на улице. Ужасная, но зато бесплатная медицина. Люди ютились в коммунальных квартирах, однако платили за жилье ничтожные деньги. Я наблюдал здесь знакомый мне по Германии энтузиазм масс – *жажду толпы славить и проклинать*. Так же весь день из репродукторов оглушительно гремели победные марши. То же постоянное народное веселье и радость от бесконечных побед. И ведь правда: и они, и мы всех победили. Гитлер уже начал свои завоевания – какой восторг испытывала

страна! А мы... мы тоже победили – монархистов, меньшевиков, эсеров, кадетов, Белую гвардию и интервенцию западных держав! Победили религию, остались одни разрушенные храмы без крестов. Победили саму смерть – нетленный Ильич ждал сограждан в Мавзолее.

Каждый день щедрый Коба дарил народу новую победу. В открытых автомобилях по улицам столицы провезли летчиков – Чкалова и его экипаж. Впервые в мире они совершили беспосадочный перелет Москва – США. На самолете Чкалова была надпись «Сталинский маршрут». Чтобы помнили: великий Вождь незримо летел рядом с героями. Спустили со стапелей самый большой в мире ледокол и назвали его, конечно, «Иосиф Сталин». Ибо даже во льдах он – рядом с героями, великий Вождь. И все главные улицы наших городов стали улицами Сталина. Или Ленина, ибо не забывал Коба о Предтече. В тот год уничтожения ленинских соратников в Москве открыли Музей Ленина. У входа трудящихся встречала статуя – Ленин и Сталин сидят на скамейке в Горках. На стенах – множество фотографий Ильича, с которых при помощи ретушеров исчезли все его ближайшие сподвижники, все канувшие в вечность вожди Октября.

Не только победы даровал Коба народу. Он следовал священной формуле всех Цезарей – «Хлеба и зрелищ». Многочисленные парады на Красной площади – военный, физкультурный, воздушный – транслировались по радио на всю страну, потом показывались в кинохронике перед сеансами любимых фильмов.

Весной прошлого года впервые провели чемпионат по футболу. Страна тотчас заболела футбольной лихорадкой. Сам Коба презирал эту игру: «гоняются за надутым шариком». Но он заботился о скромных радостях простых людей. Летом на параде физкультурников он приказал устроить невиданный футбол. Прямо на Красной площади, от храма Василия Блаженного расстелили гигантский ковер – изумрудное футбольное поле. На поле выскочили любимые страной футболисты и показали настоящую игру. Не забуду добрую улыбку, с которой Коба следил за соратниками. Они буквально сошли с ума – кричали от восторга после каждого гола, подпрыгивали на Мавзолее над не погребенным Боголениным. Они не знали: Коба давал им повеселиться *напоследок*. И стоявшие тогда рядом с ним Косарев, Чубарь, Постышев, Рудзутак – все они, по-детски радовавшиеся игре, должны были вскоре исчезнуть вместе со старой партией, всех их уже нетерпеливо ждала положенная пуля.

Но и на этом наш Цезарь не успокоился.

Летом Коба предложил народу величайшее зрелище. Выписал из революционной Испании самых знаменитых футболистов мира – басков. Вся страна дружно приникла к радиоприемникам. Баски сыграли с чемпионом СССР «Динамо» – командой моего ведомства, НКВД. И дважды ее разгромили! Какой был траур! Страна, спокойно переживавшая эпидемию арестов, после этого проигрыша впала в совершенное уныние. Тогда заботливый Коба приказал выиграть у лучшей команды мира. Против басков выпустили другую главную команду страны – «Спартак»...

И если баски бились за кубок, то «Спартак» – за право на жизнь.

(Коба послал смотреть матч членов Политбюро. Сам конечно же не поехал. Он знал, что истинный властитель должен лишь иногда показываться народу. Главный праздник – это его появление, а не какие-то там баски. Он как-то с усмешкой процитировал Наполеона: «Достаточно пару раз показаться в опере, чтобы на тебя перестали обращать внимание».)

«Спартак» совершил невозможный подвиг – победил басков с небывалым счетом шесть-два. Как ликовала страна! Незнакомые люди обнимались на улицах. И все эти годы простой народ продолжал говорить, вспоминать о той великой победе. В дни большого террора

говорили совсем не о процессах и расстрелах вчерашних партийных вождей...

На башнях Кремля установили рубиновые звезды. Целые семьи ходили на Красную площадь смотреть, как они загорались ночью, как под ними над Кремлевской стеной всю ночь светилося одинокое окошко. Люди знали: это неусыпно трудится ради их счастья великий Вождь товарищ Сталин.

В прошлом, 1936 году вышел на экраны кинофильм «Цирк». И теперь вся страна счастливо пела песню, ставшую нашим неофициальным гимном – «Я другой такой страны не знаю, где так *вольно* дышит человек...»

И действительно – вольно! Весь первый год террора страна радостно обсуждала проект Конституции, написанный несчастным Бухариным. Сталинская Конституция – так она называлась – гарантировала гражданам все демократические права и свободы. Правда, уже тогда ходил анекдот, за который полагались десять лет лагерей.

«Приходит человек к адвокату.

– У меня вопрос... Я хочу узнать, имею ли я право...

Адвокат прерывает:

– Имеете!

– Значит, я могу...

Прерывает:

– Не можете!»

Но это не мешало людям радоваться своей Конституции, самой передовой в мире...

Победы были не только в прошлом и настоящем. Победы ждали и в будущем. За две-три пятилетки мы должны были догнать и перегнать весь мир. Так велел Коба.

# Ночная жизнь

Удивительную страну создал Коба. Недаром она звала его «отцом».

Если бы в те страшные дни вы спросили обычных граждан, боятся ли они НКВД, они, безумно боявшиеся, совершенно искренне возмутились бы! Коба научил их лгать себе. Люди должны были верить, что арестовывают только врагов народа. И верили! И даже когда их самих везли в лагеря, они заставляли себя верить, что это ошибка и все очень скоро исправится.

И когда сажали друзей, изумлялись... чтобы тотчас объяснить себе, как объясняли тогда в Германии: «Мы наверняка знаем не все... Дыма без огня не бывает!»

Неотъемлемой, но тайной частью нашей жизни стали эти повседневные аресты. Происходили они глубокой ночью – в другой, *ночной жизни*, о которой люди запрещали себе даже думать днем.

# Девница-победа

Вот о чем я размышлял тогда, шагая по аллее Центрального парка культуры и отдыха.

Я вспоминал подполье, нашу борьбу, наши мечты, нашу веру, великие лозунги нашей Революции: «Свобода! Равенство! Братство! Или Смерть!» Свобода? Ее сменил страх. Равенство? Оно – во всеобщей унылой полуголодной жизни. Братство? Теперь это звучит как насмешка. Из всех лозунгов Республики Коба оставил один – Смерть.

Следивший, специально неумело прячась, не отставал от меня. Видимо, хотели, чтобы я боялся.

Жаркий день закончился, неправдоподобное огромное багровое солнце садилось, и наступал столь же безветренный летний вечер. От нечего делать я решил сходить в кино – здесь же, в Центральном парке. В полупустом душном зале шел французский фильм «Под крышами Парижа». Я смотрел на эти хорошо знакомые парижские улицы, и сердце щемило от острого печального чувства: больше никогда этого не увижу.

Выйдя из кинотеатра, я отметил, что филер куда-то исчез. Я понял: мне приготовили что-то новенькое, и пошел в глубь парка.

Между тем был уже двенадцатый час ночи, и в парк прибывала карнавальная толпа. В освещенных разноцветными лампочками аллеях с бесчисленных щитов смотрело лицо моего друга Кобы, под ним – его бессмертные слова: «Жить стало лучше, жить стало веселей». На другом щите огромное лицо висело над словами «Да здравствует великая сталинская Конституция!»

Оба Кобы отечески ласково глядели друг на друга... И во всех других аллеях никуда было не деться от усов моего друга, пересыпанных редкими портретами Ильича. Между Кобами и Ильичами попадались гипсовые скульптуры новых святых, наших советских великомучеников: пионер Павлик Морозов, выдавший чекистам своего отца-кулака и убитый за это. (Семинарист Коба не забыл слова Евангелия: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня». Только Бог теперь – мой друг Коба.) Напротив Павлика – гипсовый Киров, убиенный за преданность Богу Кобе. Совсем рядом с Кировым – легкомысленно обнаженная гипсовая девушка-физкультурница, крутобедрая, с пышными формами. Вспоминая о темпераменте убиенного, уверен, это соседство было ему приятно. Во всяком случае, гипсовый Киров улыбался...

Наступала полночь. В это время по всей стране начиналась «ночная жизнь». С запасных железнодорожных путей, светя прожекторами, готовились отправиться в лагеря товарные вагоны, набитые тысячами арестованных...

Но в парке гремел карнавал. Разноцветные огоньки, музыка...

Я сел на скамейку. Мимо, хохоча, пробежали счастливые люди в масках, в карнавальных костюмах. Прошел «дядя Сэм» с мешком за плечами, с надписью: «Награбленное у трудового народа», за ним – Кощей Бессмертный с надписью на груди «мировой капитал». «Мировой капитал» тискал девицу в легком сарафане.

В этот момент на мою скамейку опустилась *она*. Премиленькая девушка в античной тунике. Представилась так: «Ника Самофракийская, или Победа трудового народа над всемирным капиталом».

«Победа» попросила закурить. Затянувшись, развязно сообщила:

– Костюмчик на тебе обалденный и сигареты... я таких еще не курила. Может, заключим трудовое соглашение? Оплата почасовая.

Короче, девица являлась парадоксом: будучи «Победой», она одновременно относилась к побежденным. Ибо проституцию, как объявил нам Коба, советская власть давным-давно победила.

Она назвала цену. Надо сказать, просила много, но пояснила:

– Я ведь плачу за хату.

Что ж, жаднее богатых только бедные. Я отправился с нею. В ее комнате вынул пистолет, сунул ей в рот. Этого было достаточно – заговорила. Конечно же, как и большинство промышлявших в парке красоток, работала на наше ведомство. Ее отправили побеседовать со мной... и потом написать в отчете всё, что они ей продиктуют...

Итак, мне грубо шили дело. Выяснив, я все-таки воспользовался ее услугами. После чего продиктовал ей текст, где подробно описал всё, что у нас с ней случилось. И сколько раз случилось. В заключение просил выплатить ей гонорар, который не заплатил. И подписался.

Домой пришел под утро. Жена спала.

Я долго мылся в ванной и повторял: «Победа трудового народа над Всемирным Капиталом... Вот это и есть конец!» И как идиот хохотал один в ванной комнате.

# Собрание обреченных

Назавтра меня вызвали на Лубянку, и я присутствовал на страшном собрании, точнее, на обычном для тех дней. В актовом зале собрались все руководители НКВД. В мертвой тишине заседало это сборище будущих мертвецов...

С речью выступил карлик. Он был страшен. Уже не говорил – истерически кричал тонким голоском! Этакая пародия на речи Гитлера.

Ежов назвал Ягоду современным Фуше... (Карлик с тремя классами образования вряд ли знал о всесильном министре полиции Наполеона! Так что я отчетливо услышал в этом голос друга Кобы.) Дальше было еще интересней.

– Корень ошибок Ягоды зарыт глубоко, – вещал Ежов. И сообщил об удивительном открытии. Оказывается, Ягода, этот сподвижник Дзержинского, на самом деле был с 1903 года агентом царской охранки! И я, и многие старые партийцы знали, что в 1903 году Ягоде было двенадцать лет от роду! Ну и что же, если так нужно партии! Все мы спокойно выслушали эту новость. Более того – радостно. Ведь главное, карлик не упомянул нас!

Но это открытие явилось лишь началом. Далее Ежов сообщил:

– Кто раз протянул палец охранке, у того гестапо забирает всю руку.

Ягода – еще и немецкий шпион! И не он один! Мой вчерашний начальник Москвин-Трилиссер, Горб, Гай... – Ежов выкрикивал имена наших легендарных чекистов – друзей Дзержинского. Все были завербованы подлым Ягодой в шпионы! И все уже арестованы.

Затем он прокричал совсем уж сенсацию. Главный охранник Кобы, довереннейший из довереннейших, Паукер – тоже шпион, завербованный Ягодой. Паукер не только передавал немцам секретные разговоры, которые вел товарищ Сталин. По заданию Ягоды он готовил покушение на нашего любимого Вождя!..

Теперь остававшимся на свободе знаменитым старым чекистам пришлось доказывать свою лояльность, то есть топить друг друга.

И началось! Слово предоставили Артузову. Легендарный швейцарец уже не был руководителем знаменитого иностранного отдела. Ежов выделил ему маленькую комнатку и поручил писать историю ВЧК. (После его ареста эту Историю используют для «выявления сподвижников врага народа Артузова».)

– Товарищи, – заговорил Артузов, – в самое тяжелое для Революции время Ленин поставил во главе ЧК лучшего из лучших – Феликса Эдмундовича Дзержинского. И сейчас в труднейший момент великий Вождь товарищ Сталин назначил руководителем НКВД своего лучшего ученика Николая Ежова! – От этой тирады он пошел красными пятнами, руки у него дрожали, будто на ответственном любительском концерте!

Такое славословие! Не только потому, что хотел жить сам. Вопрос шел о жизни *всех* его родных и близких. Ценой давно перестала быть карьера, ценой стала жизнь – твоя и семьи. У него была очаровательная жена, кажется, ее звали Инночка, они любили друг друга, воспитывали детей...

После удачного начала речи он оказался не на высоте. Довольно неумело (то есть осторожно, без обязательной ярости) напал на Слуцкого.

Слуцкий слушал, улыбаясь. Он понял: Артузов – слабак.

В заключение речи Артузову полагалось вступить в общий, столь же обязательный хор – уничтожать несчастного Ягоду. Но тут Артузов не выдержал. Он посмел сохранить лицо.

Отказался это делать. Сказал:

– Вы все знаете о моих холодных отношениях с Ягодой. Но у меня не поворачивается язык утверждать, что Ягода – больше чем политически близорукий маленький человечек, что он хотел вреда для Советской власти... Для этого нужны веские основания, я их пока не видел. Знаю, что он хороший хозяйственник, организатор. Не его вина – его беда, что он политически не дорос до своего высокого поста...

Слуцкий тотчас бросился добивать вчерашнего друга.

– Твоя слепота всем понятна! Кто был правой рукой Ягоды? – кричал он. – Я тебя спрашиваю, Артузов? Кто жил с ним в одном доме? Да, жить в одном доме – это уже преступление! Ибо нынче все – преступление!

Артузов молчал.

Новые выступающие набросились на них обоих, не забывая униженно, рабски славить восседавшего в президиуме карлика и уничтожать павшего Ягodu.

Когда расходились, некто Н., из вчерашних друзей Артузова, подскочил к нему и громко выкрикнул, чтобы все поняли – они *не* друзья:

– Ну что, Артузов, теперь тебе крышка!

– Спасибо на добром слове, Коля, – ответил Артузов.

Все хотели жить. И все они погибнут... И Слуцкий, и Артузов, и Н., и другие выступавшие! И вся знаменитая артузовская группа. И даже его жена, очаровательная Инночка. Ибо *все* они принадлежали к старой партии, а потому *все* были обречены.

А я?

Я молча досидел до конца, счастливый, что меня не назвали. Пронесло! Знал, что это *пока*, только *пока*. Но был счастлив данной мне и моим близким отсрочкой.

Итак, Ягода отправился в недра нашего учреждения – в тюрьму на родной Лубянке.

Его следователь поведал мне в нашем буфете:

– В камере гад сразу сник и плакал, а потом вообще стал «ку-ку». Seriously рассказывает, будто ночью к нему приходит *кто-то* и шепчет одно и то же: «От Хозяина ты заслужил одну благодарность за верную службу, но от Бога – самое страшное наказание. Теперь погляди, где ты находишься, и суди сам, *есть ли Бог*». Я его спрашиваю: «Кто к тебе приходит?» Вместо ответа паскуда начинает плакать, как ребенок. Вчера впал в странное равнодушие и подписал, что он немецкий шпион...

Следователь говорил все это со смехом, а вскоре (когда арестоввали аппарат Ежова) отправился в ту же самую камеру, где сидел Ягода! И расстреляли его в том же подвале, где лег с пулей Ягода.

Каждый день в тот ужасный год я наблюдал судьбы тех, кто мог повторить слова Ягоды: «Бог есть!» И заносил их имена в свой список.

Все это время безделья я составлял как бы приложение к моим Запискам – список арестованных знакомых.

Белобородов, глава Екатеринбургского Совета, организовавший расстрел царской семьи, их ни в чем не повинных слуг, доктора... Теперь его, старого, больного раком, зверски пытали перед тем, как убить. Он должен был признаться в диверсиях, совершенных по приказу своего друга Троцкого...

У главного цареубийцы – Юровского – арестовали красавицу дочь. И бедняга ночей не спал, представляя, что проделывают с нею в лагере... Вспоминал ли он при этом все, что рассказывал мне, – как стояли на коленях у стены, закрываясь руками от пуль, царские дочери, как ползал по полу беспомощный Наследник?..

И еще один мой знакомец пополнил список – командарм Дыбенко, первый комиссар военно-морских сил Республики. Долго не хотел признаваться, что он американский шпион... Ежов сообщил Кобе: гигант упрямится.

– Не хочет сознаться товарищ Дыбенко, – усмехнулся Коба. – Я помню, как в Смольном за перегородкой – он с Коллонтай... «Ух-ух-ух», – и Коба изобразил оргазм. – Я Ильичу рассказал – он посмеялся: «Любовь пчел трудовых в действии...» – (Так называлась книга Коллонтай, где она проповедовала «свободу чувств новой женщины».) – Ты скажи Дыбенко то, что так любил говорить Ильич: «Мы с вами, батенька, уже не в Смольном». И объясни, что тюрьма – это не ебля с Коллонтай и совсем не санаторий...

Я потом слышал рассказ следователя (обычно они громко делились историями за едой в столовой, щеголяя друг перед другом ненавистью к врагам народа):

– Мерзавца Дыбенко в тапочках домашних арестовали, его огромные ноги от ревматизма разбухли и в обувь не лезли. Товарищ Ежов дал задание не церемониться. Я надел суке на голову ящик с гвоздями – гвозди совсем были близко к лицу. Для большой эффективности напялил негодю на ревматическую ногу испанский сапожок. И поманеньку начал завинчивать... А кричать нельзя – гвозди в морду впиваются! Два поворота винта – и сознался Дыбенко...

Коба будто доказывал, что нет такого абсурда, в котором не сознается обвиняемый по его приказу!

И я все думал: вспоминал ли Дыбенко, скольких убил в удалые дни Красного террора? И как его дружки в Кронштадте закапывали в землю живых офицеров? И как весело под дулами револьверов разгонял он беззащитный первый русский парламент – Учредительное собрание? И как безропотно согласился отправить на смерть своих друзей – Тухачевского и прочих? Конечно, не вспоминал, не до того, когда *больно!*

Еще одна легенда нашей горькой Революции – Николай Крыленко. Вместе с Дыбенко он был первым военным комиссаром Республики. В октябре 1917 года организовал убийство Верховного главнокомандующего Временного правительства генерала Духонина. В разгар переговоров с генералом его матросики ворвались в комнату и закололи Духонина штыком в спину. Так Крыленко стал первым большевистским Верховным главнокомандующим. В двадцатых его назначили прокурором Республики. Именно тогда Крыленко и сформулировал основной закон нашего нового суда: «Судить нужно, исходя из указаний партии». И это казалось всем нам тогда таким понятным, само собой разумеющимся... Теперь он,

отправлявший на расстрел и дворян, и революционеров-эсеров, и старых партийцев, сидел на даче, ожидая неизбежного. Но все должны были знать, что добрый Коба борется за жизнь верного прокурора, бестрепетно предавшего смерти стольких старых друзей. Коба при мне звонил ему на дачу, просил спать спокойно и ждать нового назначения. Которое вскоре последовало. После пыток, с выбитыми зубами, признавшийся в шпионаже и диверсиях, несчастный получил наконец желанную пулю...

Был арестован и расстрелян еще один из моих начальников – Пятницкий, шеф разведки Коминтерна, на счету которого – диверсии во всех западных странах, убийства и похищения эмигрантов.

В тюрьму отправился Варейкис, один из основателей ВЧК. Его же, в числе прочих, считали отцом Красного террора. И если умный Пятницкий тотчас признал все небылицы, с Варейкисом «пришлось сильно повозиться...» – как рассказывал в столовой его следователь. Так что на расстрел его несли на носилках.

В те дни ужаса, ставшего бытом, я пытался убеждать себя, что мой великий друг – всего лишь Аттила Бич Божий. Он послан убить всех, виновных в крови нашей Революции. И мне даже казалось, что я вижу некую печаль в его глазах и то, как тяготит его это бремя.

Погибли почти все старые революционеры, отцы обеих Революций, левые и правые, эсеры, старики-народовольцы. Камеры в страшном фарсе объединили все революционные течения. Столько лет мы боролись друг с другом, чтобы встретиться в одних застенках. Мне рассказывали про сумасшедшего (или слишком нормального) члена партии эсеров, который катался от хохота по полу камеры, глядя на этот Ноев ковчег Революции. И ночью вопил, разбивая голову о стену: «Революция пожирает своих детей, а дьявол хохочет!» И указывал на *кого-то* под потолком...

Но я знал, что лгу себе. Если вначале была связь между гибелью людей и Возмездием, то вскоре всякая связь пропала. Теперь в тюрьме оказались люди самые разные, совершенно не совместимые. И действительно, какая могла быть связь между мировой знаменитостью, экономистом Кондратьевым, писателем Пильняком и философом Шпетом? Однако всех их расстреляли. Почему-то вместе с моими знакомыми большевиками погиб известнейший лингвист Поливанов. На Соловках был расстрелян знаменитый философ-теолог, священник Флоренский, и почти в это же время погиб мой знакомец старый партиец Шляпников. Расстрелян и мой вчерашний непосредственный начальник Артур Артузов со всеми знаменитыми сподвижниками...

Прежде чем расстрелять Артузова, Ежов принес дело Кобе.

– Вот видишь, твой Артузов был агент четырех разведок. Вместе с Ягодой хотел истребить Политбюро... Плохой человек, оказывается... А это что? – Коба брезгливо показал на документ в деле, покрытый красными пятнами.

– Это у мерзавца пошла носом кровь... Там указано в примечании, товарищ Сталин.

– Вот видишь, Фудзи, нос оказался слабый. Но все-таки написал: «Я не шпион».

– Это до того, Иосиф Виссарионович... После того как пошла кровь, он уже ничего не писал...

Казалось, никакой связи не было и быть не могло между этими, такими разными, людьми. Но она была! Была!

*Окончательно я понял это во время осеннего посещения Тбилиси.*

# Конец улицы Чонкадзе

Я приехал в Тбилиси, чтобы забрать вещи, которые мы не смогли взять при поспешном отъезде в Москву. В те дни в Тбилиси был созван внеочередной Пленум ЦК партии Грузии. Доклад должен был делать Берия. Пленум назначили на десять утра.

В девять я пришел на улицу Чонкадзе... Я хотел предупредить своих друзей, чтобы они смогли подготовиться к *возможному*, ведь все они были старыми партийцами. Но они не поняли моих намеков, а яснее говорить я боялся.

Они весело собирались на Пленум, по-прежнему замечательно убеждая себя, что происходившее вокруг их не касается. Мысли их были заняты другим: освободилось множество ответственных должностей. И они продолжали освобождаться ежедневно! Друзья мои ждали от Пленума повышений...

В девять пятнадцать мы расстались... чтобы никогда не встретиться. Я все-таки обнял их и расцеловал. Они отправились на Пленум. Я смотрел им вслед – как они шли веселой гурьбой по нашей солнечной улице.

Во дворе шумно играли их дети. Всего через несколько часов они станут сиротами...

Я пошел на Пленум *один – так было безопаснее*.

Доклад делал Берия. Он сообщил, что кропотливое расследование, проведенное нашими славными чекистами, продолжает выявлять все новые бандитские троцкистско-зиновьевские группы, проникшие в руководство Грузии. После чего назвал имена разоблаченных «бандитов». Это было... все мужское население дома на улице Чонкадзе! Все единогласно проголосовали за их исключение из партии.

Названных попросили покинуть зал, в холле их уже ждали...

Но одного из них – Ц-е – Берия оставил на свободе. Он с ним дружил с юности. В перерыве он сказал ему:

– Ты уж сам позаботься о себе...

Я стоял рядом и слышал. Потом Берия как-то внимательно посмотрел на меня, усмехнулся:

– Что ждешь? Пока нет отмашки. Но, думаю, если есть у тебя личная инициатива... Тоже позаботься о себе... я не препятствую. – И засмеялся.

Среди ночи зазвонил телефон. Несчастливая жена Ц-е, плача, рассказала: вернувшись с Пленума, он, ничего не говоря ей, молча собрал какие-то бумаги, сложил их в *стопку* в углу комнаты и вышел на балкон «покурить». Раздался выстрел. И сразу вошли «товарищи» (видно, ждали выстрела на лестнице). Унесли его, еще живого, истекавшего кровью, и забрали приготовленную им стопку. Утром её известили о смерти мужа. Она похоронила его...

Через день после похорон она опять позвонила. Рассказала, что пошла навестить его могилу, но та разрыта, гроб исчез.

Я позвонил Лаврентию.

– Писать «враг народа» на памятнике не принято, – сказал Берия. – Так что пусть отдыхает в безымянной могиле. Но не слишком ли ты о нем заботишься?

– Мы были с ним вместе в боевом отряде. Он был бесстрашный человек.

– А те... – Берия заботливо перечислил имена остальных обитателей дома, – разве они

были трусами? Однако это не помешало им переродиться в троцкистских выкормышей...

Вернувшись из Тбилиси, я перестал писать свой список. В это время я окончательно понял: Орлов был не прав. И он, и я – мы недооценили Кобу.

*Коба расстреливал не старую партию. Коба расстреливал всю старую жизнь.*

И я вспомнил, как он цитировал Ткачева: «Сколько людей из старого общества придется уничтожить после Революции, чтобы создать счастливое будущее?» Ответ истинного революционера звучал так: «Нужно думать о том, сколько их можно будет оставить».

*Теперь я знал точно: мне не избежать своей участи.*

# Для истории: ГУЛАГ

Уничтожая старую жизнь, мой друг Коба родил невиданное дитя по имени ГУЛАГ. Об этой системе лагерей я (как и многие работавшие в разведке) знал тогда понаслышке. Но знал!

Уже в восемнадцатом году Ильич создал два вида лагерей: концентрационные – для врагов нашей власти и лагеря принудительных работ – для уголовных. Общее количество заключенных тогда не превышало, наверное, полсотни тысяч, из них приблизительно восемьдесят процентов являлись нашими врагами. Это были участники Гражданской войны и крестьянских восстаний, чудом избежавшие расстрела, и активные деятели контрреволюции... Они выполняли какой-то труд, работали, естественно, плохо, но результатами их труда никто не интересовался.

А в конце двадцать девятого года (или в самом начале тридцатого) – случилось!

Коба проводил коллективизацию, наступил жесточайший голод. Именно тогда, в разгар всех ужасов, Коба придумал пятилетние планы...

Я ненадолго вернулся в страну из Берлина и был вызван к нему. В кабинете находился Ягода... Помню, он сказал:

– Кормить в лагерях нечем. Может быть, выпустим часть заключенных из тюрем, а самых вредных расстреляем?

– Ты кормишь мерзавцев-преступников? – усмехнулся Коба. – Что ж, товарищ царь нас тоже кормил – и в тюрьме, и в ссылке. И получил Революцию. Нет, товарищ Ягода, мы их кормить не станем. Они сами нас будут кормить. Утверждают, что подневольный труд не прибылен. Думаю, чекисты под руководством товарища Ягоды постараются опровергнуть эту истину. Так, Ягодка?

– Точно так, товарищ Сталин.

– Заставьте наших врагов и преступников хорошо трудиться. И если, работая, они будут умирать, это куда лучше, чем тратить на них созданную трудом пролетариев пулю... Они будут помогать нашему государству осуществлять... – он задумался и закончил: – ...самые дерзновенные планы!

Ягодка тотчас предложил:

– Можно уже сейчас организовать несколько исправительно-трудовых лагерей емкостью... – (он так и сказал – «емкостью»), – по пятьдесят тысяч для работ по освоению Севера.

То есть для нечеловеческих работ в нечеловеческих условиях...

– Несколько лагерей? – Коба снова усмехнулся: – Товарищ Ягода, вы считаете, что у нас так мало врагов и так мало дерзновенных планов?

Ягода понял и заторопился:

– Для начала... только для начала, товарищ Сталин. Дальше – все больше и больше. Я предлагаю для руководства этой будущей большой трудовой армией создать специальное Главное управление лагерей, – и тотчас добавил на модном тогда птичьим языке сокращений: – ГУЛАГ.

Коба с улыбкой повторил:

– ГУЛАГ.

И предложил Ягоде вместе с Менжинским, тогдашним наркомом внутренних дел,

написать предложение в Политбюро. Коба не любил сам писать подобные бумаги. Он всегда помнил об Истории... Так появилось это невиданное министерство рабского труда. И оно тотчас начало доказывать правоту моего друга. С первых дней ГУЛАГ трудом заключенных стал осуществлять невиданные проекты, придуманные Кобой. Он назовет их «Великие стройки Коммунизма».

В Заполярье, где когда-то мы в царской ссылке сходили с ума от ужасного климата, холода и *безделья*, теперь *работали* заключенные – мужчины и женщины. Без теплой одежды, в сорокаградусные морозы, от которых лопались трубы и ломалось железо, они строили заводы и железные дороги. В раскаленной Средней Азии заключенные прокладывали каналы в пустыне, без воды, погибая от жажды под палящим солнцем...

А Коба задавал все новые невыполнимые фантастические задания, и они выполняли их, умирая. Если глупый Гитлер убивал своих заключенных в душегубках, то заключенные умного Кобы встречали смерть с киркой или лопатой в руках. Исправительно-трудовыми лагерями назвал их Коба. В «*истребительно-трудовые*» тотчас перекрестил их наш сметливый народ.

Так Террор начал выполнять еще одну важнейшую, секретную задачу – формировать невиданную со времен античного рабства *даровую* армию рабов-тружеников. Население «страны ГУЛАГ» оказалось больше населения нескольких европейских стран вместе взятых. Но парадокс состоял в том, что с развитием Террора в ряды этой армии рабов постоянно вливались вчерашние сотрудники самого ГУЛАГа. И арестованным работникам ГУЛАГа предстояло понять в «истребительных» лагерях Кобы все то же: Бог есть!

Эта многомиллионная армия даровых рабочих рук, добавленная к практически даровому крестьянскому труду, соединенная с купленными новыми технологиями, должна была создать в течение двух-трех пятилеток самую мощную державу мира.

# Конец парижских генералов

Тогда, вскоре после маскарада в ЦПКиО, Коба позвал меня в Кремль. Встретил в кабинете, веселый.

– Ай-ай, а еще называешься «интеллигентный человек»! С проститутками спишь и денег им не платишь, – прыскал он в усы. – Что товарищу Ежову с тобой делать?

– Завидовать, как учит нас товарищ Коба.

Он нахмурился – не любил, когда шутили другие. Шутить мог только он. Помолчав, сказал:

– Ты помоги ребятам насчет Миллера. Проконсультируй. Мне понравились идеи твоего (!) Шпигельгласа.

Я понял: в Париж меня окончательно не пускают. И теперь Коба предлагает мне роль советника – помочь тем, кого отправят захватить Миллера. Я, видно, должен был поработать, *прежде чем*.

В своем кабинете я встретился с хорошо знакомым мне Сергеем Шпигельгласом. В Париже он работал агентом-нелегалом. Держал рыбную лавочку в Латинском квартале. Был любимцем местных домохозяек, щедро отпускал им в кредит дорогую рыбу... И сейчас в Москве не выходил из роли парижанина – пришел в берете, чернявый, предупредительный, этакий хлопотливый француз.

Шпигельглас рассказал мне свой план, так понравившийся Кобе:

– Все мы знаем, как на бильярде одним ударом загоняют в лузу два шара... Короче, похищение генерала Миллера организует генерал Скоблин вместе со своей певичкой Плевицкой. Тогда впоследствии, когда он станет во главе РОВС, им будет легко управлять. Итак, простой план: Скоблин предлагает генералу Миллеру встретиться с немецкими представителями Гитлера для разработки совместных действий против СССР. Миллер, естественно, ему поверит, да и как не поверить второму человеку в РОВС! Скоблин привезет Миллера в дом, где его ждут «немцы». В роли немцев выступят наши сотрудники. И далее так же, как с Кутеповым, только в более удобных условиях – хлороформ на лицо и укол. В ящике переносим тело в грузовик и доставляем на наш корабль. В Москве заставим Миллера обратиться к эмигрантам с предложением разоружиться, забросим дезу... – (дезинформацию), – будто он сам перебежал к нам. Чтобы исключить всякие подозрения насчет Скоблина, предлагаю такое алиби: в то время как Скоблин будет похищать Миллера в одном конце Парижа, его жена Плевицкая отправится в другой конец города – в модный магазин. Купит там самое дорогое платье, чтоб ее запомнили, и скажет, что торопится, так как в машине ее ждет муж. Попросит продавщицу помочь донести платье до машины, где сидит наш сотрудник в шляпе, изображая генерала Скоблина. Таким образом, продавщица сможет впоследствии подтвердить, что Скоблин в момент похищения Миллера находился далеко. В итоге сам Скоблин освободит для себя место Миллера, а нам отдаст Миллера и возможность безоговорочно управлять собой. – Шпигельглас победно посмотрел на меня.

Я с удовлетворением отметил про себя: более идиотский план придумать было нельзя. Мы рисковали ценнейшим агентом – Скоблиным. И если он провалится, то главная цель операции – *сделать РОВС своим* – рушилась. Провалиться ему было весьма легко. Ибо алиби сомнительное. Ведь Миллер, как и я, мог вести дневник. И записать туда о

предстоящей встрече со Скоблиным! А если кто-то увидит их вместе?.. И так далее! Но я ничего не сказал! Просто пожелал Шпигельгласу удачи.

Все случилось точно так, как я и думал. Скоблину, видно, не хватило выдержки. Непросто было белому генералу предавать в наши руки другого белого генерала. Скоблин, похоже, так волновался, приглашая Миллера на встречу, что Миллер заподозрил неладное. На всякий случай он оставил записку, что идет на встречу с немцами, организованную Скоблиным.

На встрече с «немцами» Миллера усыпили и в ящике перевезли на наш пароход. Вскоре записку нашли. И бросив жену на произвол судьбы, Скоблин с нашей помощью бежал. Бедную певицу Плевицкую арестовали...

Генерала Миллера благополучно доставили на Лубянку. Я видел, как его вели по двору во внутреннюю тюрьму. Но похищение ничего не дало. Тщетно пытались заставить Миллера написать обращение к белой эмиграции – он отказался. Упрашивали усердно, в лучших традициях нашего ведомства, но, несмотря на все попытки, сломить его не получилось. Белогвардейцу Миллеру удалось то, что не удалось ни Тухачевскому, ни кому другому из наших прославленных красных командиров, – он выдержал всё! Его расстреляли.

Так что операция провалилась.

Коба вызвал меня, орал и материл за «провал твоего дерьмового плана».

Я уточнил:

– План не мой. Что же касается успеха дела, то мне трудно руководить им за тысячу километров.

Он мрачно посмотрел на меня. Конечно, он все понял! Я тоже понял: заплачу и за это.

Коба щедро отблагодарил главных участников. Он не любил белых генералов, и Скоблина вскоре расстреляли. (Для наших агентов во Франции пустили байку, что он героически сражался в Испании и там погиб.) За Скоблиным последовал Шпигельглас. Это не было наказанием за провал. В конце концов, Миллера он всё-таки привез... Просто Шпигельглас был старым большевиком. Он принадлежал к прежней жизни, которой надлежало исчезнуть.

Плевицкая заплатила больше всех. Великая певица медленно сгниет во французской тюрьме. Чтобы она никого не выдала, мы периодически передавали ей весточки в тюрьму: «С вашим мужем все в порядке, он на секретной, ответственной работе в СССР, и мы прилагаем все усилия, чтобы вскоре выволить вас».

# Случилось!

В праздник 7 ноября я стоял, как всегда, на Красной площади. На том же месте, где в прошлом году мы стояли с Бухариным. Сейчас Бухарин сидел во внутренней тюрьме на Лубянке...

После парада и демонстрации я был на торжественном приеме в Кремле (Коба лично передал мне приглашение). Мне бы вспомнить, как особенно ласков мой друг *перед*...

На приеме увидел, как Крупская подошла к Кобе, поздравила его с праздником. Пожалуй, впервые после смерти Ильича Коба обнял ленинскую вдову.

11 ноября тридцать седьмого года он позвал меня в кремлевскую квартиру. Туда, «учитывая происки многочисленных замаскировавшихся врагов...» (Коба не забывал играть в эту игру), посетителей теперь провожал сам комендант Кремля. К моему изумлению, вместо знакомого мне коменданта Петерсона меня ждал незнакомый офицер НКВД. Оказалось, накануне арестовали все кремлевское начальство, включая комендантов Кремля и Мавзолея...

Неутомимый Коба продолжал трудиться.

В квартире меня встретил другой офицер НКВД. Он сообщил, что Коба сейчас принимает Надежду Константиновну и просит подождать. Меня провели в соседнюю с гостиной маленькую комнату, выполнявшую роль прихожей, – здесь складывали почту и газеты для Кобы.

Дверь была приоткрыта, и я отчетливо слышал голос Кобы. Он говорил о Мавзолее.

Я удивился теме. Как я уже писал, Коба боялся мертвых и в Мавзолее спустился лишь однажды – в день его открытия. Говорят, Коба прошел мимо священного тела быстрым шагом, почти бегом. С тех пор он вообще там не бывал. Как-то мы с ним заговорили о Мавзолее, и он сказал:

– Между нами говоря, я понимаю – лежать под грохот парадов, выставленным на виду у зевак... Но это партийное поручение, и наш Ильич с честью выполняет его после смерти.

Я добавил бы: *«несмотря на все опасности, исходящие от любящего его народа»*. Как это ни смешно, после смерти на мертвого Ильича покушались куда чаще, чем при жизни. Один покушавшийся, как я уже рассказывал, разбил стекло саркофага принесенным кирпичом... Другой вскочил на барьер, разбил стекло сапогом, и осколки рассыпались по груди Ильича... Третий пронес пистолет и выстрелил в несчастное тело...

Как не раз бывало, Коба прочел тогда мои мысли.

– Страху было мало, а врагов много. Нужно наоборот. – И добавил: – Ведь не одни зеваки приходят к Ильичу. Любящий его народ... Коммунисты со всего мира едут к нему поклониться.

Но в глазах его была мука. Я знал, он думает: и мне лежать там же!

В соседней комнате Коба и гостя пили чай. И молчали.

Наконец Коба заговорил. Повторил любимое – про данное народом партийное поручение, которое Ильич с честью выполняет после смерти.

Крупская не сразу, после паузы, произнесла:

– Сегодня я была в Мавзолее и подумала: я старею, а Володя все такой же. И еще

подумала, как Володе было бы грустно. Он очень любил его. – И она попросила Кобу помиловать Бухарина. – Бухарчик... он так вас любит.

Коба молчал. Представляю, как *мрачно* он молчал. Потом сказал:

– Он мне об этой любви письма пишет. Уже десятка два написал. Читать чужие письма вслух нехорошо, но мы свои люди и оба его любим. Потому я письма эти вам почитаю.

Прошел, видимо, к письменному столу. Зашелестел бумагами. Нашел письмо, стал читать. А я – запоминать:

«Вот уж несколько ночей собираюсь тебе написать. Просто потому, что хочу тебе написать, не могу не писать, ибо и теперь ощущаю тебя, как какого-то близкого (пусть сколько угодно хихикают в кулак, кому нравится)...» Хихикать и вправду стоит. Ведь пишет он всё это, Надежда Константиновна, после того, как на свободе честил меня Чингисханом... хайлом! И ложь в этом чувствительном письме во всем, о чем бы ни писал... «Хочу сказать тебе прямо и открыто о личной жизни: я вообще в своей жизни знал близко всего четырех женщин... Ты напрасно считал, что у меня «десять жен», я никогда одновременно не жил с женщинами...» Даже здесь врет, – прервал чтение Коба. – Это сейчас он остепенился с женой, которая во внучки ему годится, а до нее у него бывало побольше чем десять баб одновременно... Во всем врет! – (Бедный Бухарчик постоянно забывал, что каждый его разговор, каждая его «баба» – на счету.) – Этот бабник почему-то решил, Надежда Константиновна, что я ревную к нему покойницу Надю. Между нами говоря, я ревновал ее. Но не к нему, конечно... К вредным идеям, которые заботливо вкладывал ей в мозг товарищ Бухарин... которые и привели к роковой развязке. Так что этот человек отнял у меня жену, искалечил меня на всю жизнь... – И Коба продолжил читать письмо: – «Все мои мечты последнего времени, – он повторил: – *последнего времени*... шли только к тому, чтобы прилепиться к руководству, к тебе, в частности. Чтобы можно было работать в полную силу, целиком подчиняясь твоему совету, указаниям, требованиям. Я видел, как дух Ильича почиет на тебе... – (Я представлял лицо Кобы и его усмешку.) – Кто решился бы на новую тактику Коминтерна? На железное проведение второй пятилетки, на вооружение Дальнего Востока, на организацию реформы, на новую Конституцию? Никто. Мне было необыкновенно хорошо, когда удавалось быть с тобой. Я стал к тебе питать такое же чувство, как к Ильичу, – чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного. И чего же удивительного в том, что я за последние годы даже забыл о тех временах, когда вел против тебя борьбу, был озлоблен...» Мне неудобно, дорогая Надежда Константиновна, процитировать то, что он говорил совсем-совсем недавно в Париже – обо мне, к которому «прилепился», о моей политике, которую здесь так восхваляет. Мне не хочется вам повторять о бесконечных заговорах... он сам о них расскажет на процессе. Я очень огорчен, Надежда Константиновна, что наш с вами друг оказался лгуном, неискренним человеком, которому я верил и которого любил. А как огорчился бы Владимир Ильич, узнав, что покушение мерзавки Каплан готовил его любимый Бухарчик!

Видно, старуха в ужасе замахала руками.

– Не верите? Правильно! И я долго не верил... Я приглашу вас на процесс, чтобы вы все услышали от него самого...

Наступила тишина. Бедная «Селедка» не смела больше настаивать, она хотела жить. Она не понимала, что это теперь невозможно. Она была частью партии Ильича, которая сейчас отправлялась в небытие.

Они долго молчали. И чтобы прервать тягостную паузу, она похвалила торт.

– Вам нравится? – спросил гостеприимный Коба. – Я попрошу присылать его вам... Еще раз простите, если огорчил. Я огорчен, поверьте, не меньше...

(В тридцать девятом году, накануне дня ее рождения, памятный Коба прислал ей очередной торт... Она его попробовала и умерла, страдая от нестерпимых болей в животе и мучительной рвоты. Как любил говорить о себе Коба: «Товарищ Сталин привык выполнять работу до конца». Так что лаборатория X, основанная мужем Крупской для того, чтобы убивать других, не забыла и про его жену.)

...Но все это случится потом. А тогда... Тогда меня удивил его длинный монолог о Бухарине. Он говорил будто для кого-то. И только я это подумал, как Коба вышел ко мне в соседнюю комнату.

– Ты ступай, Фудзи... тебя уже, наверное, ждут.

– Кто меня ждет?

– Не знаю. Всех кто-то ждет, – засмеялся Коба. – И вдруг обнял меня: – Ну, прощай... иди, иди!

Я был удивлен этой странной нежностью, и «прощай» мне очень не понравилось. И я сказал: «До свидания».

Я спускался по лестнице. Коба вышел почти тотчас за мной на лестничную клетку – провожал старуху. Он часто провожал гостей, галантный Коба.

На повороте лестницы стояли трое. Я подумал было, что даже здесь у него охрана, но услышал:

– А мы дожидаемся вас, гражданин.

И второй голос (уже на «ты»):

– Не оборачивайся и шагай вниз.

Они тотчас прижались ко мне с двух сторон, ловко ощупали карманы, нет ли револьвера. И я, привыкший к опасности и смерти, как-то сразу оцепенел.

Тесно обняв с двух сторон за плечи, повели меня вниз по лестнице, но я все-таки успел обернуться.

Увидел испуганные глаза Крупской и Кобу рядом с нею.

Я громко, жалко, нелепо крикнул:

– Коба! Арестовывают!

Он помахал мне рукой! И весело посоветовал:

– Да пошли их к черту!

...Они вывели меня к машине.

И я вдруг вспомнил, как Зиновьев, которого вели на расстрел, звал Кобу... и расхохотался!

Меня увезли в Бутырскую тюрьму.

В каком-то одурении я прошел процедуру: ледяной душ, ремень вынули, и, придерживая брюки, пошел в камеру. Смешно, но мы с Кобой уже сидели в этой тюрьме при царе. Теперь та тюрьма показалась бы раем...

В моей камере – полсотни человек. Кого там только не было: секретари райкомов, следователи с нашей Лубянки, хорошо знакомый мне Прокофьев – заместитель Ягоды, какой-то крестьянин, снявший с церковной колокольни красный флаг (он называл его «линючкой»), высокий красавец – брат Тухачевского (вскоре его расстреляли; расстреляли, как я узнал

потом, и другого брата)...

Помню невозможную духоту. Но повезло. Камер не хватало, и наша была переоборудована из кабинета смотрителя царских времен. Оттого в ней вместо цементного пола был старый растрескавшийся паркет. Мы по очереди ложились к спасительным щелям в полу, чтобы высосать оттуда какую-то свежесть, и по очереди лежали у двери, дышали жалким ветерком, доносящимся через щель.

Щель под дверью была теперь мечтой.

Первый допрос. Следователь – плечистый, совсем молодой парень с круглым крестьянским лицом (из того нового поколения, которое набрал Ежов вместо старых чекистов, помнивших великих Троцкого, Зиновьева и прочих; этот молодой знал только одного великого – моего друга Кобу).

Он сообщил мне, что я – японский шпион, регулярно передававший Японии бумаги, выкраденные из кабинета главы правительства. Потому я и взял себе японскую кличку. Я понял усмешку (насмешку) моего лучшего друга и тотчас решил вернуть ее ему же. Сказал, что эту японскую кличку дал мне лично товарищ Сталин, и попросил немедленно устроить нам очную ставку. Никогда не забуду ужас в глазах следователя. Торопливо, ударом кулака он выбил мне зубы.

– Никогда не произноси поганым вражеским языком это имя, дорогое сердцу каждого честного человека на земле. Если хочешь жить и дышать.

Глотая кровь, я сказал, что жить и дышать хочу. Но тем не менее требую незамедлительно вызвать на очную ставку товарища Сталина, лично придумавшего мне имя «Фудзи».

Следователь позвонил. Вошли двое и начали избивать меня, приговаривая:

– Будешь подписывать... будешь... будешь!

Я знал толк в побоях. Знал, как беспощадно это делают на родной Лубянке. И с радостным изумлением почувствовал: били осторожно. Но все же поспешил упасть на пол.

Они тотчас прекратили бить.

Теперь каждую ночь меня вызывали на допрос, и каждый раз было все то же.

В ответ на требования сознаться в том, что я японский шпион, следователь в ужасе выслушивал мои показания о большой дружбе с товарищем Сталиным и требование доставить великого Вождя в Бутырку. Я даже сообщил, что товарищ Сталин хорошо помнит эту тюрьму, ибо когда-то сидел здесь. Следователь очень боялся упоминания имени Кобы. Он продолжал уже с несчастным видом уговаривать:

– Подпиши показания и уедешь себе спокойно в лагерь.

Я в ответ твердил:

– Подпишу что угодно, но только после очной ставки с товарищем Сталиным.

Вызывались помощники – и били... все так же легонько. Я тотчас изображал потерю сознания. Они это видели, но тем не менее мигом уносили меня обратно в камеру.

В камере я лежал будто бы смертельно избитый. Охранники уходили, и сокамерники, уверенные, что меня «отделали по-взрослому», начинали обмениваться опытом – рассказывали, как допрашивают. Как могут вставить раскаленный прут в задницу, посадить в ледяной карцер в одном нижнем белье, лишить сна. Сначала – крохотный бокс с

беспощадной лампочкой, этакий узкий гроб, потом – выводной по ночам доставляет тебя к следователю, и тот допрашивает под лампой в 200 ватт, направленной в глаза. На следующую ночь допрашивает его сменщик, пока тот, первый, отсыпается. Этот ночной, сводящий с ума, конвейер продолжается, пока глаза не высохнут от бессонницы и ты не подпишешь, что нужно... Или положат на пол, снимут штаны и начнут лупить резиновой дубинкой по седалищному нерву. Но это эстеты так бьют... Обычный следователь, румяный, кровь с молоком, крестьянский сын, которому официально разрешили пытки, превратит тебя дубинкой или жгутом в кровоточащее мясо. И уже по кровавому месиву – той же дубинкой (боль такая, будто лупят оголенным электрическим проводом).

Все это рассказывали в камере, и все это я, разведчик, работавший на Лубянке... как же мне хочется написать «не знал»! Но, точнее, старался не знать... Еще точнее – слышал, но старался не верить. Совсем точно – старался не слышать и не верить.

Теперь я понимал: то, что при царе бутырским следователям и в голову не могло прийти, мой друг Коба сделал тюремным бытом.

Потому после нежных (без кавычек) избиений я, конечно же, не сомневался: это всего лишь прелюдия. Но к чему? Что хочет от меня мой любимый старинный друг?!

В конце недели во время допроса, после очередного моего падения на пол, в кабинет следователя пришел врач. Быстро освидетельствовал меня, и уже к вечеру я был переведен в тюремный госпиталь. Я чувствовал: развязка приблизилась. В госпитале, как и в камере, никто не боялся говорить! Только здесь и в камерах оставалась хоть какая-то свобода слова.

На новом месте я узнал, как погибла жена моего друга Папулии Орджоникидзе. После расстрела мужа арестовали ее. Во время допросов, пугая следователей, она осыпала Кобу ругательствами и грузинскими проклятиями. Они засекли ее до смерти. Как и при римском изувере Нероне, женщины оказывались куда более стойкими, чем мы, мужики!..

На третий день меня вывезли из бутырского госпиталя. Везли в воронке с решетками на окнах, так что невозможно было ничего увидеть. Но я сразу понял – на родную Лубянку. Мы въехали во двор, прошли во внутреннюю тюрьму. Опять ледяной душ, но в чистом, покрытом кафелем закутке... После заплыванного, пахнущего мочой бутырского душа этот показался мне душем в первоклассной гостинице. Камера – одиночная, с койкой, на которой лежало серое, застиранное, но чистое белье. И одеяло нормальное, не бутырские лохмотья.

Хотя положено лежать лицом к глазку надзирателя, я преспокойно повернулся к нему спиной и накрылся с головой (что тоже запрещено).

Но надзиратель не сделал мне замечания. Я понял: все выяснится скоро, может, уже завтра.

Утром повели к следователю. Между четвертым и пятым этажами тюрьмы находился проход в следственный корпус. Это была лестница, огороженная сеткой, чтоб никто не смог прыгнуть в свободу. Наконец меня вывели в наш лубянский коридор с ковровой дорожкой и множеством дверей, за которыми неустанно трудились следователи. Причем многие, прежде допрашивавшие в этих кабинетах, теперь доставлялись туда же в качестве подследственных. Они усаживались на те же стулья, где сидели их прежние жертвы, но за их собственными столами сидели новые инквизиторы. И инквизиторы вчерашние отправлялись по тому же маршруту, по которому сами отправляли своих жертв, – к стенке.

Вот о чем думал я, шагая по «нашему коридору».

Коридоры в нашем ведомстве бесконечные. И выводной, шедший сзади, командовал, куда поворачивать. В царских тюрьмах встреча арестантов, которых вели к следователю, была обычным делом, в тюрьме советской эти встречи исключались. Теперь нам запрещалось видеть друг друга. При Ягоде придумали предупредительный лязгающий звук (выводные били ключами по пряжке ремня). Тебя тотчас ставили лицом к стене или заводили в бокс – специальное углубление в стене, где ты пережидал, пока проведут встречного арестанта.

После очередного звяканья ключей, поставленный лицом к стенке, я услышал хриплое женское бормотание – это была грузинская речь. Обернувшись, я увидел... жену Нестора Лакобы – ту самую красавицу, которая была у Кобы на встрече Нового года... Лицо опухшее, в кровоподтеках, один глаз полузакрит. Она что-то бессмысленно бубнила. Взгляд безумный.

(Потом узнал: от нее требовали подписать показания против расстрелянного мужа. Но она отвечала: «Не стану клеветать на его святую память». Тогда к ней в камеру привели сына-школьника и при ней его били. Предупредили, что убьют, если она не подпишет протокол. Она молча отвернулась. Умерла на допросе после очередной пытки, но ничего не подписала.)

Я смотрел на нее с ужасом. Но выводной почему-то не крикнул на меня. Предпочел не заметить. В нашем учреждении не бывает хороших и плохих, все исполняют приказы, и ничего не бывает случайным. Короче, я окончательно понял: это очередной привет от Кобы и участь моя скоро переменится.

Новый следователь оказался моим знакомым: это был сын покойного Свердлова – Андрей. Такой же невысокий, как отец, с маленьким лбом, «съеденным» волосами. Не просто вежливо, а необычайно приветливо поздоровался.

– Говорят, в коридоре засмотрелись... – (он так и сказал), – на гражданку Лакобу. Не мне вам объяснять, что пытки врагов народа разрешены. Поверьте, наши следователи – не звери и очень хотели обойтись с ней без них... Ее муж придумал присоединить нашу солнечную Абхазию к Турции. От вдовы многого не требовалось. Вдовья доля – только подтвердить. Ее просили – помощи Родине. Родине следует помогать всем, даже неправдой, не побоюсь таких слов. Не захотела. И видели, чем кончилось?

Я молчал.

– Я не хотел бы, – продолжал Свердлов, – чтобы у нас с вами возникали подобные конфликты, чтобы они зашли настолько далеко, что пришлось бы... *корректировать* вашу внешность... как старался делать мой грубый предшественник. Поэтому надеюсь на доверительные отношения...

– Если хотите отношений, сообщите сначала, где жена и дочь, – перебил я.

– Думаю, дома.

– Вы так не думаете! Не думаю и я, знающий закон о ЧСИР... – (членах семей изменников Родины). – Я слышал его содержание лично от моего старого друга, – и добавил не без удовольствия: – Я имею в виду товарища Сталина. Я хочу узнать о судьбе своих близких. И только потом буду отвечать на ваши вопросы.

Он не взбесился. Мило улыбнулся, ничего не ответил. Вызвал охранника, и меня отвели обратно в камеру. Начиналось главное.

Я ходил по камере и подводил итоги – начиная с ареста и притворных избиений и кончая этим «сладким» следователем... Что дальше? Будет знакомый разговор: «Помогите партии, нам нужно, чтоб вы оговорили себя и какого-нибудь имярек»? И настоящая пытка в случае отказа... Измученный, изувеченный – прежде чем сдаться, чтобы себя уважать, – подхвачу ли я эту идейную игру? И за всеми высокими рассуждениями идейного характера будет хохотать подлый бесенок обыкновенного страха. Страх за семью... Нет, хуже – страха за себя, потом уже за семью... Но для этого варианта меня давно следовало передать опытному костолому... Нет, здесь что-то другое!

На следующий день меня опять повели к Свердлову.

– Вам весточка от супруги.

Это была записка. Нанико писала: «Дорогой, любимый! У нас все в порядке. Сулико по тебе очень скучает. Живем *теперь* там же, в нашей квартире, и ждем не дождемся твоего возвращения!» И фотография: она вместе с Сулико дома.

Я оценил слово «теперь».

– Больше писать, к сожалению, не положено. Да вы не хуже моего знаете наши порядки. Надеюсь, их ожидания сбудутся, но это зависит от вас.

– От вас, Андрей Яковлевич, если быть точным.

– От *нас*, если быть совсем уж точным.

В это время охранник принес чай, печенье и вазочку с вареньем!

Я понял: сейчас все разъяснится.

– Чайку прошу, варенье домашнее – жена приготовила. Вы не сладена? Нет? Жаль. А вот Николай Иванович такой сладена. Вазочку всю опорожняет. Ставлю ему две...

Я уставился на него.

– Я имею в виду Николая Ивановича Бухарина. Умнейший человек. Очень помогает следствию. Причем, главное, совершенно искренне... Высокие цели следствия осознал. Такая умница. Такая голова. Мы с ним чаевничаем иногда по несколько часов. Готовимся... точнее, готовим вместе огромный процесс. Поработаем, потом отдыхаем. Я ведь с его женошкой вместе рос. Он стихи мне свои читает. Но особенно хороши новые философские работы. С гордостью могу сказать: он их написал здесь, у нас.

Я машинально мешал ложечкой чай, начиная понимать. Он приятно улыбнулся.

– Николай Иванович жалуется, что ему одиноко в камере, – улыбнулся еще приятней. – Да и вам наверняка невесело одному... А если – к нему? Эх, получить бы мне такого соседа... Я сам готов в камеру поселиться, чтоб с ним быть рядом, да нельзя, не положено... Вы одно время были к нему прикреплены? – И холодно, жестко закончил: – Отчет будете писать ежедневно у меня в кабинете. Подробный отчет. Надеюсь, вам ясно, кто будет читателем вашего отчета?

И все встало на свои места. И разговор о Бухарине в присутствии Крупской. И арест. И демонстрация ада. Это было всего лишь подготовкой к продолжению роли стукача, но уже в тюремных условиях.

Конечно, я согласился...

Всю ночь я не спал. Думал. Ему мало было сломать и измучить Бухарчика. Кобе хотелось знать результат мучений. И еще он... скучал по нему... точнее, по его муке.

Утром меня перевели на пятый этаж к Бухарину.

# Последняя любовь Бухарина

Это была просторная светлая камера с высоким потолком... В таких в эти окаянные дни могло содержаться до полусотни человек.

Огромное окно, закрытое на три четверти стальным намордником, с форточкой под небесами (ее вертухай открывал палкой).

В камере он был один. Сидел на койке, бритый, в хорошем костюме.

Он радостно узнал меня, даже закричал:

– Товарищ Фудзи!

Все это время несчастный продолжал писать письма Кобе. Безответные письма. И сейчас решил, что мой приход – долгожданный ответ мучителя. Зная мои отношения с Кобой, он не сомневался: Коба послал меня проверить его любовь.

Он заговорил, захлебываясь:

– Вы сидели в царской тюрьме? Я тоже... Обращаются со мной очень корректно. Если бы разрешили играть в шахматы или в шашки! И кормить голубей! И еще здесь не гасят свет на ночь. Я написал ему – я не могу спать при свете! Но пока никакого ответа. В остальном все знакомое: убираю камеру, чищу парашу. Но мысль, что это в *нашей* тюрьме... что меня сторожит *наш*, родной чекист, – сводит с ума!..

Мне было жаль его, и я решил сразу объяснить ситуацию:

– Я рад, что с вами обращаются корректно. Обычно это делается иначе.

И я широко открыл рот с выбитыми зубами. Он в ужасе смотрел на меня – мечты рушились. Он наконец-то поверил: я тоже всего лишь арестант.

Я решил сгладить впечатление:

– Но думаю... что меня неспроста посадили к вам.

– Он? Он! – В глазах его был восторг.

На следующий день его вызвали на допрос.

Вернулся он довольно быстро... с шахматной доской!

– Разрешили играть в шахматы! Значит, *он* читает! – И в глазах – все тот же восторг, когда произносил «*он*». Так говорят о Боге.

Нас очень прилично кормили. Выводили на прогулку.

Бетонный прогулочный двор располагался на крыше пятого этажа, замкнутый в бетонных стенах. На вышке – вечный часовой с автоматом, зато мы гуляли под настоящим, таким близким небом. И я слышал, слушал, вслушивался, как в музыку, в гудки машин на площади.

По очереди убирали камеру...

Днем он молчал. Писал стихи и какую-то философскую работу о капитализме. Он очень беспокоился, что она погибнет, и просил, если я выйду, вызволить ее. Работу эту тогда я видел. Ее отправили к Кобе вместе со всеми бумагами, оставшимися после Бухарина.

(Уверен: в последнем труде Кобы «Экономические проблемы социализма» есть многое из бухаринской рукописи. Во всяком случае, в пятьдесят первом году я увидел эту рукопись на столе у Кобы. Кстати, все книги Троцкого, сочинения Бухарина, Зиновьева и Каменева остались в библиотеке Кобы. Он их неоднократно перечитывал – всегда с новыми пометками. Как бы продолжал беседовать с ними. «Мжду нами говоря, – сказал он мне как-

то, – очень умные люди. И думаю, были бы рады узнать, что после смерти помогают товарищу Сталину строить социализм. Они были врагами, но никогда не были обывателями».)

К ночи молчание Бухарина сменялось безумным, восторженным монологом о Кобе:

– Дух Ильича почиет на нем. *Я люблю его...* Люблю! Я ведь раньше подозревал его в примитивном властолюбии. Я ведь шел сюда, чтобы ничего не признавать. И только здесь понял... понял его великую идею Генеральной Чистки! Да, она кажется безумной... как все великие идеи! Как безумны казались ленинские идеи в апреле семнадцатого года. Но Ленин верил: мы захватим власть. И всего через несколько месяцев мы, никому не известная партия пролетариата, захватили власть и удержали ее. В крестьянской стране без пролетариата! Наша идеология, когда-то идеология жалкой кучки, становится нынче всемирной... как когда-то христианство! Оно тоже зарождалось среди жалкой кучки неграмотных рыбаков в отдаленнейшей римской провинции... чтобы потом победить Рим и захватить мир. Теперь мы новые боги! Большевизм – новая всемирная религия. Коба – ее Мессия... Но для чего мы победили в России, для чего захватили и удержали власть? Для чего? Неужели для того, чтобы построить социализм в одной России? Нет, нет, тысячу раз – нет! Ильич всегда говорил: Россия – лишь трамплин. Мы взяли власть не для того, чтобы эгоистически осчастливить русский народ. Нет, мы мечтали о всемирном государстве рабочих и крестьян – о всемирном счастье людей. И только сейчас мне стал понятен новый Красный террор Кобы. Ибо это террор. И мы *тайно* обязаны это признать. Согласно идее этого Террора, все осколки старого мира, находившиеся в руководстве, должны быть беспощадно вычищены... Во имя будущей победы. Мы мешали Кобе выполнять всемирную задачу. Мы неисправимые диспутанты. Мы без дискуссий не можем, смолчать по приказу не можем. Но у него нет времени на наши дискуссии. Ему надо спешить. Главное – успеть закончить индустриализацию. Притворяясь мирным союзником буржуазных стран, на самом деле готовить их уничтожение. Вот почему родилась у Кобы великая идея Генеральной Чистки. Во время нее должны быть арестованы не только виновные, но даже подозрительные... нет, даже потенциально подозрительные. Как же тут без меня? – Он поправился: – Без *нас* не обойтись. Множество нужно арестовать Но нам следует... радоваться этому. Арестованные дадут Кобе бесплатную, огромную числом рабочую армию, которую можно заставить трудиться по двадцать часов в сутки! Для победы наших идей! Это была мечта Троцкого. Но лишь Коба понял, как ее осуществить. Вот почему я согласился...

Он все говорил и говорил, не дожидаясь моих ответов.

– Я сознательно иду на политическое самоубийство. Более того – на моральное убийство своих близких. Представляете: когда я объявлю на весь мир, что был огромный военно-политический заговор и я готовил покушение на Ленина... отец не выдержит, он умрет! Но это даст Кобе возможность покончить с остатками оппозиции. Это необходимо. У нас не должно быть щелей и трещин в руководстве, ибо мы – накануне войны с фашизмом. Вот почему все мы... – Он с грозным восторгом почти закричал: – *Должны быть уничтожены! Страна должна стать единой!* Стать цитаделью, единым организмом, государством послушных муравьев, если хотите! Только так мы сумеем завоевать весь мир! Только так может произойти Мировая Революция. Я, слава богу, вырос из детских пеленок и понимаю, что великие планы, великие идеи и великие интересы перекрывают все. И было бы мелочным ставить вопрос о собственной персоне наряду с всемирно-историческими

задачами, лежащими прежде всего на его плечах. Революция, как учил Ильич, кровавая дама... Когда-то мы готовы были пожертвовать жизнью во имя наших идей. Коба предоставил нам возможность пожертвовать не только жизнью, но и честью! Неужто испугаемся во имя личных судеб? Но личные судьбы так мизерабельны! Наша задача – принять это, не быть жалкими обывателями!

Он замолчал, лежал, счастливо улыбаясь. Обретши большую идею, он успокоился. В мире больших идей ему привычно! Уже не жалкий человеческий страх заставлял его предавать себя. Уже не трус, а герой! Во имя идеи он жертвует честью! Идет на гибель! От восторга в глазах его были слезы!

Вечером его позвали к следователю. Вернулся посреди ночи. Я проснулся от его рыданий. Он плакал в голос. Потом опять безостановочно говорил, все продолжая убеждать себя:

– Кроме того, я ведь перед Кобой очень виноват. Я не христианин, но все равно каюсь. Больше всего меня угнетает лето двадцать восьмого года. Коба тогда сказал мне: «Знаешь, почему я с тобой дружу? Ты не способен на интригу!» А я в это время бегал к Каменеву, чтобы с ним и Григорием продолжать борьбу против Кобы. Этот факт у меня в голове как первородный грех. Боже мой, какой я был мальчишка, дурак, а теперь вот расплачиваюсь за это своей честью и жизнью.

(Бедняга не понимал, что Коба знал каждый его шаг. Потому и сказал: «Ты не способен на интригу», чтобы измучить его перед тем, как раздавить.)

– Я написал ему это, – шептал он. – Клянусь, писал и плакал... от любви к нему и от боли из-за своего предательства!

Он говорил правду. Я заметил, что в тюрьме все становятся немного детьми. Восторженными, жалкими, выпрашивающими любовь детьми с испуганными глазами. Особенно талантливые, тонкие люди – они совершеннейшие дети. У подобных натур непременно возникает жаркая любовь жертвы к палачу...

Он все говорил, говорил, будто боясь остановиться. Наконец замолчал. Наступила странная тишина. Он что-то шептал. И вдруг закричал истерически:

– Я не могу так умереть! Я хочу увидеть ее и ребенка перед концом! Я за нее боюсь... Она и отец! Как страшно им будет читать, слушать, – и добавил лихорадочно: – Надо велеть им затаиться, как бы умереть во время процесса, не читать газеты – ни в коем случае. Нет, не так! Мне нужно с нею увидеться. Это все спасет! Иначе отец и она не поймут того, что понял я... Они не поймут идеи, во имя которой... Они и вправду будут считать меня мерзавцем, человеком, замышлявшим убить Ильича... которого я любил больше жизни... Коба требует, чтоб я сказал это. Я готов! Я на все готов, чтобы он узнал, как я хочу разоружиться, искупить перед ним свои грехи...

Наконец затих.

Я заснул.

Но он разбудил меня страшным криком:

– Коба! Ты пришел! Я знал! Я ждал!

Я в ужасе проснулся и увидел над собою безумные глаза Бухарина. И услышал его новый вопль:

– Я проспал? Как я мог?! Я проспал. Спасибо, что ты поспешил ко мне! – Наконец он пришел в себя. – Простите... Вы на него очень похожи. Передайте ему, что исполню все, что

обещал. Но почему он не отвечает на мои письма? – И добавил бессвязно: – Я иногда пугаюсь. Как подумаю о ней, о ребенке... Я то храбр, то – перепуганная жалкая душонка.

Вошел охранник.

– Что за крики?

– Простите, товарищ.

Он вернулся к койке. Охранник, ворча, ушел. Лязгнул засов. Бухарин улегся, зашептал, как в лихорадке:

– А что, если сохранить мне жизнь, как часто намекает следователь, и выслать меня в Америку на сколько-то лет? Аргументы за: во-первых, провел бы кампанию, доказывая истинность процессов, и повел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции! Был бы фактически анти-Троцким! Можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста! В качестве добавочной гарантии оставить здесь мою жену и сынишку на год... пока я не покажу, как бью морду Троцкому. Но если есть хоть какое-то в этом сомнение, то послать меня хоть на двадцать пять лет на Печору или на Колыму, в лагерь, где я поставил бы университет, институты, картинную галерею, зоопарки и фотомузеи...

(Он так и не узнал, какие лагеря придумал наш друг Коба! И какие там галереи и фотомузеи! Это предстояло узнать мне.)

– При чем для газет, – продолжал он, – можно расстрелять Бухарина, а на самом деле оставить меня жить тайно... под именем Иванова. Я готовил бы ему первоклассные доклады. Стал бы его идеологическим двойником, его вторым «Я». Я ведь пишу ему письма каждый день...

– И он вам отвечает? – Я не стал скрывать насмешку.

Он зашептал с ненавистью:

– Вы не понимаете его, он боится разжалобиться. Он меня любит. Он мне как-то сказал: «Все ничтожества, а мы с тобой Гималаи». У меня его шапка. Нам всем раздали одинаковые пыжиковые шапки. Мы случайно обменялись ими. Обменялись и квартирами. Я жил в его квартире. Его дети играют с моими зверьками. Мы – вместе!

Он еще что-то шептал, но я опять заснул и опять проснулся от очередного нечеловеческого крика:

– Скажи ему, Надя! Прокричи ему: я верный его лейтенант! – Он сидел на койке, тер голову и шептал: – Боже мой. Где я? Где я?.. Я сойду с ума!

Лязгнул засов, и снова появился охранник.

– Для крикунов у нас есть карцер. В последний раз!

– Простите, товарищ.

Погрозив, охранник ушел. Обычно не грозили – делали. Но, видно, таков был приказ. Однако несчастный не мог заснуть. Разбудил меня под утро:

– Простите. Странный был сон. Даже не сон, а видение – наяву... Я ему напишу, ему будет интересно. Я видел его Надю. Покойница подошла ко мне вплотную, села на койку и говорит: «Что же это такое? Что сделали с вами, Николай Иванович? Я Иосифу скажу, чтобы он вас взял на поруки». Это было совсем реально... Вы расскажите ему, что я не придумываю... она приходила, чтобы он взял меня на поруки. Я знаю, что Надя не поверила бы, будто я против него что-то замышляю, и оттого мое подсознательное «Я» вызвало этот бред. И все-таки я уверен, что вы от него. Я заметил – вас мало допрашивают... – (Меня вообще не допрашивали. Я просто писал отчеты в кабинете Свердлова о бухаринских

монологам. Подписывался и возвращался в камеру.) – Вы все-таки его посланец? Не отвечайте, не надо. Дайте мне надеяться, скажите ему, что я весь его. Я стихи сочинил о нем. Он и вправду Гималаи... Мы должны быть счастливы, что такой непреклонный нас ведет. Мне кажется, ему не передают мои письма... Вы расскажите ему, как я с ним часами разговариваю. Если бы он видел сейчас всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если бы он видел, как я к нему привязан, как я люблю его... Но здесь нет ангела, который отвел бы меч Авраама и не дал бы умереть от меча отца его сыну Исааку! Роковые судьбы должны свершиться! Передайте ему мою самую важную просьбу. Я написал ему, но боюсь: вдруг не передают, а это вопрос жизни и смерти... Первое. Мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс, я просто не знаю, как я совладаю с собой. Я готов на коленях умолять его, чтоб этого не было! Готов забыть стыд и гордость! – Он плакал, несчастный, раздавленный человек, и шептал: – Но он вряд ли согласится. Ибо уже невозможно... Я должен выполнить задачу, я обещал ее выполнить. Но я прошу его дать мне умереть до расстрела, я заклинаю его всем, что ему дорого, заменить расстрел ядом. Я сам выпью яд в своей камере. Ведь это последние минуты. Он же знает – я не преступник. Дайте мне провести последние минуты как я хочу, сжальтесь! – Он умоляюще смотрел на меня. И вдруг сказал еле слышно: – Но еще лучше... убейте меня, когда засну!

Глаза безумные... У меня до сих пор подозрение, что ему что-то подсыпали в это самое варенье во время допросов. Все та же наша могучая лаборатория X. Потому что именно после допросов он бывал чудовищно возбужден и некоторое время обращался ко мне, как к Кобе. А потом приходил в себя...

– Скажите ему. Он знает меня хорошо, он поймет: я иногда легко смотрю в лицо смерти ясными глазами, а иногда бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так что, если мне суждена смерть, я молю Иосифа о чаше Сократа... Он знает, я любил афинянина... Дайте мне умереть, как он... И второе... нет, это первое: я должен проститься с женой и сынишкой *до суда*. Я боюсь, если я всё не объясню ей, мои домашние могут покончить с собой от неожиданности... это я уже говорил. Я как-то должен подготовить их к этому. Мне кажется, это в интересах дела. Если не выйдет свидеться, о чем я думать даже не хочу... навестите мою жену и скажите, что я до последнего вздоха любил ее. Милая моя Аннушка. Ненаглядная моя! Пусть натянет все струны души, не даст им лопнуть... Скажите, что при всех исходах суда я ее увижу *после суда*, смогу поцеловать дорогие мне руки. Так обещал мне Андрей Яковлевич... – (Свердлов). – И напомните ей о Камиле Демулене... Иногда мне кажется, что в меня переселилась его душа... Смешно, свидетелями на свадьбе Камиля и Люсиль были два его друга, два великих революционера Бриссо и Робеспьер. После революции Демулен и Робеспьер отправили на гильотину Бриссо. Потом Робеспьер отправил туда же Демулена и Люсиль, а потом поехал сам – все на ту же гильотину... Неужели все для того, чтобы пришел Наполеон? – Он остановился, спохватился и торопливо сказал: – Нет, ничего этого ей говорить не надо, иначе выйдет, что я не разоружился, как обещал! Лучше передайте ей стихи. Я сочинил для нее – подражание Данту. – И он начал читать... но заплакал. Потом успокоился, прочел до конца:

Нет тебя прелестней, друг мой милый,  
Все умчалось вдаль.  
Одинок скорблю я, сумрачный, унылый,  
На душе печаль.

Монотонны стуки дробные по крыше  
Капель хладных слез.  
Мокрый лист кленовый выше, выше  
Хмурый ветер нес.  
Голые уроды, два ствола ветвями  
Жалобно скрипят.  
Это два скелета мертвыми костями  
Трутся и гремят.  
Милая, родная! Я к тебе взываю —  
Приходи скорей!  
Моему страданью нет конца и краю,  
Сядь и пожалей.

И он протянул мне листочек со стихами.

— Передадите ей! Расскажите Кобе, что я готовлюсь душевно к уходу из земной юдоли.

Но нет во мне по отношению к нему, и к партии, и ко всему нашему великому делу ничего, кроме безграничной любви. И я его мысленно обнимаю... — И добавил вдруг с ненавистью: — Скажите, что он потерял во мне одного из способнейших своих помощников, воистину ему преданного.

Он так и не понял: Кобе не нужны были способнейшие. Ему нужны были исполнительнейшие.

На следующий вечер меня, как всегда, вызвали к Свердлову. Я написал очередной отчет. Он прочел, сказал:

— Все, что вы пишете, Бухарин излагает почти дословно в письмах к товарищу Сталину. Может, он попросту тренируется на вас перед тем, как писать?

— Он не просто пишет. Он плачет от любви к товарищу Сталину.

— По-моему, вы вслед за мной полюбили Николая Ивановича, — и Свердлов засмеялся.

# Расстрел

Когда я вернулся в камеру, Бухарина не было – его увели на допрос.

Я поспешил заснуть, пока он не налетел с очередным монологом. Но кто-то толкнул меня. Я открыл глаза...

У койки стоял выводной:

– Одевайтесь!

Потом все было как во сне. Меня вывели во двор. Там стоял тот же «черный воронок». Выехали через задние ворота на Малую Лубянку... И уже вскоре машина резко затормозила. Я понял: мы подъехали к Военной коллегии Верховного суда, она размещалась совсем рядом, на улице 25 Октября (бывшей Никольской, как ее по-прежнему называли старые москвичи).

Это значило: привезли на приговор. Как правило, здесь давали «вышку». Машина развернулась и поехала задом. Когда меня вывели, я увидел, что она въехала в подворотню и всю ее закрыла кузовом. Так берегли привезенных от посторонних глаз...

Вся процедура заняла минут десять. Поднялись на второй этаж, вошли в небольшую залу. Здесь за столом сидел хорошо знакомый мне старый партиец, армвоенюрист товарищ Ульрих, рядом с ним – двое незнакомых. Я поздоровался с Ульрихом, он вежливо ответил. После чего поднялся и устало прочитал постановление: «К расстрелу». И вежливо попрощался.

Конвойный свел меня по лестнице в подвал. Это было небольшое помещение. В углу на полу лежали несколько человек, точнее, несколько расстрелянных. Видно, убирать не спешили. Труп с торчащей вверх седой бородкой, лежавший ко мне ближе, очень напоминал моего хорошего знакомого Пятницкого из Коминтерна...

У всех с одной ноги была снята обувь, к ноге привязана бирка. Только теперь я понял, что у конвойного в руке – та же бирка... Для меня. На ней был, вероятно, написан мой номер. Конвойный велел встать лицом к стене. Наступила последняя минута моей жизни...

Я пытался вспомнить, увидеть что-то отрадное... лицо дочери... Но не смог! Не смог!

Видел только ноги с бирками... И в этот последний миг моей жизни меня тихонечко тронули за плечо.

Я обернулся... и решил, что сошел с ума. В свете тусклой лампочки передо мной стоял... Ежов!

Он улыбался.

– Произошла ошибка, которую нам удалось исправить благодаря неусыпному вниманию товарища Сталина к нашей работе...

Ежов торжественно прочел вслух постановление о прекращении моего дела и горячо пожал мне руку.

Он сам отвез меня домой. По дороге рассказал со смехом:

– Не слышали, что Ягода выкинул? Сошел с ума! Ходит по камере, причитает: «Бог все-таки есть. Бог есть» – и бьется головой о стену.

Меня привезли домой. Жена бросилась мне на шею. Ее руки и руки дочери обнимали меня. Мои щеки вмиг стали мокрыми – они обе плакали. Я, к сожалению, так и не научился плакать.

Мы вместе выпили чаю, уложили спать Сулико...

Всю ночь жена рассказывала мне свою историю, испуганно глядя на мой шамкающий рот с выбитыми зубами. Хотя со мной, что называется, всего лишь пошутили, после этих шуток я вышел седым, беззубым, похожим на тень. Я похудел на пятнадцать килограммов.

Как я и ожидал, тотчас после моего ареста забрали бедную жену. Ее отправили в Саратовскую пересылку, Сулико отвезли в детский дом. Жена рассказала мне про быт своей тюрьмы. Заключенные не помещались на нарах и лежали даже под нарами. Ее и еще нескольких женщин держали в коридоре... Находиться в коридоре считалось большой привилегией, ибо там окна не оборудованы намордниками и можно смотреть на улицу. Но лежать на полу было смертельно холодно. Первое время они спали вповалку, согревая друг друга, потом запретили и это. В пересылке были жены вчерашних владык – Белы Куна, Ягоды. (Последняя – двоюродная сестра моего следователя Свердлова. Там же была ее мать – родная сестра товарища Свердлова, памятники которому стояли по всей стране. Потом их увели, говорили, что расстреляли...) Старуха Свердлова получала письма от внука, которого отдали в детский дом, и читала их вслух. Жена запомнила одинаковое начало всех писем: «Дорогая бабушка, милая бабушка, опять я не умер и вот пишу к тебе...» Жена слушала эти строчки и с ужасом представляла, что переживает наша дочь, которую отдали в такой же детский дом...

Но ужас продолжался недолго. Уже вскоре ее отвезли обратно в Москву. Экскурсия в ад счастливо закончилась. Сказали, что произошла ошибка. В квартире ее ждала наша Сулико, успевшая переболеть в детском доме всеми детскими болезнями.

С этих пор им регулярно выдавали мою зарплату, на нее они жили. Так что не только Фудзи вспоминал о Кобе, но и Коба помнил о своем друге Фудзи.

Итак, я был на свободе. Я не очень понимал, где теперь работаю. И решил позвонить другу Кобе. Меня с ним не соединили. Но Поскребышев сказал обычным, насмешливо бесстрастным голосом, что товарищ Сталин меня непременно примет. Однако произойдет это не сразу, товарищ Сталин очень занят. Что касается работы – пока я должен сидеть дома. Зарплату (прежнюю) мне будет приносить на дом почтальон.

Так я вновь оказался без дела. Я пошел в библиотеку и внимательно просмотрел газеты, вышедшие в мое отсутствие. Точнее, одну газету – «Правду». В ней главные статьи редактировал сам Коба. Остальные центральные издания (их было несколько) должны были повторять ее материалы, пересказывая их своими словами. «Правда» по-прежнему славилась железного наркома Ежова. Его наградили орденом Ленина – за «исключительные заслуги в деле уничтожения троцкистско-зиновьевских бандитов».

Пока мои коллеги чекисты выбивали мне зубы, страна торжественно отпраздновала двадцатилетие родных органов – ЧК-ОГПУ-НКВД, – отцы-основатели которых один за другим исчезали в этом юбилейном году в бездонной могиле Донского монастыря.

Но как же я изумился, читая отчет об этом праздновании! Происходило оно в Большом

театре. Присутствовало все нынешнее Политбюро, *кроме... Кобы! Он не приехал на чествование своих любимых «чекистов», своего любимого наркома!*

Всю официальную часть вечера привычно величали карлика. «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина...» – произнес в официальном докладе Микоян. Думаю, очень испуганный Микоян. Ибо он наверняка понимал: Коба мог не приехать только в одном случае: если начал отстраняться от ежовских дел.

Коба появился лишь после официальной части, во время праздничного концерта.

Неужели «мавр сделал свое дело»?

# Великолепный финал триллера

В начале марта тридцать восьмого года в течение десяти дней проходил процесс по делу «право-троцкистского блока»... Перед судом предстали Бухарин, Рыков и их «соратники» по заговору – Ягода (!), ленинские сподвижники Крестинский, Раковский, руководители узбекской и туркменской компартий, главы Народного комиссариата финансов, кооперации, земледелия, медицинские светила...

Этот процесс был финалом пьесы – и концом ленинской партии.

Наверное, все эти вчерашние соратники Ильича думали о том же, о чем думал я: доживи Ленин до этих дней – сидел бы на процессе рядом с ними!

Надо прямо сказать: финал, сочиненный моим другом, был не только захватывающим, но и охватывающим.

Как и положено, в заключение писатель Коба решил объединить все нити сюжета. Оказывается, «левые» – Троцкий, Зиновьев, Каменев и «правые» – Бухарин, Рыков и т. д. лишь делали вид, что боролись друг с другом. Они всегда были заодно. И действовали совместно. По заданию многочисленных западных разведок занимались диверсиями, террором, убийствами, готовили нападение на страну, расчленение нашей великой державы...

Коба был щедр на ужасы. Выяснилось, что Бухарин являлся давним заклятым врагом нашей любимой родины. Уже в восемнадцатом году он собирался убить Ленина и Сталина и захватить власть. Впоследствии вместе с Зиновьевым, Каменевым, Троцким составил невиданный по мощи заговор. Для этого зиновьевско-троцкистско-бухаринские агенты проникли в руководство НКВД. Их ставленником был сам глава НКВД Ягода. Он и его подручные все эти годы прикрывали заговорщиков. Вот причина, по которой так долго не могли их раскрыть. Гигантский военно-политический заговор, как Левиафан, обвил всю верхушку страны. Заодно с партийными функционерами, работниками НКВД, в нем участвовали знаменитые герои Гражданской войны. Коба ввел в сюжет и любимый элемент детективной литературы – яды. Для этого он легко пожертвовал лучшими врачами Кремлевской больницы (тогда он был здоров и в них не нуждался). Как и положено при сочинительстве, Коба использовал реальность, и в повествовании упоминалась даже секретная лаборатория X. Кремлевские врачи признались, что по заданию оппозиционеров отравили изготовленными ею ядами руководителей государства и великого пролетарского писателя Горького.

Как и положено, в финале процесс ответил на все недоуменные вопросы страны. Почему так много аварий в промышленности? Не потому, что люди работали на допотопном, изношенном оборудовании. Виноваты вредители. Пятаков – один из главных руководителей промышленности и его многочисленные подручные в руководстве наркомата получали от самого Троцкого секретные инструкции вредить. Почему случился страшный голод и бессудные расстрелы в коллективизацию? Здесь по заданию Бухарина тоже поработали вредители. Нарком земледелия Чернов прославился террором в деревне в тот период. Не беда, что все в нашей партии знали: Чернов и Бухарин ненавидели друг друга и боролись друг с другом. Коба научился переделывать прошлое. И вот уже сам Чернов рассказывает на процессе, как, будучи тайным сподвижником Бухарина, вредил по его заданию. Надо было объяснить народу, почему в стране побеждающего социализма так плохо с самым насущным.

Отчего периодически исчезают хлеб, масло, сахар... И вот уже глава Центросоюза Зеленский подробно описывает, как умело создавал продуктовый дефицит и очереди в магазинах... по заданию Бухарина – Троцкого!

Все процессы начались с убийства Кирова. Все это время рядовые партийцы не переставали шептаться (это при царе можно было говорить вслух, а у нас – только шептаться). Недоумевали, болезные: почему так подозрительно странно погиб хозяин Ленинграда? И вот теперь все разъяснилось. Оказывается, убийство организовали Ягода и его ставленники в НКВД! Опять же по заданию Зиновьева – Троцкого – Бухарина! Вот о каких безднах человеческого падения узнала страна. Блистательное завершение долгого повествования!

Процесс, подобно предыдущим, прошел как по маслу. Я читал о нем в газетных отчетах. Мой несчастный сокамерник и все участники, знаменитые старые большевики, с подробностями рассказывали, как они губили Страну Советов. Ягода во время процесса встал на колени и заплакал. Просил сурово покарать его.

Только Крестинский отказался от показаний, данных на следствии. Но уже на следующий день объявил, что это произошло от стыда... Нелегко, дескать, отвечать публично за свои страшные деяния. Думаю, и эту детальку сочинил мой взыскательный друг, автор триллера. Больно уж недоумевали на Западе, читая о покорных признаниях обвиняемых...

12 марта процесс подошел к концу. В своей заключительной речи «любимец партии» признал свое участие во всех этих ужасах, правда, как бы между прочим сказал, что «признание обвиняемого есть средневековый юридический принцип доказательства вины».

13 марта Бухарина, Рыкова, Ягodu и почти всех остальных участников процесса приговорили к расстрелу.

15 марта приговор привели в исполнение...

Коба, знавший о мечтах и страхах Бухарина, был беспощаден до конца. Бедному Бухарчику не позволили проститься с женой. И его расстреливали последним. Коба дал ему время много раз пережить смерть...

Я представил, как его свели в расстрельный подвал. Как он увидел валявшихся в углу, с бирками на ногах. И что испытал этот несчастный.

# «Земля обетованная» Кобы

Коба неумолимо трудился, уничтожая прошлое.

Расстреляли эсеров. «Краса и гордость русской Революции» – бесстрашная террористка Мария Спиридонова, и непримиримый борец с эсерами, ее враг – шеф жандармов Джунковский, и министр юстиции Временного правительства Малянтович, укрывавший у себя большевика Антонова-Овсеенко, и сам большевик Антонов-Овсеенко, объявивший низложенным Временное правительство, и царские генералы, признавшие советскую власть, и царские генералы, ее не признавшие, и боровшиеся с этими генералами знаменитые герои Гражданской войны, – все отправились в особые тюрьмы НКВД, в этот ноев ковчег, где было «каждой твари по паре». И все они были расстреляны.

Добили прежнюю кремлевскую верхушку – членов Политбюро Рудзутака, Косиора, Постышева. Шла прополка моего ведомства. Получил свою пулю и великий выдумщик головоломных операций чекистов – Артузов...

Артузов, Москвин-Трилиссер, Агранов, Мессинг – расстрелянные отцы нашей спецслужбы. Все они были моими руководителями в разные годы. Жаль, что я так и не успел написать о них подробнее. Нынешний мой рассказ об их убийце – о моем великом друге.

Уничтожение велось тотальное. Пока я сидел, железный нарком Ежов (читай – Коба) выпустил приказ № 00447. Я прочел его, уже вернувшись на Лубянку. Оказалось, с 5 августа 1937 года все начальники провинциальных управлений НКВД проводили фантастическую по размаху операцию.

Были арестованы *все* антисоветские и социально опасные элементы. Сюда вошли еще не арестованные или арестованные прежде и выпущенные на свободу аристократы, царские чиновники, кулаки, эмигранты, вернувшиеся в СССР, церковники, сектанты. Их бессудно судили «тройки» – местный руководитель НКВД, местный партийный руководитель, местный глава советской власти или прокурор.

«Тройки» имели право выносить смертный приговор, не считаясь с нормами судопроизводства. Подсудимый при решении своей судьбы не присутствовал. Суды «троек» занимали все те же десять минут: расстрел – первая категория или от восьми до десяти лет – вторая.

Мечта безумного Ткачева окончательно стала явью...

Осужденные по второй категории (всего лишь (!) восемь-десять лет) отправлялись в лагерь. Небывалая в истории армия новых рабов поступила в это время в распоряжение ГУЛАГа.

Прошел месяц после моего освобождения, когда занятый истреблением прошлой жизни Коба наконец-то вспомнил обо мне...

Я вновь шел по второму этажу Кремля, по красной ковровой дорожке, к его кабинету.

В приемной, как и раньше, трудились три неприметных человека. За центральным столом – начальник Секретариата Кобы Поскребышев – в зеленом кителе, с яйцевидной лысой головой. У него по-прежнему тихий бесстрастный голос. И две интонации – равнодушно-насмешливая или бесцветно-сухая:

– Товарищ Сталин вас ждет.

Вошел в знакомый кабинет. Коба сидел за столом, на котором, как всегда, были аккуратно сложены бумаги. Привычным кивком показал мне на придвинутый к его столу длинный стол, покрытый зеленым сукном.

Я сел. Он напротив. Трубка в согнутой левой руке. Чиркнул спичкой, закурил.

Спросил весело:

– Говорят, сильно шпионил в пользу Японии?

Я промолчал.

– Хочешь поехать отдохнуть после ежовского санатория? – и, вздохнув, прибавил: – Ошиблись мы в твоём (!) Ежове. Надо тщательно проверить этого господина. Думаю, товарищ Берия сумеет это сделать... Ты ведь знаком с Лаврентием? Он скоро будет в Москве...

(Значит, карлику конец!)

– О подлеце... – (Бухарине) – расскажешь подробнее. Мы ведь тебя в командировку к нему послали. Жаль, конечно, что зубы выбили. Переусердствовали – строгая организация... А может, чтоб выглядел правдоподобнее. – Он прыснул в усы.

– Он очень боялся смерти и очень был предан тебе, Коба. – И я начал рассказывать.

Он прервал брезгливо:

– Это все он мне написал, и эту ложь я уже читал. Запомни правду: он убил Надю, оставил меня вдовцом, а моих детей – сиротами. И почему-то думал, что это ему сойдет. Я его в свою квартиру поселил. Думал, раскается, а он... спокойно ебался там со своей молодой жопой. В Париже тотчас побежал к меньшевикам – говорить про меня гадости. Причем такие, что даже ты испугался мне передать. Он же типичная баба. И как все бабы – проститутка. Сегодня со мной, завтра с Зиновьевым, Каменевым или Даном. Выпусти его из тюрьмы – и все повторится. Товарищ Сталин прав? – Он яростно поглядел на меня.

И я ответил:

– Ты прав, Коба.

Но он понял, о чем я думал. И сказал:

– Надо было подержать тебя *там* парочку годков, чтоб до конца осознал, как нужно ценить жизнь на воле...

Я шел по Тверской (теперь она называлась улицей Горького). На меня смотрели все те же огромные плакаты, где гигант Ежов душил многоголовую гидру. А сам он уже был обречен.

Первые дни после освобождения я очень мучился, стоит ли идти к бухаринской жене. Но вскоре узнал, что мучился зря – идти было не к кому. Все жертвы бедного Бухарчика были напрасны, ее арестовали следом за ним. Он, несчастный, все посылал ей письма, которые оставлял у себя следователь Андрей Свердлов, окруженный собственными убиенными родственниками.

В нашем подъезде Дома на набережной было, если не ошибаюсь, тридцать две квартиры, и на дверях двадцати девяти уже красовались печати – хозяев арестовали.

Вернувшись, я поначалу просыпался каждую ночь, пугая криком жену. Снилось, что за мной пришли.

В сентябре Коба позвал меня на дачу. Он сидел на солнечной веранде. Был веселый, счастливый. Как всегда, начал говорить, будто мы только что прервали беседу. (Будучи

церемонным с незнакомыми, он не церемонился с близкими и соратниками. «Обойдетесь без мерехлюндий», – так он любил говорить.)

– Мы тут решили передать гостиницу «Националь» в ведение вашего НКВД. – («Националь» был самой шикарной гостиницей в Москве с окнами на Кремль.) – Так будет удобнее следить за засранцами. А тебе – вербовать...

«Иностранцы – засранцы» – эту шутку он придумал тогда. Теперь коридорные, обслуга становились нашими сотрудниками, что, конечно, облегчало работу.

На столе я увидел только что вышедшую книгу – стенограммы последнего процесса над Бухариным и прочими. Коба заметил мой взгляд.

– «Он тебя любит», – передразнил он меня. – А подлец и здесь оказался двурушником. Мне писал в письмах, что разоружился, а на процессе начал юлить, пытался намекать, что все его признания ничего не стоят. Хотел обмануть нас!

– Что ты, Коба, я читал отчеты в газетах...

– Я же сказал: он хотел... Хотеть-то хотел, да кто ж ему даст. – Он хлопнул рукой по книжке.

Как же я мог не понять?! Все отчеты в газетах, все стенограммы процесса тоже редактировал мой неутомимый трудолюбивый друг Коба!

Он походил по комнате и вдруг сказал:

– Прошло двадцать лет после Революции – только двадцать лет. Когда мы начинали, земля обетованная социализма казалась такой близкой. Через пару лет она показалась нам недостижимой. Ведь так? Но вот сейчас достигли этой земли, осуществили все мечтания Ильича: в экономике навсегда уничтожен частный сектор, а это значит – навсегда покончили с капитализмом, коллективизирована деревня. Жалкую аграрную страну швырнули в индустриализацию. За смешной срок построили каналы, современные заводы, шахты, фабрики. В наших руках – беспрецедентные производительные силы. У нас мощная армия, молодая, единая – кто в этой армии посмеет нынче даже подумать о мятеже? Во главе государства стоит партия. Кто в этой новой, очищенной партии посмеет подумать об оппозиции? Кто в нашей стране посмеет усомниться в господстве этой партии? Небывалое единство нашего общества создано. Вот вам ответ на вопрос: зачем были жертвы. Вам, не понимающим Кобу! – Он весело погрозил коротким толстым пальцем, добавил: – Завтра возвращайся на Лубянку. Все, как прежде. Ты подчинен мне напрямую. Берия об этом знает.

Я ехал домой и думал: «Да, он создал новую страну. И он единственный властелин в этой стране. Но я принадлежал к той, старой, уничтоженной им жизни и партии. Зачем же он выпустил меня из тюрьмы? И на сколько? Что он еще придумал?»

# Гитлер разрушает Европу

Отныне у меня было два кабинета – на Лубянке и в наркомате иностранных дел. Официально я числился в наркомате и там теперь в основном и работал. Ходить по коридорам Лубянки было неприятно, я слишком хорошо помнил, как меня водили на допросы.

В это время Гитлер начал осуществлять обещанное в «Майн Кампф».

Захвачена демилитаризованная Рейнская область! Гитлеровские генералы в страхе ждали военного ответа, но Европа стерпела! Захвачена Австрия! И опять Европа проглотила. Из европейского порядка, определенного Версальским договором, Гитлер начал вынимать краеугольные камни.

Следующим выбитым камнем стали Судеты. (Они были переданы Чехословакии по Версальскому миру. В этом красивейшем горном районе проживало в большинстве своем немецкое население.) Гитлер помнил фразу Бисмарка: «Кто владеет Судетами, владеет Центральной Европой». И уже вскоре его агенты подготовили мощные демонстрации немцев, проживавших в Судетах. Гитлер инсценировал вспышки насилия, в геббельсовской прессе печатались истеричные материалы о зверствах чехов над поработоченными немцами, немецкая партия в Судетах организовывала стычки с чешской полицией... Все закончилось восстанием судетских немцев и его разгромом чехами. Гитлер немедленно выступил защитником угнетенного меньшинства. Он предъявил ультиматум «угнетателям-чехам»: Судеты с немецким населением должны вернуться в лоно рейха!

Войска Гитлера с мая начали концентрироваться на границах Чехословакии. Он объявил, что Рейх аннексирует Судеты, чтобы спасти угнетенных судетских немцев от зверств чехов.

«Я окончательно решил при помощи военной акции уничтожить Чехословакию», – заявил Гитлер.

Это казалось наглым безумием – территориальная целостность Чехословакии была гарантирована множеством международных договоров, в том числе бессрочным договором с Францией, договором с нами и т. д.

Однако Гитлер не блефовал. Он жаждал войны, этот безумец верил: если англичане и французы поддержат чехов и начнут военные действия, его армия сможет победить. Но генералы фюрера в ужасе сверкали моноклями, выслушивая его речи. И действительно, Гитлер мог выставить всего 1,8 миллиона солдат, чехи – немногим меньше. И если бы к чехам присоединилась одна Франция или мы, не говоря уже об Англии, немцам пришлось бы уносить ноги.

Чешская армия давно готовилась к обороне и была в отличной форме. На горной территории Судет размещалась широко разветвленная система чешских укреплений, считавшихся неприступнейшими в Европе. Недаром Гитлер впоследствии, осматривая эти укрепления, пришел в ужас: «Мы подвергали себя большой опасности. Только теперь я понял, почему мои генералы меня удерживали».

Генералы не только удерживали Гитлера. Как сообщили мои агенты в Лондоне, немецкие генералы Бек и Гальднер – самые талантливые в вермахте – тайно отправили в Лондон своего представителя. Он сообщил английскому премьеру Чемберлену, что если Англия и Франция начнут военные действия против фюрера, они немедленно арестуют

Гитлера. С этим представителем встретился глава оппозиции Черчилль и заверил его, что Англия не допустит надругательства над чехами и готова вступить в войну.

Но каково же было мое изумление, когда я получил от информаторов шифровку: в Лондоне после долгих обсуждений в кабинете министров Чемберлен решил не ввязываться в конфликт с Гитлером. В Англии слишком свежи раны прошедшей войны. Как сказал кто-то из правительства: «Мы не можем умирать за города, названия которых невозможно произнести. Умирать за город Брно! Ужас!»

...Чемберлен решил заплатить Гитлеру Судетами за европейский мир. Англия уже начала по этому поводу секретные переговоры с Францией. Европейские демократии жертвовали демократией в самом центре Европы.

– Мы должны выиграть этот мир, – сказал на заседании кабинета Чемберлен.

Он думал тогда сберечь английскую кровь, чтобы... щедро пролить ее уже через пару лет.

Я узнал обо всем этом из надежнейших источников. В Англии на нас тогда работали величайшие агенты двадцатого столетия.

В истории их будут именовать «кембриджской пятеркой». О них напишут исследования, они станут одной из легенд века...

Их вербовка была триумфом Маркса – Ленина, «пятерку» завербовали не деньги, а идеи. Досье на «кембриджцев» я получил впервые от своего агента Арнольда Д-ча в тридцатых годах. Именно тогда он появился в Коминтерне. Это был молодой словак, сын бедного учителя. Как и все мы тогда, Арнольд свято верил в коммунистическую идею. Был общителен, знал в совершенстве несколько языков и с восторгом принял предложение стать кадровым агентом Коминтерна. В начале тридцатых мы поселили его в Англии. По нашему предложению он поступил в Кембридж и успешно вошел в студенческую среду. Почему был выбран Кембридж? Трудно сейчас представить, но в этом храме английской науки функционировала мощная и совершенно открытая коммунистическая организация. Да, наш *новый мир* казался этим молодым и дерзким парням миром, способным указать стареющей Европе выход из пошлой обыденности сытой жизни.

Арнольд Д-ч стал там своим человеком и вскоре сообщил в Центр, что среди леваков Кембриджа есть три очень перспективных студента. Так я впервые услышал имена, известные ныне всему миру: Ким Филби, Гай Берджесс и Дональд Маклин. Потом к ним добавились еще двое столь же блестящих...

Действовали мы с ними осторожно. Сначала Арнольд разработал двоих – Филби и Маклина. Берджесса тронуть не решился. Слишком ярким и оттого опасным он показался Центру. Он был открытым геем и хвастался своей сексуальной ориентацией. Коба относился к гомосексуалистам брезгливо. Но досье Берджесса обещало многое. Я захотел проверить его на месте. Вылетел в Лондон.

Как приятно вспоминать первую половину тридцатых! Как легко было работать с молодежью в европейских столицах *до процессов тридцать седьмого года*. Нас тогда любили, нам верили.

В Кембридже царил особый дух. Молодые англичане обожают эпатировать. Все эти наследники Оскара Уайльда (в Кембридже было множество геев) радостно дразнили отцов-аристократов своей радикальностью в политике (коммунисты!) и в жизни (гомосексуалисты!). Помню, как я познакомился с Берджессом. Он являлся членом клуба «Апостолов» – знаменитого, очень закрытого кембриджского клуба интеллектуалов, в основном, геев. Меня представил ему на заседании этого клуба Арнольд Д-ч.

Берджесс отнесся ко мне равнодушно, русский князь Д. был неинтересен английскому леваку.

В тот вечер Берджесс выступал. Он был великолепен. С быстрыми мальчишескими движениями, прекрасно сложенный – этакий английский красавец-сердцеед. Гомосексуализм в Англии был тогда вне закона, но он открыто говорил о своих пристрастиях. Он ими бравировал под аплодисменты зала. Потом перешел к политике. Речь его оказалась пророческой. Он предсказывал быстрый закат Британской империи, зло издевался над буржуазной культурой. Короче, это был интеллектуал самой высокой пробы. Но главное, парень обладал столь нужным разведчику дарованием – умел очаровывать.

Я подробно изучил его жизнь. Несмотря на беспорядочные связи и постоянное пристрастие к бутылке знаменитого рейнского вина «Молоко богородицы», он отменно

учился. В отличие от нашего руководства, я сразу оценил важность «Гоминтерна» – так мы называли коммунистов-гомосексуалистов из Кембриджа. Я увидел в них ценнейший резерв для вербовки. Привыкшие конспирироваться, гонимые обществом, они ненавидели это общество. Власть Берджесса в «Гоминтерне» была непререкаема, ибо имела в своем основании ум и секс. Круг его любовных знакомств был широк. Как я выяснил, он переспал с большинством своих друзей и с несколькими влиятельными молодыми политиками из палаты общин. Берджесс был главным Казановой среди геев. И хотя, как положено Казанове, его связи были непродолжительными, он обладал другой важной для нас способностью – навсегда сохранять привязанность своих партнеров. Даже после прекращения интимных отношений он продолжал заботиться о них – поставлял им любовников, а они – ему. Короче, это был спаянный круг.

Вот так Берджесс и вся троица явились великолепной основой мощной агентурной сети. Сейчас известны имена только пятерки из Кембриджа. Но они – вершина айсберга. Многие герои ушли в могилу безымянными, и я их, конечно же, не называю.

Уезжая из Лондона, я поручил Арнольду Д-чу уговорить Берджесса посетить СССР.

В тридцать четвертом году он впервые появился у нас. Я сумел хорошо подготовить его приезд. Ему показали то, что он так жаждал увидеть, – государство, свободное от рыночного дьявола, живущее идеями. Он встретил здесь энтузиазм и наивность масс, гордую нищету – все, что так нравится воспитанным в роскоши снобам. Приехавший из страны индивидуалистов, он с восторгом принял Коминтерн, этот коммунистический Вавилон единомышленников. Но особенно его пленили открытость и гостеприимство простых людей. Эти простые люди, бесстрашно заговаривавшие с ним на улицах, естественно, были нашими сотрудниками. Короче, он пребывал в восхищении, и настало время познакомиться с ним поближе.

Берджесса пригласили в Коминтерн. Его торжественно принял Иосиф Пятницкий, руководитель отдела международных сношений (на самом деле, как я уже писал, глава всей заграничной партийной агентуры). Пятницкий рассказал Берджессу о десятках тысяч агентов, рабочих и интеллектуалов, которые готовят мировую Революцию по всей Европе.

В этот момент вошел я (шаг рискованный, недопустимый, но впоследствии он себя оправдал).

Берджесс был потрясен. Я поведал ему свою историю – историю грузинского аристократа князя Д., перешедшего на сторону советской власти. Я сообщил ему о сотнях «передовых аристократов», ставших по всему миру советскими агентами. В тот вечер мы много выпили любимого Берджессом рейнского вина, и я спросил: могу ли надеяться иногда на его помощь? Счастливый интеллектуал произнес монолог, который мог украсить нашу главную газету «Правда»:

– Я давно чувствовал, что мои идеалы и убеждения – на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества. Олицетворением этих идей являетесь вы – Советский Союз. Вы лаборатория будущего. Вы строите первое справедливое общество в истории цивилизации...

Когда он закончил, я обнял его:

– Спасибо за великолепную речь! Но ее никто никогда не услышит. Потому что вам, как и мне, придется забыть с сегодняшнего дня о своих убеждениях ради пользы, которую вы сможете принести новому миру. – И объяснил: – У вас, как и у меня, будет особая двойная

жизнь. Вы становитесь офицером нашей великой невидимой армии. Мы создаем ее, чтобы взорвать этот сытый, столь бездарно сотворенный мир...

Ради пользы этой невидимой армии мы разработали ему новый имидж.

Вернувшись в Лондон, Берджесс произвел сенсацию среди друзей. Он перестал говорить о своих коммунистических взглядах, начал усердно материть нашу страну. Вскоре стало известно: Берджесс – фашист! В Англии у Гитлера тогда было немало поклонников. Сам седовласый Ллойд Джордж ездил к нему. И вождь английских либералов не заметил ни отправленных в тюрьмы социал-демократов и коммунистов, ни звериного антисемитизма, но увидел, как он сам сказал, «великого человека по имени Адольф Гитлер, который объединил немецкий народ и ведет его к возрождению»... Так что Берджесс вслед за знаменитым англичанином стал «прогерманцем». Вступил в Англо-германское товарищество, посещал прогермански настроенных аристократов... Он несколько раз выезжал в нацистскую Германию, был своим человеком в немецком посольстве. И уже через месяц мы получили от него первую ценную информацию.

Пора было «закрепить» Берджесса. По моему поручению Арнольд Д-ч встретился с ним, поблагодарил за сведения и официально предложил работать на НКВД. Берджесс, конечно же, без колебаний ответил, что «это для него большая честь и он готов пожертвовать всем ради дела». После детального обсуждения мер безопасности и условий связи у него появился агентурный псевдоним. Тогда он и узнал, что его весьма близкие друзья Филби и Маклин – уже наши агенты.

В это время по заданию Центра Берджесс постепенно оставил свои пронацистские убеждения, ибо слухи о немецких зверствах переменяли настроение в английском обществе. Теперь он стал молодым английским патриотом. Блестящий выпускник Кембриджа начал работать в Министерстве иностранных дел...

Повторюсь (в который раз): какое идиллическое было время! В обеденный перерыв многие джентльмены из министерств любили поесть на свежем воздухе. В их портфелях лежали сэндвичи и пиво, они съедали все это в близлежащем парке. И никому в секретнейшем учреждении в голову прийти не могло, что вместе с сэндвичами молодой сотрудник выносил в портфеле важнейшие документы Министерства иностранных дел.

Как правило, Берджесс встречался со мной (если я был в Лондоне) или с Арнольдом Д-чем. Происходили свидания в Кенсингтонском парке. И, сидя на скамеечке и попивая пиво, он преспокойно передавал нам бумаги. После чего их относили на нелегальную квартиру. Он уходил в ближайший паб или дожидался в парке. Пересняв документы, их возвращали ему, а он – в Министерство иностранных дел.

Как я уже рассказывал, несчастный Пятницкий был арестован и расстрелян в тридцать восьмом году. Затем отозвали в Москву Арнольда Д-ча, который также вскоре исчез. Потом посадили меня. Пока я сидел, с кембриджцами работали новые люди.

И вот сейчас от кембриджцев поступили сведения о начале переговоров Чемберлена с Гитлером. Были получены шифровки и от Старшины (нашего агента, главы подпольной сети «Красная Капелла» Харро Бойзена). Оба источника подтвердили сообщение из Лондона: Чемберлен решил отдать Гитлеру Судеты!

# Загадочное предсказание Кобы

Уже на следующее утро агент Корсиканец (Арвид Харнак, экономист из министерства хозяйства Германии) сообщил мне, что Чемберлен вместе со своим знаменитым зонтиком прилетел в Мюнхен. Кстати, зонт ему тогда очень понадобился – в Баварии всю неделю шли проливные дожди.

С аэродрома специальный поезд повез его на виллу Гитлера в Баварских Альпах.

Спектакль был продуман. «По дороге Чемберлену продемонстрировали, – писал Корсиканец, – бесконечные составы с военным снаряжением и солдатами, направлявшиеся к границе. Сейчас в Альпах пасмурно, горы затянуты облаками и постоянные грозы. И вид пушек, движущихся под грозовым небом, особенно впечатляет. Чемберлену показали грозное лицо бога Марса». Корсиканец писал стихи, и сообщения его порой отличались излишней образностью, но, к счастью, и точностью.

Чемберлена привезли на виллу Гитлера. Автомобиль остановился у подножия величественной лестницы, которая вела к дому. Чемберлен плохо видел, и когда к его автомобилю поспешил человек со смешными усиками в коричневой рубашке, он решил, что это слуга. И ждал, когда тот откроет дверь «Мерседеса».

Все перипетии дальнейшего позорного предательства, когда Англия и Франция вместе с Гитлером и Муссолини выкручивали руки несчастной Чехословакии, подробно доносили наши агенты в Берлине, Лондоне и Париже.

Здравомыслящие европейские политики предпочли поверить, что добрый Гитлер мечтает лишь объединить всех немцев в отеческом рейхе. Они будто не слышали, как в дни захвата Австрии немецкие штурмовики распевали на улицах Вены: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра – весь мир!»

...Помню, как во время этого кризиса меня вызвали к Кобе.

Коба мерил шагами кабинет. Сказал:

– Чехи прислали запрос о нашей позиции в случае, если они начнут военные действия против Гитлера. Как видишь, война, о которой я часто говорил, – не моя выдумка, как считал ты и расстрелянные говнюки.

– Я никогда не считал так, Коба.

Он только махнул рукой.

– Неискренний ты человек, Фудзи. Как и все вы. Мы написали чехам, что готовы выполнить свои союзнические обязательства и прийти им на помощь. Наркомат обороны уже отдал приказ о приведении в боевую готовность войск Белорусского и Калининского военных округов и о сосредоточении бомбардировочной авиации.

– Но, Коба... воевать с Гитлером в одиночку?

Он посмотрел на меня с усмешкой.

– Прийти на помощь чехам мы сможем, только если Польша и Румыния разрешат пройти нашим войскам. Они, как ты догадываешься, позволят пройти через их территории скорее черту, чем товарищу Сталину. Более того, как нам сообщает разведка, Польша сама хочет отхватить кусок несчастной Чехословакии и ведет тайные переговоры с Гитлером. Сейчас нужны тонкие дипломатические игры. Весь мир должен узнать, что мы одни остались верны Уставу Лиги Наций. Но благодаря этому сукиному сыну... – (о Ежове!) – у

нас мало за границей умных людей. – И добавил горестно: – Большую часть наркомата иностранных дел погубил, негодяй... То же – с разведкой. – Он махнул рукой. – Короче, оживи свои кадры. Я ведь знаю, ты многих прикрыл от мерзавца...

Мы пили чай, когда вошла его дочка. Она была в прелестном платье, очень выросла и похорошела.

– Какую книжку сегодня обязан читать тебе твой секретаришка? – спросил Коба как-то заискивающе.

Она хмуро на него посмотрела и ничего не ответила.

Коба продолжал, стараясь быть веселым:

– Секретаришка будет очень благодарен Хозяйке, если она даст ему сегодня выходной.

Она мрачно ответила:

– Тебе не надоело, папа, играть в эту глупую игру? Мне, честно, давно надоело. Не хочешь читать – не читай. Мне это вообще не нужно!

– А что тебе нужно?

– Я хочу в лагерь на лето с другими девочками. Я хочу...

– Иди спать и позови няню, – резко прервал он ее.

Она повернулась и пошла, почти побежала.

– Ты видел ее? Кто ее так одевает? Платье обтягивает грудь! И кто купил ей это платье?... с короткими рукавчиками... У нее голые руки! А ноги в короткой юбочке – тоже голые! В одних носочках! Она вся полуголая! От нее пахнет бабой, Фудзи!

– Ей двенадцатый год. В ее возрасте у нас выходят замуж...

– Да! Да! – сказал он в отчаянии. – Одна мысль, что кто-то будет... – Почти крикнул: – Ненавижу! И не знаю, что делать!

Вошла старуха нянечка. Он заорал на нее:

– Почему она ходит с оголенными руками, почему у нее не прикрыты ноги? Кто следит за ее одеждой, откуда такое платье? Она у вас на шлюху похожа!

Нянечка перекрестилась:

– Да что ж вы говорите такое, Иосиф Виссарионович?

Уже к ужину Светлане надели шаровары под юбку и купили платье с длинным рукавом. Она билась в истерике, но Коба был неумолим.

Как обычно, она пришла проститься с ним перед сном. Была мрачная, с заплаканными глазами, похожая на мать. Опасно похожая...

Когда она ушла, Коба долго молчал. Потом заговорил:

– Что с ней делать? Не знаю! Ладно, иди домой. Каждый день у меня на столе должен быть отчет, что совершил за этот день товарищ Гитлер.

Итак, чехи будут преданы. Англия и Франция предложили им безоговорочно отдать Судеты Гитлеру. В Судетах не только находилась первоклассная линия укреплений, там была добрая половина чешской промышленности, одной из самых передовых в Европе. Чехи не имели права вывезти из Судет даже курицу. Все доставалось Гитлеру.

За это фюрер клятвенно обещал англичанам и французам не трогать Чехословакию и подписать вечный мир в Европе.

Все это предполагалось оформить на конференции в Мюнхене.

В Мюнхене Даладье, Чемберлен, Гитлер и прибывший на пару дней Муссолини

планировали решить все это без нас, связанных с чехами договором. Хотя мы тогда вели переговоры об оборонительном союзе против Гитлера с англичанами и французами, те даже не поставили нас в известность о своем шаге! Они открыто нас игнорировали.

Ночью 30 сентября в Мюнхене Гитлер, Даладье, Чемберлен и Муссолини собрались в Канцелярии фюрера, в этом мрачном здании, построенном в любимом стиле Гитлера – четкий прямоугольник, рассеченный марширующими колоннами.

В эту ночь, ожидая сообщений из Мюнхена, Коба в просмотрном зале в Кремле смотрел любимую комедию «Волга-Волга». Он обожал этот простодушный фильм, видел его раз двадцать, и мне пришлось столько же смотреть его вместе с ним.

В ту ночь в зале были Молотов и только что переехавший в Москву и назначенный заместителем Ежова Берия. Я впервые видел его после Грузии.

Как и положено землякам, обнялись и расцеловались.

– Хорошо Фудзи выглядит, не так ли? Твой начальник ему недавно зубы выбил, но мы удачно вставили протезы, – прыснул в усы Коба.

Берия промолчал. Он был умный, понял, что лишь Коба смеет подшучивать надо мной.

Началась картина. Коба смотрел, как смотрят любимые фильмы простые люди, – пересказывал содержание вслух.

– Гляди... Сейчас этот Огурцов грохнетя, – объявлял он. И по-детски хохотал. Ему очень нравилась Любовь Орлова. Ослепительная блондинка – мечта южного человека. – Хороша женщина... – говорил Коба.

Он не называл ее бабой. Для помешанного на женщинах Берии это был приказ: не дай тебе бог ее тронуть!..

Любимая картина закончилась в пять утра, когда наконец начали приходиться шифровки от Ефрейтора (еще один наш агент) и Корсиканца.

Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини в половине третьего ночи подписали соглашение. Чехи, которых даже не позвали на конференцию, потеряли драгоценные Судеты и остались беззащитными... В обмен они получили гарантии неприкосновенности остальной территории Чехословакии, а Европа – обещание вечного мира.

Гитлер был счастлив. Как писал Старшина, он выскочил в приемную и к полному изумлению сидевших там двух секретарш прокричал: «Можете меня поцеловать!» И подставил щеку. Его лицо буквально сияло!

В официальной англо-французской ноте говорилось: «Правительства Англии и Франции понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира...» Французский министр иностранных дел, отправляясь к несчастным чехам, дабы сообщить о решениях конференции, громко сказал: «Иду к умирающему, чтобы дать ему божественное причастие».

В полученной шифровке от Корсиканца была цитата из речи Гитлера: «Национал-социалистская Германия не хочет войны уже в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страха и крови. В любой войне погибает цвет нации. Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы же хотим порядка. Мы хотим быть вместе, чтобы обуздать проклятых коммунистов и навести порядок в Европе».

Англичанин и француз были счастливы. Ведь они не только везли мир своим народам. В

Мюнхене наметился новый союз мечтавшего сокрушить большевизм Гитлера с остальной Европой, также ненавидящей нас.

Я закончил читать сообщения наших информаторов.

Молотов и Берия сидели с подходящими моменту траурными лицами. Коба, посасывая трубку, разгуливал по кабинету. В такие минуты лицо у него становилось старым, изможденным. Казалось, он держал на своих узких плечах непомерную ношу – всю страну. И он, как я помнил, знал ее вес. Я опять гордился своим другом – атлантом Кобой.

Он вдруг обернулся к нам, заговорил:

– Что приуныли? Спрашивается, все ли так плохо? Товарищи Чемберлен и Даладьё заключили в Мюнхене соглашение с Гитлером. Эти товарищи говорят: сожри, товарищ Адольф, кусок Чехословакии, только пусть у нас будет мир. Товарищи идиоты уверены, что этим насытили аппетит товарища Гитлера и ловко натравили мерзавца на нас. А на самом деле? Ну, Вячеслав?..

Как и положено, Вячеслав молчал – умным должен быть только Коба.

– Во-первых, они развязали нам руки, – продолжил Коба. – Мы теперь не связаны ни с кем никакими обязательствами. И имеем право поступать, как нам выгодно для самообороны Страны Советов. И во-вторых: я совершенно уверен, что Гитлер на нас не поперет. Мы велики, у нас триста дивизий, а рядом с ним – маленькие страны Европы и маленькие армии... Их жрать легче, и кровь пустить быстрее... Паршивец Гитлер – особый человек. Поверьте, я его чувствую. Он азиатский европеец. В действительности все эти мирные завоевания его не радуют. У него кровавая душа. Поэтому он топчет беззащитных евреев, и увидите – будет их убивать. Ему нужна кровь! Он жаждет воевать, а ему не дают – уступают. Но без войны и крови он несчастен. Уже завтра он захватит чехов, которых клятвенно обещал не трогать. Потому что не сможет не сожрать легкую добычу. И – следовательно? Он поссорится с англичанами и французами! После этого, уверен, товарищ Гитлер начнет выполнять задание покойного великого Ильича: он развяжет мировую бойню – и обратит в руины капиталистическую Европу!

– И потом бросится на нас... – решил добавить я.

– Не успеет, мудака Фудзи, – усмехнулся Коба. – К тому времени мы сами сможем броситься на него. Ослабленного и обескровленного войнами в Европе! Но прежде, очень скоро, грянут *удивительнейшие события*, вы их увидите... и поразитесь! Эти события уже сегодня вам обещает товарищ Сталин, запомните!

Он походил по кабинету.

– Пока сообщим стране, что капиталисты Европы заключили союз с Гитлером против страны социализма. И мы должны сейчас быть втройне бдительны и работать не покладая рук – крепить мощь нашей Родины. И продолжать уничтожать троцкистских шпионов!

Я понял: это означало ужесточение условий труда, пополнение даровой рабочей силы ГУЛАГа, продолжение чисток и новые расстрелы...

Уже вскоре был принят жестокий закон об уголовной ответственности рабочих за опоздания и прогулы, им ограничили право менять работу.

Между тем Чемберлен возвратился в Англию спасителем Отечества... Толпы встречали его с восторженными криками: «Да здравствует наш старый добрый Невилл!»

Не выпуская ритуального зонтика, он сказал счастливым согражданам:

– Я привез вам почетный мир!

Рев восторга! Толпа запела любимое славословие: «Потому что он такой веселый парень!»

Столь же радостно Париж встречал Даладье.

Спокойно предав несчастных чехов, население обеих главных демократических стран ликовало! Они избежали крови!

Я перевел Кобе статьи в английских газетах. «Таймс» писала: «Ни один завоеватель, возвратившийся с победой, не был увенчан такими лаврами...»

Только Черчилль нарушил восторги в палате общин. Он сказал: «Сегодня мы потерпели полное и сокрушительное поражение... Диктатор получает на блюдечке все, что хотел... Все кончено! Молчаливая, объятая горем, покинутая, сломленная Чехословакия погружается во мглу».

– Не посмел сказать «преданная», – отметил я.

– Потому что империалист Черчилль умен, а Фудзи – болван, который до сих пор не выучил азбуку: в политике предательств не бывает. Есть только победа или поражение. Сегодня у Чемберлена – победа... но завтра – поражение. А у нас... – он засмеялся, – у нас наоборот!

Именно тогда Спортсмен (агент, работавший в рейхканцелярии) прислал сенсационное сообщение. После миролюбивых речей счастливый Гитлер вернулся в Берлин. И, будто услышав моего друга, бегал по кабинету и в каком-то неистовстве орал: «Жалкие людишки... пусть готовятся теперь к своему концу! Близок конец наших вечных врагов. Франция будет стерта с лица земли... Англия, эта хилая, старая нация, изувеченная демократией, последует за ней. Мы непобедимы. Объединение европейского континента под нашей властью – вопрос ближайшего времени. И тогда конец мировому еврейству! А дальше – американский континент!»

Генералы слушали безумные речи, но на этот раз монокли сверкали от восторга. Ни о каком заговоре против гения речи более не шло.

Еще бы! Без единого выстрела всего за пять лет он перевооружил поставленную на колени Германию и не только вернул все, что она потеряла после поражения 1914 года... Он прибавил к рейху великую вечную соперницу – Австрию!

Как написал Спортсмен: «Выйдя из рейхсканцелярии, генерал Йодль громогласно сказал: «Те, кто не верил в гений фюрера, переубеждены навечно».

Впереди были победоносные войны, по которым так соскучились настоящие генералы. Все, как предсказывал Коба! Гитлер нацелился уничтожить Европу! Они хорошо понимали друг друга, эти два Вождя!

Я тотчас отправился к Кобе.

Он выслушал сообщение Спортсмена и усмехнулся:

– Что и требовалось доказать!

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: на самом деле Чемберлен, Даладье и Муссолини парадоксально предопределили крах Гитлера. Жалкие глупцы заставили его окончательно поверить в покровительство Провидения. Он сказал в Рейхстаге: «Я дал работу семи миллионам безработных немцев! Я смог страницу за страницей уничтожить все 448 статей самого злодейского в мировой истории Версальского договора! Я вернул рейху все

провинции, отнятые у нас в 1919 году, и на родину вернулись миллионы униженных немцев. Я перевооружил Германию. И все это я сделал, не пролив капли крови!»

По окончании речи началось неистовство: депутаты вскочили, кричали, иные плакали от восторга – это была коллективная истерика любви к фюреру.

Славословить себя Гитлер будет теперь все чаще и чаще. И верить в собственное превосходство – все крепче и крепче. Это безумие картежника, выигравшего огромную сумму и уже не имеющего сил уйти от карточного стола. Он будет увеличивать и увеличивать ставки до тех пор, пока не проиграет все!

Если раньше Гитлер себя обуздывал, то после Мюнхена любимец Судьбы дал себе волю! Отныне для него существовал один закон – его желание!

# Государственный погром в XX веке!

7 ноября в Москве шел военный парад по случаю годовщины Великой Октябрьской Революции. Коба стоял на Мавзолее, а я – рядом с Мавзолеем, среди гостей на Красной площади... По окончании я пришел на прием в Кремль.

Коба старался веселиться в эту очередную годовщину главного праздника партии и... самоубийства Нади. На банкет были приглашены актеры: Хмелев из МХАТа и Щукин, исполнявший роль Ленина в фильме «Ленин в Октябре». Коба шутил, вспоминал об Ильиче и разговаривал с Щукиным, как с Ильичом...

Я же занимался своей работой: стоял недалеко от группы дипломатов. Мы завербовали одного очень важного дипломата, но в последнее время он перестал выходить на связь. Своим появлением на банкете я хотел немножечко нажать на него. Он увидел меня, побледнел. Я преспокойно прошел совсем рядом с ним... И в этот момент увидел, что посол Франции что-то очень взволнованно рассказывает английскому послу...

Уже ночью я прочел сообщение из Парижа: семнадцатилетний еврей, беженец из Польши, застрелил Эрнста фон Рота – третьего секретаря посольства Германии.

Через день – в ночь на десятое ноября – по приказу Гитлера состоялась знаменитая «Ночь битых стекол», или «Хрустальная ночь»! Такого еще не было в истории: само правительство устроило еврейский погром в собственной стране, после чего открыто ограбило ограбленных, разоренных евреев! Называлось это «стихийными демонстрациями возмущенных немцев».

Я получил подробный доклад от Старшины, где он цитировал полицейские отчеты. Погром шел по всей стране. В один день было сожжено больше трехсот синагог, разграблено и разрушено около семи тысяч еврейских магазинов. Улицы густо покрылись сверкавшим в свете фонарей битым стеклом. Еще до погрома арестовали и отправили в концлагеря тридцать тысяч в основном молодых, здоровых евреев. По всей стране молодежь гитлерюгенда и нацисты радостно избивали беззащитных. При этом католическая и протестантская церкви молчали.

Еврейские организации обязали возместить двадцать пять миллионов марок, которые потеряла от разгрома их домов и имущества немецкая экономика, и заплатить штраф в миллиард рейхсмарок «за гнусные преступления против немецкого народа». Все свои ценности они должны были сдать в счет уплаты этого долга.

«Я не хотел бы сейчас быть евреем в Германии», – насмешливо подытожил Гитлер результаты своей затеи. Фраза тотчас попала в газеты. Так же, как крик Геббельса: «Браво!»

Все это происходило в XX веке от Рождества Христова, в просвещеннейшей христианской стране, на глазах у всего мира. Так что избиение большевистской партии, прежней государственной верхушки, продолжавшееся в нашей стране... уже не впечатляло! Ужас заслонил ужас...

Пока Европа переживала «Хрустальную ночь», Гитлер преподнес еще один новый и главный подарок. Спокойно, наплевав на собственные клятвенные заверения, он аннексировал беззащитных чехов... по их же просьбе! (По просьбе безвластного марионеточного правительства, которое сам и назначил.) Он будто спешил следовать предсказанию Кобы. Богемия и Моравия стали автономной частью рейха.

Фюрер стер Чехословакию с карты Европы без единого выстрела, назвав чехов

«позорной расой, недостойной жить в Европе».

Гитлер триумфально въехал в ненавистную Прагу. Если бы мы, мечтая о всемирной Революции, могли увидеть эти плоды Революции двадцатого века! Воистину свершилось: «кто был ничем, тот станет всем». Вчерашний безработный, ночевавший под венскими мостами, теперь ночевал в Градчанах – в старинной резиденции чешских королей!

Мы опубликовали ноту протеста, на которую Гитлер даже не ответил. Бедный Чемберлен сначала заявил в палате общин: «Никакой агрессии не было» – дескать, все произошло по просьбе самих чехов. Но все-таки решил тоже передать ноту, которую немцы попросту нагло не приняли. Послу вернули ее обратно.

Как сообщил Корсиканец, Гитлер созвал своих генералов и, смеясь, заявил, что «жалкие люди с зонтиками» не способны на что-то серьезное.

Однако здесь игрок впервые ошибся. Общественное мнение Англии бурлило, и сохранять хорошую мину Чемберлен уже не мог.

– Этот человек – наглый лжец! – заявил он.

И оказался неправ. То была всего лишь новая политика двадцатого века. Как сказал Гитлер: «Люди плохо верят в маленькую ложь, но хорошо верят в большую».

«Человеку с зонтиком» наконец-то стало ясно то, что давно было ясно Кобе: Гитлер не успокоится. Это значит: на очереди соседка Германии – Польша.

И уже вскоре мы узнали: Гитлер провел секретный разговор с польским министром иностранных дел. Он предложил передать Германии порт Данциг, отошедший к Польше по Версальскому миру... Точно так же совсем недавно он требовал у чехов Судеты. Сценарий чехословацкой трагедии повторялся...

Взбешенный Чемберлен объявил, что, если этот клятвопреступник посмеет напасть на Польшу, Англия и Франция объявят ему войну.

Он терпеливо наблюдал, как Гитлер занял демилитаризованную Рурскую зону, захватил Австрию, Чехословакию; покорно отдал ему вооруженные до зубов чешские дивизии, размещенные в неприступных горных укреплениях, – теперь он сделал то, чего прежде так страшился. Дал право слабой Польше решить, должны ли англичане проливать кровь.

– Глупый человек, – сказал Коба, – приковывает себя к жалкой обреченной польской тачке... – и добавил загадочное: – Но уже очень скоро... Скоро паршивец Гитлер всех поразит... *Впереди самое интересное – уже для нас!*

# Самое интересное!

Буквально через несколько дней после этих слов Кобы посол Германии в Москве граф Шуленбург пожелал встретиться с Председателем правительства Молотовым, чтобы «решить вопросы, осложняющие наши отношения»!

Прошло еще две недели, и Корсиканец сообщил, что ведомство Геринга, курирующее экономику Германии, неожиданно потребовало от Министерства иностранных дел реанимировать торговлю с СССР!

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии.

Как сообщил Спортсмен, в рейхсканцелярии внимательно прочли анализ речи Кобы на этом съезде, отосланный фюреру послом Шуленбургом.

Посол обратил внимание фюрера на то, что речь Кобы впервые больше направлена против Англии и меньше – против Германии! Более того, Сталин объявил, что СССР собирается проводить и впредь политику мира и укрепления отношений *со всеми народами*. И не даст втянуть себя в конфликты *странам, привыкшим загребать жар чужими руками*. «Мы не позволим делать из нас пушечное мясо для капиталистических государств».

Когда я прочел ему сообщение моего агента, Коба поморщился.

– Это уже вчерашний день. Не ловишь мышей, Фудзи! Человек Лаврентия сообщил из Рима... – Он взял со стола донесение: – «16 апреля Муссолини... – (с которым у нас были нормальные отношения), – во время встречи в Риме с Герингом заявил, что следует приветствовать сближение с Россией. Он сказал, что «национал-социалисты в своей борьбе против капитализма и плутократии имеют цели, общие с Россией»...

Надо было видеть усмешку Кобы, когда он прочитал эти слова.

– Поразительно, – сказал я.

– Да нет, закономерно. Нас настойчиво приглашают на танец, Фудзи.

Он походил по кабинету, на лице его было то самое опасное раздумье.

Я в ужасе понял: он решался... Решался принять приглашение на этот проклятый танец! Все мои радикалы-агенты, работавшие на СССР как на последний истинный оплот борьбы с фашизмом, простившие нам за это террор и процессы, перестанут работать, покинут нас! Обрушится моя сеть!

И каково же было мое изумление и радость... Именно в этот момент в кабинет вошел Литвинов – нарком по иностранным делам, который традиционно считался сторонником антигитлеровского союза с западными демократиями.

Коба объявил ему, что сегодня же примет посла Англии...

– В связи с аннексией Чехословакии мы предложим Англии и Франции незамедлительно подписать *военную* конвенцию. Подписавшиеся должны будут гарантировать, – все так же странно усмехаясь, говорил Коба, – безопасность всех государств Центральной и Восточной Европы, которые считают для себя существующей угрозой со стороны Германии. Мы будем рады, если к конвенции присоединится Польша. Сейчас на Политбюро, Максим Максимович, вы доложите о нашей очередной мирной инициативе, направленной против возможной агрессии Гитлера. У вас есть тридцать минут, чтобы подготовить сообщение.

Когда Литвинов вышел, Коба посмотрел на мое счастливое лицо.

– Какой же ты болван... – и прыснул в усы. – Да люди Лаврентия куда дельнее твоих. Только что он пришел, но уже наладил дело! Ну хоть что-нибудь дельное пишут твои шпионы?

Я хотел ответить.

– Нет, нет, – прервал Коба, – только не о политике... В политике они, как и ты... и как все вы – ничего не понимают. Лучше скажи, правда ли, что твой Гитлер – импотент?

– Вполне возможно, Коба. Знаменитая красотка Лени Рифеншталь безуспешно пыталась соблазнить его. Геббельс подкладывал ему молодых актрис – безуспешно. В Гитлера, как говорят, безумно влюблена фрау Геббельс – одна из самых красивых дам в Германии, но и она напрасно старалась. И сильно этим оскорблена. Теперь все чаще возмущается своим идиолом. Говорит: «Вместо того чтобы ночью заниматься любовью, он безостановочно рассуждает. И заставляет свое окружение бодрствовать по ночам вместе с ним и выслушивать его бесконечные монологи...» – Здесь я запнулся. Коба, как известно, тоже работал по ночам и заставлял соратников делить с ним ночные застолья.

Коба, как всегда, понял и усмехнулся.

– Наполеон тоже бодрствовал по ночам. Есть люди, которым достаточно поспать два-три часа. Это гении. Например, Иван Грозный, Наполеон и... старики! Значит, этих фрау он не ебёт? Но кого же он дерет?

– Он знает о разговорах об импотенции и часто общается с девушками. В последнее время его видели в обществе некоей Зигрид фон Лаппус. Ей двадцать два, у нее потрясающая фигура и точеное личико.

– Твои с ней работали?

– Они быстро поняли, что это излишне. Там ничего нет и быть не может. Она закончила университет и, что весьма редко для красавиц, – умна, а фюрер ненавидит умных женщин... – Здесь я второй раз поперхнулся, вспомнив о вкусах Кобы.

Он и на этот раз милостиво улыбнулся.

– Бухарчик говорил, что товарищ Наполеон тоже не любил умных женщин. Ум – привилегия и обязанность мужчины, истинный мужик не может любить мужеподобных дам... Эх, Бухарчик, не ссал бы он против ветра, был бы сейчас живой. Итак, эта Лапочка – агитпункт, не более. Значит, и вправду никого не ебёт?

– Возможно, его единственной любовницей является смазливая дурочка из простонародья, некая Ева Браун. Он держит ее в Мюнхене на маленькой вилле, купленной на ее имя, или в Баварских Альпах на своей вилле в Бертехсгадене... Она именуется секретаршей Гитлера. В Берлине ей появляться запрещено. Ева плотно окружена спецслужбой, к ней не подойти на тысячу шагов.

– Значит, вы забыли: «Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики...»

– Гитлер помешан на мерах безопасности.

Коба оживился, спросил с интересом:

– Берия говорит, что он лично разрабатывает правила для своей охраны?

– Точнее, он разработал одно и главное правило – *никаких постоянных правил*. Постоянно лишь одно: часто менять свои решения. Избегать распорядка дня. Если заранее объявлено, что он посетит выставку, значит, почти точно его там не будет. Поэтому четыре покушения военных, о которых сообщили наши агенты, провалились – он попросту не пришел в назначенное место! Никто не знает, в какую машину он сядет и куда направится в следующий час. Он появляется на людях так же внезапно, как и исчезает. В его машине сзади

стоит прожектор, чтобы тотчас ослепить машину, которой удастся убрать сопровождение и пристроиться сзади... Во время его выступлений прожектора направлены на толпу, ослепляя возможных убийц. Все это – его выдумки!..

В кабинет начали входить члены Политбюро, начиналось заседание. Коба весело сказал мне:

– Пошел вон!

Он не забывал, как бы шутя, постоянно унижать меня.

# Началось!

На следующий день Корсиканец сообщил мне удивительное: когда Коба давал указания Литвинову о военном союзе с западными демократиями, наш посол в Берлине нанес неожиданный визит в немецкое министерство иностранных дел. И будто подтверждая слова Муссолини, заявил: «Идеологические разногласия мало повлияли на наши отношения с Италией и не должны влиять на наши отношения с Германией! Россия не намерена пользоваться существующими трениями между Германией и странами Запада, и *нет причин*, по которым между нами не должны существовать нормальные отношения».

Я понял: Коба вступил в игру!

В это время стало ясно: Англия холодно отнеслась к предложению Кобы о военной конвенции. Чемберлен по-прежнему решил не допускать СССР к решению европейских дел.

# Падение карлика

В апреле тридцать восьмого года по Лубянке пронесся слух: Ежова от нас забирают. Но такие слухи просто так не распространяют, за ненужные слухи у нас сажают. Все поняли: слух нужный!

Однако 8 апреля на заседании Политбюро малограмотный Ежов ко всем своим должностям получил еще одну, скромную – наркома водного транспорта. Я поинтересовался у Кобы этим странным назначением, но он только усмехнулся:

– Товарищ Ежов – ценный работник. Большому кораблю – большое плавание... на водном транспорте.

Правда, уже с конца апреля на Лубянке начались странные перетасовки.

Множество работников стали переводить от нас в этот ничего не значивший наркомат. Без всякой санкции Ежова были смещены и *арестованы* несколько его помощников.

С августа на Лубянке уже всюду трудился мой грузинский знакомец Лаврентий Берия, первый заместитель Ежова...

Вскоре после появления Лаврентия возник и все усиливался новый слух: добрый Коба ничего не знал о Терроре, творимом Ежовым. Лишь сейчас, с приходом Берии, ему открылась вся правда.

Слух креп, и я почувствовал в этом умелую руку моего грузинского друга.

В октябре Политбюро приняло грозное постановление, где отмечалось, что наряду с успехами НКВД, беспощадно разгромившего врагов народа и шпионскую агентуру иностранных разведок, упрощенное ведение следствия привело к *ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД*.

Все услышали в этих словах возмущенный голос нашего доброго Отелло, в очередной раз обманутого очередным Яго.

Финал разыгрался при мне.

В конце ноября в кабинете Кобы я докладывал о новом донесении из Берлина, когда в кабинет вошел Ежов. Следом за ним появились Молотов, кажется, Ворошилов и, конечно, Берия.

– Садитесь, товарищи, – сказал Коба. Велел мне прерваться и обратился к Ежову: – Что у тебя, Николай?

– Очень много сообщений о враждебных разговорах в среде наших писателей, Иосиф Виссарионович.

– К примеру? – хмуро спросил Коба.

Ежов вынул из портфеля бумагу и стал читать:

– Писатель Олеша в пьяном виде громко читал стихотворение: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом...» Слушавшие стихи писатели пытались остановить его. Но он добавил новые строчки:

Он идет неизвестно откуда,

он идет неизвестно куда.

Но идет он, конечно, оттуда

И идет он, конечно, туда.

После чего прочел следующее:

Раз ГПУ, зайдя к Эзопу,  
Схватило старика за жопу!  
Смысл этой басни, видно, ясен:  
довольно этих басен.

Затем пьяный прокричал: «Сейчас я наговорил на десять лет...»

– Ну и что ты решил?

– Как он сам просил, – улыбнулся карлик, – арестуем сегодня же.

– Не надо делать глупости, товарищ Ежов, – всё так же мрачно отрезал Коба. – Неужели не понятно? Искренний человек и известный писатель товарищ Олеша. На «десять лет» требуется человек поменьше. А здесь надо ждать, пока наговорит на пулю. Колобок катится и все больше становится, аппетитней. – Коба расхаживал по кабинету. – Оставьте товарища Олешу в покое. Стихи его прочитайте нам еще раз.

Ежов прочел по бумажке снова:

– «Он идет неизвестно откуда,/он идет неизвестно куда./Но идет он, конечно, оттуда/И идет он, конечно, туда...»

– Полезнейшие стихи, товарищ Ежов. Они должны были стать содержанием вашей работы. Все должны идти *оттуда* и *туда*... *От тебя* и *к тебе*... Это должен быть всеобщий маршрут. Непрерывный круг: служащие *сообщают* директору предприятия, секретарю парторганизации и в отдел кадров. И наоборот. Учителям доставляют информацию выборные ученики – староста, профорг и комсорг. И наоборот. Студенты следят за профессорами. И наоборот. Все следят за всеми. И это не надо особенно скрывать. Постоянный страх – разгневать пролетарское государство – должен стать бытом... И каждый писатель денно и ночью обязан повторять... как там про ГПУ?..

– «Раз ГПУ, зайдя к Эзопу, схватило старика за жопу!» – повторил Ежов.

– Вот это им надлежит помнить, как «Отче наш...». Только так мы создадим крепкое государство. Мы живем во враждебном мире. Наша власть будет относительно прочной, только когда вырастут два поколения рожденных при нашей власти... Те, кто родились до нас, – они в душе настроены так, как этот Олеша... Еще хуже в деревне! Ильич всегда говорил: «Дай хоть небольшую волю мужику, и он нас скинет». Но деревню мы уже, к счастью, крепко почистили. А вот в городе еще работать и работать над Олешами. И ни на секунду не ослаблять власть. В России уважают и любят силу. Только ее ценят. У нас «или Ивану в ноги, или Игнату в зубы...» – Он заходил по комнате.

Я не понимал, почему Коба говорил обо всем этом как о пожеланиях на будущее. Это давно стало настоящим. Ленинскую мечту «У нас каждый партиец – работник органов» мой великий друг давно перевыполнил. Теперь можно было говорить: «каждый гражданин...»

– И еще, – продолжил Коба. – Нам необходимо постоянно укреплять кадры. Пусть молодые люди, сдав экзамен на верность партии, отправляются в жизнь – руководить кафедрами в институтах, работать директорами или заместителями директоров заводов и фабрик. Мы учимся, товарищ Ежов, понемногу учимся... А вы, товарищ Ежов, учитесь?

И вдруг «Молотошвили»... закричал на Ежова!

Он кричал тонким голоском, что Ежов давно перестал учиться... Что писателей распустили. И страну – тоже! Наркомат внутренних дел – опора партии, карающий меч – буквально засорен агентами иностранных разведок.

Ежов сначала не понял, что происходит. Он прочувствованно поблагодарил Молотова, сказал, что и сам это осознает и сегодня же возьмется за Лубянку. Безумный карлик решил, будто объявляют новую волну террора.

– Как же вы будете чистить, – продолжал кричать Молотов, – если вы сами их туда привели? Только благодаря вам, вашей мягкотелости они там свили гнездо!

Ежов в изумлении уставился на Молотова, еще вчера славившего «железного наркома».

Тогда вступил Берия. Спокойным голосом с мягким акцентом принялся обвинять Ежова, но совершенно в обратном:

– Товарищ Ежов, ты осудил тысячи по добытым... точнее, *добытым* ложным показаниям. На тебе кровь сотен тысяч невинных людей. Ты истреблял лучшие кадры партии. Вон сидит наш друг, старый партиец товарищ Фудзи с выбитыми благодаря тебе зубами...

Ежов смотрел сумасшедшими глазами, ничего не понимая. Потом умоляюще-вопросительно поглядел на Кобу. Но тот молчал, невозмутимо курил трубку. Мой друг Коба не проронил ни звука.

Только когда Берия и Молотов наконец замолчали, он сказал мягко:

– Вот видишь, Николай, на прежних заслугах далеко не уедешь... не доверяют тебе члены Политбюро. Что тебе посоветовать в такой ситуации? Садись, дорогой, и пиши заявление в Политбюро: «Прошу освободить меня от обязанностей руководителя чекистов. В связи с постоянным нездоровьем руководить двумя наркоматами более не могу...» Других мнений нет, товарищи? Ну вот и хорошо... Пиши, дорогой, пиши.

Ежов начал писать, но от волнения у него не слушались руки.

– Помоги товарищу, ты ведь заместитель, – велел Коба Берии.

Берия написал заявление от имени Ежова. Тот... плакал.

Потеряв пост наркома, Ежов оставался секретарем ЦК и председателем страшной Комиссии партийного контроля.

Вначале он так же сидел на Лубянке, даже пытался по-прежнему вызывать сотрудников к себе в кабинет. Но сотрудников оставалось все меньше и меньше. Эти молодые люди, набранные в органы Ежовым, тоскливо слонялись по коридорам с обреченными, несчастными лицами. Их арестовывали каждый день. Прямо из кабинетов отправляли в нашу внутреннюю тюрьму. Новые люди Берии обслуживали их точно так же, как недавно делали это они со своими жертвами – пытки, мордобои, расстрелы...

Впрочем, многие, хорошо зная, что их ждет, спешили уйти сами. В великолепном, недавно отстроенном доме НКВД, где проживало высшее руководство, стало модным выбрасываться из окон! Мой вчерашний следователь выпрыгнул в окно одним из первых.

Откат террора происходил также через кровь...

Видел я в эти дни в коридоре самого Ежова. Быстро, как-то крадучись, пробежал он в свой кабинет. Вчерашний владыка судеб стал совсем крохотным.

В кабинете он просиживал теперь целыми днями, один у молчащего телефона. Живой, но уже мертвый.

Наконец Лаврентий попросил его освободить помещение. Ежов переехал в свой кабинет в наркомате водного транспорта. Там он продолжал сидеть в полном одиночестве. И ждать.

В январе я был у Кобы на даче. Коба читал какое-то письмо.

– Ах, мерзавец, что наделал!.. Вот, товарищ Литвинов описывает итоги. Оказывается, в девяти странах – США, Японии, Польше, Румынии, Испании, Литве, Дании, Венгрии, Болгарии – у нас отсутствуют полномочные представители. Всех расстрелял мерзавец Ежов! Из восьми отделов семь возглавляют временно исполняющие обязанности, – сокрушался Коба, – из высших должностных лиц наркомата семьдесят процентов арестовано! А сколько расстреляно?! И вы все молчали... Спрашивается: где раньше был сам товарищ Литвинов, почему не защищал свои кадры, своих друзей?! – Желтые бешеные глаза уставились на меня.

Но я выдержал! В моих глазах был тот же возмущенный вопрос!

Так мы привычно ломали комедию друг перед другом.

Но ничего не изменилось. Все это время как ни в чем не бывало продолжались приговоры и расстрелы верхушки партии и интеллигенции.

Расстреляны: первый заместитель наркома обороны маршал Егоров, член Политбюро генеральный секретарь компартии Украины Косиор, кандидат в члены Политбюро Постышев, начальник ГУЛАГа Берман, писатель Бабель, режиссер Мейерхольд, погиб в лагере поэт Мандельштам...

К уничтожению верхушки партии добавилось уничтожение верхушки ежовской Лубянки.

Сначала с улиц исчезли бесчисленные плакаты с портретами «батыра» Ежова. В те годы постоянных падений небожителей никому не нужно было объяснять, что это значит. У нас на Лубянке вместо них виднелись темные четырехугольники невыгоревшей краски. И это был тоже красноречивый портрет моей эпохи. Вскоре эти темные четырехугольники завесили портретами лысого человека в пенсне – моего знакомого Лаврентия... Что ж, я уже видел, как Ягоду заменил Ежов. Ныне со стен на нас смотрел Берия...

Я на месте Берии поежился бы, глядя на свои изображения и вспоминая участь прежних героев. Но в те годы постоянного ужаса привыкли к ужасам. Впрочем, нас, тех, кто был свидетелем всех смен портретов на Лубянке, остались жалкие единицы, почти всех расстрелял заботливый Коба... Точнее, они расстреливали друг друга. Коба давно перевел Лубянку на самообслуживание. Сперва люди Ежова расстреляли чекистов Ягоды, творцов нашей горькой Революции. Сейчас люди Берии расстреливали людей Ежова... «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Коба сделал эту поговорку заголовком нашей жизни. Я почти никого уже не узнавал в наших коридорах – не стало знакомцев (разве что кроме молодого, высокого красавца Судоплатова). Хорошо прополз Коба.

НКВД уничтожил старую ленинскую партию, теперь новая партия уничтожала НКВД.

Как я уже писал, в марте 1939 года Коба собрал XVIII съезд. На нем подвел итоги. Точнее, это был смотр новой, созданной им партии.

Я не знаю, присутствовал ли Ежов на съезде. Формально должен был присутствовать, но, думаю, ему рекомендовали этого не делать.

Во время выборов в ЦК в списке кандидатов он был. Полагаю, для того, чтобы Коба мог выступить против.

– Пьяниц в ЦК не выбирают, – лаконично сказал Коба, подтвердив слух: он ничего не знал о репрессиях, все сделал Ежов.

Теперь многотысячные (скорее – миллионные!) армии наших стукачей повторяли этот слух, и он стал всенародным.

Я был не участником съезда, а «гостем» – смотрел на происходящее с балкона.

Помню, как Коба появился в президиуме. Зал... нет, не встал, молниеносно вскочил. Я увидел нынешний ритуал появления Кобы: «Делегаты, стоя, приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию». Одновременно раздавались возгласы. Специально подготовленные участники съезда (так называемая группа скандирования) дружно выкрикивали: «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому Сталину – ура!», «Нашему любимому Сталину – ура!»... И все это с яростным энтузиазмом подхватывал зал.

Зал был умный и хорошо знал, что степень энтузиазма каждого делегата оценивают множество глаз, она и есть теперь пропуск в жизнь.

Так думал я... Но я ошибался. Я не понял тогда: это был новый зал, полный непритворного, искреннего, единодушного счастливого восторга перед Ним!

Сегодня, размышляя обо всем этом, я вспоминаю гитлеровскую Германию. Безумный истерический восторг толпы, который начался после прихода Гитлера к власти... Причем не только мужской восторг. Адольфа Гитлера, заурядного некрасивого человечка со смешными усиками, немки прозвали «Прекрасным Адольфом». Его яростные речи превращались в эротический сеанс – женщины буквально сходили с ума. Как рассказывал наш агент, тысячи молоденьких немок писали ему безумные письма, умоляли переспать с ними, зачать ребенка.

Простодушные западные историки создали теории о сексуальной силе, спрятанной в *страстных* речах Гитлера.

Все потому, что они, глупцы, не слышали речей Кобы.

Коба выступал без всякого темперамента, скучно, занудливо, с сильным акцентом. Но поверьте, восторг в зале был не меньший. Все мужчины в каком-то счастливом воодушевлении слушали Вождя. Все женщины со счастливо-зачарованными, влюбленными лицами смотрели на Кобу. Это был тот же эротический сеанс... Массовый гипноз происходил не от заразительности речи Вождей, но от радости лицезрения *безграничной, беспощадной* *Власти*. Абсолютная Власть действует на народ абсолютно... «У Германии было влюбленное лицо женщины, нашедшей своего мужчину», – прочел я в британской газете. У нас тоже. Только наши девушки не смели писать Кобе любовные предложения, мы жили в аскетической стране.

(В первый и последний раз вмешуюсь в повествование Фудзи. В Дневнике знаменитого детского писателя Корнея Чуковского есть описание появления Сталина в Президиуме съезда

комсомола 22 апреля 1936 года: «Что сделалось с залом!.. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...». – Э. Р.)

Но вернемся на XVIII съезд. Коба выступил с доброй, отеческой речью. «Прямо и откровенно» сказал о «серьезных ошибках» НКВД». И устало, с печалью в голосе сделал вывод: «Ошибок оказалось больше, чем можно было предположить».

Подтвердил народно-лубянские слухи: о Терроре не знал! Обманули вредители!

Про Ежова – ни слова. Исчез – и все!

Коба сообщил съезду о новом достижении – небывалом омоложении кадров.

Я выписал цифры: на руководящие посты в государстве и партии выдвинуто полмиллиона новых парработников. Среди партийного генералитета сменились 293 из 333 секретарей обкомов и крайкомов. *Девяносто процентов новых руководителей были теперь моложе сорока лет.*

Так, под грохот аплодисментов помолодевшего зала Коба подвел итоги террора. Куда исчезли девяносто процентов старых руководителей – молодой зал не тревожило. Здесь сидело поколение, сменившее моих хороших знакомых – ленинскую гвардию «двuruшников и шпионов». Новый зал крепко выучил главное: только враг и вредитель может быть в оппозиции генеральной линии товарища Сталина.

На сцене находился и новый Президиум. Вместо истребленных вождей Октября – новые лица. И выглядели они тоже по-новому. Три толстяка: один повыше – Берия, и двое молодых – Никита Хрущев, круглолицый улыбчивый шут, и толстопузый, разительно похожий на жабу, – Маленков. Еще один пузатик, тоже круглолицый, с усиками – Андрей Жданов. Этот достаточно образованный сын царского инспектора народных училищ был несказанно исполнителен. Он стал преемником Кирова в Ленинграде. Было весьма комично слышать, как эти толстые люди пели наш партийный гимн – «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклейменный весь мир *голодных...*»

В Политбюро остались лишь трое моих прежних знакомцев, которым Коба разрешил жить: лысая махина с внешностью еврейского биндюжника – Каганович, похожий на смазливового полового в трактире – маршал Ворошилов и худощавый, в пенсне – Молотов, выглядевший на их фоне чеховским интеллигентом...

После выступления Кобы начались речи его новых соратников.

Жданов веселил съезд примерами безумия террора: «От врача требовали справку: «Товарищ имярек по состоянию своего здоровья не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей». «Я выбился из сил в борьбе с врагами народа, прошу путевку на курорт»... Делегаты, принимавшие активное участие в нынешнем кровавом побоище, весело смеялись над побоищем вчерашним. Коба разрешил им это. Такова теперь была генеральная линия. Во всех речах соревновались в почитании моего друга, официально ставшего земным богом. «Гений новой эры», «мудрейший человек эпохи», «вождь всего прогрессивного человечества»...

Коба, сидевший в Президиуме, спокойно выслушивал все эти чудовищные восхваления. Ни его и никого в зале они уже не удивляли. Эти эпитеты рядом с его именем были столь же привычны уху, как, например, сочетания «синее небо» или «зеленая трава».

На съезде присутствовали и старые партийцы – те немногие, которым он разрешил жить. Старых большевичек представляла Коллонтай. Ее коллеги, старые большевички, – кто был расстрелян, кто умер или умирал сейчас в лагерях. Да и она, любовница и сподвижница расстрелянных героев Октября, чудом спаслась. Ежов уже составил на нее дело о шпионаже, но хозяйственный Коба велел не трогать ее из-за благородной внешности – требовалась для представительства на Мавзолее. Остался в живых и толстый, страдавший одышкой Бонч-Бруевич, которому Коба поручил прославлять только что написанный под его руководством «Краткий курс истории ВКП(б)». (Это была новая История партии, где все ее основатели, вчерашние вожди Революции, объявлялись предателями и убийцами. Коба помнил, как мы учили Библию в семинарии. Вот так ныне вся страна обязана была ежедневно учить эту новую Библию. Библию от Кобы.)

Сохранил жизнь он еще одному отцу Октября – Подвойскому, которому была доверена миссия: рассказывать о великой роли Кобы в Октябрьском перевороте. Впрочем, большинство тех, кто употреблял слово «переворот», лежали с пулей в неизвестных могилах. Вчерашний «переворот» именовался нынче «Великой Октябрьской социалистической революцией». Так его называло новое поколение, так его звала моя дочь...

Оставил он в живых и нескольких партийных старцев. Они должны были повествовать о «Великой дружбе» – дружбе Ленина и Кобы. И они исправно делали это!

Итак, все было на своих местах: в храме новой религии, Мавзолее, лежали нетленные мощи Боголенина; на Мавзолее на каждом празднике страна видела живого бога – моего друга Кобу. И все остальное время учила новую святую книгу – «Краткий курс истории ВКП(б)».

Естественно, были написаны и новые учебники истории. По одному из них училась моя дочь. Вместо прежних проклятий «царская Россия – тюрьма народов» провозглашались идеи, от которых переворачивались в гробах расстрелянные старые революционеры. Все завоевания русских царей объявлялись прогрессивными, отвечающими интересам... завоеванных народов!

Последние перемены я увидел воочию на концерте в честь XVIII съезда, состоявшемся в Большом театре. Перед началом в одной из лож появились... казаки! Казаки, бывшие для нас олицетворением павшей Империи, символом расправ над революционерами! Они разгоняли нагайками демонстрации, составляли доверенную царскую охрану... И вот теперь они, в ненавистной нам форме царского образца с серебряными аксельбантами, сидели в зале вместе с делегатами съезда нашей партии!

И никакого шума! Коба научил нас безмолвствовать.

Рядом со мной сел один из уцелевших старых партийцев Кр-ский. Он не удержался, сказал мне:

– Над могилой партии рождается Империя. Тень Бонапарта не дает кому-то покоя. Я, конечно, ничего не ответил. Он говорил шепотом. Но... слушали даже кресла!

Через несколько дней во дворе нашего дома ко мне подошел Сольц.

– Попросите вашего друга Кобу, чтобы велел отдать мои тетрадки. – И дико захохотал. – К чему это я? – Глаз его потускнел, он растерянно сказал: – Не помню, – и пошел прочь, потом спохватился и закричал: – Арестовали Кр-ского! У него были мои тетради с воспоминаниями об Октябре! Я их дал ему почитать! Их забрали при аресте! Пусть немедленно вернут!

# Последняя встреча с карликом

Ежов просидел в своем кабинете в наркомате водного транспорта, по-моему, целый год. Говорили, что в апреле ему позвонил Лаврентий и попросил оставаться дома.

Дома его и взяли – 10 апреля. Никаких объявлений в газетах не было.

Но в нашей Лубянской внутренней тюрьме, куда свозили высокопоставленных врагов народа, он не появился. Я решил, что его попросту застрелили во время ареста. Но, оказалось, ошибся.

В очередной раз меня вызвал Коба.

Принял меня с улыбкой:

– Ну что, жить стало лучше, жить стало веселей? Специальная партийная комиссия познакомилась с ежовскими делами. Триста двадцать семь тысяч мы уже выпустили... – (Выпускать теперь было можно – ленинскую «верхушку» расстреляли.) – И кого там только нет! – продолжал негодовать Коба. – Офицеры, прошедшие школу мировой и Гражданской, так нужные сегодня, знаменитые ученые, конструкторы военной техники. Всех под шумок процессов над вырожденками отправил в тюрьмы, подонки. Разоружал как мог страну, негодяй. Стольких зря уничтожил, подлец! И скольких собирался! – (Негодовал он, поверьте, совершенно искренне). – Скольким зубы повыбивал, маленький урод. – И с усмешкой: – Ты хоть зубы вставил! – и прибавил совсем весело: – Береги их, чтоб не пришлось опять... вставлять... Говорят, даже меня арестовать собирался, – прыснул в усы. – Мерзавца отправили в Сухановскую тюрьму. Он там прежде ад устраивал, сукин сын. – Коба пристально смотрел мне в глаза. Но в который раз повторяю – у меня была хорошая школа: ни один мускул не дрогнул, когда я слушал паясничанье друга.

(Сухановскую особую тюрьму почти год назад основал сам Ежов. Он и сделал ее образцовой, то есть образцово-страшной. В этой тюрьме применяли особые пытки, о которых ходили легенды. Сюда благодарный Коба, никогда не забывавший о юморе, и отправил верного Ежова.)

Коба помолчал, потом добавил:

– Ты поезжай в Сухановскую и внимательно... послушай, что там будет нести мерзавец. Я думаю, это будет справедливо: ты имеешь право присутствовать на допросах оклеветавшего тебя подонка. Отчет мне напишешь подробный.

Я понял: его очень интересовало, что станет говорить Ежов.

В Сухановскую тюрьму, расположенную на территории Московской области, требовалось разрешение, подписанное начальником Московского управления НКВД.

Московское управление помещалось в старинном особняке – лепной потолок, стены с барельефами, венецианские окна... Начальником управления был хорошо известный мне Петровский. Я ему позвонил и договорился прийти к нему в девять утра на следующий день. Пришел. В приемной – бледная секретарша. Оказалось, перед самым моим приходом ему кто-то позвонил, и он... тотчас застрелился. Вечером узнал, что начальником назначен другой мой знакомец – Якубович. Звоню ему – велит прийти опять в девять утра. Утром звонит секретарша – встреча отменяется, Якубовича ночью арестовали. Не удалось повидать мне и следующего руководителя – Карутского. Его назначили утром, днем он вошел в

кабинет, ему позвонили... и он тоже застрелился. Был назначен Журавлев. И с ним я не поговорил, перед нашей встречей (конечно, в девять утра) его вызвали к Берии, и он не вернулся...

Наконец мне позвонил сам Берия:

– Мы сейчас меняем кадры в Московском управлении. Поэтому не надо больше никому звонить. Попросту езжай в Сухановскую, я предупредил охрану. Я там завтра тоже буду...

Сухановская тюрьма находилась в Подмосковье, недалеко от старинного поместья Суханово, принадлежавшего, по-моему, князьям Волконским. Там в идиллической березовой роще стоял мужской монастырь семнадцатого века. Тюрем не хватало, и превращать монастыри в тюрьмы вошло в традицию еще при Ильиче: в монастырях здания крепкие и стены высокие. И кельи легко превращать в камеры. Оставалось вставить решетки в окна – и тюрьма готова. Во время первой русской Революции кто-то из эсеровских боевиков прикончил сухановского игумена и экспроприировал монастырскую кассу. Ежов про это узнал и сказал, что это хорошая примета – монастырь как бы освящен Революцией...

...Я подъехал к остаткам березовой рощи, закрывавшей монастырские стены.

В зале (прежде – трапезной) нас было четверо. Берия сидел за столом, его новый заместитель черноволосый мингрел Кобулов – в глубине. Я сел рядом с ним. Ежов стоял в центре зала, он нас видел смутно – был без очков, оба глаза заплыли от ударов...

Ходил тогда очень популярный анекдот: «Товарищ Сталин – величайший химик нашего времени. Он из любого выдающегося государственного деятеля может сделать дерьмо и из любого дерьма – выдающегося государственного деятеля». Коба распорядился за этот анекдот не сажать.

Во время допроса Ежова я эту шутку вспоминал.

Допрашивал сам Берия. Жалкий, ставший похожим на ребенка, Ежов подобострастно глядел на него. Я в который раз подумал, как быстро меняет людей несчастье. Исчезли пронзительные безумные глаза, стали вновь испуганными, растерянными, нежно-голубыми. Во всем облике – страх и мольба убогого, маленького, полуграмотного человечка, так недавно вершившего судьбы. С какой-то невыразимой печалью он смотрел на свои изуродованные, обвязанные грязной марлей руки. Видно, допрашивали по-сухановски...

– В твоём сейфе обнаружено досье на товарища Сталина! Как ты посмел хранить клеветнические разговоры о товарище Сталине?! – кричал Берия.

Это было правдой! Палач, охотясь за жертвами, помешался! Начал собирать материал на своего Хозяина. Это были разговоры Папулии Орджоникидзе, где он доказывал, что Коба являлся провокатором Департамента полиции.

(Я понял: именно это послал меня слушать Коба!)

– Я хранил... просто так, – и торопливо: – Я расстрелял мерзавца Папулию лично... Я много лично...

Но Берия прервал:

– На следствии ты показал, что целенаправленно собирал подобные кощунственные лжесвидетельства, собирался передать их иуде Троцкому и немецкой разведке.

– Они меня сильно били! Я не выдерживаю физической боли.

– Ты хочешь сказать, что наши органы, очищенные от твоих шпионов, потребовали от тебя лжи?

– Нет, нет... ничего не хочу сказать.

– В своем сейфе ты хранил револьверные пули, завернутые в бумажки с надписями «Каменев», «Зиновьев». Что это означает?

– Это пули, которыми расстреляли тварей. Я их взял у Ягоды после его ареста. Он их хранил. И я решил не выбрасывать. Все-таки реликвия.

– Реликвией они были для их пособника Ягоды. Пули, прервавшие подлую жизнь изменников Родины! А для тебя?

(Как я уже писал, Ягода велел вынуть пули из еще теплых тел, потом Ежов, расстрелявший Ягоду, забрал их себе. Мне было интересно, возьмет ли теперь Берия эту эстафетную палочку смерти, которую они так усердно передавали друг другу. До сих пор не знаю, взял он или испугался, оставил их в деле.)

– Почему забрал пули? – повторил Берия.

– Признаю ошибку.

– Да нет, это не ошибка. Пули вы оба – Ягода и ты – взяли потому, что в душе преклонялись перед врагами народа. И не просто преклонялись. Тайно продолжали делать их дело. Когда они тебя завербовали? Клеветническое досье на товарища Сталина собирал по их заданию?

– Я...

– Молчи! Ты задумал дворцовый переворот! Во время парада ты и твои пособники-недобитки хотели убить Отца нашего народа, – и вдруг вежливо: – Надеюсь, вы все это по-прежнему признаете?

– Нет! Нет! – закричал Ежов. – Меня пытали, у меня рук и ног нету! Все отбили жгутом!

Тут Берия подскочил и ловко (никак не ожидал от него) ударил Ежова в челюсть. Тот тоненько вскрикнул, выплюнул зубы. Берия ударил его пару раз головой о стену и, матерясь, позвал охранника.

Вбежал огромный здоровенный мужик. На лице Ежова был ужас.

– Нет! Не надо, так не надо! – пискляво закричал он. – Я признаю... признаю все... – Он уже плакал.

– К тому же ты морально разложившийся урод, педераст, так?

– Признаю, – шамкая кровавым ртом, в исступлении, торопливо шептал Ежов. – Я имел... половые сношения, использовал служебное положение. Имел интимные связи с женами подчиненных, одновременно с их мужьями. Сожительство с начальником своей канцелярии и его женой. Имел половые связи с женщинами, врагами нашей Родины. Но потом их расстреливал... Так что никакие секреты не уходили. Я даже жену свою решил расстрелять. Она не верила в процессы, падаль такая! К тому же могла читать бумаги в моем кабинете и передавать иностранной разведке. Только не бейте. Не надо бить меня. Все признаю... Признаю... Я много расстреливал, почистил, к примеру, четырнадцать тысяч врагов-чекистов. Но огромная моя вина, на которую мне указывал товарищ Сталин, за нее мне нет прощения... заключается в том, что я мало их чистил. Они всюду, шпионы, вредители. Потому признаю: арестован правильно. Как учит товарищ Сталин – враги повсюду. Я работал не покладая рук. И если давал кому-нибудь из подчиненных произвести допрос и расстрелять, всегда думал: сегодня ты арестовал и расстрелял, а завтра я арестую и расстреляю тебя! – Глаза его горели, он опять был безумен: – Товарищ Берия! Кругом нас враги народа, враги везде... Вот почему я посмел усомниться в самом товарище Сталине, чего себе до самой смерти не прощу!

Опять Берия подскочил. Продолжил бить его головой об стену, приговаривая:

– Не смей марать святое имя поганым ртом! – Остановился и снова заговорил совершенно спокойно: – Последний пункт обвинения. Твои сотрудники изобличили тебя в шпионских связях с польской, германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии.

Я услышал насмешливый привет от Кобы. Он с висельным юмором суммировал разведки, связь с которыми Ежов приписывал своим жертвам.

– Товарищ Сталин так высказался о тебе: «Мерзавец и шпион», – сообщил Берия.

– Тогда согласен. Слово Сталина для меня – закон. Все признаю. Передайте дорогому товарищу Сталину, что умирать буду, славя его имя.

Свою запись допроса я отдал Кобе. Больше о Ежове он со мной не говорил. Не писали о нем ничего и в газетах. Самый популярный герой попросту... исчез! Слышал, что его расстреляли в начале февраля сорокового года. К тому времени в тюрьме от него остался жалкий седенький остов. Но умер он, как и обещал, с криком: «Да здравствует товарищ Сталин!»

# Невероятное послание

Как сообщили наши информаторы из Лондона, Черчилль буквально молил Чемберлена заключить союз с Россией.

– Вы должны взглянуть в лицо горькой правде. Без надежного фронта на Востоке невозможна защита на Западе. Без России невозможен надежный восточный фронт.

Чемберлен привычно отвечал, что между нашими странами существует некая стена, преодолеть которую трудно. Но уступая натиску, идущему уже со всех сторон, твердолобый безумец начал вялые переговоры.

Между тем нам передали из Берлина, что в конце мая Гитлер собрал в рейхсканцелярии военачальников и прямо объявил: «Нам нужно новое жизненное пространство на Востоке. Или новая территория – или через несколько лет наша великая раса останется без продовольствия. И перед нами не вопрос: «Правильно или нет мы поступаем?» – а вопрос: «Быть или не быть восьмидесяти миллионам немцев?..» И мы уже не можем ожидать, что события развернутся, как в Чехословакии, мы не сумеем дешево отделаться. Лимит мирных нажимов и обманов исчерпан. Без кровопролития новые успехи невозможны. Мы сжигаем корабли. Выбор первой жертвы сделан – это Польша!»

Все дальнейшее обсуждение происходило в обстановке такой секретности, что получить сведения не удалось никому. Известно лишь, что Гитлер несколько часов непрерывно прогнозировал варианты событий. Несколько часов, блестя знаменитыми моноклями, привычно молчали генералы. Вчерашний ефрейтор их к этому уже приучил... как и Коба приучил нас.

Одно было совершенно ясно: впереди Польша.

Выслушав мое сообщение, Коба сказал:

– Началось! Нетрудно представить, о чем он говорил и что разбирал. Оккупация Польши – это война с Англией и Францией! Но возможно, и нет! Франция сейчас слаба. У нее нет мобилизованной армии... Слаба и политически. Да и чем поможет ей Англия? Жалких несколько дивизий. Скорее всего, как вчера, когда Франция наплевала на договор с чехами, Англия наплюет на свой договор с поляками. Второй Мюнхен – первый вариант нынешних событий. Европе предавать не впервой... Но есть и иной вариант. Фюрер понимает, что воевать Англия и Франция решатся, только если будем воевать и мы. Наши триста дивизий! Что это значит? Это значит, что для товарища империалиста фюрера вопрос жизни и смерти – не дать нам заключить союз с ними. Ради этого следует приползти хоть на коленях. Но это понимают и они. Этим мы заставим поторопиться и их. Заставим и их предложить нам что-то серьезное... *Теперь все должны нам предлагать!..*

Я слушал Кобу, решавшего судьбы мира, и видел замерзшего грузина, уткнувшегося носом в стену в ледяном Туруханске, и его собаку, лижущую тарелку. Чудны дела Твои, Господи, как сказали бы в нашей семинарии!

– Так что будем годить – как пишет товарищ Салтыков-Щедрин, – закончил Коба.

Я понял: он пока не решил, что делать.

Англия и Франция наконец-то услышали наши призывы. В Москву отправились их

военные миссии.

Коба послал на переговоры представительнейшую делегацию во главе с военным наркомом Ворошиловым. Но оказалось, Англия и Франция выделили каких-то жалких офицеров, которые к тому же неторопливо и долго до нас добирались. Было ясно: они по-прежнему не хотят военного союза с нами. Как сообщали «кембриджцы» из Лондона, Чемберлен не желает связывать себя с большевиками, он не хочет нашего участия в польских делах. Миссии направлены лишь для того, чтобы попугать Гитлера и заставить его отказаться от немедленных военных действий.

Чемберлен очень невысоко ценил наши военные силы.

Мой агент прислал доклады обоих английских военных атташе. Они дружно писали, что наша армия и ВВС способны хорошо обороняться, но вести серьезные наступательные действия не могут.

Однако в Берлине думали иначе.

# Мировая сенсация

Мне тогда пришлось спешно отправиться во Францию и Бельгию... Вернулся я только к майским праздникам.

1 мая 1939 года состоялся парад. Я был на Красной площади и с удовлетворением отметил: рядом с Кобой на Мавзолее стоял нарком Литвинов.

Но уже 3 мая мир потрясла сенсация. Это была малюсенькая заметка в «Правде». В разделе «Новости» сообщалось о том, что товарищ Литвинов освобожден от должности народного комиссара по иностранным делам по собственной просьбе, и на его место назначается Председатель Совета народных комиссаров товарищ Молотов.

Литвинов, ратовавший за союз с западными демократиями, укрепление Лиги Наций, был прогнан! И еще: еврея заменил русский! Коба широко отворил дверь для переговоров с Германией.

# Невозможная телеграмма

Ночью... это был вторник 15, точнее, уже 16 августа, меня разбудил звонок. Коба сказал: – Немедленно приезжай, машина у твоего дома.

Через полчаса я был в его кабинете. Там уже сидели Молотов и Ворошилов.

Оказалось, ночью послу Шуленбургу пришла срочная телеграмма из Берлина. Шуленбург тотчас попросил приема у Молотова. Его обязали прочесть эту телеграмму вслух Молотову, перед тем как вручить ее, – столь важна она была.

Исполнив просьбу, он попросил немедленной аудиенции у Сталина, чтобы лично передать ему этот важнейший текст.

И он передал.

Теперь эта телеграмма была в руках Кобы. Никогда не забуду, как он читал ее. Прочел, потом положил, прошелся по кабинету. Опять прочел. Какое торжество было на его лице! Наверное, так торжествуют ученые в момент, когда опыт подтверждает их величайшую догадку. Только за догадками Кобы стояли жизни и смерти миллионов...

Наконец он прочел ее и нам...

Историческая телеграмма была за подписью министра иностранных дел Риббентропа, но конечно же писал ее не этот известный глупец. (Гитлер, назначая его министром, сказал Герингу: «Риббентроп хорошо известен в английских дипломатических кругах». – «В том-то и беда», – вздохнул в ответ Геринг.) Как и положено, ее писал Гитлер (точно так же за всеми важными телеграммами Молотова стоял Коба).

Гитлер, после всех его проклятий, антикоминтерновского пакта, бесконечных заявлений о великой миссии разгрома еврейского большевизма, спокойно писал Кобе о том, что наши отношения подошли к историческому повороту и пора вспомнить, что говорит нам История. А история говорит одно: России и Германии всегда лучше оставаться друзьями.

«Кризис германо-польских отношений, спровоцированный политикой Англии (?!), делает желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой... Будет фатальной ошибкой, если от незнания взглядов и намерений друг друга наши народы не договорятся».

Далее сообщалось, что в Москву готов прибыть Риббентроп, чтобы от имени фюрера изложить его взгляды господину Сталину и тем самым заложить фундамент окончательного урегулирования германо-русских отношений.

– «Совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой...» — Коба усмехнулся. – Однако нас приглашают за обеденный стол. Ну, что на это скажешь? – Он взглянул на Молотова.

(Ворошилов до сих пор не проронил ни звука, но и Коба ничего у него не спрашивал. И вообще к Ворошилову он обращался только во время застолий.)

Молотов молчал, поблескивая пенсне.

Коба посмотрел на меня. Я сказал то, что он так хотел услышать:

– Невероятно, Коба!

– Глупцам это кажется невероятным. Но товарищ Сталин хорошо понимал этого

мерзавца. Товарищ Сталин уже после Мюнхена предсказал *удивительнейшие события* — в отличие от прочих товарищей и господ. Он знал и ждал, что все повернется именно так.

Он был страшный человек, мой друг Коба. Но великий.

Лишь сейчас, приведя в порядок записи донесений своих агентов, я понимаю, что возможность союза Коба и Гитлер прощупывали давно. Так что описываю для Истории длинную шахматную партию Кобы.

Уже в 1936 году мои агенты сообщили мне, что в нашем торгпредстве появился странный человек – некто Давид Канделаки. (Это был наш с Кобой давний знакомый. С шестнадцати лет он участвовал в Революции, был боевиком. После Революции стал наркомом просвещения в Грузии.)

По непривычно свободному поведению «странного» Канделаки становилось понятно, что он – личный агент Кобы. Только личный посланец Самого мог затеять сверхсекретные переговоры с Ялмаром Шахтом, главой рейхсбанка, о возобновлении торговых отношений СССР с фашистской Германией. Да еще в разгар яростных официальных взаимных проклятий! Переговоры продвигались успешно, и в них участвовал Герберт Геринг, брат Германа Геринга, работавший у Шахта.

Герберт передал Канделаки слова самого Геринга: «На самом деле мы не питаем ненависти к Стране Советов. Фюрер и руководство рейха питают ненависть к мировой буржуазии и к мировому еврейству, зловредной опухоли человечества. В Германии весьма позитивно оценили то, что товарищ Сталин вывел большинство евреев из руководства СССР. Руководство рейха все больше думает, что пришла пора поговорить о союзе против жадной мировой плутократии во имя мира во всем мире...» (То же потом повторит Муссолини!)

И уже тогда Шахт заявил: «Очень многое в наших взаимоотношениях могло измениться, если бы состоялась встреча Сталина с фюрером! Фюрер высоко ценит Сталина».

Однако слухи о переговорах просочились в прессу, и тотчас переговоры свернули. Слишком много знавший Канделаки по возвращении в СССР, как и положено, исчез.

(Помню, впоследствии, году в сорок седьмом, я спросил Кобу о нашем хорошем знакомом. Коба только вздохнул: «Не выдержал за границей твой Канделаки, шпионом стал. Кстати, наговорил следователю, будто ты тоже шпион. Я велел сказать ему: «Не важно, что Фудзи шпион, важно, что человек хороший», – и шутник Коба засмеялся. – Но твой Канделаки был плохой человек. Ликвидировал его Николай (Ежов). Может, и поторопился, но сам знаешь, какая у вас быстрая, решительная организация!»)

После Мюнхена Коба возобновил эти секретные переговоры. Поручил он их нашему временному поверенному Георгию Астахову. И с ним тотчас вошли в контакт высокие чиновники рейха, в том числе сам статс-секретарь Эрнст Вайцзеккер. Видимо, поняв по их энтузиазму, как он становится нужен, Коба сделал очередной блестящий ход. Он прервал переговоры, отозвал Астахова, которому пришлось... исчезнуть вслед за Канделаки. Ибо тогда еще было рано... Коба предвидел: если сегодня он может быть полезен Гитлеру, завтра он понадобится ему позарез. И тогда он потребует сполна!

С тех пор Коба начал ждать. Барс в засаде... А когда почувствовал, что это время приблизилось, дал Гитлеру нужный звоночек – снял еврея Литвинова.

Гитлер звонок услышал.

(Как сообщил Старшина, накануне визита Риббентропа Гитлер сказал на очередном совещании: «Отставка Литвинова явилась решающим фактором. После этого я сразу понял, что в Москве отношение к западным демократиям изменилось!»)

И вот все состоялось.

Коба походил по кабинету.

– Итак, мерзавец Гитлер пошел на унижение. Ну и что же делать нам? – Насмешливо обратился ко мне: – Подскажи нам, Фудзи?

Я подыграл и произнес «благородную речь»:

– Опубликовать письмо. Сделать заявление, которое будет приветствовать вся прогрессивная Европа. Заявить, что если мир притерпелся ко лжи, бесчеловечности и жестокости Гитлера, то мы, партия большевиков, решительно отвергаем.

Коба был доволен, он мог выглядеть мудрым.

– Фудзи благороден до меньшевистской глупости! Зря тебя не расстрелял Николай. Ну, а что скажешь ты, Вячеслав?

Лицо Молотова осталось бесстрастным.

– Я думаю, ты прав, Коба.

Коба засмеялся.

– Итак, мы соберем Политбюро, и ты, Вячеслав, скажешь следующее: «Нужен ли нам Гитлер, бросившийся на нас, или... – Остановился, пососал погасшую трубку. – Или... или нас больше устраивает Гитлер, разрушающий капиталистическую Европу? Ответ наших товарищей, думаю, понятен». После этого ты спросишь: «Но как заставить Гитлера сделать то, что нам нужно?» Здесь помолчишь и потом проговоришь: «Ответ тоже понятен: заключить с ним пакт о ненападении!» Ты прочтешь удивление на лицах, какое сейчас видишь на глупом лице Фудзи, и пояснишь: «Да, это трудный шаг. Но другого выхода нам не оставили Франция и Англия. Мы чисты перед миром. Не мы заключали Мюнхен. Напротив, мы предлагали англичанам и французам военный союз, много раз и безуспешно!»

Бедный Молотов! Теперь он побледнел. Он должен был предложить Политбюро мирный пакт с уничтожившим немецкую компартию антисемитом Гитлером.

Коба с усмешкой закончил:

– Это и будет твоей истинной коронационной речью, Молотошвили! Как говорят товарищи американцы, ты у нас нынче «большой Босс». Глава правительства и *народный комиссар по иностранным делам*. Чтобы все понимали, как важны для нас иностранные дела. Конечно, хорошо бы строго спросить с мудака Литвинова, просравшего Мюнхен и убеждавшего нас в возможности союза с западными демократиями. Но мы этого делать не будем... пока. Он нам *еще понадобится*.

Коба, как всегда, смотрел вперед. Очень далеко смотрел. В непроглядную для нас тьму.

– Так что же, Иосиф, союз с... немцами? – Не желая упоминать Гитлера, спросил Молотов.

Вместо ответа Коба обратился... ко мне.

– Ответь ты, Фудзи. Ты у нас смелый. Да и терять тебе нечего. Николай не сумел, но Лаврентий тебя точно расстреляет.

Ему нравилось видеть, как я пугаюсь и прихожу в бешенство от своего страха.

Я продолжил подыгрывать:

– Но как же... народ, Коба? Армия? Коминтерн? После того как мы годами вдалбливали людям, какое чудовище Гитлер, после антисемитских погромов в Берлине... Мы – интернационалисты...

Я дал ему возможность лихо ответить.

– Наш народ, – улыбнулся Коба, – с пониманием относится к решениям своего Политбюро. А все непонятливые, и даже те, кто мог бы ими стать, они... далече! Мне сегодня Лаврентий рассказал поучительный анекдот. Идет первомайская демонстрация. И товарищ Сталин приказывает: «Высечь демонстрантов прямо на площади». Вячеслав и все Политбюро в ужасе. Ждут восстания. И вправду, раздается приближающийся гул голосов... Всё ближе рев толпы. Ты, Вячеслав, лезешь в страхе под стол, за тобой – все остальные... Один товарищ Сталин спокойно ждет. Тут вбегает растерзанный Лаврентий и говорит: «Прорвалась делегация научных работников. Требуется, чтоб их высекли досрочно!» – и прыснул в усы. – Это о народе... Что касается Коминтерна – все ненадежные также переехали в поместья товарища Берии или куда повыше. Ну разве только ты, Фудзи, остался.

(Так вот зачем он уничтожал Коминтерн! Уже тогда он продумывал пути к союзу с Гитлером. И заранее ликвидировал возможную яростную оппозицию. Представляю, что сейчас устроили бы ему те, кто исчез в бездонной могиле Донского монастыря.)

– Теперь об армии... – продолжал Коба. – По всем воинским частям, на всех политзанятиях будем объяснять наглядно... – Он взял лист бумаги и начертил два треугольника. – Один будет называться «Что хотели империалисты и главный холуй мирового капитала Чемберлен». Наверху пишем: «Лондон и Париж», внизу – «Москва и Берлин». Англичане и французы мечтали столкнуть нас с немцами, а сами быть наверху. Другой треугольник будет называться «Что сделал товарищ Сталин». Здесь наверху пишем слово «Москва», а внизу – «Лондон, Париж и Берлин»... Сталин столкнул Берлин с Лондоном и Парижем, а СССР – наверху. Вот что придумал товарищ Сталин...

В это время в кабинет вошел Берия.

– Ты знаешь, Лаврентий, сейчас Вячеслав предложил очень смелый шаг. Наш новый нарком иностранных дел предлагает заключить мирный пакт с Гитлером.

Берия почти испуганно уставился на Кобу... Наконец понял!

– Скажу только одно: браво, Вячеслав Михайлович!

– Но товарищ Сталин знает, что это лишь начало большой игры. В конце мы нападём на Гитлера, Вячеслава за союз с Гитлером расстреляем, а Литвинова опять назначим. Не так ли, Лаврентий? – сказал мой друг Коба.

Бедный Молотов нашел в себе силы улыбнуться.

– Итак, Вячеслав, продолжай вершить иностранные дела. Продумаем вместе, товарищ Талейран, что ответим империалисту. Чтобы сожрать Польшу, мерзавцу нужно начать кампанию самое позднее до конца лета, пока есть хорошие дороги, не раскисшие от дождей... Товарищу Гитлеру ох как необходим наш скорый ответ. Значит, Вячеслав?..

Молотов многозначительно кивнул.

– Правильно, – сказал Коба. – Мы не будем спешить и подождём с ответом. Но с завтрашнего дня наши газеты перестают ругать мерзавца. – Наконец он обратился к Ворошилову: – Ты спросишь англичан и французов. Пиши. Первое: для того чтобы вести военные действия в случае нападения Германии на Польшу, мы должны иметь точки соприкосновения с противником. У нас, как известно, нет границы с Германией. Существует ли договор с Польшей о пропуске наших войск? Второе: какова будет численность английского экспедиционного корпуса к началу боевых действий? Мы готовы выставить сразу сто двадцать дивизий. И есть ли договор с Бельгией – о пропуске французских войск?

Коба знал, что ответов на эти конкретные вопросы не получит. Наша разведка донесла: Польша объявила, что согласия на пропуск советских войск никогда не даст. (Сколько

поляков погибло в польско-русских войнах! Россия уничтожила польское государство. Как после этого пустить нас в Польшу? С Бельгией никаких договоренностей не было... Да и Англия могла поставить в начале войны только жалких шестнадцать дивизий!)

Коба заботливо набирал очки, зарабатывал право признать переговоры сорванными по вине западных держав. Но так оно было и на самом деле!

Первое сентября приближалось, а ответа неторопливый Коба не посылал. Гитлер жил на своей вилле в Баварских Альпах. Ефрейтор сообщил, что фюрер находится «в постоянной истерике». Вызывал к себе Геринга, требовал от разведки узнать, почему молчит Сталин. Его армия стояла в боевой готовности, и время стремительно уходило. Его корабли не могли выйти в море.

Наша военная делегация продолжала как ни в чем не бывало вести безнадежные переговоры с французами и англичанами...

Только через четыре томительных дня Молотов позвал к себе Шуленбурга. Он сообщил послу, что Риббентропу приезжать рано. Учитывая наши долгие взаимные оскорбления, идти к нормализации следует неспешно. Сперва заключим всеобъемлющее экономическое соглашение. И уже потом перейдем к делам политическим. Лишь после подписания экономического соглашения Риббентроп сможет приехать в Москву. Это будет в лучшем случае 27 августа.

Молотов передал послу проект Пакта о ненападении между двумя странами.

Как сообщил Корсиканец, Гитлер впал в неистовство. Если Риббентроп приедет двадцать седьмого, срок нападения на Польшу пройдет!

Гитлер сделал то, к чему принудил его Коба. Он пошел на унижение – сам обратился к Сталину. Попросил посла вручить его телеграмму незамедлительно. И опять в кабинете Коба непередаваемо насмешливо прочел униженный текст Гитлера.

Гитлер соглашался со всеми пунктами плана о ненападении. Он буквально молил: «Напряженность в отношениях с Польшей стала невыносимой. Я прошу вас принять моего министра не позднее 23 августа!»

Коба составил в ответ холодное краткое послание: «Советское правительство поручило мне... – (скромный порученец Коба!) – сообщить Вам, что оно согласно на прибытие министра Риббентропа 21 августа. Сталин».

На следующий день счастливый Гитлер собрал своих генералов. И сообщил, что сможет начать вторжение в Польшу!

После чего выдал обычную бесконечную речь. Спортсмен прислал ее переложение. «Все зависит от меня, от моего существования, от моих талантов политика. Вряд ли когда-нибудь появится человек, обладающий большей властью, чем я. Факт моего существования необычайно важен. Но меня в любой момент может убить преступник или сумасшедший... Поэтому я должен торопиться осуществить свое предназначение. И потому решение о войне мне принять очень легко. Нам нечего терять; мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сумеем продержаться без этой войны всего несколько лет. Геринг это подтвердит. У нас нет выбора, мы должны действовать».

Тогда же Коба взял меня с собой на Ближнюю. Была теплая августовская ночь. Мы сидели на веранде. Ее только что пристроили к дому, пахло деревом.

– Риббентроп в Кремле! – сказал Коба. – Такое даже Жюль Верн не придумал бы, а вот товарищ Сталин знал, что так будет.

Я молчал.

– Ну, скажи, не бойся. Я понимаю, мы были чистенькими столько лет. Давай говори за своих мудаков!

Я сказал:

– Мы были поборниками мира, были главной силой, противостоявшей чудовищному, нечеловеческому фашизму.

– Так, дорогой. Но товарища Сталина за все эти заслуги поставили к стенке – в безвыходное положение. Это они покорно разрешили Гитлеру создать армию, захватить Австрию, потом Чехословакию, даже не ставя нас в известность, будто нас нет! Потом водили за нос, делали вид, что ведут военные переговоры... Разве англичане не могли включить в свой договор с поляками непременно условие – пропуск нашей армии? Но они не хотели... Если бы хотели, то принудили бы Польшу, как принудили Чехословакию. Мы чисты перед миром. Ты скажешь своим шпионам: «Они заключали Мюнхен, чтобы «благородно», за счет чехов, получить мирную отсрочку, теперь наша очередь за счет поляков благородно получать свою отсрочку от войны!»

Что ж, он выполнял обязанность Вождя – думал о своей стране.

(Одно «но». Никто не мог предвидеть, что случится после этой отсрочки, даже Коба. Что в результате союза с нами Гитлер преспокойно захватит всю Европу и получит все ее ресурсы, уничтожит Францию, английский экспедиционный корпус... И вскоре перед Гитлером окажемся... мы!)

Тогда я сказал ему то, что он хотел услышать:

– Ты всегда прав, Коба.

Но он... лишь досадливо махнул рукой.

Утром на дачу приехали Берия и Молотов. Начали обсуждать, как встретить Риббентропа. Коба готовился будто к сражению.

– Думаю, товарища Риббентропа встретим холодно. Пусть понимает, что нам всё это нужно куда меньше, чем им. Никакой торжественности. Переговоры будем вести в кабинете Молотова. Все время подчеркивая: это не союз, это Пакт о *ненападении*, и только.

Позвонил начальник протокола МИД, доложил:

– Есть проблема, товарищ Сталин. В наркомате иностранных дел нет фашистских флагов.

– Попробовали бы они у вас быть, – усмехнулся Коба.

Догадался Берия:

– Пошлите на «Мосфильм». Там снимаются антифашистские фильмы.

Отправили посланца на студию. Оказалось, Ежов успел расстрелять прежнего кладовщика как раз за хранение этих флагов. На студии в страхе клялись, что никаких флагов не хранится, после съемок все уничтожается. Обыскали склад. Один флаг нашли. С кладовщиком случился инфаркт.

Утром 22 августа поступило сообщение от Ефрейтора.

«22 августа Риббентроп и многочисленная делегация на двух «Кондорах» вылетела из Берлина. Риббентроп летел на гордости немецкой авиации – личном самолете Гитлера. На

ночь они приземлились в Кенигсберге, где министр получал последние инструкции от фюрера. Гитлер провел у телефона полночи. Кроме Пакта о ненападении Риббентроп вез с собой *нечто*. Но никто не знает, что именно».

Кроме того, Ефрейтор донес, что Гитлеру пришлось объясняться со своей партией. Он дал секретное указание разъяснить всем ее членам, что договор является лишь временной мерой и совершенно не меняет враждебного отношения к Советам. «Наступит миг – флаг со свастикой запылится в Москве на месте серпа и молота».

Нервничал и Коба. Велел вызвать Шуленбурга и указать послу, что сообщение о прилете Риббентропа должно быть опубликовано *одновременно* — в Берлине и в Москве лишь на следующий день после его прибытия в Москву. Коба хотел взять день на размышления о том, как объявлять обо всем миру и, главное, коммунистам в Европе.

Гитлер обманул тотчас. Он поторопился сделать наше отступление невозможным. Уже вечером передача немецкого радио внезапно прервалась, и диктор сказал невероятное: «Имперское правительство и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении. Для ведения переговоров имперский министр иностранных дел прибывает в Москву».

Шок во всем мире! Газеты захлебывались от предположений.

– И невинность соблюсти, и капитал приобрести нелегко, – пробурчал Коба. – Но встречать подлеца будем теперь совсем скромно.

# Загадка булгаковской пьесы

Кажется, в том же в августе, в самых первых числах, Коба сказал мне:

– Говорят, драматург товарищ Булгаков написал очень неплохую пьесу про нашу с тобой забастовку в Батуме. Ее хочет ставить МХАТ, думаю, разрешим товарищам? МХАТ – прославленный коллектив. Они умудрились неплохо исправить пьесу товарища Булгакова «Дни Турбиных». Хмелев обаятельно играл. Мне даже как-то приснились его усики. Сейчас он хочет играть товарища Сталина. Думали ли мы, что нас будут играть замечательные артисты?

«Нас» – это значит «его»!..

Жена рассказала, что «вся Москва» наполнилась слухами о пьесе Булгакова. МХАТ планировал выпустить спектакль в день шестидесятилетия Кобы. Все правильно: первый театр страны ставит пьесу о первом человеке. Остальные театры приготовились одновременно поставить эту же пьесу к юбилею моего великого друга. Большой обратился в ЦК с просьбой разрешить создать оперу по пьесе «Батум». Обо всем этом Коба сообщил мне, добро смеясь:

– Будут нас с тобой и петь, Фудзи. – И вслед любимое: – Думали ли мы?!

Однако конец этой истории оказался удивительным.

Приблизительно за несколько дней до приезда Риббентропа я застал Кобу в опасной ярости.

В этот момент по громкой связи раздался голос Поскребышева:

– Глава Реперткома... – (Репертуарного комитета, ведавшего репертуаром театров), – у телефона.

– Вы что, с ума все посходили?! В этой говенной пьесе какая-то гадалка предсказывает судьбу товарищу Сталину! Священник ругает его «дьяволом»! Сообщите во МХАТ, что ЦК решительно против постановки пьесы. Зачем рассказывать о юности товарища Сталина? Он ведь еще не был товарищем Сталиным! Он был самым обычным молодым человеком, Иосифом Джугашвили. И запомните: никогда не надо вкладывать в уста товарища Сталина глупые чужие слова, – он бросил трубку и закончил негодуя: – Этой пьесой товарищ Булгаков решил схитрить – навести мосты с советской властью. Шалишь! Не люблю неискренних людей!

Я был изумлен. Между фразой «Товарищ Булгаков написал очень неплохую пьесу» и словами «говенная пьеса» не прошло и месяца.

И мне стало любопытно разузнать, почему мой друг вдруг ополчился на «очень неплохую пьесу про нашу с тобой забастовку».

Я поговорил на Лубянке с товарищем, занимавшимся писателями. Оказалось, Булгакову не хватало материалов о юности Кобы. Он вместе с постановщиками спектакля придумал отправиться в Грузию – собрать документы и найти живых очевидцев событий, поговорить с ними и потом дописать пьесу.

Булгаков и группа мхатовцев весело ехали в поезде, когда на одной из станций в поезд принесли телеграмму: «Надобность в поездке отпала, возвращайтесь в Москву».

Загадка была несложной. Судьбу пьесы, уверен, решила эта поездка! Не следовало ехать

Булгакову на нашу маленькую Родину. Мой подозрительнейший друг этого не хотел. Не хотел, чтобы, знакомясь с молодостью Вождя, Булгаков и мхатовцы поговорили с нашими стариками партийцами. С теми редкими гордыми стариками, которых Коба не успел убить. Они, потерявшие друзей и родственников, могли поведать московским гостям старые темные слухи об «осведомителе Кобе».

# Искушение дьявола

Риббентроп, летевший на двух самолетах со множеством прислуги и сопровождавших лиц, явно хотел шумного – на весь мир – пышного прибытия в Москву.

Но мой друг, как всегда, сам детально разработал всю пьесу.

В первом акте Риббентропа должны были огорошить... неприятием!

Один из моих агентов находился среди риббентроповской свиты, и я отправился на аэродром поглядеть на встречу.

Самолет приземлился. Риббентроп появился на трапе. Как ему было интересно увидеть летное поле столицы заклятого врага! Сошел с трапа, пошарил глазами – заметил немецкое посольство в полном составе. Рядом – жалкая кучка встречающих русских. Наши представились: второй заместитель наркома иностранных дел, шеф протокола... И, кажется, все! Встречали оскорбительно, демонстративно убого.

Посол граф Шуленбург повез чертыхающегося министра к себе, в здание посольства, ибо Коба велел не предоставлять Риббентропу помещения. В посольстве и в квартирах немецких дипломатов кое-как разместили его огромную свиту.

Как сообщил мой информатор, после устроенного Шуленбургом импровизированного завтрака нацистский министр, невыспавшийся и злой, отправился на переговоры. Шуленбург сказал, что они будут проходить в кабинете Молотова. Риббентроп понял: Сталин переговоры игнорирует.

Помпезность его приезда стала выглядеть совсем смешно. Он в бешенстве доложил обо всем Гитлеру.

Но к изумлению Риббентропа его привезли... в Кремль! Именно здесь оказался кабинет Молотова. Риббентроп простодушно захотел перед заседанием осмотреть «легендарный Кремль» – погулять по «твердыне коммунизма». Но шеф протокола сухо извинился: это не предусмотрено программой. И когда Риббентроп окончательно убедился, что ничего, кроме унижений, приезд не сулит, его повели в кабинет Молотова.

Он вошел туда вместе с переводчиком и послом и... и наверняка оторопел: рядом с Молотовым сидел Коба!

В углу за отдельным столиком расположились секретари, и я вместе с ними.

Помню, обрадовавшийся Риббентроп тотчас начал подготовленную, выпретенную речь: «Я хотел бы сказать о духе братства, который столетиями связывал русский и немецкий народы...»

Но Молотов (как было задумано Кобой) грубо оборвал его:

– Между нами не может быть никакого братства. Вы это знаете не хуже нас. Давайте лучше говорить о делах. Вы хотите нашего нейтралитета. Я вынужден вам сказать: не может быть никакого нейтралитета с нашей стороны, пока вы не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас. Так было, во всяком случае, заявлено вашими лидерами не раз и не два!

Коба мрачно молчал. Пока. Он знал сообщения наших агентов: Гитлер велел Риббентропу не возвращаться без Пакта, и потому посланец готов к любым уступкам.

Только когда Риббентроп совсем сник, Коба заговорил.

К полному изумлению немца, теперь сам Сталин повел переговоры. И они завершились... за три часа. (Если учесть, что половина времени уходила на перевод, можно

представить, как стремительно и легко они прошли.)

Результаты хорошо известны. В составленном нами проекте Пакта обе стороны обязались «воздерживаться от всякого насилия, агрессивного действия и нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Если одна из договаривающихся сторон окажется объектом «насилия или нападения со стороны третьей державы, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами они «должны разрешаться исключительно мирным путем».

Во время крайне быстрого обсуждения (Риббентроп спешил соглашаться со всеми статьями) Молотов и Коба успешно играли роли, придуманные режиссером Кобой. Молотов – угрюм, недоверчив, часто переспрашивал или обрывал собеседника. Коба – добродушен, само кавказское гостеприимство. Риббентроп был очарован Кобой и счастлив: договор одобрен и будет подписан!

Но вдруг Коба с усмешкой спросил:

– А как же теперь будет обстоять дело с антикоминтерновским пактом? Что скажут его участники – Япония, Италия?

Риббентроп, смеясь, ответил шуткой:

– Ну что же, Советский Союз присоединится к антикоминтерновскому пакту, и все вопросы отойдут сами собой.

Коба весело прыснул в усы, сказал тихо:

– Нашелся, мерзавец!

(Шутку эту Риббентропу предусмотрительно подготовил Геббельс и одобрил Гитлер – так сообщил Старшина.)

Риббентроп, как бы невзначай, попросил внести еще один пункт. Как он пояснил, «не такой важный» – о том, что договор вступает в силу с момента его подписания (а не после ратификации парламентами, как предлагалось нами).

– Ну почему «не такой важный»? – возразил Коба. – Это очень важный *для вас* пункт, – и вдруг уточнил: – Значит, *через неделю*?

Риббентроп в недоумении уставился на него.

– Через неделю вы должны напасть на Польшу?

– Я восхищен осведомленностью господина Сталина.

Здесь настала очередь Риббентропа удивлять Кобу:

– И поэтому я хочу передать вам личное письмо моего фюрера. Письмо строго конфиденциальное, и я прошу, чтобы все, кроме господина Сталина, господина Молотова и вашего переводчика, покинули кабинет.

Коба велел секретарям и переводчику выйти. Вместе с ними вышел и немецкий переводчик. Переводить Коба велел мне.

Риббентроп торжественно вынул сложенный вчетверо лист бумаги и передал мне.

Я развернул, пробежал глазами. Думаю, на лице моем было изумление. Я начал читать: «Дополнительный секретный Протокол. По случаю подписания Пакта о ненападении между Германским Рейхом и СССР уполномоченные представители обеих стран, подписавшие документ в ходе строго конфиденциального обмена мнениями, обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе...»

Я читал медленно, поглядывая на слушающих. На лице Молотова вместо дежурной

непроницаемой маски был попросту... испуг.

Еще бы! Гитлер предлагал нарушить то, что было объявлено святой основой нашей дипломатии. Первым декретом Революции стала публикация тайных царских договоров и обещание – никаких секретных соглашений впредь! Никакого дележа мира! Будто глумясь над нашими обетами, главный империалист мира предлагал тайное соглашение и раздел мира. Здесь были все проклятые нами понятия: «сфера интересов», «территориально-политическое переустройство Европы» – все, что Ленин и партия называли «политикой империализма».

Гитлер щедро отдавал Коба Восточную Европу.

В пункте первом Польша переставала существовать. Разграничение сфер интересов шло по рекам Нарев, Висла и Сан. Гитлер предлагал четвертый раздел Польши!

В пункте втором прекращали существование прибалтийские государства. «В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве), северная граница Литвы становится границей сфер интересов Германии и СССР».

Итак, части бывшего царства Польского и Прибалтики – земли, когда-то принадлежавшие царской России, возвращались обратно. За этим жалким листком бумаги была новая карта Европы и воскресшая империя Романовых, которую мы, революционеры, уничтожили два десятка лет назад...

Но Коба?! Коба оставался совершенно спокойным, будто ждал этого. Будто сейчас ему предлагали не то самое искушение Дьявола, о котором нам рассказывали в семинарии, а нечто... само собой разумеющееся!

Я даже заметил усмешку на его лице!..

Пункт третий был последним: «Обе стороны обязуются держать этот протокол в строгой тайне». (И держали! Коба всегда отрицал его существование. Он выполнит последний пункт. Но как мы учили в семинарии: «Нет ничего тайного...» Протокол найдут союзники в немецком архиве в сорок пятом году.)

Я закончил читать. Какая наступила тишина!

Коба долго молчал. Наконец сказал:

– Мы сделаем небольшой перерыв.

И я понял: он принял решение. Счастливое лицо Риббентропа! Он тоже понял...

После чего его повели осматривать Кремль.

В кабинете Коба орал на меня по-грузински:

– Скажи нам, дорогой, зачем тратим деньги, если твои агенты ни хера не знают! Мерзавцы! Мы не подготовлены к этим предложениям! Мы не знаем, сколько можем просить еще!

Но я не сомневался: кричит нарочно. С трудом сдерживает радость. И конечно, он подготовился, ведь он давно все рассчитал.

Наконец представление окончилось, и Коба сказал спокойно, по-русски:

– Между нами говоря, дела неплохие. Заберем у негодя украинские, белорусские земли, потом Прибалтику... потом Финляндию. Вернем все, что отдали в Революцию, не потеряв при этом ни одного солдата.

Более того, Коба решил попросить дополнительно: два порта на Балтике – Лиенау и

Вентспилс и важнейшую для бедной нефтью Германии нефтеносную Бессарабию, захваченную у нас Румынией в 1918 году. Коба знал: Гитлер согласится! Ему надо заключить пакт немедленно. С каждым днем пугающая осень все приближалась. Приближались дожди и размытые, непролазные дороги Польши.

Вызвали Риббентропа. Прервав восторги министра о «таинственном Кремле», Молотов озвучил наши новые предложения – порты плюс особый пункт о наших интересах в Юго-Западной Европе – о Бессарабии.

Риббентроп попросил разрешения связаться с Берлином (еще накануне между Кремлем и имперской канцелярией была установлена прямая связь). Он позвонил Гитлеру. Торопливо сообщил дополнительные требования и почти тотчас положил трубку (мне показалось, что Гитлер на другом конце провода даже не дослушал – так спешил).

Риббентроп торжественно объявил:

– Мой фюрер ответил кратко: «Согласен!» Мы объявляем о своей полной незаинтересованности в этой территории.

После этого перешли к самому щекотливому. Как объявить миру о том, что государство Интернационала, славившее еврея Маркса, заключило союз со звериным антисемитом и антикоммунистом. Риббентроп тотчас предложил текст коммюнике, где в цветистых, высокопарных выражениях восхвалялась «вновь обретенная германо-советская дружба».

Коба был на высоте. Он насмешливо, но мягко сказал Риббентропу:

– Не думаете ли вы, что нам следует больше считаться с общественным мнением в наших странах? Годами мы выливали друг на друга ведра помоев, сейчас хотим, чтобы наши народы сразу поверили, будто все предано забвению? Так не бывает. Общественное мнение следует *готовить* к переменам, которые столь счастливо произошли.

И старый журналист Коба быстро составил скромное коммюнике...

В первом часу ночи в Кремле было назначено подписание пакта и секретного протокола о разделе Европы.

Георгиевский зал в Кремле. Риббентроп – с плутоватыми, кошачьими глазами. Молотов – в пенсне, из-под которого глядят, как всегда, непроницаемые, ничего не выражающие глаза. Они торжественно стоят у стола, где разложены документы. Поодаль – веселый Коба. Он шутит, Молотов молчит, лицо побледневшее, неподвижное.

– Мы хорошо поругали друг друга, не правда ли, господин Риббентроп? Так что теперь рады помириться, – веселится Коба.

Молотов и Риббентроп садятся за стол. Легкий, веселый Риббентроп как-то щегольски подписывает Пакт о ненападении и секретные протоколы.

У Молотова... руки дрожат! Еще бы – он, возможно, подписывает себе смертный приговор на будущее. Если что пойдет не так, ответит он.

Начался прием. Шампанское – рекой, горки икры и бесконечные чествования.

Коба произнес первый тост.

– Я знаю, – сказал он, – как горячо любит немецкий народ своего вождя. Поэтому первый бокал я поднимаю за здоровье великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера.

Рейхминистр ответил, как положено:

– За здоровье великого вождя народов СССР Иосифа Сталина!

Приехавший с Риббентропом личный фотограф Гитлера Гофман поспешил запечатлеть историческое событие. Этот маленький плешивый человек был давним сподвижником Гитлера, очень близким к нему. Как сообщали мои агенты (когда мы пытались подобраться к Еве Браун), возлюбленная Гитлера была пристроена фюрером работать у Гофмана.

Коба был щедр и шепотом предложил Молотову поднять тост за фотографа. Тотчас Гофман продемонстрировал свое особое положение. Он разразился ответной речью, обращаясь к Кобе:

– Для меня большая честь, ваше превосходительство, передать вам сердечный привет и добрые пожелания от моего давнего друга, великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера, – и добавил как-то слишком раздельно: – Наш фюрер был бы очень рад *лично познакомиться с великим Сталиным*.

Но наш переводчик не сумел передать настойчивую интонацию фотографа (и я впоследствии объяснил это Кобе).

Тотчас после этой фразы Риббентроп подошел к Кобе. Видимо, последовательность действий была отрепетирована.

Я уже успел сообщить Кобе, что процветающий бизнес Риббентропа – продажа дорогих вин. Коба весело потребовал у немецкого министра оценить наши вина из крымских подвалов Абрау-Дюрсо. Риббентропу пришлось выпить несколько бокалов – оценил высоко.

Затем по просьбе Риббентропа они с Кобой уединились и повели разговор через немецкого переводчика.

Беседа была недолгой. Тосты и общее веселье вскоре продолжились.

Главным выпивохой в Политбюро считался Молотов. Он умел пить как-то сосредоточенно – мрачно, совершенно не пьянея. После десятка новых тостов я увидел совершенно белое, изможденное лицо Риббентропа...

Коба был беспощаден.

На приеме присутствовал и Каганович. В этой щекотливой ситуации он держался скромно, стоял в сторонке. Коба любил острые шутки.

– Господин Риббентроп, я предлагаю новый тост – за нашего железного наркома Лазаря Моисеевича Кагановича. Он построил наше метро и ведаёт всей нашей тяжелой промышленностью. – И насмешливо посмотрел на Риббентропа.

Тот, пьяный, зашептал:

– Ради вас, геноссе Сталин, хоть за Дьявола. У нас тоже есть полезные евреи. Фюрер их высоко ценит. Вообще у нас фюрер решает, кто еврей, а кто – нет. Но всех бесполезных евреев... – Он спохватился, замолчал. Он был совсем пьян, и посол Шуленбург попытался закончить прием.

Но неумолимый Коба решил произнести и маленькую речь о значении пакта.

– Пакт о ненападении – залог мира в Европе. Так выпьем же, друзья, за мир во всем мире! Господин Риббентроп, не отставайте!

Немец с мертвенно бледным лицом выпил. Зашатался. Только тогда Коба согласился его помиловать.

– Ну давайте прощаться. Передайте рейхсфюреру, что Советский Союз никогда не обманет своего партнера.

Уже уходя, едва не падая и опираясь на Шуленбурга, Риббентроп вдруг остановился. Обернулся, и... хмеля как не бывало. Он сухо и нарочито громко произнес:

– Прощаясь, я хочу, геноссе Сталин, напомнить о нашем разговоре: фюрер ждет *личной*

встречи.

И ушел.

– Сукин сын, – сказал мне потом Коба, – ведь договорились: никому ни слова.

Как сообщил мой информатор, вернувшись в посольство, пьяненький Риббентроп восторженно описал сотрудникам великолепный прием, который устроил Сталин: «Как добрый отец семейства, он заботился о нас, о гостях».

Счастливым Риббентроп покинул советскую столицу через двадцать четыре часа после своего прибытия.

Гитлер принял его в присутствии генералов. Один из них, генерал Йодль, за обедом рассказал о приеме жене. Разговор слышал новый *слуга*. Этого было достаточно. Уже вечером я сообщил Кобе: «Риббентроп заявил: «Я чувствовал себя в Кремле, как среди соратников по партии! Сталин очарован вами».

Более Йодль ничего не поведал. Но уже на следующий день Старшина доложил: после рассказа Риббентропа счастливый Гитлер бегал по канцелярии и орал: «Теперь весь мир у меня в кармане! Завтра мы начинаем войну. Наши враги – маленькие глупые червячки! Они рассчитывали, что Россия станет нашим противником. Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложения англичан. Только английские червячки могли думать, что Сталин настолько глуп и не распознает их вечной цели – загребать жар чужими руками. Россия не заинтересована в сохранении Польши. Причины, по которым мы начнем войну с поляками, западные червячки объявят ложью. Но нас это не волнует. Победителя не спрашивают после победы, правду он говорил или нет. Когда начинаешь войну, главное – не правда, а победа. Прав сильнейший! Будьте безжалостны! Пусть вам будет чуждо сострадание. Тот, кто размышляет о мировом порядке, знает, что главное – успех. И успех достигается лишь при помощи силы. Приказ о нападении на Польшу готов».

25 августа Ворошилов, придя на очередное заседание военных делегаций Франции, Англии и СССР, вынул бумагу и прочел вслух несколько лаконичных строк, написанных Кобой: «Господа! Ввиду изменившейся политической обстановки продолжать наши переговоры не имеет более смысла».

...Я присутствовал на грязном, внутреннем дворе Истории, но именно там она и делается.

# Вторая мировая

30 августа агент, работавший у Геринга в министерстве авиации, прислал одно слово: «Завтра».

Уже на следующий день голоса немецких дикторов задохнулись от негодования. Радио передало срочное сообщение: отряд поляков предательски напал на немецкую радиостанцию в пограничном Глейвице. Гитлер заказал правдивую инсценировку: у нападавших «поляков» (немецких диверсантов, переодетых в польскую форму) были убиты.

Первого сентября в четыре сорок пять утра, согласно директиве Гитлера, началась операция возмездия «Вайс» – нападение на Польшу. Немецкая армия пересекла границу и с трех сторон двинулась к Варшаве.

Последовали ультиматумы от Англии и Франции с требованиями немедленно остановить военные действия и вывести войска с территории Польши.

Риббентроп заявил, что никаких военных действий не ведется, но есть акция возмездия в ответ на захват поляками радиостанции и постоянные польские провокации.

На этот раз не сработало.

3 сентября английский посол принес ноту с объявлением войны.

«Немой» (агент, работавший в ведомстве Риббентропа) описал любопытную сцену.

Верхушка собралась в кабинете Риббентропа, куда и принесли английскую ноту.

Гитлер заорал на Риббентропа:

– Ну и что дальше? Что вы молчите?!

– Дальше? Будет нота Франции. Я так полагаю, мой фюрер... – с несчастным видом сказал Риббентроп.

Наступила тишина. Все замолчали.

Геринг вдруг проговорил:

– Спаси нас, Господи, если проиграем.

Гитлер вздрогнул и как-то испуганно посмотрел на него.

Геббельс сидел, опустив голову, не произнося ни слова.

Все явно были подавлены.

В этот момент информатору Немого пришлось выйти из комнаты...

Кроме того, Немой сообщал, что никакого энтузиазма и патриотических демонстраций на улицах нет, все буднично идут на работу. Люди старшего поколения вспоминают объявление войны в четырнадцатом году. Тогда народ ликовал, приветствуя появление на балконе дворца Гогенцоллернов кайзера Вильгельма, забрасывая цветами маршировавшие по улицам войска. Впрочем, и у нас тогда царь вышел на балкон Зимнего дворца – объявлять вступление в войну. Ликующая площадь в едином порыве опустилась на колени и запела: «Боже, царя храни!»

Где они теперь – кайзер и царь?! И что с ними сделали «ликующие народы»!

Начав войну, Гитлер торопил Кобу вступить в Польшу.

Молотов принес Кобе предложение фюрера, переданное лично Шуленбургом.

«Мы совершенно уверены в окончательном разгроме польской армии в течение ближайших недель. После этого мы оккупируем территорию, которая в Москве была определена как сфера интересов Германии.

Вполне естественно, по чисто военным причинам мы продолжим боевые действия против польских частей и окажемся на территории, являющейся сферой интересов России. Пожалуйста, обсудите немедленно с Молотовым, не предпочтительнее ли для вас самим выступить в нужный момент против Польши и самим оккупировать территорию, относящуюся к сфере русских интересов? Мы считаем, что это не только облегчит наше положение, но и будет соответствовать духу соглашений, подписанных в Москве, а также советским интересам».

10 сентября поздно ночью в Кремле Коба смотрел присланную из Берлина кинохронику.

Гитлер обращается в рейхстаге к немецкому народу... В Гданьской бухте на рассвете стреляют по польским укреплениям пушки немецкого крейсера... Тысячи самолетов в воздухе. Небо буквально закрыто их крылами. Бомбы падают на польские города... Танковая лавина пересекает границу. Веселые лица немецких солдат...

Героическая и жалкая атака средневековой польской кавалерии на немецкие танки...

Растерянный Даладье, гневный Чемберлен. Англия и Франция объявляют войну Германии. Вторая мировая началась...

Нам с Кобой довелось увидеть две мировые бойни. Мы с ним родом из Времени Вселенской Крови.

Коба сказал на даче Молотову:

– Ну что ж, думаю, империалист Гитлер прав: пришла пора рассчитаться с товарищами поляками, как ты считаешь, Вячеслав?

Вячеслав считал так же.

Как я и полагал, мой великий и очень памятный друг никогда не прощал полякам поражения в двадцатых и, главное, своей ошибки в той, проигранной нами, войне.

Миллионная группировка наших войск ждала у границ Польши...

На следующий день в наших войсках читали приказ: «СССР должен остановить кровавую бойню, затеянную правящей кликой Польши против союзной Германии, и помочь восставшим крестьянам Белоруссии, Украины и Польши».

«Учимся понемногу, учимся», – как любил говорить Коба.

В два часа ночи 17 сентября посла графа Шуленбурга, уже привыкшего не спать по ночам, привезли в Кремль. Его торжественно приняли Коба, Молотов и молчаливый Ворошилов.

Коба сообщил послу, что Красная армия в шесть утра перейдет границу.

В ту ночь Коба взял меня с собой на Ближнюю. Утром мы пили чай на новой веранде – Коба, Молотов и я.

Коба сказал Молотову:

– Помнишь Сольвычегодск? Думал ли ты, Вячеслав, когда сменил меня там в ссылке... и не только в ссылке... – Коба подмигнул, Молотов в ответ заговорщически улыбнулся. – Он снял жилье у той же бабы, которую я до того ..., – пояснил Коба. – Дом был тесный, дети спали прямо на полу... По ночам я к ней пробирался на печь, шагая через детей. Ты, наверное, тоже?

Молотов засмеялся.

– Мог ли ты, Молотошвили, представить, что с нами станет? – и, подумав, продолжил: –

Да, началось! Все, как обещал товарищ Сталин: Гитлер громит капиталистическую Европу. Когда-то Ильич предсказал: Первая мировая создаст первую страну социализма... Значит, Вторая мировая... – Он замолчал.

– Ты великий человек, Коба... – заметил я.

– Будет кровь, много крови. Но мы якобинцы. Мы пришли переделать мир. Насилие и кровь и вправду работают, как повивальная бабка Истории. Только так Великая мечта великих большевиков – мировая Революция – станет явью. Они все о ней мечтали – и наглый жид Троцкий, и проститутка Бухарчик. Но большие люди были – Гималаи. Я с ними часто беседую, с покойниками. Ненавидели товарища Сталина. А ведь он осуществляет их мечту. Может быть, мы увидим то, что неплохо предсказал наш поэт. «Только советская нация будет, и только советской расы люди...» – и закончил шутливо: – Впрочем, «большой босс» Вячеслав этого не увидит, его расстреляют за пакт с Гитлером. – Коба посмотрел на часы, заговорщически сказал: – Скоро тебе, Молотошвили, поздравлять твоих друзей немцев со взятием Варшавы!

Он включил радиоприемник. Послышались позывные чрезвычайного сообщения, и раздался торжественный голос Левитана:

– От советского Информбюро. В связи с тем, что Польское государство перестало существовать... – (Это было неправдой, поляки продолжали драться. Лишь 28 сентября падет Варшава.) – и защищая права белорусских и украинских меньшинств, для восстановления мира и порядка в Польше, преодоления хаоса, вызванного развалом польского государства, и оказания действенной помощи польскому народу (!) советские войска вошли в Польшу...

Ради Польши мы ударили в спину Польше!

Коба откликнулся на призыв Гитлера.

# Необъявленная война

Встречая слабое сопротивление отрядов жандармерии и ополченцев, к 19 сентября мы взяли Львов – оккупировали Западную Украину.

18 сентября радио рейха передало совместное коммюнике: «Дабы избежать беспочвенных спекуляций о задачах немецких и советских войск, оба правительства заявляют, что эти действия не имеют целей, которые противоречили бы интересам Германии и Советского Союза».

23 сентября начались переговоры о демаркационной линии между нашими войсками по четырем рекам – Писса, Нарев, Висла, Сан.

25 сентября, как записано в моем дневнике, в Москву вновь прилетел Риббентроп. Его встречали уже как доброго знакомого. Днем он прогуливался по Кремлю, вечером его повезли в Большой смотреть «Лебединое озеро».

Когда он появился в ложе, раздались аплодисменты зрителей, точнее, наших сотрудников. Зал покорно подхватил. Риббентроп все больше «чувствовал себя среди соратников по партии».

Переговоры с министром взял в свои руки Коба. (Точнее, это были переговоры с Гитлером, ибо Риббентроп, как и наш Молотов, ничего не решал без звонка Хозяину.)

Коба был против сохранения даже марионеточного Польского государства. Риббентроп (читай: Гитлер) с удовольствием с этим согласился.

После чего началась торговля государствами и территориями...

Как доносил Старшина из Берлина, Гитлеру пришлось оценить хватку Кобы. Большевик Коба предложил нацисту Гитлеру пару польских провинций, которые, по секретным протоколам, принадлежали нам, но которые немцы уже захватили. За это он потребовал себе добавку – Литву, входившую по секретному протоколу в интересы рейха. Коба решил забрать себе всю Прибалтику.

Гитлер думал о продолжении войны в Западной Европе, ему по-прежнему был необходим Коба. Ненавидя свою уступчивость, он вынужден был пойти навстречу.

Новый договор о дружбе и границе с Германией заключили. Несчастную Польшу разделили в четвертый раз. Мы получили чуть больше половины ее территории.

– Теперь Ильич может спать спокойно. Вся Украина и вся Белоруссия входят в Советскую Россию, – сказал Коба.

Правда, вместе с Ильичом спали спокойно все его друзья, пока Коба делил мир с антисемитом, ненавидящим большевизм...

Но в моих глазах Коба прочел только восторг, вызванный мудростью Вождя.

К нам отошла территория с населением девятнадцать миллионов человек.

Из этой цифры надо отнять около полумиллиона – их Коба отправит в лагеря. Сколько тысяч будут расстреляны, не знаю даже приблизительно. Хотя это мучает меня до сих пор, я ведь присутствовал при расстреле польских офицеров.

Мне нелегко, но должен вернуться к этой истории.

Сразу после завоевания Польши перед Гитлером возникла проблема: что делать с населением? Эту проблему он решал, исходя из принципов расовой теории национал-социализма.

Генерал-губернатором Польских земель Гитлер назначил Ганса Франка. Франк был нацист, изувер, каких оказалось тогда удивительно много среди немцев. Начал он, как положено, с тотального уничтожения евреев. «Конечная цель» – так стыдливо называлась в документах эта акция. Через год, выступая перед эсэсовцами, Франк весело подводил первые итоги: «Я не смог уничтожить всех вшей и евреев за один год, но если вы поможете, цель будет достигнута» (фраза имела большой успех у эсэсовской аудитории).

Одновременно с евреями началось уничтожение польской элиты.

Гитлер выразился ясно: «То, что мы сейчас определили как «руководящий слой Польши», нужно будет ликвидировать. То, что вновь вырастет им на смену, нужно обезопасить, то есть в соответствующее время снова устранить... Чем меньше останется поляков, тем лучше».

Так началась акция под кодовым названием «АБ». Франк так объяснял ее смысл: «Я совершенно открыто объявляю, что эта акция будет стоить жизни нескольким тысячам поляков, прежде всего из руководящего слоя и польской интеллигенции». Цель этого геноцида немцы определили просто: «стереть навеки само понятие «Польша».

Все эти «наставления» были переданы нашими агентами, и я показал их Кобе. Он прочитал и промолчал. Уже вскоре мне пришлось узнать, что Коба размышлял над похожей проблемой: что делать с тысячами военнопленных поляков?

Поляки помнили о нашей недавней борьбе с Гитлером. Если с немцами сражались до конца, то нашим войскам польская армия не оказывала сопротивления, поляки просто отступали или сдавались в плен.

Мы захватили более двухсот пятидесяти тысяч пленных. Их разместили в тюрьмах и лагерях, находившихся в ведении НКВД и Берии. Постепенно солдаты и унтер-офицеры, проживавшие прежде на оккупированной нами части Польши, были отпущены по домам (жившие на немецкой – передавались немцам).

Часть офицеров, жандармов и полицейских разместили по тюрьмам или отправили на работы в шахты. Но «верхушка» офицерского корпуса – генералы, полковники и прочие высшие офицеры (всего около двадцати тысяч человек) – содержалась в трех наших лагерях.

Как любили делать богоборец Ильич и бывший семинарист Коба, эти лагеря разместили в бывших монастырях. Осташковский лагерь – в Ниловой пустыни, Старобельский – в бывшем женском монастыре, и наконец Козельский лагерь – в знаменитой Оптиной пустыни.

В Оптиной жили когда-то провидцы, великие оптинские старцы, здесь бывал Лев Толстой. Сейчас тут расположился лагерь – колючая проволока, собаки и охрана...

Коба отправил меня посмотреть, что там творится.

Зима тридцать девятого – сорокового годов была нестерпимо морозной. В кельях стоял лютый холод. Были оборудованы трехъярусные нары, но все равно мест не хватало. Пленные спали по очереди или прямо на ледяном полу. Не работали баня и прачечная, не было соломы для тюфяков... Я зашел в храм – там вповалку лежали люди, спали прямо в алтаре.

Я написал скромный отчет о вопиющем бедламе и неорганизованности.

Коба прочел, сказал:

– Ничего, в двадцатых они взяли в плен сотню тысяч наших, и нашим тоже было у них ой как не сладко! Теперь пускай терпят! Но с бедламом покончим, порядок наведем...

И он навел желанный порядок.

В лагеря была заслана агентура, завербованы осведомители («осведомы», как у нас их называли), одновременно начались допросы пленных.

К концу февраля стало ясно: ужасающие условия заключения польских офицеров не сломили. Как доносила агентура, они по-прежнему жаждали борьбы, мечтали о возрождении независимой Польши и этим жили. Они дружно отпраздновали День независимости Польши и именины Пилсудского. Бесперывно писали заявления, требовали отпустить их в нейтральную страну – бороться с фашистами.

Как отмечали многие «осведомы», поляки жаждали организовать повстанческое движение на прежних польских землях, нынче немецких и наших.

Но немцы с самого начала договорились с Кобой: пресекать всякие попытки возрождения Польского государства.

Именно в это время, когда Франк проводил акцию «АБ» – уничтожения «руководящего слоя» поляков, Коба решил ликвидировать офицерский корпус, находившийся в его лагерях.

В самом конце февраля сорокового года Коба вызвал меня в Кремль.

В кабинете был Берия. Он докладывал:

– Польских офицеров в лагерях больше двадцати тысяч человек.

– Армия, – мрачно сказал Коба.

– Мы разбросали их по трем лагерям и нескольким тюрьмам, но надо что-то решать с ними, – продолжал Берия.

– Хочешь предложить собрать съезд партии – обсудить этот вопрос? – усмехнулся Коба и повторил зло: – Они – армия. Пусть пленная... Можно, конечно, кормить и одевать всю эту ораву и ждать, когда они поднимут мятеж у нас в тылу. Товарищи старшего поколения, к примеру мы с Фудзи, хорошо помнят мятеж пленных чехов у нас в Сибири...

Я понял.

Берия тоже понял, что хочет Хозяин. И предложил:

– Думаю, эту контрреволюционную сволочь надо срочно *разгрузить*. Проблема эта решаема. Козельский лагерь можем *разгрузить* прямо в Катынском лесу, лес глухой, подчас непроходимый, часть лагеря можно ликвидировать во внутренней тюрьме в Смоленске. В Старобельском и Осташковском лагерях, думаю, удобнее провести разгрузку во внутренних

тюрьмах управлений НКВД.

– Ишь какой решительный – сразу стрелять, – удовлетворенно заметил Коба. – Нет, эта акция серьезная, вопрос о человеческих жизнях... пусть даже жизнях врагов, – рассуждал мой человеколюбивый друг, – и она должна быть санкционирована. Надо собрать Политбюро, ты выскажешь *свое* предложение, объяснишь опасность этих потенциальных противников советской власти...

Как всегда, грязную работу Коба передавал соратникам.

Уже весной сорокового года Берия написал подробную Записку в Политбюро «О польских военнопленных из трех спецлагерей в количестве 14 736 человек плюс 8 632 человек, находящихся в тюрьмах» – с предложением расстрелять их всех, «исходя из того, что все они являются неисправимыми и закоренелыми врагами советской власти».

При этом законность была соблюдена – хотя и в нашем стиле.

В записке предлагалось перед расстрелом вновь рассмотреть их дела. Правда, в особом порядке – без вызова арестованных и без предъявления обвинения. Решение судеб возлагалось на «тройку».

«Тройку» возглавлял Меркулов, первый заместитель и главный друг Берии. Берия вывез его из Грузии. Этот Меркулов происходил из дворянской семьи, получил прекрасное воспитание – играл на рояле, писал акварели, баловался стихами, кажется, в юности учился в Петербургском университете. В жизни он был тихий, даже застенчивый. И оттого Берия обожал заставлять его быть палачом, часто вызывал в кабинет – участвовать в допросах. Не забывавшему свое дворянское происхождение застенчивому дворянину приходилось усердствовать.

Второй член «тройки» – другой заместитель Берии, Кобулов – садист, неизменно участвовавший во всех палаческих операциях. Третий – майор Баштаков, начальник отдела с нашей Лубянки.

Приговор «тройки» за редчайшими исключениями был один – В.М.Н. (высшая мера наказания).

– Мы всех их посылаем на три буквы, – пошутил Кобулов.

Шутка понравилась, и Коба ее повторил.

Помню (но лучше проверить), 5 марта записка Берии о судьбе польских военнопленных рассматривалась на Политбюро. Вечером того же 5 марта Коба вызвал меня и молча положил передо мною эту записку. Члены Политбюро обсудили ее и одобрили. На ней стояли размашистые подписи Кобы, Молотова и неясная – Микояна.

Коба сказал кратко:

– Поедешь и доложишь об исполнении!

Он любил, чтобы соратники участвовали в таких делах. Я тоже был соратник – на свою беду.

Я приехал во внутреннюю тюрьму Калининского управления НКВД ночью. Шел по перрону, когда к другому пути подошел поезд Осташков – Калинин. Увидел, как выгружали поляков. Окруженные конвоирами, они спокойно, неторопливо шагали с чемоданами по перрону. Я знал: им объявили, будто их везут на работу в другой лагерь. Некоторым даже сказали, что везут на свободу в нейтральную страну.

Их сопровождала охрана – конвойные войска НКВД, проводившие эту акцию.

Меня привезли в Управление НКВД по Калининской области, разместившееся в тюрьме. В кабинете начальника управления я увидел знакомое лицо – Блохин, начальник комендантского отдела НКВД. Крепкий мужик, кряжистый, черты лица – будто рубленые, суровые. Он был много моложе нас с Кобой – с 1895 года, но в органах работал уже при Ягоде.

С ним приехали еще пара десятков человек из комендантского отдела, и среди них – люди... из охраны Кобы! Это был «прикрепленный» Хрусталеv и двое других (имен уже не помню, но точно встречал их на Ближней).

Оказалось, они часто участвуют в подобных ликвидациях.

– Набиваем руку, – засмеялся Хрусталеv.

Конвойные неторопливо ели, но на столе стояла одна закуска.

– Выпивка и жратва *после*, – пояснил мне Блохин. – Сейчас харчимся *перед*... Будешь участвовать в деле?

– Нет, просто доложу Хозяину, как все происходило.

– Значит, ты – инспекция. Ну, лады, скоро пойдем. – Он встал из-за стола и пояснил: – В тюрьме – первая партия поляков, их три сотни человек. Им объяснили, что здесь – пересылка и их отправляют в нейтральную страну... Сейчас, после поезда, их по одному проводят в Ленинский уголок... – (Комната в тюрьме, где проводились политзанятия для персонала. Там висели обязательные портреты – Маркса, Энгельса, Ленина, Кобы и членов Политбюро.) – В Ленинском уголке наши товарищи сначала сверят данные. Потом на поляка наденут наручники, конвой приведет его ко мне – в одну из камер.

Мы пошли по коридору. Он открыл камеру.

– Здесь.

В абсолютно пустом помещении под потолком горела голая лампочка.

– Тут ничего не слышно, никаких звуков выстрелов – стены обшиты кошмой. Ставим лицом в стену и в затылок... Нас три десятка участвуют. Думаю, управимся, обслужим все три сотни до рассвета...

Вернулись в кабинет начальника управления. Блохин молча начал переодеваться. Снял новенькую гимнастерку, надел вылинявшую, много раз стиранную. Напялил на голову кожаную коричневую кепку, на руки – кожаные коричневые перчатки с огромными крагами выше локтя и такой же коричневый фартук, закрывающий брюки (я вспомнил, где видел подобный маскарад – при забое баранов). Он засмеялся и сказал:

– Ну, с Богом!

И пошел.

Я подумал: когда он станет кончать меня, последним, что я увижу на земле, будут вот эти краги, фартук и морда в кепке.

Ночь я провел в кабинете... Я слышал топот ног по коридору. Опять наступала тишина, и опять топот... Всю ночь выносили трупы. Через заднюю дверь тюрьмы несли во двор и складывали в крытые грузовики.

Грузовиков было несколько. Наполнив кузов, везли в лес, в окрестности села... Название его, если не путаю, – Медное.

Это место выбирал Блохин. Хвалился, что выбрал удачно – вокруг стояли дачи НКВД и территория хорошо охранялась.

Блохин также привез сюда двух экскаваторщиков, которые, не разгибаясь, трудились всю ночь – рыли траншеи. Туда и бросали тела. Помню, что расстреливали из немецких новеньких «вальтеров»...

И меня до сих пор мучает мысль: не был ли расстрел польских офицеров в наших лагерях *совместной с немцами акцией по уничтожению верхушки польского государства*? Не потому ли она совпала с акцией Франка по уничтожению «руководящего слоя» поляков? И не потому ли в сорок третьем году немцы так легко нашли наше тайное захоронение расстрелянных в глухом Катынском лесу?

Утром, успешно закончив дело, Блохин вернулся в кабинет начальника управления, где я спал (точнее, не спал – всю ночь ворочался) на диване.

В кабинете был рукомойник. Он снял гимнастерку и, фырча, стал весело обливаться водой до пояса.

Потом долго обтирался, вернее, обмывался тройным одеколоном.

– Иначе нельзя, провоняешь порохом и, главное, кровью. У крови – сильный запах. Идешь, плохо вымывшись, собаки от тебя на улице с ужасом шарахаются. Я фартук и краги дома не держу.

Вправду, стоять с ним рядом было нестерпимо – так пахло от него этим одеколоном и еще чем-то... резким, ужасным.

...Потом все расстрельщики собрались в кабинете и пили долго и смертно.

Когда я вернулся в Москву, Коба сказал:

– С Блохиным встретился? Полезный, дельный мужик. Он у Ягоды, Григория (Зиновьева) и Ежова в большом доверии был. Мне Лаврентий на него донос принес. Я велел оставить его в покое, он добросовестно выполняет свою нелегкую, черную работу. В ответ на доверие обещал Лаврентию «еще крепче трудиться над уничтожением врагов». Вот и трудится, – и добавил как-то ласково: – Думаешь, и сам увидишь его работу? – Засмеялся. – Знаю, думаешь!..

Больше туда я не ездил. Но Блохин *трудился* две недели...

В Харькове расстреливали, как и в Калинин, во внутренней тюрьме НКВД, куда поляков доставляли с вокзала в воронках. Их также закопали недалеко от дач работников НКВД, в полутора километрах от села Пятихатки.

Именно в эти дни (такое совпадение) Коба услышал, что верный союзник начал разрабатывать... план нападения на СССР! Ему доложил об этом Берия, получивший данные своей разведки. Мои агенты молчали. О чем Коба не преминул заметить со злой усмешкой. Мои агенты сообщали иное: после Польши Гитлер решил продолжить завоевание Европы.

– Это так, – сказал Коба, – оттого мы ему теперь еще нужнее. И придется ему нам платить и платить!

# Воскресшая империя

Когда немцы наконец взяли Варшаву, Коба решил получить обещанное. Предъявил ультиматум прибалтийским республикам. Он потребовал права ввести на их территорию ограниченный военный контингент и устроить там наши военные базы.

Им пришлось согласиться. По двадцать пять тысяч наших солдат, именуемых «ограниченным военным контингентом», были введены на территорию каждой республики.

22 сентября мы смотрели в Кремле новую немецкую кинохронику: наш совместный с нацистами парад в пограничном Брест-Литовске. Весело маршировали наши и немецкие войска.

Накануне я получил удивительное сообщение от Ефрейтора: «Гитлер сообщил Герингу, что договорился встретиться со Сталиным во Львове». При этом он много говорил о Кобе. Сказал: «Сталин свиреп, как зверь, и подл, как человек. Он рожден, чтобы управлять русскими. Когда завоюем Россию, поставлю его управлять русскими под нашим начальством».

Я тут же сообщил Кобе эту странную дезинформацию о Львове (опустив гитлеровские характеристики Кобы). В ответ Коба мрачно сказал потрясшее меня:

– Принимать мерзавца во Львове будет товарищ Сталин как старший по возрасту. Встреча будет проходить один на один... плюс два человека с каждой стороны – переводчик и адъютант. Переводчиком товарища Сталина будешь ты, Фудзи. Завтра вылетаешь в Бергхоф на виллу Гитлера обговаривать детали встречи.

# Резиденция фюрера

Я прилетел в Мюнхен 8 октября 1939 года.

Накануне Гитлер предпринял демарш, снова всех изумивший.

Неоднократно обещавший мир Европе, нагло нарушавший все свои клятвы и обещания, захвативший Австрию, Чехословакию и Польшу, Гитлер предложил... мирные переговоры! В своем обращении к Франции и Англии он заботливо описывал грядущие ужасы войны, если Европа не примет его предложения о мире, «умолял одуматься», не жертвовать жизнями тысяч молодых людей во имя «бессмысленной войны».

Он, конечно, знал, что «жалкие людишки» (как он называл правительства европейских демократий) после стольких обманов не решатся на новый Мюнхен. Лимит обманов был исчерпан. Но главное сделано – он выступил миротворцем, которого отвергли.

При том, что чуть раньше, в конце сентября (как сообщил Старшина), Гитлер обсуждал план... скорейшего нападения на Францию! Одновременно должны быть захвачены Бельгия, Голландия, Люксембург...

Тогда же геббельсовские газеты старательно писали о восторженных толпах немцев, приветствовавших мудрое миролюбие фюрера. Озадаченные западные политики вынуждены были бесконечно дискутировать, пока он преспокойно... готовился на них напасть!

Думаю, поэтому он спешил встретиться с Кобой, чтобы накануне Великого завоевания Европы сделать наш союз еще теснее.

На военном аэродроме в Мюнхене меня ждали «Мерседес» и двое сопровождавших.

В любимом Гитлером Оберзальцберге, курортном местечке в Баварских Альпах, располагался целый заповедник нацистских вождей... Виллы Бормана, Геринга и известная во всем мире альпийская вилла фюрера, именуемая Бергхоф. Я хорошо представлял это место по кинохронике и описаниям моих агентов. Но оно оказалось прекраснее.

Меня привезли в Бергхоф днем. «Мерседес» долго поднимался по горе и остановился у здания, больше похожего на гостиницу. Здесь находилась Служба безопасности СС.

На шоссе вдоль проволочной ограды стояла огромная толпа. Это были паломники. Они шли сюда со всей Германии. Долго поднимались в гору в надежде увидеть любимого «Народного Фюрера». Но изгородь и заслон эсэсовцев надежно охраняли территорию Бергхофа.

Паломники стояли в священном молчании, боясь потревожить покой любимого фюрера. Перед ними в столь же священном молчании стояла цепь эсэсовской охраны. Обычно, так и не увидев Его, паломники уходили, забрав с собой на память немного земли, по которой ходил Он. Но и это делало счастливыми граждан страны Гете и Бетховена...

Окруженная горными вершинами, трехэтажная вилла Гитлера выступала из лесной чащи... Здесь, в этом земном раю, и были продуманы захваты стран и кропотливое, заботливое, тотальное истребление целого народа.

Огромный белокурый эсэсовец провел меня к трехэтажному зданию. Мы поднялись по парадной гранитной лестнице. Рядом с домом, на площадке, залитой жарким горным солнцем, высокая длинноногая блондинка в шортах играла с овчаркой. Несколько молодых мужчин в мундирах весело участвовали в этой игре.

Кокетливая идиллия – на фоне голубого неба и покрытых снегом вершин. Игруньей была та, о которой столько доносили мои агенты, – Ева Браун. Эту простодушную хорошенькую женщину кто-то назвал «Разочарованием Истории». Гитлер заботливо скрывал ее, народ должен был знать, что у целомудренного Народного Фюрера только одна жена – Германия. Но здесь, далеко от столицы и людских глаз, бедной Еве разрешено было жить с ее земным богом...

Мы прошли в холл в готическом стиле, украшенный мраморными колоннами и гобеленами, и меня ввели в знаменитый конференц-зал. Я увидел знаменитое гигантское окно – стена из стекла, а за ней – горы, все те же залитые солнцем снежные вершины, и далеко внизу зеленая долина с крошечными веселыми домиками... Австрия, его родина.

Он стоял на этом райском фоне. Был он в коричневой рубашке и черных брюках. Помню, что выглядел моложе, чем на фотографиях. Лицо хищное – мясистый угреватый нос-клюв над аккуратно подстриженными усиками и узкими злыми губами. Прядь волос свисала на потный лоб, плечи покрыты какой-то светлой пылью. (Из донесений агента я знал, что это банальная перхоть, с которой Гитлер тщетно борется...) И взгляд – пристальный, хватающий в тиски, беспощадный взгляд льдистых, светло-голубых глаз.

Я поздоровался. Он, по-прежнему молча, пристально смотрел на меня. (Я носил бороду, коротко стриг волосы – короче, делал все, чтобы стать не похожим на своего великого друга.)

Наконец Гитлер отвернулся и, глядя в окно на земной рай, разразился монологом. Говорил баритоном, с явным австрийским акцентом:

– Вы шпион, работавший в Германии под именем князя Д. Мне рассказали, как ловко вы улизнули, обманули слежку. Неужели вы не еврей? Это они обычно спасаются хитростью, но не мужеством. Я знаю, долгие годы вы создавали у нас сеть красных шпионов. Уверен, почти все они были евреями. Многих мы уже навечно разместили в наших лагерях. Поверьте, как только мы сумеем окончательно решить еврейский вопрос, вы потеряете всю вашу агентуру в Германии. Впрочем, при наших новых дружеских отношениях она вам больше не понадобится. Все детали нашей будущей встречи с господином Сталиным вы обсудите с рейхсминистром... – (Борманом). – Он передаст и мое предложение о другом месте встречи. Сообщите господину Сталину, что я высоко ценю его деятельность и с нетерпением жду нашей встречи. – Он подошел ко мне вплотную, и тон его стал очень доброжелателен, голос мягок: – Передайте ему мою личную просьбу. Я кормлю птиц во время прогулок и заметил, что местные птички обожают зерно с вашей Украины. Я хотел бы регулярно получать такое зерно. Попросите об этом господина Сталина.

Он стоял очень близко, у него дурно пахло изо рта, я с трудом выдерживал. Он что-то почувствовал, отступил на шаг и повернулся ко мне спиной.

Аудиенция закончилась.

Когда я уходил, огромное окно начало подниматься, и ветер с гор проник в комнату.

Мне не пришлось отдохнуть после перелета. У «Мерседеса» меня ждал Борман. Я в последний раз обернулся на выступавшую из деревьев окруженную горами огромную виллу...

(Я приехал сюда вновь в семидесятых годах туристом. В помещении службы безопасности была гостиница, где я и остановился. Оказалось, она располагалась здесь и до Гитлера. Но с его появлением хозяина заставили продать ее. Рядом с гостиницей был вход в бункер, выстроенный для фюрера, который нынче можно посетить за две марки. Это

запущенные, полуразрушенные сырые помещения, где когда-то находились роскошные апартаменты Гитлера, Геринга, Евы Браун и Бормана. Спускаться туда я не стал. Вместо этого прошел вниз по дороге пару десятков метров. Здесь, как я помнил, и была вилла. Но теперь все заросло деревьями. Я вступил в этот веселый залитый солнцем лес. С десятков шагов по тропинке – и я увидел сквозь деревья те самые гранитные ступени, по которым когда-то поднимались я и многие тогдашние правители Европы. Ступени – все, что осталось от виллы хозяина тысячелетнего рейха.)

Мы ехали с Борманом по горной дороге. За нами следовала машина охраны с белокурыми высокими молодцами. Воистину ирония: только эти охранники и походили на ту желанную расу, которую не уставали воспевать вожди Рейха. Сами вожди были насмешкой над собственными идеалами. Гитлер – невысокий, узкоплечий, с чересчур длинным туловищем, короткими кривыми ногами и лицом заурядного австрийского буржуа с пародийными усиками, смешно держащий во время выступлений сцепленные руки над причинным местом. Геббельс – крохотный сморчок, жалкий покалеченный уродец, волочивший увечную ногу. Геринг – безобразно растолстевший, с выпадающим громадным животом и расплывшимися, слоновьими чертами лица. Гиммлер – с внешностью ничтожного клерка, этакая хилая канцелярская крыса со срезанным подбородком. Борман – жирный, коротконогий скуластый боксер без шеи, о котором кто-то из них (кажется, Геббельс) сказал: «Если бы карикатуристы нарисовали его фигуру, непременно вышла бы свинья». Антисемит Розенберг, которому насмешница судьба подарила несколько еврейскую внешность... Вся эта компания, требовавшая чистоты расы, удивительно ярко являла ее вырождение...

Борман стал самым близким человеком Гитлера. Как его личный секретарь, он захватил наиважнейшее – распорядился и гитлеровскими деньгами, и бытом. Гитлер проводил в Бергхофе треть своего времени, и Борман жил тогда рядом с ним. Любая прихоть фюрера моментально исполнялась... Как-то Гитлер, прогуливаясь, посетовал, что крестьянский домик у самой горы портит вид. Уже на следующий день он мог любоваться желанным видом – домик исчез.

К дню рождения Гитлера Борман придумал подарок. Построил на вершине одной из гор, окружавших Бергхоф, дом для отдыха фюрера и его гостей. Здесь, выше облаков, Гитлер мог принимать руководителей покоренных стран и своих союзников.

И сейчас по петляющей горной дороге Борман вез меня именно туда.

Всю дорогу он рассказывал, как строили это инженерное чудо и как Гитлер и он заботились о священной Природе прекрасной Баварии.

– Дерево легко уничтожить, а ведь оно растет десятилетиями. Как просто истребить почву с ее нежным слоем, – печалился Борман. – Поэтому мною была поставлена задача перед строителями – не повредить природу. Не разрушать, но созидать! И все технические сооружения сделаны исключительно внутри горы, мы ничем не испортили прекрасный пейзаж.

Эти люди, стиравшие с лица земли целые города, превращавшие в руины целые страны, уничтожавшие в душегубках миллионы, воистину трогательно заботились о деревьях и птичках...

Наконец наш бронированный «Мерседес» остановился у огромных ворот в скале. Над

нами, на вершине скалы, виднелся дом, сложенный из серого гранита.

Ворота отворились, вспыхнули лампы, и «Мерседес» покатился по облицованному мрамором мерцающему туннелю. Через сотню метров остановились у дверей шахты лифта, пробитой внутри горы. Я запомнил массивную бронзовую ручку лифта в виде львиной головы. Внутри кабина сверкала в свете ослепительных ламп бронзой, красным деревом, зеркалами. Лифт полетел вверх по стометровой шахте. И когда мы вышли из скалы наружу, я вскрикнул от восторга.

Это был уют лермонтовского Демона... Снежные вершины горели на солнце. Небо было ослепительно голубым! Окруженный иссиня-белыми шапками, у самого поднебесья высился гранитный дом. Внизу в горной пропасти лежало голубое озеро...

(Американцы называли этот дом «Орлиным гнездом». Во время войны они были уверены, что под ним в скале укрыт целый подземный город. И усердно бомбили скалу... На самом же деле там были только туннель, ведущий к лифту, и шахта самого лифта. Но тот огромный подземный бункер, который они искали, существовал. Как я уже писал, он был вырыт рядом с виллой Гитлера, в двух шагах от нее.)

Борман провел меня внутрь. Гранитные стены, потолок, расчерченный дубовыми балками, и огромный камин караррского мрамора... Дом был стилизован под рыцарский замок.

– Камин – подарок нашего друга Муссолини, – и добавил многозначительно: – Фюрер очень ценит подарки.

(Вернувшись, я рассказал Кобе об этом... «Ага, чтобы иметь возможность потом говорить: «Вот Муссолини подлизался... Вот товарищ Сталин подлизался...» Обойдётся!»)

Сели за огромный стол обговаривать протокол встречи во Львове. Договорились быстро. Главное условие – непременно сохранение встречи в строжайшей тайне.

Когда закончили, Борман сказал:

– Я недаром вас сюда привез. У фюрера есть встречное предложение. Доложите об увиденном господину Сталину. Может быть, он согласится встретиться здесь. Встреча на вершине мира двух Повелителей мира – по-моему, это был бы великолепный символ!

Когда я вернулся и доложил об этом Кобе, он только презрительно рассмеялся.

– Если им хочется в горы, в следующий раз мы пригласим их на вершину Кавказа. Вот это – горы. А у них – холмики!

# Встреча вождей

В ту октябрьскую ночь Москва вымерла.

Город спал. Светились только окна наркоматов. Там сидели бессонные наркомы. Хозяин, бодрствовавший ночами, мог позвонить в любую минуту (лишь под утро, когда Хозяин, как им было известно, шел спать, уезжали отсыпаться и они, и в первой половине дня в наркоматах работали их заместители).

Вдоль пустых улиц стояли цепью люди в форме НКВД. Наряды милиции – у каждого перекрестка. Ждали.

В начале третьего из ворот Кремля выехали несколько автомобилей. На бешеной скорости, меняясь, местами помчались к вокзалу.

Я ехал в машине Кобы.

Маршрут поезда был тщательно подготовлен. Безопасность обеспечивали семнадцать тысяч войск НКВД и тысяча пятьсот пятнадцать человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути дежурили по пятнадцать человек охраны. По линии следования поезда курсировали восемь бронепоездов войск НКВД. Причем никто из охранявших не знал, что они охраняли. Они получили шифровку из НКВД о том, что ночью повезут секретнейшую новую боевую технику.

Днем мы приехали во Львов. Пустая площадь перед вокзалом была оцеплена сотрудниками НКВД в форме и в штатском – в одинаковых темных костюмах.

Два поезда стояли на двух путях – у одного перрона, оцепленного совместной охраной в мундирах СС и НКВД.

Я направился в поезд Гитлера. Коба шел за мной, сопровождаемый адъютантом.

Немецкий состав был раза в три больше нашего и состоял из пятнадцати вагонов. Я знал назначение каждого, Корсиканец прислал список: салон-вагон Гитлера, вагон руководителя прессы, связи, салон-вагон, где Гитлер обедал, два вагона для свиты и частей СС, два спальных и два багажных вагона, две бронеплощадки с зенитными артиллерийскими установками и четырем десятками зенитчиков и так далее.

Я вошел в спальный вагон Гитлера. Прошел мимо нескольких открытых купе, где, как на параде, навтыжку стояли люди в форме – адъютанты, личные слуги... Миновал несколько закрытых дверей (по словам Старшины, где-то там находилась знаменитая ванна Гитлера; подражая Наполеону, он обожал отмокать в ванне).

Фюрер ждал меня в просторном купе, оборудованном под небольшой служебный кабинет. Он был в шинели, хотя погода стояла теплая, градусов семнадцать. Очень по-свойски, я сказал бы весело, как со старым знакомым, поздоровался.

– Герр Сталин ждет вас на перроне, – сообщил я.

Гитлер в сопровождении адъютанта вышел из вагона.

Ему навстречу неторопливо шагал Коба, также сопровождаемый адъютантом.

Приблизившись к нему, Гитлер выбросил вверх ладонь в фашистском приветствии. После чего протянул ее Кобе. Они пожали друг другу руки.

– Я рад нашей встрече, – сказал Гитлер. – Мы держим с вами, герр Сталин, на плечах

земной шар, но на этой тверди нам нужно навести порядок.

Я перевел. Коба молча кивнул. Они отправились к вагону нашего поезда. Коба шагал важно, как всегда медленно, Гитлер – торопливыми мелкими шажками, постоянно обгонял и останавливался, поджидая неспешного Кобу. Я следовал за ними в группе с адъютантами Гитлера и Кобы и немецким переводчиком.

Вагон для переговоров стоял отдельно, впереди нашего состава. Вокруг него – караул из сотрудников НКВД и эсэсовцев в черных мундирах с повязками со свастикой.

Вагон был задуман самим Кобой по образцу царского вагона Николая II. Просторный салон, стол у окна, накрытый зеленым сукном. Два кресла для него и Гитлера и два стула для переводчиков – меня и немца в эсэсовской форме. Коба запомнил мой рассказ о запахе изо рта Гитлера и позаботился, чтобы их разделяло достаточное расстояние.

У дверей встали адъютант Кобы (один из «прикрепленных») и адъютант Гитлера, бритый, в черной форме, с двумя свернутыми рулонами.

– Здесь наши предложения, – пояснил Гитлер, заметив взгляд Кобы.

Он отдал шинель адъютанту и остался в зеленоватой гимнастерке с орденом Железного креста. На рукаве – красная повязка с черной свастикой в белом круге. Коба был в обычном своем темно-зеленом френче.

Начал Коба:

– Неплохо повоевали друг с другом! Как радовались наши враги!

И замолчал, приглашая вступить Гитлера.

– Больше они не будут радоваться, – сказал тот и начал обычное словоизвержение, от которого так страдали его сподвижники. Правда, говорил не торопясь, спокойно, даже рассудительно, и я легко успевал переводить. – Мы в чем-то похожи, герр Сталин, у нас у обоих нищее детство, жалкие отцы. Я слышал, вы учились в семинарии, а я – в церковной хоровой школе. Уже в школе я охладел к религии. Рано понял, что это обман. Думаю, как и вы... В молодости я был беден, как и вы. Делил с бедняками их жизнь. Перед дворцами еврейских богачей слонялись тогда тысячи нас, бездомных, безработных венцев. Мои тогдашние друзья... Я ночевал не раз в сырости и грязи, прямо под мостами, мои товарищи, что еще хуже, шли домой. Вымещать злобу на семье, избивать несчастное существо, которое называлось женой или матерью. А наши богобоязненные лицемеры-буржуа удивлялись, почему у этих граждан нет достаточного патриотизма! Как и вы, я стал революционером, чтобы переделать этот мир. Мы оба пришли к власти в обедневших странах, презираемых европейскими демократиями. Мы оба сделали свои страны могучими. Мы заставили бояться тех, кто еще недавно смел называть наши народы «изгоями»...

В потоке этой вдохновенной речи он неотрывно, цепко глядел на Кобу. Но не находил привычного ответа на лице собеседника. Мой друг был непроницаем. Глаза равнодушные. Он молчал, посасывая трубку.

И тогда Гитлер зашел с другого бока.

– Похожи не только наши жизни, похожи наши убеждения. Я ненавижу евреев, мне показалось, что и вы их не жалуете. Мы оба с вами знаем и умеем общаться с массами. Масса – это женщина. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять слабого. Оба мы презираем жалкие европейские демократии. И оба восхищаемся решительностью друг друга. И смею сказать, учимся друг у друга. Не так ли?

– Согласен, – кратко ответил Коба и снова замолчал.

Слегка приунывший, завязший в неподвижности моего друга, Гитлер немного

приободрился.

– Мы сейчас как Наполеон и Александр. Вы, конечно, помните: Наполеон предлагал Александру разделить мир. Александр должен был получить Восток, Наполеон – Запад. Александр не захотел, и это было грубейшей ошибкой...

– Наполеон, если мне не изменяет память, довольно скоро напал на нас, – усмехнулся Коба.

– Да, и ваш Александр его разбил. И что? Европа как не любила вашу страну до того, так не полюбила и после. Для Европы вы варвары. И меня они называют варваром. Нет, нам определенно есть смысл договориться.

Сам пошутил и сам засмеялся. Роли окончательно распределились. Теперь Гитлер играл веселого удалого парня, Коба – мрачного диктатора. При этом общительный Гитлер как бы заискивал перед ним. Но Коба оставался таинственно непроницаемым.

Наконец Коба заговорил. Сухо и жестко.

– Я хотел бы, чтоб мы сегодня побеседовали напрямую, как положено союзникам. И решили нерешенное.

– И я, – напряженно сказал Гитлер. Он понял: начинается главное.

– Наша разведка доносит, будто в вашем штабе возобновились разговоры о нападении на Советский Союз.

– Совершенно верно, – кивнул Гитлер, – и не только разговоры. – Он крикнул: – Отто!

Бритый адъютант, стоявший у дверей, вошел в купе и щегольски, как фокусник, развернул принесенную карту.

– Это набросок плана нападения на СССР. Он пока не закончен, но закончен будет. Эту «сверхсекретную карту» я делаю известной английской разведке, чтобы она дала уверенность англичанам, будто я вскоре поверну против вас. Это их расслабит. Но мне известна и другая карта. Думаю, она тоже покажется не безынтересной. – Он опять крикнул: – Отто!

Тотчас бритый адъютант как-то весело развернул на столе второй рулон. Это была уже... *наша* карта!

– Я хочу напомнить герру Сталину надпись на ней – «План стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками. Соображения по плану». Это только первая карта... Весь ваш документ на пятнадцати страницах, и столько же карт! У нас они есть все. Особенно мне понравился текст... – Гитлер стал читать приготовленный заранее листок: – «Упредить противника в развертывании и атаковать. Стратегической целью действий войск поставить разгром главных сил немецкой армии и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка – Оломоуц...» И так далее.

Он, улыбаясь, глядел на Сталина.

Коба по-прежнему оставался невозмутим, спокойно сказал:

– Это всего лишь наш ответ на ваш план. Было бы странно, если б его не оказалось.

– Так вот, – улыбнулся Гитлер. – Чтобы не занимать наши штабы ненужной работой, нам следует встречаться чаще... дабы между нами все было ясным...

Коба сделал знак своему адъютанту. Тот принес вино, коньяк и закуски.

Теперь Коба играл радушного хозяина. Как бы предлагая отвлечься от серьезных вопросов, рассказал какой-то анекдот... Потом, к моему удивлению, вдруг спросил:

– Говорят, вы предсказываете будущее?

Гитлер очень оживился:

– Абсолютная правда. В Вене, во дворце, Габсбурги хранили Святое Копье – железный наконечник, пронзивший тело Христа. Этим копьем до них владели Константин Великий, Карл Мартелл, Генрих Птицелов, Оттон Великий и даже Наполеон. Тот, кто им владел, обычно владел и миром. Когда я впервые вошел в помещение, где оно хранилось... со мной что-то произошло... – (Клянусь, его лицо преобразилось. Он странно раскачивался, шептал.) – Я ощутил трепет, озноб по всему телу. Всемогущий Дух встал рядом со мной. Я мог говорить с демонами. Я чувствовал трансформацию собственной природы, полет наверх. И уже тогда я, безвестный человек, исполнился решимости завладеть этим Копьем. И я знал, что завладею! Заняв Австрию, я сделал это в первый же день!..

В этот миг я почувствовал силу, которая исходила от этого человека. Думаю, и Коба тоже. И будто сопротивляясь этой силе, он мрачно, грубо, прервал вдохновенный поток слов:

– Я хотел бы, чтобы ваш Всемогущий Дух помог и нам. И подсказал, что будете делать вы, если мы вскоре нападём на очень недружественную нам Финляндию?

Гитлер как-то огорошено, почти испуганно глядел на Кобу. Наконец пришел в себя и сказал:

– Да, конечно, она входит в сферу ваших интересов. Но финнов любят в Германии. Это светловолосые голубоглазые люди. И кроме того, как вы это сделаете? В отличие от нас, вы член Лиги Наций?

– Нас исключат, – улыбнулся Коба. – Но как и вы, мы спокойно это переживем. «Париж стоит обедни». Финляндия должна быть нашей, каковой она и была всего четверть века назад... И уже после Финляндии мы осуществим, наконец, главный пункт наших соглашений – займем Прибалтику.

Гитлер сидел в растерянности. Он был не готов, потерялся. Он не умел уступать. Ярость, бешенство... Мне показалось, он готов был вскочить! И... не мог! Коба был слишком нужен ему. Они действительно походили друг на друга. Если ненавидели, то навсегда. Думаю, именно в этот момент Гитлер поклялся уничтожить Кобу.

Он долго молчал. Потом сказал:

– Ваша взяла.

Но Коба продолжил:

– Я хочу, чтобы в дальнейшем не только *мы* информировали *вас* о своих ближайших планах. Но и *вы* – *нас*, как полагается честным и добрым друзьям.

– Здесь все просто, – ответил Гитлер. – Вся Европа – это и есть наш план.

– Мы будем только приветствовать это, – очень ласково произнес Коба. – Считайте, что союз Александра с Наполеоном заключен.

Оба встали.

– Я рад был вас повидать. Вы – великий человек.

И Гитлер обнял Сталина. Они были одного роста: Гитлер по-европейски прикоснулся щекой к щеке Кобы, обозначая поцелуй. Коба в ответ по-нашему, по-азиатски, мокрыми губами поцеловал Гитлера. На лице фюрера отобразился почти испуг. На лице Кобы – гримаса, он почувствовал запах гитлеровского рта.

Обратно Коба решил лететь на самолете, чтобы его отсутствие было короче.

По пути на аэродром он веселился:

– Как я умыл этого мудака! Жаль, что никто не узнает!

– Мне кажется, – осторожно сказал я, – война с Финляндией вызовет окончательный разрыв с западными либералами. Я потеряю многих агентов...

– Ты, видимо, хочешь составить оппозицию. Давно не слышал. Зря злишь меня, Фудзи. Я замолчал. Коба продолжал:

– Мне давно кажется, что финны живут *не там*. На нашей границе они не нужны и опасны. Но их трудолюбие очень пригодилось бы в Сибири. Мы сумеем дать им там куда большую территорию. Победа в войне поможет решить и эту проблему...

Я с ужасом, изумлением понял, что мой друг задумал переселить целый народ.

По-моему, он летел в первый и, кажется, в последний раз в жизни. Я был уверен, что он станет бояться или его будет тошнить. Но ничего подобного. Весь полет до Москвы Коба проспал сном праведника...

Мы прилетели в Москву под вечер, и с аэродрома он отправился в Кремль. Приехав, велел немедленно привезти Молотова и кого-то из военных. Не знаю, о чем они говорили, Коба отправил меня домой.

Коба позаботился, чтобы никто тогда не смог узнать о поездке. Охрана, сопровождавшая его вагон, исчезла уже через несколько дней. Думаю, и летчики тоже. Но документ, подтверждающий встречу, вы сможете найти в довольно неожиданном месте...

Перед дверью кабинета Кобы, как я уже писал, сидел дежурный офицер НКВД. Он аккуратно записывал в журнале посетителей, кто, когда и во сколько заходил в кабинет.

Там вы и обнаружите, что в течение двух будних дней великий работяга Коба таинственно отсутствовал в своем кабинете. 18 и 19 октября его там не было. И только поздним вечером девятнадцатого он появился в Кремле. И вот что удивительно. Помню, Берия, знавший о существовании этой записи, принес Кобе журнал и предложил изъять или заменить страницу.

Коба подумал, потом сказал:

– Пусть остается как есть.

До сих пор гадаю: неужели оставил для Истории? Так что коли будете писать книгу о Кобе, сверьтесь с этим журналом.

Впрочем, *вскоре появился и еще один, на этот раз иностранный документ о той встрече.*

Но о нем расскажу позже!

Уже через день я выехал в Лондон.

В Лондоне прочел в газетах сенсацию – наш ультиматум. Мы предложили Финляндии явно невозможный территориальный обмен: Коба потребовал уступить нам районы Карелии, где проходила оборонительная линия Маннергейма, и земли, прилегающие к Ленинградской области.

Переговоры, естественно, зашли в тупик, и вскоре мы объявили: «26 ноября наши войска были неожиданно обстреляны артиллерийским огнем с финской стороны, в результате чего убито четверо и ранено десять человек».

Напрасно финны доказывали, что пушечные выстрелы были произведены с советской стороны, что мы убили собственных солдат.

Это была война!

Коба выучил уроки Фюрера и повторил сценарий немецкого начала войны с Польшей.

Много лет спустя читал я забавные воспоминания маршала Конева. Он описывал, как в присутствии адмирала Исакова и наркома Ворошилова, начиная финскую войну, Хозяин заявил то же, что сказал мне: «Надо будет товарищей финнов переселить подальше. Население Финляндии меньше населения одного Ленинграда, можно их будет отселить...»

Коба умел осуществлять самые грандиозные проекты. Что ж, коли Господь поселил народ *не там*, он исправит ошибку Господа.

Мой давний знакомец финн Куусинен по приказу Кобы тотчас образовал «Правительство Финляндской Демократической Республики» из жалких остатков финских коммунистов, не сгинувших в дни террора. Впрочем, сам «известный деятель коммунистического движения» не знал не только о судьбе своих товарищей, но и о собственной семье – об арестованных сыне и первой жене.

Был ли он информирован, куда Коба придумал переселить его, правительство и народ? Не уверен. Коба давно отвык обсуждать свои решения. Как писал Николай I: «Я не только не разрешаю ругать мои действия, я запрещаю их хвалить. Я никому не разрешаю вмешиваться в мою работу!»

Но финны не позволили Кобе исправить «ошибку Господа». Маннергейм избрал единственно возможную тактику полупартизанской войны и диверсий, к которой не были готовы ничтожные военачальники, оставленные Кобой в живых. Самых талантливых он отправил на тот свет!.. Бездарная стратегия командования, военные неудачи, сто тысяч убитых наших солдат, лежавших на снегу под холодным финским небом, – все это общеизвестно, и это я пропускаю. Гитлер в войну не вмешался, как и обещал. Но финнов щедро снабжал оружием и инструкторами. И как справедливо казалось Кобе, потирал руки, слушая о наших неудачах.

Коба последними словами материл наркома Ворошилова.

Но даже в это трудное время он продолжал получать всевозможные подарки от союза с немцами.

Если мне не изменяет память, уже после возвращения из Львова в самом конце 1939 года состоялись наши торговые переговоры с Германией. К изумлению немцев, их вел сам Коба. Он поразил их умением торговаться. Эти глупцы не видели рынка в Гори, они не понимали, что торговаться умеет и любит любой восточный человек. В детстве Коба виртуозно торговался на базаре из-за курицы, теперь роль курицы исполняли пикирующие бомбардировщики, корабли, локомотивы и турбины...

Неуступчивость немцев тотчас вызывала у Кобы «большое возбуждение», пугавшее их. Он начинал яростно кричать – совсем как их фюрер.

– Цена ваших самолетов завышена! – вопил в исступлении Коба. – Может, вы просто не хотите нам их поставлять? Тогда скажите прямо! Где союзническая поддержка?! Мы оказали вам большую услугу! Из-за помощи вам мы приобрели множество врагов! А вы, вы не хотите сбросить цены!

– Трудный и очень жадный партнер, – вздыхали немцы.

Мой друг побеждал и знал, что победит. Ведь за свою технику немцы получали от нас то, чего лишила их английская блокада: зерновые, пшеницу, хлопок и самое главное – нефть,

много нефти!

Коба оказался для фюрера бесценным даром судьбы, и Гитлер вынужден был мириться с нападением на столь любимую в рейхе дружественную Финляндию.

В Рождество вожди обменялись идиллическими посланиями. Коба написал: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной». Поздравительную телеграмму Гитлера я не помню, но помню, что была она очень доброжелательной...

Гитлеру пришлось терпеть, когда Коба все-таки сумел добиться перелома в войне с Финляндией и заключить мир. В конце февраля сорокового года, накануне подписания этого мира, я вернулся в Москву...

Коба получил желанную территорию Карельского перешейка, побережье Ладожского озера, ряд островов и так далее. Но своей цели он не достиг. Финны остались жить там, где повелел им Бог. Только отныне вместо добрых соседей на нашей границе обитали враги.

# Будем чистить деятелей искусства

Потом состоялся «разбор полетов». Он позвал меня на Ближнюю дачу. Я застал его в бешенстве. Желтые глаза яростно сверкали. Он орал на Берию:

– Сажаем, расстреливаем – все без толку! В твоём ебаном наркомате никто ничего не делает! У Гитлера на столе была карта наших войсковых учений! Уверен, что и наши планы войны с Финляндией у него имелись! А значит – и у финнов! Откуда, спрашивается?

– Я думаю, Иосиф Виссарионович, оттуда же, откуда их карта – у нас. Иностранцы, которыми любит пользоваться товарищ Фудзи, очень ненадежны. Вполне возможно, к примеру, агенты товарища Фудзи порой работают на обе стороны... Да и дома у нас далеко не все в порядке. Взять наших деятелей искусства. Есть у нас отдельные товарищи... я перешлю вам сводки. Какое злопыхательство по поводу наших неудач в Финляндии! Через подобных людей финны могли тоже... Благо Ленинград у них под боком.

Он умело уводил Кобу на любимую тему. Он знал его состояние. Моему другу очень хотелось сорвать свою ярость на ком-то... Или, говоря проще, кого-нибудь привычно расстрелять.

На лице Кобы появилось знакомое опасное раздумье. Походил по комнате, попыхивая трубкой, сказал рассудительно:

– Думаю, здесь у нас и вправду вышла недоработка. Мы на «отлично» почистили партию. Хорошо почистили армию, а вот деятели искусства проскочили. Где списки Ежова? Кстати, как он?.. – как-то мягко, заботливо спросил Коба.

Берия с полуслова научился понимать его и сказал то, что хотел услышать Коба:

– Держался достойно до конца. Перед смертью крикнул: «Да здравствует великий Сталин!»

(Преданность карлика Коба оценил. И случилось редчайшее: родственники «опаснейшего врага народа» остались на свободе и, по-моему, продолжали жить в Москве.)

– Так что там со списками?

Берия начал излагать монотонно:

– К нынешнему времени из ежовского списка ликвидированы Мейерхольд, Бабель и Кольцов. Собираемся потревожить также товарищей Эренбурга, Леонова, Шолохова... еще двадцать человек...

– Все названные вами фамилии следует обсуждать без спешки. К примеру, товарищ Шолохов. В период коллективизации написал мне письмо... искренне написал. Жаловался на чекистов: чтобы узнать, где прячут хлеб, товарищи чекисты поджигали подолы крестьянкам-кулачкам. Я объяснил тогда товарищу Шолохову, что перегибы есть, но они не должны заслонять исторической перспективы – великой пользы коллективизации. Он тотчас понял... Так что понятливых, и к тому же искренних, и к тому же классиков не тронем. Знаменитые писатели Эренбург и Леонов тоже нужны нам в хозяйстве... пока. – Он повторил: – Пока!

– В списке есть товарищ Булгаков. Правда, он сейчас очень болеет – после того как написал ту вредную пьесу.

– Может, это и хорошо, что очень болеет, – сказал Коба задумчиво, – он искренний человек. Не трогайте его, пусть уйдет спокойно...

Не сомневаюсь: уже тогда Коба задумал великий процесс над интеллигенцией. Но

война его остановит.

Разговор о Булгакове Коба не забыл. Как-то в марте 1940 года я был у него в кабинете в Кремле. За окном – капель, серый весенний денек, только что по стране прошел пьяный женский день. И вдруг он сказал:

– Мне передали копию романа, который часто читает дома вслух писатель товарищ Булгаков. Роман, конечно, антисоветский. Печатать нельзя, но ознакомиться поучительно. Интересная там история: полезный дьявол, уничтожающий дьявольской силой всякую погань... Этот дьявол весьма привлекательно описан, как и иные потусторонние силы. Позвони на квартиру товарища Булгакова. Я слышал, он по-прежнему очень болеет. Спроси, не нужно ли чем-нибудь помочь...

Через минуту Поскребышев доложил:

– Соединяюсь с квартирой.

И мы услышали его разговор по громкой связи:

– Это квартира писателя Булгакова?

– Да, – ответил женский голос.

– Это говорят из приемной товарища Сталина. Как здоровье товарища Булгакова?

– Михаил Афанасьевич умер, – ответили на том конце провода и повесили трубку.

– Вовремя позвонили, – усмехнулся Коба и повторил: – Потусторонние силы... Может, не надо... их касаться? С потусторонними силами шутки плохи. Да, все забываю тебя спросить, где же он?.. Нет, не товарищ Булгаков. Товарищ Булгаков я теперь знаю где. Я говорю о польском жидке, который на «ты» с потусторонними силами...

– Товарищ Мессинг... – (так была фамилия «жидка»), – давно ждет приглашения, Коба.

– Помнишь глаза товарища Гитлера, когда он рассказывал про Копье? Говорят, экспедиции в Тибет посылает одну за другой. Астрологов собрал со всего мира. Все ищет контакт с Силой. Говоришь, твой жидок предсказал его гибель?

– Он предсказал даже число.

– Ты веришь в эти глупости? «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Эти слова любил повторять Бухарчик. Кажется, они из Шекспира... Уточни в приемной у Поскребышева. И в воскресенье привези мне волшебника-жидочка, посмеемся. Свободен.

# Потусторонние силы

Но я знаю: Коба в эти «глупости» верил всегда.

Надо сказать, что в начале нашего просвещенного века, в дни нашей молодости люди помешались на потусторонних силах. Появилось множество знаменитых магов. У нас на Кавказе жил тогда некто Григорий Гурджиев. До сих пор помню голый череп, огромные черные усы и взгляд черных глаз, который невозможно было выдержать. Этот философ-мистик, как он сам рассказывал, объехал всю Азию и Африку, посетил все священные древние религиозные столицы, включая Мекку и Тибет. Ходил слух, будто он учился в Тифлисской духовной семинарии в наше с Кобой время, но я никогда его там не видел. Однако с Кобой он был хорошо знаком.

Фантастические опыты Гурджиева были подчас очень рискованные. Один эпизод мне запомнился...

Гурджиев имел немало фанатичных почитателей. Однажды он посадил на скамейку одну свою поклонницу, дочь богатейшего нефтяного короля. Сам сел рядом. И невинная девушка, сидя на скамейке, испытала половой акт и оргазм. Она была потрясена и рассказала отцу. Взбешенный отец приказал убить Гурджиева. Но по приказу Кобы наши боевики отстояли его. После этого благодарный Гурджиев будто бы учил Кобу «беседовать с потусторонними силами». Заметьте, я говорю «будто бы»...

Однако опишу то, что видел собственными глазами. И никогда не забуду. Случилось это в 1935 году.

Я приехал к Кобе на дачу. Мы просидели до полуночи, и он отправился спать. Я перед сном позвонил в Тбилиси. И мой родственник сообщил мне о болезни матери Кобы. В тот вечер со старой Кэкэ случился тяжелый сердечный приступ, но она запретила тревожить Кобу!

Я конечно же решил ему сказать. Позвонил по внутреннему телефону, но, к моему изумлению, он не ответил.

Помещение охраны (где я спал, коли оставался на даче) и комнаты Кобы, как я уже писал, сообщались дверью, и открывать эту дверь без вызова Кобы было категорически запрещено. Но ведь мать! Паукер болел, замещавший его «прикрепленный» без вызова Кобы идти отказался.

И я решился. Отважился толкнуть «священную дверь». Она оказалась незапертой – заскрипела, открылась! Я торопливо пошел по коридору...

Дверь в Малую столовую была отворена. Коба сидел в кресле. Свет был приглушен, горел ночничок у кровати, светился хрустальный, рубинового цвета графин на ночном столике. Огромная муха с каким-то неправдоподобным жужжанием летала по комнате. Коба сидел, странно изменившийся. Лицо вспухло, кожа натянулась, оттого морщины совсем исчезли – молодой человек, да и только! Юноша! И, неузнаваемо помолодевший, он странно дышал. Редко, очень глубоко и шумно... Но самое удивительное – глаза. Огромные, странно расширившиеся остановившиеся глаза не мигая смотрели прямо на меня, но меня... не видели.

Осторожно, на цыпочках я быстро пошел, побежал вон из комнаты.

# Великий интриган

Впоследствии я узнал и иные подробности отношений Кобы с потусторонними силами.

Став генсеком, уже в двадцатых годах он выделил деньги на создание особого отдела на нашей Лубянке. Вы не найдете никаких сведений об этом отделе даже в зарубежных справочниках.

Между тем его возглавлял еще один фантастический человек – некто Блюмкин.

Черноволосый, с горящими глазами, бородой-эспаньолкой – этакий Мефистофель, Блюмкин был воистину наркоманом интриги. Он не мог жить без нее. Был способен создать такую головоломную интригу, что порой сам в ней запутывался. В 1918 году, когда я с ним познакомился, он являлся левым эсером. Левые эсеры в самый первый год после Октября делили власть с нами, большевиками, и Блюмкин работал у нас в ЧК.

В 1918 году мы, как известно, заключили с немцами сепаратный Брестский мир, потеряв огромную территорию. Левые эсеры яростно возражали. Блюмкину его партия поручила убить немецкого посла Мирбаха и этим убийством взорвать позорный мир.

Правда, по появившимся впоследствии слухам, одновременно Блюмкин явился к Ленину. Ибо он уже не верил в эсеров. Он сообщил Ильичу о готовящемся убийстве посла и предложил интригу: большевики дадут ему возможность убить Мирбаха (который слишком много знал о связях большевиков с немцами), а после Блюмкин поднимет восстание эсеров, и большевики получат возможность разгромить их и изгнать из власти.

Все так и произошло. И вскоре после убийства Мирбаха, восстания эсеров и подавления этого восстания эсер Блюмкин... стал большевиком. Он был амнистирован, работал в Реввоенсовете и какое-то время являлся фактическим секретарем и охранником Троцкого. Троцкий обожал молодого Блюмкина, он сказал о нем: «У Революции должны быть молодые любовники».

После того как Троцкий перестал быть главой Реввоенсовета, Блюмкин вернулся к нам, на Лубянку. Работал в иностранном отделе, но в Москве не засиделся. Отправился паломником в Тибет, Афганистан и Индию. Потом присоединился к экспедиции Рериха в Гималаях (Рерих, конечно, не подозревал о месте работы Блюмкина). Задачей Блюмкина была организация революционного движения на Востоке – все та же мировая Революция. Именно в этих экспедициях он буквально заболел оккультными идеями. Вернувшись, попытался организовать на Лубянке секретный отдел для изучения «сил мозга». Это была первая наша разработка психотропного оружия...

Коба объявил все это шарлатанством... и одновременно выделил средства на его исследования!

В конце двадцатых Блюмкин стал главой всей нашей агентурной сети на Ближнем Востоке. Для финансирования и одновременно прикрытия своей работы он придумал фирму по торговле антикварными книгами. Фирма процветала и давала ему возможность легальных поездок по Палестине. Для нее ОГПУ конфисковывало старинные еврейские и арабские манускрипты по всему Союзу.

Эти книги сделали Блюмкина специалистом по каббале и позволяли ему все глубже погружаться в оккультные знания.

Блюмкин участвовал в создании нашего наградного знака «Почетный работник ВЧК-

ГПУ». Знак был создан в 1922 году в честь пятилетия нашей организации. И только удостоенным этой награды было известно его мистическое значение.

Удостоился его и я...

Знак представлял собою овальный обруч из серебра (серебро – металл, связанный с Луною, символом всего тайного, секретного). Этот овал был переkreщен мечом с острием, направленным вниз (касанием меча, направленного вниз, масоны устанавливали магическую связь между братьями). На меч наложен наш герб – серп и молот, определявший главную нашу задачу – косить серпом и убивать молотом врагов. На весь знак в свою очередь наложена римская цифра V, покрытая красной эмалью. Она должна была читаться как «Пятилетие» и одновременно «Victory» – Победа. А красная эмаль – это огонь, пожар Мировой Революции, который мы взяли заpalить.

Повторюсь, Блюмкин не мог без интриги, и интрига его в конце концов погубила. Возвращаясь на Родину через Стамбул, он не смог не встретиться с жившим на одном из Принцевых островов бывшим своим шефом – Троцким. Блюмкин предложил ему передать письма его прежним соратникам. Троцкий написал письмо самому язвительному и самому умному – Радеку. Хорошо зная Блюмкина, я уверен, что он, как всегда, затеял двойную интригу. С одной стороны, решил вновь войти в доверие к Троцкому, чтобы впоследствии иметь возможность его... ликвидировать! С другой, он, обожавший Троцкого, захотел послужить павшему Льву и попытаться оживить оппозицию. Полтора месяца он встречался с Троцким. И прежняя любовь окончательно победила. Как он заявил потом в показаниях, «личное обаяние (Троцкого), драматическая обстановка его жизни в Константинополе, информация, которую он мне дал при беседе, – все это подавило во мне дисциплинарные соображения, и я предоставил себя в его распоряжение».

Он составил для бывшего патрона записку о положении оппозиции в СССР и планы работы с оппозиционерами. Бедный Блюмкин слишком долго жил за границей и не понимал, что с оппозицией в СССР Коба навсегда покончил.

Вернувшись в Москву, Блюмкин тотчас передал письмо Радеку и приготовился ждать, когда Радек сообщит о содержании друзьям-оппозиционерам. Но Коба хорошо выучил прежних оппозиционеров. Не раскрывая письма, Радек отдал его Кобе и доложил о «курьере».

Думаю, к тому моменту Блюмкин уже проникся атмосферой и понял свой смертельный промах. Он заметался по Москве. Сначала попытался затаиться, лечь на дно. Но это было слишком скучно. Он встретился со своей прежней любовницей Лизой Р-г. Встреча была столь пылкой... что он рассказал ей о свиданиях с Троцким. И совершил тем самым очередную ошибку – он категорически не понимал *новой* страны. Увидев ужас на ее лице, спохватился, сказал, что решил покаяться перед ОГПУ и партией. Как было положено, Лиза немедленно сообщила моим начальникам Агранову и Москвину о любовнике, встречавшемся с Троцким. В ОГПУ разработали план ареста, в котором главное участие приняла конечно же «пылкая Лиза».

Во время ареста Блюмкин успел крикнуть ей: «Прощай, Лиза! Я знаю, меня предала ты».

Она лишь пожала плечами – давний работник Иностранного отдела Блюмкин обязан

был понять все раньше...

Его отвезли на родную Лубянку. Он постарался умереть красиво. Перед расстрелом выкрикнул:

– Да здравствует мировая Революция! Да здравствует ее вождь товарищ Троцкий! – И запел Интернационал.

При обыске на квартире Блюмкина изъяли множество рукописей о работе мозга, тибетских монахах, оккультную литературу и его разработки.

Все эти книги и рукописи забрал Коба. Именно тогда он сообщил мне о малоизвестном, но «очень любопытном польском жидке». Он прочел о нем в бумагах Блюмкина, который состоял с ним в переписке.

# Чудесный Вольф Мессинг

Так его звали. (Забавно, после снятия Москвина-Трилиссера нашим иностранным отделом короткое время руководил старый партиец по фамилии... Мессинг, кстати, тоже польский еврей. Излишне говорить, что в 1937 году заботливый Коба его расстрелял.)

Но «мой» Мессинг был его однофамилец.

Вольф Мессинг с легкостью читал мысли людей, как читают газету. Уже в двадцатые годы о нем пошла слава. С ним искали встречи и разговаривали величайшие люди века – Ганди, Эйнштейн, Фрейд... Мессинг иногда ездил по Риге на автомобиле... с завязанными глазами!

Коба, видимо, следил за удивительным магом. Во всяком случае, он оказался отлично осведомлен о всех его подвигах в те годы. И однажды сказал мне:

– Поезжай в Варшаву и разузнай подробнее про товарища. Вдруг он и есть Вечный жид, – прыснул в усы. – И если правда то, что о нем пишут в газетах, привези его к нам.

Перед поездкой я заново просмотрел всю иностранную печать. И нашел то, что так занимало Кобу. В 1937 году, выступая в одном из театров Варшавы, в присутствии тысяч людей этот Мессинг предсказал гибель Гитлера – в 1945 году.

Это предсказание перепечатали все европейские газеты. Гитлер тотчас оценил голову нового еврейского Нострадамуса в двести тысяч марок. Это меня обнадежило – значит, Мессинг должен был бояться за свою жизнь.

Мне очень повезло. Я приехал в Варшаву, когда произошло событие, о котором написали все польские газеты. У князя Чарторыйского пропала бриллиантовая брошь. По оценке ювелиров, она стоила не менее восьмисот тысяч злотых – сумма по тем временам фантастическая.

Но дело было даже не в цене. Как передавала сплетня, предок князя был другом императора Александра I и одновременно любовником красавицы императрицы (к которой наш царь был непонятно холоден). И брошь являлась ее подарком любовнику-князю.

Все попытки отыскать этот дар любви оказались безрезультатны. Никаких подозрений у князя Чарторыйского не было: чужой человек практически не мог пройти в хорошо охраняемый замок. В своей многочисленной прислуге князь был уверен – эти люди работали у него не один десяток лет и очень ценили свое место. Приглашенные частные детективы не смогли распутать дело.

И тогда, как написали газеты, князь вызвал в замок Вольфа Мессинга.

На это своеобразное представление князь пригласил нескольких друзей...

Одним из моих польских агентов был обедневший аристократ, аккуратно сообщавший мне обо всех намерениях правительства. (В Польше я исполнял свою обычную роль грузинского князя Д. И он понятия не имел, что работает на ненавистный СССР. Он был уверен что я, князь Д., организовал в Совдепии монархическое подполье и хочу знать о замыслах польских властей по отношению к большевикам.) Он являлся хорошим знакомым князя Чарторыйского. И я попросил его раздобыть для нас с ним приглашение на удивительное зрелище.

Мы все собрались в огромной зале и ждали знаменитого гипнотизера, когда вошел лакей и объявил:

– Господин Мессинг приехал и просит всех пожаловать вниз.

Мессинг стоял у вешалки, где гости оставляли свои пальто.

Он выглядел очень картинно: иссиня-черные волосы до плеч, бледное лицо, гипнотические глаза-буравчики из-под широкополой черной шляпы, длинный черный плащ.

Когда все спустились, он молча сбросил плащ на руки лакею и остался в черном костюме. Не произнося ни слова, подошел к мраморной лестнице, ведущей на второй этаж в парадные комнаты. Мы последовали за ним...

Внизу у лестницы стояло чучело огромного медведя (ему в лапы гости клали визитки).

Здесь Мессинг остановился, постоял у чучела, будто разглядывая его, и вдруг отрывисто приказал:

– Отрежьте ему голову!

– Но этот медведь был убит моим прадедом на охоте! – вскричал изумленный князь.

– Отрежьте ему голову, – холодно и зло повторил Мессинг.

Князь со вздохом кивнул лакею. Принесли топор, лакей ударом топора срубил голову. Она покатила по паркету, и из нее, звеня, посыпалось... На пол вывалилась целая куча блестящих предметов – позолоченные чайные ложечки, елочные украшения, кусочки цветного стекла от разбитых бутылок. Была там и драгоценная брошь...

После чего Мессинг назвал несчастного вора. Им оказался слабоумный мальчик, сын одного из слуг. Выяснилось, что так он кормил «голодного» медведя – засовывал ему в пасть найденные блестящие побрякушки.

Вечером в замке было застолье в честь ясновидца. После застолья Мессинг отправился в свою комнату. И вскоре к нему пожаловал я – через окно. Он не испугался. Равнодушно посмотрел на меня.

– Вы знаете, зачем я пришел?

Он усмехнулся, ответил:

– Вы хотите предложить мне уехать в СССР.

– И ваш ответ?

– Сейчас не время, но потом мне придется там жить.

Я с изумлением смотрел на него.

– Больше я ничего не знаю, – хрипло прошептал он.

Вот тогда мы и договорились, через кого ему связаться со мной, если он решит приехать к нам.

Вернувшись, я доложил Кобе о случившемся. Он помолчал, потом сказал:

– Достань мне этого Вечного жида. Хоть укради.

Но красть не потребовалось. После того как немцы вошли в Польшу, Мессинг, как было условлено, связался с моим агентом. Тот помог ему бежать в Белоруссию на нашу территорию. Уже вскоре я перевез его в Москву.

И вот теперь Коба решил наконец повидать его.

Это случилось в воскресенье. В тот день на даче у Кобы были Берия и я.

Мессинга привезли днем в три часа.

Он вошел и смешно представился:

– Гражданин Мессинг явился по вашему приказанию, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин.

Коба молча смотрел на него. Весь прошлый лоск с него сошел. Теперь это был заурядный пожилой еврей в дешевом костюме.

– Ну и что вы можете?

Ответил с забавным акцентом:

– Что вы хотели бы, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин?

– Для начала расскажите нам, как вы обнаружили в себе ваши надувательские способности.

– «Надувательские способности» обнаружил рано. Маленьким мальчиком ехал в поезде без билета. Вошел контролер. Я спрятался под лавку. Но он меня нашел. Говорит: «Где твой билет?» Тут мой взгляд упал на грязную бумажку на полу, и я протянул ее ему. И в душе молился, чтобы он не арестовал меня. А он... пробил компостером мою грязную бумажку и пошел дальше.

– Ну и как же вы его надули? – спросил Коба.

– Я не надувал его.

– Понятно. Товарищ Фудзи рассказал, будто вы спокойно вышли из немецкой тюрьмы?

– Так. Но совсем *не* спокойно, я очень нервничал, когда проходил мимо охраны. Однако меня пропустили.

– Может быть, и отсюда выйдете... мимо охраны, и она вас пропустит?

– Так. Но когда выйду, что мне делать, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин?

– Подождете у ворот, – сказал Коба.

– До свидания, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин.

– Прощай, так точнее, – улыбнулся Берия.

Коба промолчал.

Мессинг вышел. Берия тотчас снял трубку и позвонил в охрану.

– Сейчас от нас вышел человек. Когда пойдет мимо тебя, задержи его. И доложи об исполнении. Не надо его к нам возвращать. Передашь его моему Саркисову, и пусть отвезет его ко мне на Лубянку.

Коба все так же молча следил за происходящим. Я попытался протестовать.

– Что делать, – вздохнул он. – Они хотят немного поработать с твоим паном предсказателем.

Прошло несколько минут.

– Что-то не звонят, – насмешливо сказал Коба.

– Сейчас позвонят, – заверил Берия.

Прошло еще минут пять.

– Что-то не звонят, – заметил уже я.

Коба мрачно смотрел на Берия. Тот опять снял трубку телефона.

– Включи нам громкую связь, – приказал Коба.

– Алло, – раздался голос охранника.

– Родионов... где он? – спросил Берия.

– Кто? – изумился тот.

– Как кто? Человек, который пошел к тебе.

– Никто не приходил, товарищ Берия.

– Как не приходил? Не мог не приходиться!

– Никто не приходил, товарищ Берия, – убежденно ответил Родионов.

– Позвони на проходную, – велел Коба.

Берия позвонил.

– Кузнецов? Там человек должен был пройти.

– Он прошел, Лаврентий Павлович.

– Как это прошел? А пропуск?

– Он сдал пропуск и прошел, Лаврентий Павлович.

– Какой пропуск?! Посмотри, что написано на пропуске?

– Простите, Лаврентий Павлович... но пропуск куда-то делся... Я сейчас найду... –

ответил растерянный, испуганный голос.

Коба взял трубку.

– Не надо искать. Выйдите из дачи. Если там стоит товарищ по фамилии Мессинг, приведите его к нам. Только вежливо. Понятно?

Мы сидели и... молчали. Охранник ввел Мессинга.

– Ну и как вам это удалось? – спросил Коба.

– Что, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин?

– Как – что?! Пройти незамеченным мимо Родионова и предъявить пропуск, которого не было! – вскипел Берия.

– Просто я захотел, чтоб первый товарищ меня не увидел, а второй товарищ, который отмечает пропуска, наоборот, меня увидел... но с пропуском.

– Как ты это сделал? Ты что, вопросов не понимаешь? – ярился Берия.

– Я не могу объяснить. Я всю жизнь пытаюсь. И не могу...

– Оставь его, Лаврентий, – сказал Коба и обратился к Мессингу: – Вы могли бы предсказать, что будет с Гитлером?

– Ничего нового. Все, что я уже предсказал... Кстати, он будет в Москве.

– Как это будет?

– Я не знаю. Знаю, что будет, но неживой. Я могу сообщить точную дату – 1949 год.

Наступила тишина. Коба вызвал своего нового начальника охраны Власика.

– Отвезешь домой товарища Мессинга. Вам создадут, товарищ Мессинг, все условия для вашей нелегкой работы. Но вы будете иногда помогать товарищу Берии в его нелегкой работе...

– И что это было? – спросил Коба Берию, когда Мессинг ушел.

– Обычный гипноз. Внушение психически неустойчивым людям.

– Хорошо, что ты понимаешь, я пока – нет. Но всю наружку поменяй мне завтра. Найди психически устойчивых, – и добавил уже мне: – Если какие просьбы у него возникнут, докладывай сразу. Но его общение с людьми следует ограничить.

– Мы можем совсем ограничить? – поспешил предложить Лаврентий.

– Разве я это сказал? Этот дегенерат Гитлер, говорят, создал целые институты запредельных наук. Мы, товарищи марксисты, смеемся над этим. Но это не значит, что мы должны отставать... Надо создать группу ученых для изучения этого человека.

# Ликвидация перебежчиков

Весной сорокового года я понял, что меня (в который раз!) пасут. Наружка следила непрофессионально. Думаю, я их засек уже в начале. И сразу понял: это привет от нового наркома.

Берия хотел убрать меня от Кобы. Я решил поговорить со своим другом...

В тот день Коба вызвал меня в Кремль. В кабинете был Берия.

Помню, сперва Коба занялся нашими военнопленными, которых после заключения мирного договора освободили финны.

– Надо хорошенько поработать с этими господами – узнать, кто сам сдался финнам, а кого они захватили в окружении или раненым. Ты предложишь на Политбюро провести такую фильтрацию. Большинству пленных дайте пять-семь лет, не больше. Пусть потрудятся немного на наших стройках, раз воевали трусливо или неумело.

Берия старательно кивал, потом заговорил сам. Он говорил о новых задачах разведки:

– Наша разведка должна изменить генеральные направления своей работы. Ее основной задачей перестает быть борьба с эмиграцией. Главное теперь – подготовка резидентур к будущей войне с немцем.

– Но вот Фудзи жалуется, что после ваших расстрелов наши друзья за рубежом от нас отказываются, – заметил Коба.

– Не с теми работает товарищ Фудзи, он все живет в девятнадцатом году. Нам не нужны нищие идейные либералы. В первую очередь мы должны опираться на влиятельных богатых людей, имеющих выход на руководство своих стран. Они могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей следует искать среди крупных бизнесменов, которым выгодна торговля с нами. А также среди влиятельных политиков с финансовыми проблемами или тех, кто желает получить материалы, компрометирующие соперников, либо деньги на избирательную кампанию.

– Прав, Лаврентий! – сказал Коба. – Иностранцы-засранцы становятся глухонемыми, когда видят деньги, как говаривал Ильич... А Фудзи у нас мышей уже не ловит... Давай теперь к пункту второму: как проходит ликвидация предателей?

(Тогда были созданы специальные *мобильные группы*, убивавшие перебежчиков. Некоторое время я возглавлял одну из них.)

Берия назвал Раскольникову.

Мой старый знакомец, бывший мичман Федор Раскольников, герой Кронштадта, один из отцов Октября, занимал в тридцатых скромную должность нашего постпреда в Болгарии. Во время террора конечно же получил приказ вернуться в СССР. Но он не просто отказался – опубликовал открытое письмо Кобе... Помню, как Коба читал его вслух в кабинете. Надо сказать, читал без купюр: «Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку. Вы сковали страну жутким страхом. С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие своей вздорностью... средневековые процессы ведьм...»

Коба сказал тогда:

– Вот каковы они, старые большевики. Испугался за собственную шкуру – готов жить у врагов Революции.

Коба искренне был уверен, что смерть на нашей родной Лубянке куда почетней.

– Только послушай, как нагло пишет, мерзавец: «Над порталом собора Парижской Богоматери есть статуя святого Дениса, который смиренно несет собственную голову...» Наш бывший товарищ Раскольников утверждает, что он на него не похож. Наша задача доказать товарищу, что он сильно ошибается.

Доказывать Коба поручил мне...

К счастью, все случится легко и быстро. Раскольников решил жить во Франции. Выбор страны был глуп – у нас там имелось полно агентов и среди белой эмиграции, и среди многочисленных французских коммунистов... К тому же, я уверен, Раскольников сильно переживал свой «побег в лагерь врагов». В глубине души он думал точно так же, как Коба. Он тоже был якобинец. В семнадцатом году по его приказу закапывали живыми офицеров в Кронштадте... Короче, от всех треволнений и угрызений сердце его не выдержало, и он очутился в госпитале в Ницце.

Госпиталь находился недалеко от гостиницы, где часто останавливалась английская королева. Там прогуливалось много английской челяди, так что посещения госпиталя нашими агентами были неприметными. Впрочем, лично мне хлопотать не пришлось, все сделали французские товарищи. Раскольников быстро умер в госпитале.

Другой наш перебежчик, Кривицкий... Я его хорошо помню – худой нервный, вечно курил трубку, как Коба. Его ликвидировали уже без меня, в сорок первом. Он уехал в Штаты. Американцы нашли его в гостинице, с револьвером в руке, в луже крови. Все было сработано чисто. Полиция констатировала самоубийство.

Исключением остался Орлов. Коба никогда не говорил о нем. Я очень опасался, что Орлов может выдать наших главных агентов – кембриджскую группу. Но он не выдал...

– Ну а теперь еще вопрос. Важнейший, – сказал тогда Коба. Это был, конечно же, вопрос о Троцком. – До тех пор, пока господинчик живой... – (Коба не любил называть его фамилию), – он и его сторонники будут бросать нам вызов. Хотя, между нами говоря, в его движении нет серьезных политических фигур. Он один. Потому одна успешная акция покончит со всем движением. У вас есть год. Больше не дам! Кто мог бы возглавить это дело? Как думаешь, Фудзи?

– Если это будут те же люди, которые теперь следят за мной, надежда на успех слабая. Они непрофессиональны.

– Ай-ай, Лаврентий, такого орла решил перехитрить! Зачем следишь за Фудзи? Он не понимает! Объясни ему, Лаврентий, – сказал Коба.

Берия с усмешкой вынул из кармана бумагу. Развернул неторопливо:

– Это перевод с английского, – и начал читать: – «Лично и конфиденциально уважаемому Адольфу Берлу-младшему, помощнику Государственного секретаря... По только что поступившим данным из конфиденциального источника информации, после немецкого и русского вторжения в Польшу и ее раздела Гитлер и Сталин тайно встретились во Львове 17 октября 1939 года...» Всего на день ошиблись! «На этих тайных переговорах Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта... Искренне ваш Дж. Эдгар Гувер». Документ подписан шефом ФБР, – продолжал Берия. – Теперь вопрос: откуда они знают? Ведь присутствовали на встрече только двое – товарищ Фудзи и Иосиф Виссарионович.

Коба с интересом следил за нашей пикировкой. Он обожал такие отношения в ближнем окружении...

– Не забудьте сотрудников охраны с обеих сторон, – сказал я.

– И все-таки это странно, – сказал Коба. – Как и наша секретная карта, оказавшаяся на столе у Гитлера. Так что не обессудь, если за тобой присматривают. – И добавил грубо: — Так кто же, по-твоему, мог бы убрать господинчика?

– Кто мог бы, тех на тот свет отправили.

– Сердится. Ну ведь не всех? К примеру, ты остался. Хочешь возглавить операцию?

– Не смогу. Мой испанский плох. – (Троцкий теперь жил в фешенебельном пригороде Мехико.) – Лучше использовать проверенных товарищей, отлично говорящих по-испански... Это прежде всего товарищ Эйтингон, за которым тоже почему-то слежка... Такая же непрофессиональная, как за мной. Он легко ее засек, как и я...

Берия смотрел на меня с ненавистью...

– Эйтингон – это высший класс, он рожден для этой операции.

(Эйтингон был одним из руководителей советской разведки уже в двадцатые годы. Вместе со мной создавал агентурную сеть за границей. В Испании отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и за внедрение агентуры в верхушку фашистского движения. Сумел завербовать одного из главарей фалангистов. Был воистину резидент-хамелеон высочайшего класса. Всегда умудрялся выглядеть как обычный гражданин той страны, где работал. После крушения испанской Революции перебрался в Париж. В Испании он был этакий незаметный пожилой испанец, в Париже – этакий средней руки француз. Типичный месье – без галстука, в мятом пиджаке и шерстяном кепи, которое носил даже в жару.)

– Ну с Эйтингоном мы без тебя разберемся...

Коба посмотрел в бумажку и спросил, знаю ли я испанскую анархистку товарища Меркадор.

Я понял, что все решено и уже обсуждалось до меня.

Я много слышал о Каридад Меркадор. Она была, что называется, «роскошной женщиной». Как положено испанской левачке-революционерке – из самой знатной семьи. В ее роду были вице-губернатор Кубы, послы, министры. Сама же она – прирожденная террористка. В молодости была замужем за каким-то магнатом. Но спокойная жизнь оказалась невмоготу. Ей нравились убогие подпольные квартиры, случайные связи, и главное – нравилось убивать. Она являлась фанатичной левачкой. У нее было несколько сыновей. Один, обвязавшись гранатами, бросился под франкистский танк... Другой, такой же фанатик и красавчик, был под каблуком матери. Я не сомневался: во имя дела она с восторгом отправит сына на верную гибель.

Но я не сказал Кобе, что выбор отличный. Ответил:

– Не знаю.

Я не хотел убивать Троцкого.

Коба молча смотрел на меня. Наконец произнес:

– Жаль. Здесь нужен настоящий боевик. Дом охраняется. Надо ворваться и убить. Убивать – это то, что ты умеешь лучше других. Но почему-то не хочешь! – Не дав мне ответить, он обратился к Берии: – Задача ясна? Ворваться и убить. Кто-то, вероятно, должен будет погибнуть. Объясни участникам: страна и партия никогда не забудут героя и хорошо позаботятся обо всех членах его семьи. Причем просто убить этого господинчика недостаточно. Убить мерзавца надо по-особому, – он походил по кабинету, – уничтожить его подлую голову, которая принесла так много несчастий рабочему классу и которой мерзавец так гордится!..

Больше со мной или в моем присутствии Коба не говорил о Троцком. И отношения ко всему, что потом произойдет, я не имел.

«Стариком» (так мы звали Троцкого в агентурных сводках) занялись молодой Судоплатов вместе с Эйтингоном. Кажется, тогда им выделили кабинет рядом со мной на седьмом этаже Лубянки.

Вскоре я узнал о первом неудавшемся покушении. Художник-коммунист Сикейрос, участник испанской революционной армии, вместе со своей группой ворвался на виллу Троцкого. «Лихой полковник», как прозвали Сикейроса в Испании, оказался бездарным боевиком. Преодолев окружавший дом бетонный забор со смотровой вышкой и охранниками, они проникли в дом. Троцкий с женой заперлись в спальне. Горе-боевики не сумели взломать дверь! Стреляли тоже бездарно. Изрешетили дверь и потолок автоматными очередями. Троцкий с женой прятались под кроватью и остались живы.

В удалой, но глупейшей атаке я узнал почерк Кобы далеких времен нападения на фургон с деньгами. Коба урок понял и больше не вмешивался в дело. Теперь над заданием работал профессионал Эйтингон.

В нем я не сомневался – убьет.

У меня появилось стыдное желание – предупредить Троцкого. Но... не посмел. Далее всем известно. Не прошло и трех месяцев, как операция была закончена.

Эйтингон оставил в покое бетонный забор с вышкой и охраной. Он предпочел преодолеть его иным, довольно банальным способом. Сначала сын Каридад красавец Рамон Меркадор обольстил секретаршу Троцкого, дурнушку Сильвию (кажется, так ее звали). И уже как друг Сильвии и фанатичный троцкист появился на вилле...

Знаменитый финал: Рамон принес Троцкому свою статью. Каридад и Эйтингон ждали его в автомобиле. Пока Троцкий читал статью, Рамон вынул из-под плаща ледоруб и раскрыл ему голову. Видимо, по замыслу Эйтингона, он должен был убить первым же ударом ледоруба и преспокойно уйти. Но Троцкий остался жив. Он завопил от боли. И непрофессионал Рамон не выдержал этого ужасного, нечеловеческого крика. Не нанес второго удара. Вбежали жена и охранник. Рамона схватили. Троцкого чуть было не спасли. Он умер только на следующий день...

Но в дальнейшем Рамон не подвел – не выдал ни своего имени, ни заказчиков. Твердил о личной ненависти к Троцкому – о каком-то возмездии. Его осудили на двадцать лет, но только спустя многие годы и совершенно случайно сумели узнать его подлинное имя.

Я увидел Кобу на следующий день после сообщения о смерти Троцкого. Он просматривал западную прессу. Точнее – фотографии. На снимке в «Таймс» – перевязанная голова отца нашей Революции с закрытыми глазами.

Я вспомнил съезд партии в 1905 году. Восторг зала, приветствовавшего Троцкого на трибуне, и злость никому не известного грузина в зале...

Коба долго молчал, рассматривая газеты.

– Знаешь, Фудзи, будь он честен – он одобрил бы свою смерть. Ведь он мешал великому делу, о котором замечательно писал в своих книгах, – всемирному господству пролетариата. Нет, если бы товарищ Троцкий был честен, он сам себе раскрыл бы череп. Но не захотел. Пришлось нам помогать Революции...

Он посмотрел на меня. Какое торжество было в его глазах! Теперь все вожди Революции

лежали в могилах. Большинство – в безымянной могиле номер один. Крематорий в Донском монастыре уже принял тела Каменева, Зиновьева, Бухарина, Антонова-Овсеенко и прочих, кто так радовался в незабвенную ночь 1917 года в Смольном институте...

Остался один. Он сидел за столом, окруженный шкапами с книгами убиенных вождей. И о чем-то думал, попыхивая трубкой. От его зеленого френча, как всегда, пахло потом, но, повторюсь, никто никогда не смел ему сказать об этом.

Эйтингон не избежит обычной благодарности Кобы – его отправят в тюрьму во времена антисемитской кампании. Уже после смерти Кобы Эйтингона выпускают, чтобы... снова посадить и снова выпустить! Но так и не реабилитируют. И умрет воистину великий разведчик отпущенным на свободу преступником. Мне пересказали его шутку: «Только два звания у нас гарантируют тюрьму – еврей и генерал госбезопасности... Я умудрился быть и тем, и другим».

Итак, я впервые в жизни не захотел убивать. Когда мне исполнилось шестьдесят, я вдруг отчетливо понял: все! Впереди – семьдесят лет. Это конец.

Я никогда не задумывался над прошлым, над итогами жизни, ибо жил только настоящим. Сама моя работа скрывала мою жизнь. Я человек-невидимка. Мой след во времени можно будет отыскать лишь по крови. И эта его подлая фраза: «Убивать – это то, что ты умеешь лучше других»... Хотя точнее было бы сказать: «Это все, что ты умеешь».

Вот о чем я думал накануне самой страшной из войн человечества.

Война, ее начало и действия Кобы в дни перед войной не разгаданы до сих пор. Все, что я читал по этому поводу, далеко от истины.

*Конец второй книги*

*В издании использованы иллюстративные материалы низкого разрешения, находящиеся в общественном доступе. Полиграфические репродукции с подлинными карандашными надписями Сталина отмеченные \* впервые были представлены на выставке «Откровения вождя», организованной московским издательством «Автограф века» в 2009 году*



*И. В. Сталин и Н. И. Бухарин. 1928 год*



*И. В. Сталин и В. М. Молотов. 1939 год*



*Рисунок А. Гитлера. 1929 год*



*Адольф Гитлер и Ева Браун. Бергхоф. 1942 год*



*Д. Д. Шостакович. 1925 год*



*Маринус ван дер Любе, обвиненный в поджоге Рейхстага. 1933 год*



*Горящий Рейхстаг. 1933 год*



*Проект Дворца Советов. 1930 год*



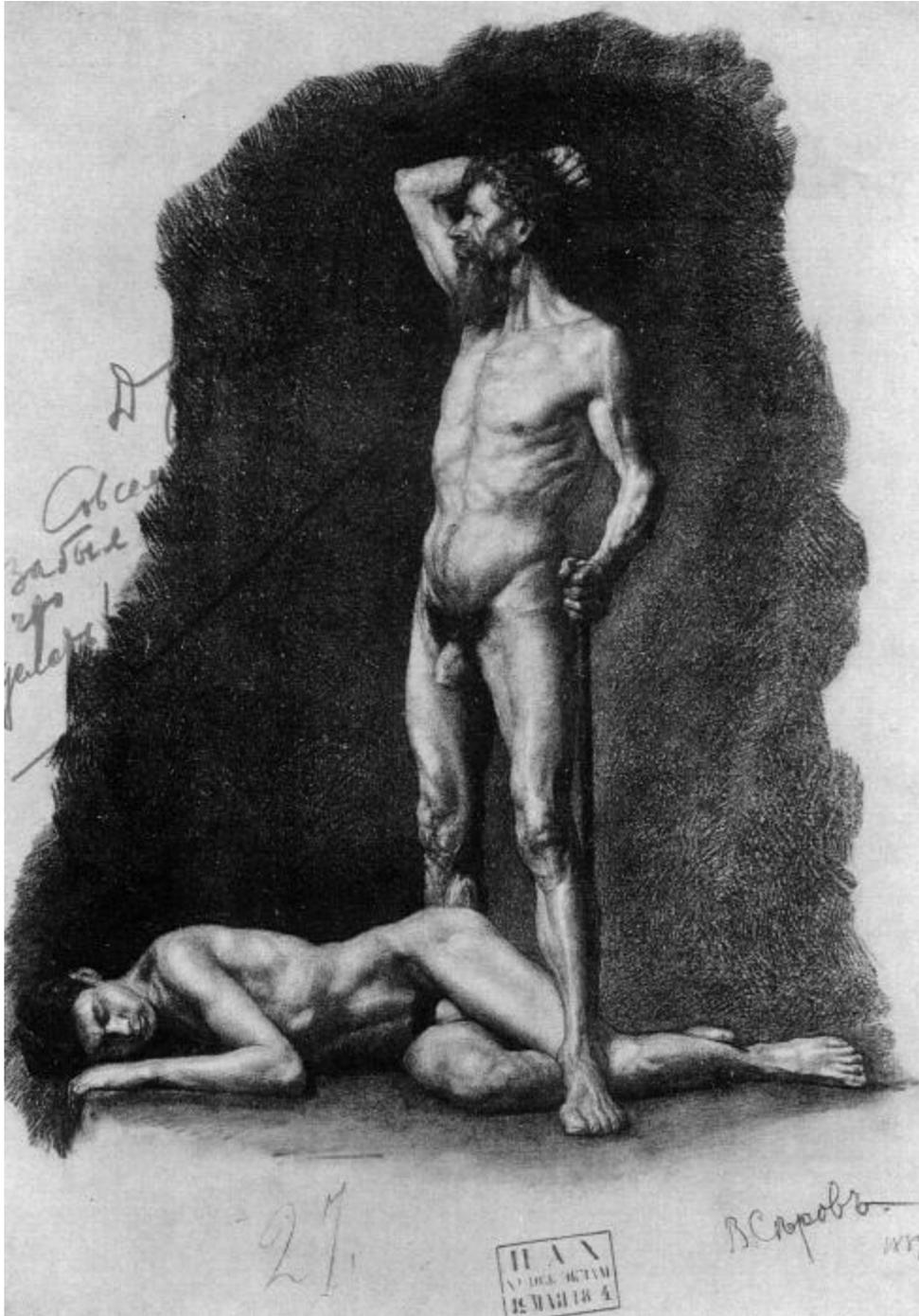
*Анри Барбюс. 1928 год*



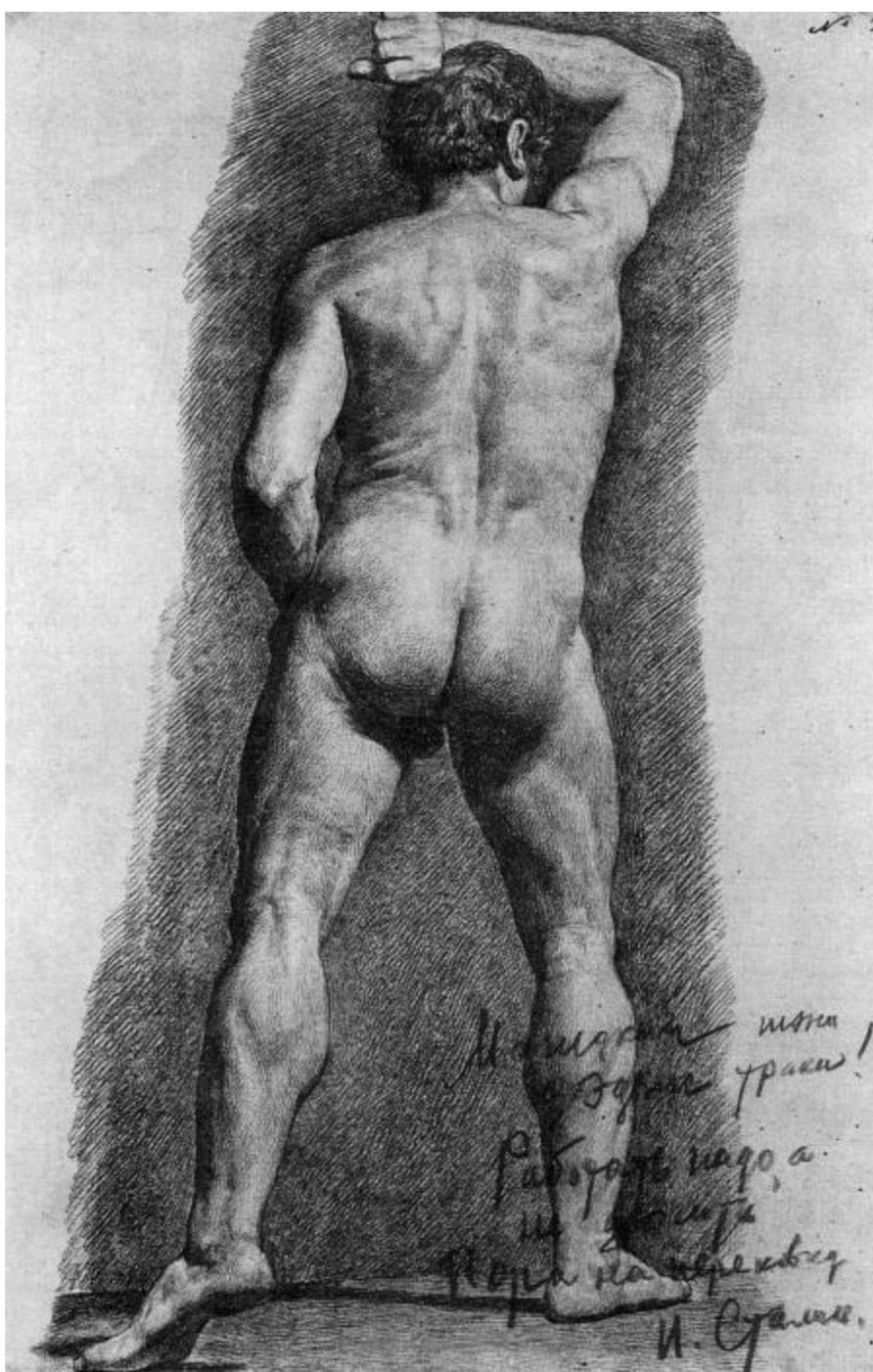
*Визит А. Гитлера в захваченную Польшу. 1939 год*



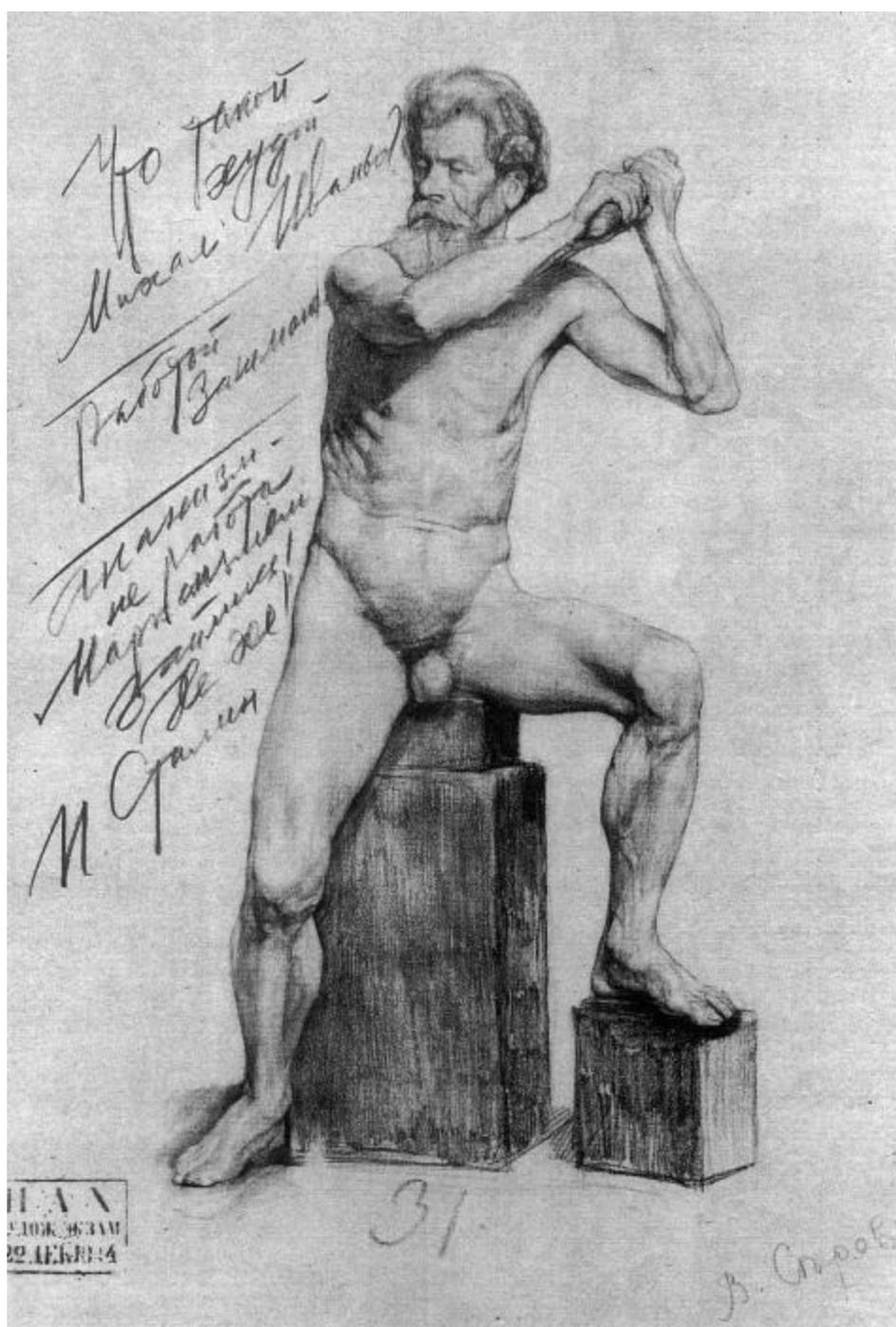
*Большой зал в резиденции Бергхоф. 1936 год*



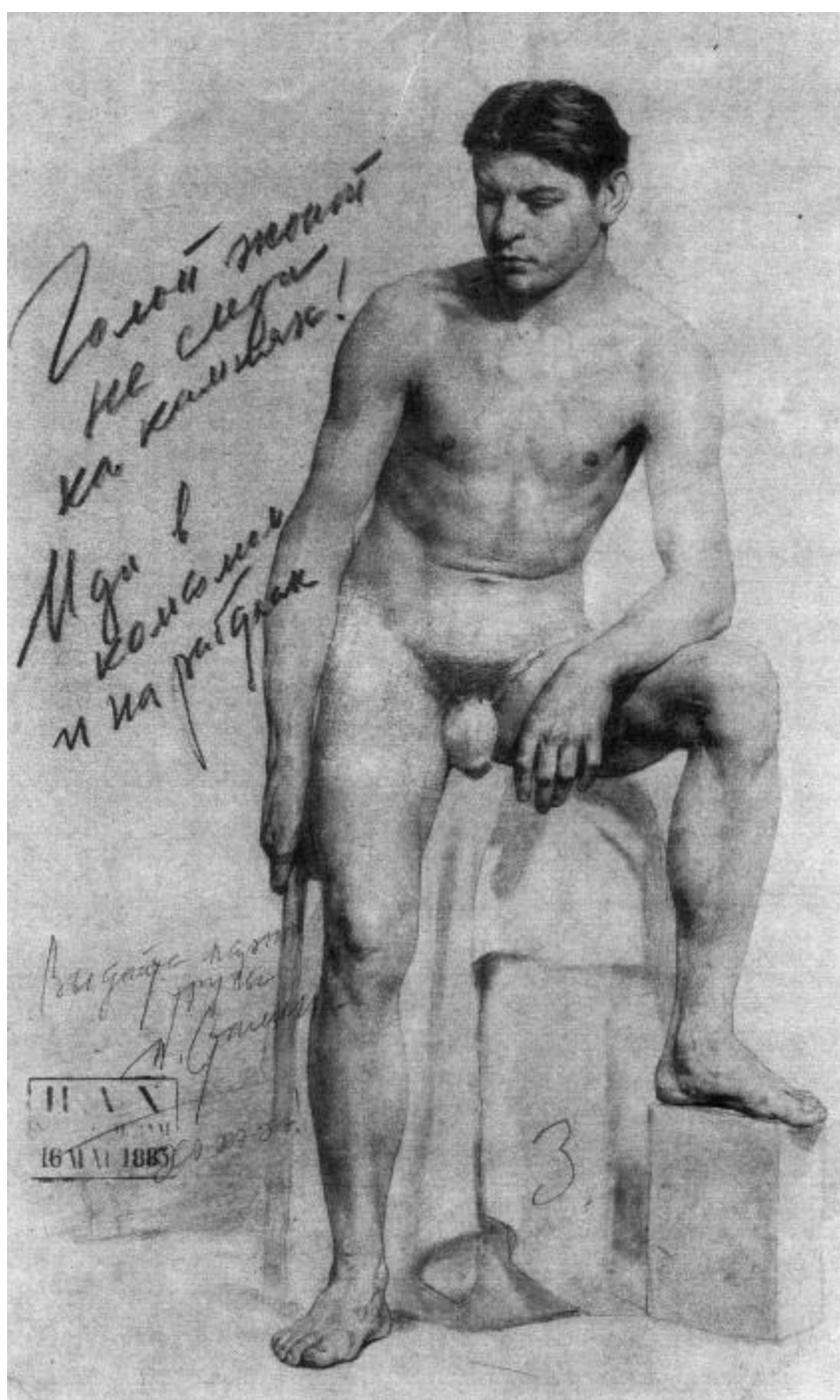
\* В. А. Серов (1865–1911) Натуристки «Дурак!!! Совсем забыл, что делать!..»



\* А. А. Иванов (1806–1858) *Натурищик с положенной на голову правой рукой (со спины)*  
«Могидкам шени дзис траки! Работать надо, а не дрочить. Пора на перековку. И. Сталин»



\* В. А. Серов (1865–1911) Сидящий натуралик. «Что такой худой Михал Иваныч? Работой занимаюсь. Ананизм – не работа. Марксизмом займись! Хе-хе! И. Сталин»



\* В. А. Серов (1865–1911) *Натуристик сидящий (юноша)* «Голой жопой не сиди на камнях!  
Иди в комсомол и на рабфак. Выдайте парню трусы. И. Сталин Хэ-хэ-хэ!»



*М. Н. Тухачевский на суде. 1937 год*



*Первые пять маршалов (слева направо): М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров (сидят), С. М. Будённый и В. К. Блюхер (стоят). 1935 год*



*Леонид Николаев и его жена Милгда Драуле. 1930 год*



*С. М. Киров выступает на XVII съезде ВКП(б). 1934 год*



*М. А. Булгаков. 1930-е годы*



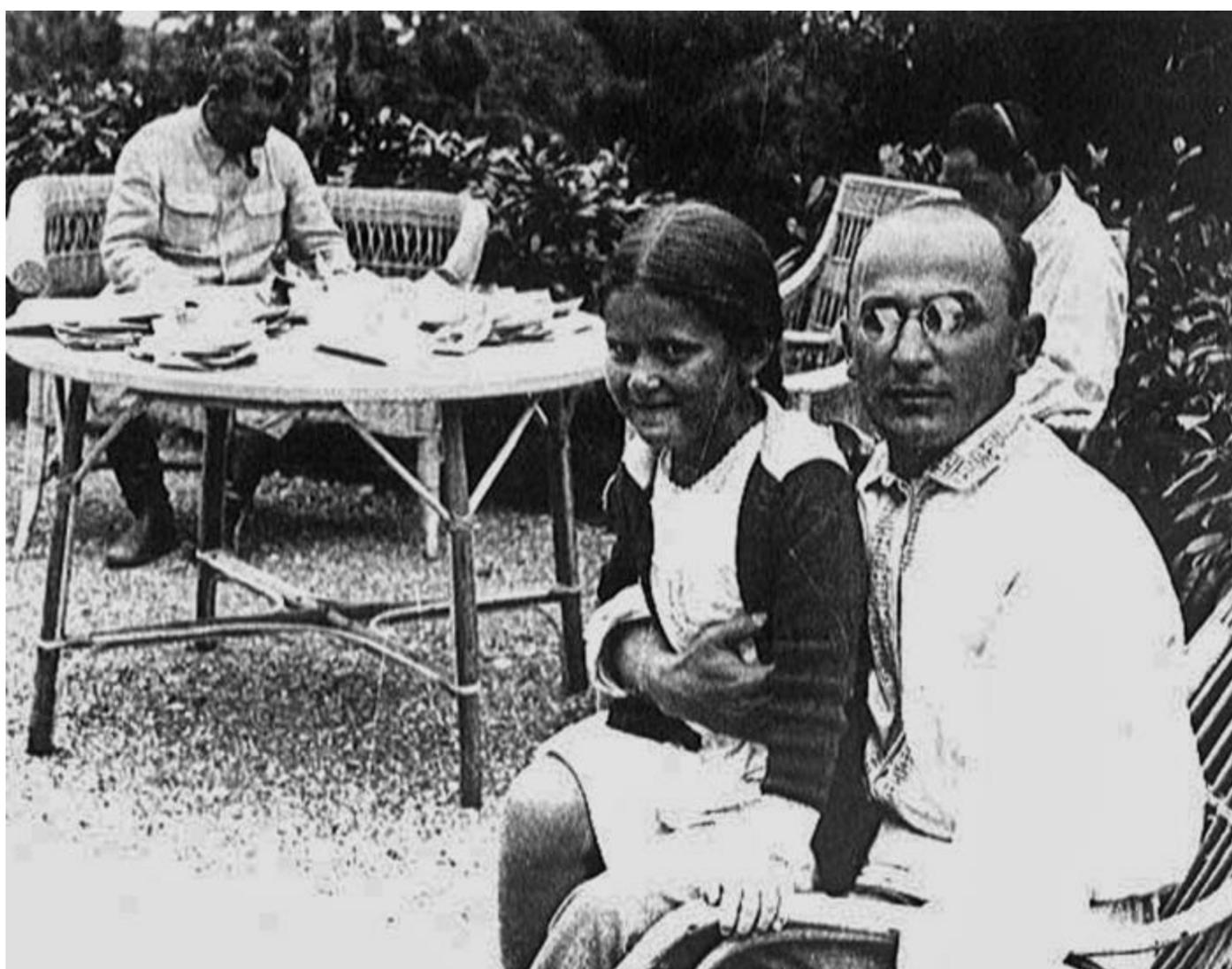
*Лион Фейхтвангер. 1930-е годы*



*И. В. Сталин и Н. И. Ежов. 1937 год*



*Сталин у автомобиля ЗиС-101. 1936 год*



*Л. Берия и Светлана Сталина. 1935 год*



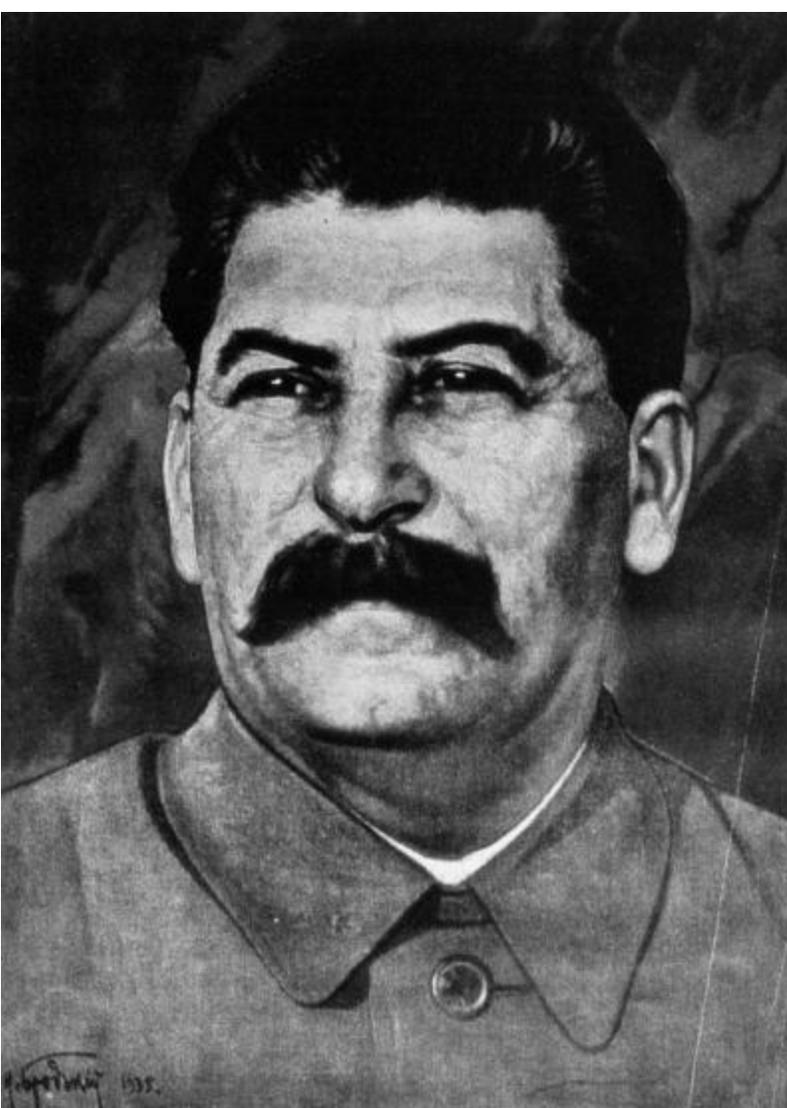
*Защитники на «Шахтинском процессе» знакомятся с документами обвинения. 1928 год*



*Строительство Беломорканала. 1932 год*



*И. И. Бродский Портрет И. В. Сталина. 1928 год*



*И. И. Бродский Портрет И. В. Сталина. 1935 год*